

2023. Vol. 16. Is. 3

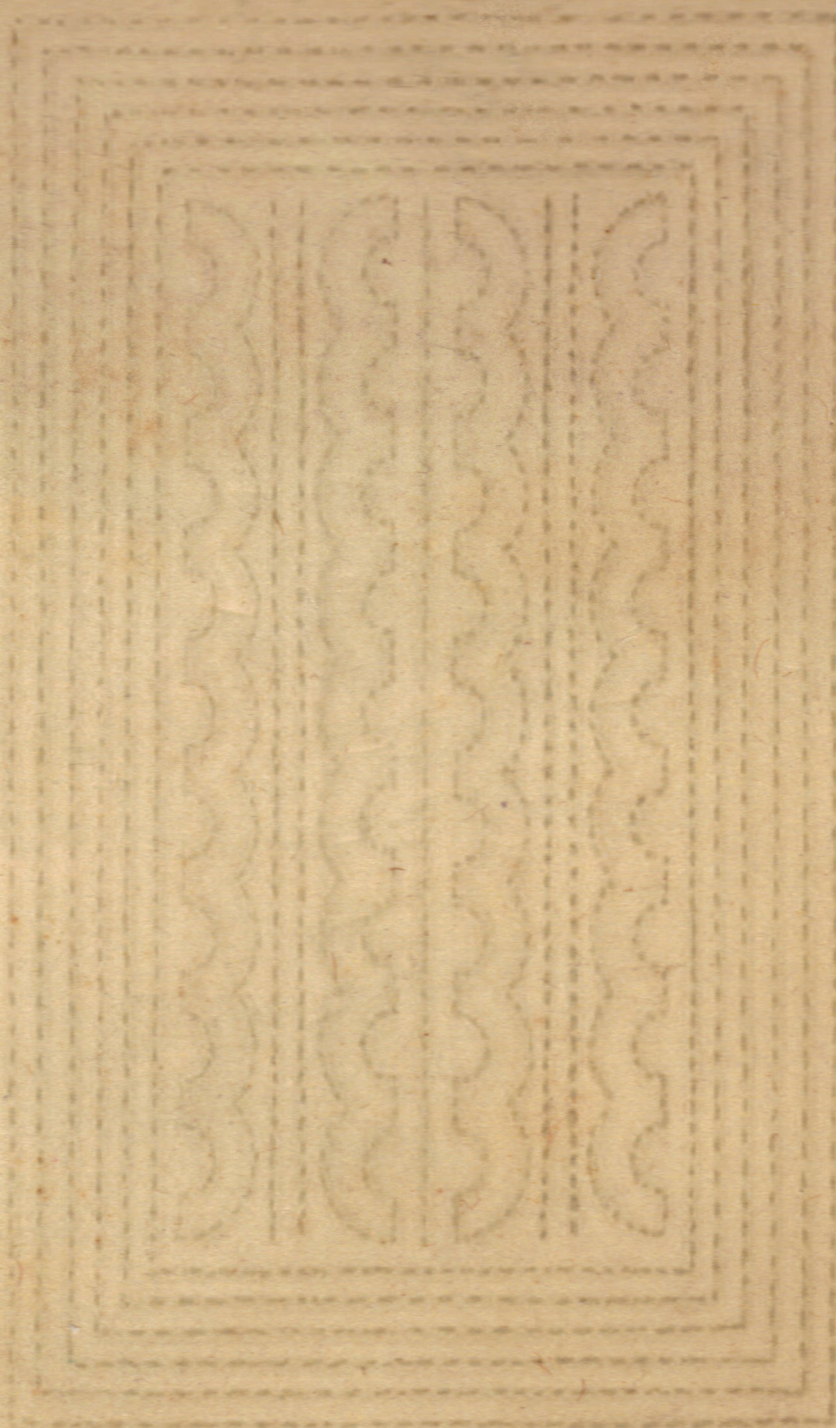
ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2023. Т. 16. № 3

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© КалмНЦ РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record ПИ No. ФС77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
- Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
- Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
- Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
- Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design and page layout: *Dz. Tatninov*

Executive Secretary: *S. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Бобров Л. А.</i> Чагатайские и тимуридские панцирные нарукавья последней трети XIV – начала XVI вв. и их дериваты	464
Отечественная история	<i>Нурғалиева А. М., Амен А. Ж.</i> Увековечение памяти воинов-казахов в Оренбургской и Волгоградской областях	483
	<i>Махмудов З., Титова Т. А.</i> Благотворительная деятельность мусульманского купечества Казахстана в XIX – начале XX в.	495
	<i>Ахмадуллин В. А.</i> Хадж советских мусульман 1966–1967 гг. через призму архивных документов	505
	<i>Базаров Б. В., Плеханова А. М., Нолев Е. В.</i> Столетний путь Республики Бурятия в отражении историографии и исторической памяти	516
Археология	<i>Мамиров Т. Б., Клышев Е. Е., Куандык С. Р., Шагирбаев М. С.</i> Местонахождение Шапи — новый памятник энеолита в Рын-песках Северного Прикаспия	533
	<i>Бембеева Л. А., Лиджикова Т. В.</i> Древние некрополи Ергенин-ской возвышенности: палеодемографическое исследование населения катакомбной культуры (по материалам археологических раскопок 1981–2008 гг.)	548
Этнология и антропология	<i>Монгуш А. М., Айыжы Е. В.</i> Тувинский род монгуш. К историо-графии вопроса	575
	<i>Коломиец О. П., Вуквукай Н. И.</i> Социокультурная ситуация в се-лах Провиденского городского округа Чукотки глазами их жите-лей по полевым материалам 2021 г.	584
Источниковедение	<i>Манджикова Л. Б.</i> О порядке рассмотрения наградных материалов за оспопрививание в дореволюционной Калмыкии XIX в. (на примере архивного дела № 141 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» Нацархива Республики Калмыкия)	602
	<i>Музраева Д. Н.</i> Рукописный сборник на «тодо бичиг» «Sukhvadiyın oğoni bayidal keyigēd irel tobči хугāngγu» ('Краткий сборник, [вклю-чающий] описание страны Сукхавати и благопожелание') из На-учного архива Калмыцкого научного центра РАН: проблемы архе-ографического описания, транслитерации и перевода	616
Фольклористика	<i>Николаева Н. Н., Дампилова Л. С.</i> Функции шаманов в бурятской эпической традиции	647
	<i>Горяева Б. Б.</i> Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжет-ный тип АТ 508 «Благодарный мертвец»	660
	<i>Дампилова Л. С., Хабунцова Е. Э., Эльбикова Б. В.</i> Шаманские ле-чебные обряды западных бурят	673
Литературоведение	<i>Максимова О. А.</i> Два сюжета о тигрице (на материале рассказов из «Гирлянды джатак» и «Сутры о мудрости и глупости»)	682

CONTENTS

General History	Bobrov L. A. Chagatai and Timurid Plated Armguards of the Late 14 th to Early 16 th Centuries and Their Derivatives	464
National History	Nurgalieva A. M., Amen A. Zh. Memorialization of Kazakh Warriors in Orenburg and Volgograd Oblasts	483
	Makhmutov Z. A., Titova T. A. Charitable Activities of Kazakhstan's Muslim Merchants: 19 th – Early 20 th Centuries	495
	Akhmadullin V. A. The 1966–1967 Hajj of Soviet Muslims: Analyzing Archival Documents	505
	Bazarov B. V., Plekhanova A. M., Nolev E. V. Republic of Buryatia: The Century-Long Path in Historiography and Historical Memory . .	516
Archaeology	Mamirov T. B., Klyshev Ye. Ye., Kuandyk S. R., Shagirbayev M. S. The Site of <i>Shapi</i> : A New Eneolithic Monument in the Ryn-Peski Desert (Northern Caspian)	533
	Bembeeva L. A., Lidzhikova T. V. Ancient Necropolises of the Yergeni Upland: A Paleodemographic Study of the Catacomb Population from 1981–2008 Archaeological Excavations	548
Ethnology & Anthropology	Mongush A. M., Aiyzhy E. V. Tuvan Clan Mongush: Approaching the Historiography of the Issue	575
	Kolomiets O. P., Vukvukai N. I. Sociocultural Situation in Villages of Providensky Urban Okrug (Chukotka) through the Eyes of Their Residents: Analyzing Field Materials of 2021. Part One	584
Sources Studies	Mandzhikova L. B. Medal Awarding Procedures for Smallpox Vaccination in Nineteenth-Century Kalmykia: Analyzing File No. 141 of Collection И-2 ‘Kalmyk Affairs Commission’ at the National Archive of Kalmykia	602
	Muzraeva D. N. <i>Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xy-rāngyu</i> (‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’): Archaeographic Description, Transliteration and Translation of the Clear Script Manuscript Stored at Kalmyk Scientific Center of the RAS	616
Folklore studies	Nikolaeva N. N., Dampilova L. S. Functions of Shamans in the Buryat Epic Tradition	647
	Goryaeva B. B. The Grateful Dead: Motif of Assistant in Kalmyk Folktales of AT Type 508	660
	Dampilova L. S., Khabunova E. E., Elbikova B. V. Shamanic Healing Rituals of Western Buryats	673
Literary Studies	Maksimova O. A. Two Plots about Tigress: Analyzing the <i>Jātakamālā</i> and the Sutra of the Wise and the Fool	682

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 3, Pp. 464–482, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.222

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482

Чагатайские и тимуридские панцирные нарукавья последней трети XIV – начала XVI в. и их дериваты

Леонид Александрович Бобров¹

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: [spsml\[at\]mail.ru](mailto:spsml[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бобров Л. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены пластинчатые панцирные нарукавья воинов Чагатайского улуса и империи Тимуридов. *Цель* исследования — выявить основные направления эволюции пластинчатых нарукавий панцирников Чагатайского улуса, империи Амира Тимура и государств Тимуридов в последней трети XIV – начале XVI в. *Результаты.* В ходе исследования установлено, что нарукавья не были редким и экзотическим элементом защитного вооружения, как иногда полагают. На протяжении нескольких столетий они небезуспешно конкурировали со створчатыми наручами и другими видами защиты плеча и предплечья. В исторической перспективе позднесредневековые нарукавья стали одним из проявлений процесса оптимизации и модернизации имперского «чингизидского» доспеха XIII–XIV вв. В периоды развитого, позднего Средневековья и раннего Нового времени сегментные нарукавья применялись панцирниками Южной Сибири, Передней, Средней, Центральной, Южной и континентальной Восточной Азии, однако в различных регионах эволюция нарукавий отличалась определенной спецификой. Основным период бытования нарукавий в Чагатайском улусе, империи Тимура и государствах Тимуридов может быть локализован второй половиной XIV – началом XVI в. Магистральным направлением эволюции нарукавий являлась оптимизация системы крепления пластин (замена ременной системы крепления на заклепочную), а также постепенное повышение эластичности защитного элемента за счет уменьшения размеров пластин. Последнее решение позволило разместить пластины в несколько рядов и расширить площадь защитного покрытия до запястья включительно. Финальной стадией развития панцирных нарукавий мусульманского Востока стали кольчато-пластинчатые панцирные «рукава». Сегментные нарукавья могли носиться в комплекте с корпусными панцирями с пластинчато-клепанной, пластинчато-нашивной, пластинчато-ременной, кольчатой и кольчато-пластинчатой структурой бронирования. Основными потребителями длинных панцирных нарукавий в войсках Тимура и Тимуридов являлись представители знати и командного состава

среднеазиатских армий. *Выводы.* Вытеснение панцирных нарукавий из военного обихода народов Средней Азии было вызвано сменой местной военно-культурной традиции в результате крушения государств Тимуридов в начале XVI в.

Ключевые слова: Чагатайский улус, Тимур, Тимуриды, чагатайский доспех, тимуридский доспех, панцирные нарукавья

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

Для цитирования: Бобров Л. А. Чагатайские и тимуридские панцирные нарукавья последней трети XIV – начала XVI в. и их дериваты // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 464–482. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482

Chagatai and Timurid Plated Armguards of the Late 14th to Early 16th Centuries and Their Derivatives

Leonid A. Bobrov¹

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bobrov L. A., 2023

Abstract. Introduction. The article deals with plated (lamellar) armguards ('oversleeves') used by warriors of the Chagatai Ulus and the Timurid Empire. *Goals.* The study aims to identify key trends in the evolution of plated armguards across the Chagatai Ulus, the empire of Amir Timur, and the Timurid states in the late 14th to early 16th centuries. *Results.* The study reveals oversleeve-type armguards were not that rare and exotic in the then armour patterns as is sometimes believed, and for several centuries the former successfully competed with vambraces and other armour elements supposed to protect shoulders and forearms. In a historical perspective, the late medieval armguards proved somewhat manifested optimization and modernization of the imperial-era 'Genghisid' armour from the 13th and 14th centuries. The High and Late Middle Ages, as well as early modern times, witnessed the use of segmented armguards by armoured warriors across Southern Siberia, West, Central, South, and mainland East Asia. However, evolutionary trends were distinguished by certain specifics in different regions. Such armguards existed mainly in the mid-14th to early 16th centuries. The oversleeve-type armguards were evolutionarily drifting toward the optimization of plate embedding patterns (belts be replaced by rivets), as well as a gradual increase in the elasticity of this armour element via plate size reduction. The latter made it possible to place plates in several rows and expand the protected area up to the wrist. The final stage in the development of such plated armguards across the Muslim East was mail and plate 'sleeves'. Segmented armguards could be worn with body armour characterized by different plate embedding structures (i.e., plates riveted, sewn, laced or connected with pieces of chainmail, as well as onto chainmail only). The main consumers of long plated oversleeve-type armguards in troops of Timur and Timurids were representatives of the nobility and line officers. *Conclusions.* The plated armguards were left behind by Central Asian communities as a result of transformed local military traditions in the aftermath of the collapse of the Timurid states in the early 16th century.

Keywords: Chagatai ulus, Timur, Timurids, Chagatai armour, Timurid armour, laminar armguards

Acknowledgements. The reported study was granted by the Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan (Science Committee), project no. ИРН BR18574101.

For citation: Bobrov L. A. Chagatai and Timurid Plated Armguards of the Late 14th to Early 16th Centuries and Their Derivatives. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 464–482. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482

1. Введение

Исторический период, охватывающий XIII–XV вв., стал важным этапом эволюции комплекса защитного вооружения тюрко- и ираноязычных народов Передней и Средней Азии. На протяжении данного периода указанные регионы входили в состав Великой Монгольской империи, Хулагуидского и Чагатайского улуса, а позднее — империи Амира Тимура и его наследников. В результате монгольского завоевания местное население познакомилось с *паноплией* народов Южной Сибири, восточных районов Центральной, а также континентальной Восточной Азии. В результате синтеза местных, монгольских, цзиньских (чжурчжэньско-киданьско-китайских), южносибирских военно-культурных традиций в Чагатайском улусе сложился оригинальный синкретичный доспешный комплекс, впитавший в себя лучшие образцы защитного вооружения различных регионов Евразии. Пика своего развития он достиг в период правления Амира Тимура и его приемников [Бобров 2011: 21–24, 33, 34, 40, 44].

Передне- и среднеазиатский доспех XIII–XV вв. неоднократно привлекал внимание отечественных и зарубежных специалистов [Gorelik 1979; Горелик 1983; Горелик 1987б; Nicolle 1990: 37–40; Бобров, Худяков 2002: 108–113, 117–121, 143–147, 150, 152–154; Бобров 2003а; Бобров 2003б]. Однако указанная проблематика была исследована весьма неравномерно. Наибольший интерес археологов и оружейников традиционно вызывали боевые наголовья и корпусные панцири, в то время как щиты, панцирные усилители и защита конечностей были изучены в значительно меньшей степени. В тех же случаях, когда речь заходила о защите рук хулагуидских и чагатайских воинов, объектом научного исследования обычно становились различные типы наплечников и створчатых наручей. Достаточно широкое распространение данных защитных элементов среди позднесредневековых латников региона не вызывает сомнений. Однако наплечники и наручи не были единственной формой защиты рук состоятельных воинов Чагатайского улуса и государств Тимури-

дов. Длительное время с ними соседствовали и небезуспешно конкурировали сегментные пластинчатые нарукавья. Этой интересной и слабоизученной разновидности защиты верхних конечностей и посвящена настоящая работа.

Однако прежде чем приступить к анализу источников, необходимо дать определение термину «нарукавье», так как в научных исследованиях он стал использоваться относительно недавно. Здесь и далее под нарукавьем мы понимаем особую разновидность пластинчатой защиты верхних конечностей, состоящую из кованого наплечника и сегментной ламинарной лопасти (с ремennым или клепано-ремennым соединением), прикрывающей руку воина до локтя¹ или до кисти (см. илл. 1: 1). В некоторых случаях защитная лопасть не имела отдельного выделенного наплечника и крепилась непосредственно к корпусному панцирю (см. илл. 1: 3). В отличие от обычных ламинарных и комбинированных (ламельлярно-ламинарных) наплечников центрально- и восточноазиатского образца (см. рис. 1: 8, 11, 13), нарукавья не являлись частью корпусного панциря и могли носиться с различными видами доспеха². В целом они отличались меньшими размерами и большим изгибом составляющих их деталей, что обеспечивало всей конструкции необходимую компактность и эластичность (см. илл. 1: 1–3). Кроме того, элементы нарукавий часто не связывались между собой ремешками (как на ранних образцах ламинарной брони), а наклепывались на продольные кожаные ремни, что обеспечивало функциональную эффективность, надежность и относительную технологическую простоту изделия³.

¹ Самые короткие варианты нарукавий могли прикрывать лишь верхнюю часть бицепса и трицепса.

² Как мы убедимся ниже, ламинарные нарукавья могли дополнять корпусные панцири с пластинчато-ремennой, пластинчато-нашивной, пластинчато-клепанной и даже кольчатой и кольчато-пластинчатой структурой бронирования.

³ По схожему пути пошли и европейские мастера XV–XVII вв. (см. илл. 1: 4). Однако западные аналоги были, как правило, заметно короче

Честь «открытия» данного защитного элемента принадлежит выдающемуся советскому и российскому оружейнику и искусствоведу М. В. Горелику, который первым из отечественных исследователей соотнес изображения на тебризских миниатюрах с подлинными образцами нарукавий, происходящих из памятника *Ийи-Кулак* в Тыве [Горелик 1983: 248, табл. II, рис. 3, 6, 251, 253, 254, 256]. К данной проблематике исследователь неоднократно возвращался и в своих более поздних работах [Горелик 2002: 27, 44; Горелик 2011: 310–325].

Некоторые вопросы, связанные с конструкцией и эволюцией центрально- и восточноазиатских нарукавий, были рассмотрены нами в совместной с Ю. С. Худяковым монографии, посвященной вооружению народов Центральной Азии и Южной Сибири XV – первой половины XVIII в. [Бобров, Худяков 2008: 483, рис. 201; 494, 495]. Кольчато-пластинчатый «рукав» из собрания Музея искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) был проанализирован американским исследователем Д. ЛаРокка [LaRocca 2006: 138, 143].

В то же время необходимо отметить, что позднесредневековые нарукавия народов Средней Азии еще не становились объектом отдельного научного исследования.

Цель настоящей работы — выявить основные направления эволюции пластинчатых нарукавий среднеазиатских народов последней трети XIV – начала XVI в. Хронологические границы исследования определяются временем бытования нарукавий рассматриваемого образца на территории Чагатайского улуса и сопредельных районов Средней и Западной Азии. В исторической перспективе данный период совпадает со временем становления и существования империи Амира Тимура и государств Тимуридов.

Тема появления и развития нарукавий до XIV в. выходит за рамки настоящего исследования. Отметим лишь, что изобразительные и вещественные материалы свидетельствуют, что данный защитный элемент был известен народам Евразии задолго до периода позднего Средневековья. Так, в частности, некоторые разновидности пластинчатых нарукавий, так как в большинстве случаев дополнялись массивными налокотниками, защитой предплечья и кисти.

Пластинчатые нарукавий могли применяться воинами Европы и Азии еще в эпоху Древности и раннего Средневековья [Горелик 1987а: 114, 115, 117–120, 368–370; Горелик 1993: 316, 318, 322, 328; Робинсон 2006: 29–30, рис. 8, 9 б, в].

Однако вопрос о том, имел ли процесс эволюции нарукавий непрерывный или, напротив, дискретный характер, остается открытым. Не исключено, что пластинчатые нарукавия «изобретались» несколько раз, а позднее вытеснялись из военного обихода, чтобы через некоторое время появиться вновь (см. илл. 1: 5–7). В последнем случае некоторое сходство нарукавий разных исторических эпох в различных регионах Евразии может быть обусловлено не военно-культурной преемственностью или прямыми заимствованиями, а очевидностью самих конструктивных решений, обусловленных схожими функциональными задачами и особенностями строения человеческой руки (см. илл. 1: 4). По данной причине вопрос о характере эволюции пластинчатых нарукавий эпохи Древности, раннего и развитого Средневековья требует дополнительного изучения.

2. Источники

Ядром источниковой базы по теме настоящего исследования являются изобразительные материалы, представленные преимущественно тебризскими, гератскими и гиланскими книжными миниатюрами XIV–XV вв. На протяжении рассматриваемого периода изобразительное искусство Передней Азии переживало пик своего развития. Как показали специальные исследования, вооружение воинов на миниатюрах XIV–XV вв. передано с высокой степенью детализации, весьма реалистично и достоверно [Gorelik 1979: 31–51, 56–63; Горелик 1983: 245–268; Горелик 1987б: 172–176, 178–202].

Материалы тебризских и гератских миниатюр хорошо коррелируют с находками подлинных предметов вооружения [Gorelik 1979: 31–51, 56–63; Горелик 1983: 245–268; Горелик 1987б: 172–176, 178–202], что позволяет привлекать их для анализа конструкции хулагуидских, чагатайских и тимуридских доспехов в целом и панцирных нарукавий в частности.

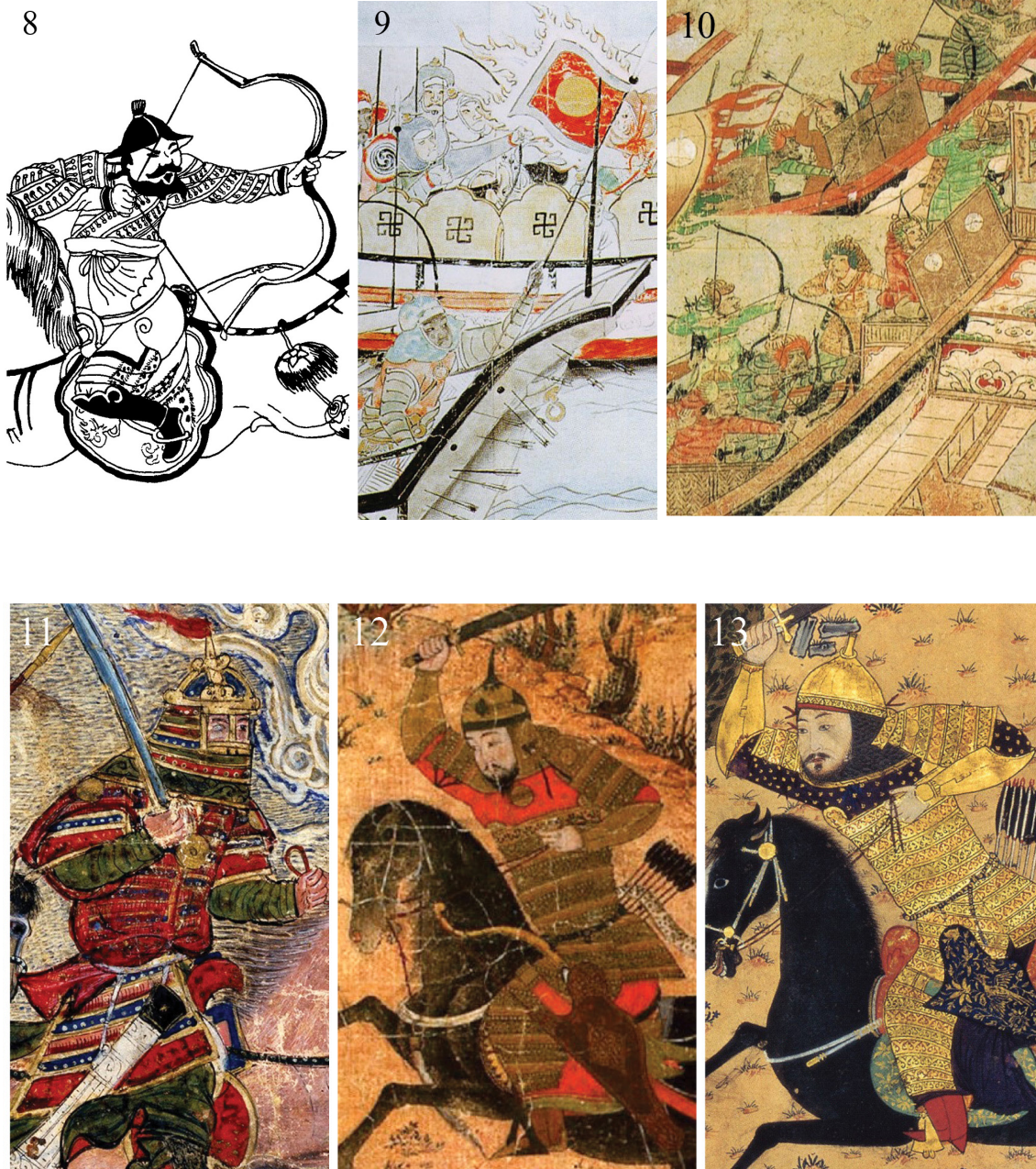

Илл. 1. Нарукавья, наплечники и стеганные рукава народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени:

1–3 — сегментные нарукавья-*бифу* (современные китайские реконструкции); 4 — западноевропейский сегментный наплечник; 5 — Ваджрапани, Куча, Кумтура, VI–VIII вв., ГЭ; 6 — деревянная статуя Дхармапалы, династия Тан (618–907), храм То-дзи, г. Киото; 7 — картина на дереве периода Си Ся (1038–1227), погребение 2 в парке Сицзяо, г. Увэй, пров. Ганьсу, музей г. Увэй;

[Илл. 1. Arm (forearm) guards, shoulder pads and quilted sleeves worn by Eurasian peoples in the Middle Ages and early modern era:

1–3 — *bifu* segmented arm guards (contemporary reconstructions from China); 4 — Western European segmented shoulder pad; 5 — Vajrapani, Qocho, Kumtura, 6th–8th centuries CE, State Hermitage Museum; 6 — wooden statue of Dharmapala, Tang Dynasty (618–907), Tō-ji Temple, Kyoto; 7 — painting on wood from the Xi Xia era (1038–1227), burial 2 in Xijiao Park, Wuwei, Gansu, Wuwei Museum;

8 — юаньская энциклопедия «Шимин гуян ци», XIV в.; 9, 10 — юаньские воины на японском свитке «Сказание о монгольском нашествии», Тоса Нагатака, ок. 1292 г. (9 — копия XIX в.), Императорское собрание, г. Токио; 11 — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, 30-е гг. XIV в., бывшее собрание Демотта; 12 — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, последняя треть XIV в., библиотека дворца-музея Топкапы, г. Стамбул; 13 — «Шах-наме» Фирдоуси, Герат, 1429–1430 гг., библиотека Дворцового музея, г. Тегеран

8 — *Shilin Guangji*, 14th century; 9, 10 — Yuan warriors on a Japanese scroll of *The Tale of the Mongol Invasion*, painting by Tosa Nagataka, ca. 1292 (9 — nineteenth-century copy), Museum of the Imperial Collections, Tokyo; 11 — Ferdowsi's *Shahnameh*, Tabriz, 1330s, former Demotte collection; 12 — Ferdowsi's *Shahnameh*, Tabriz, 1360s–1390s, Topkapi Palace Museum, Istanbul; 13 — Ferdowsi's *Shahnameh*, Herat, 1429–1430, Golestan Palace, Tehran]

1

2

3

4

5

Илл. 2. Изображения нарукавий и наплечников мусульманского Востока последней трети XIV – начала XVI в.:

1, 2 — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, последняя треть XIV в., библиотека дворца-музея Топкапы, г. Стамбул; 3, 4 — «Зафар-намэ» Шараф ад-Дина Али Йазди, Кемаль ад-Дин Бехзад, 90-е гг. XV в., Музей изящных искусств, г. Бостон; 5 — «Зафар-намэ» Шараф ад-Дина Али Йазди, Герат, 1485–1486 гг., Музей искусств Метрополитен, г. Нью-Йорк;

[Ill. 2. Images of arm (forearm) guards and shoulder pads used across the Muslim East in the late 14th to early 16th centuries: 1, 2 — Ferdowsi's *Shahnameh*, Tabriz, 1360s–1390s, Topkapı Palace Museum, Istanbul; 3, 4 — *Zafarnama* of Sharaf ad-Din Ali Yazdi, painting by Kamāl ud-Dīn Behzād, 1490s, Museum of Fine Arts, Boston; 5 — *Zafarnama* of Sharaf ad-Din Ali Yazdi, Herat, 1485–1486, Metropolitan Museum of Art, New York;

3

4

5

6

7

8

9

6 — миниатюра из «Альбомов Мехмеда Фатиха», Западная Азия, XV в., библиотека дворца-музея Топкапы, г. Стамбул; 7, 8 — «Шах-намэ» Фирдоуси, Гилян, 1493–1494 гг., Музей искусств округа Лос-Анжелес; 9 — «Хосров и Ширин» Низами, конец XV – начало XVI в., музей Саларджанг, г. Хайдарабад

6 — miniature from Albums of Mehmet Fatih, West Asia, 15th century, Topkapi Palace Museum, Istanbul; 7, 8 – Ferdowsi's *Shahnameh*, Gilan, 1493–1494, Los Angeles County Museum of Art, Los Angeles; 9 — *Khosrow and Shirin* of Nizami, late 15th – early 16th century, Salar Jung Museum, Hyderabad]

3. Особенности конструкции и оформления нарукавий мусульманского Востока последней трети XIV – начала XVI в.

Вероятно, одни из самых ранних изображений позднесредневековых нарукавий мусульманского Востока мы можем наблюдать на миниатюрах к «Шах-наме» Фирдоуси, выполненных в г. Тебризе в последней трети XIV в. Данные произведения входят в состав так называемых «Альбомов Мехмеда Фатиха», хранящихся в библиотеке дворца-музея Топкапы (г. Стамбул, Турецкая Республика).

Наибольший интерес для темы нашего исследования представляет миниатюра, изображающая кавалерийское сражение двух групп панцирников, одетых в ламинарные, ламинарно-ламеллярные и пластинчато-клепаные доспехи соответственно (см. рис. 2: 1).

Более половины участников батальной сцены носят панцири, дополненные пластинчатыми наплечниками или нарукавьями. И если в случае с воинами в ламинарных и комбинированных ламинарно-ламеллярных доспехах вопрос о конструкции защиты плеч может являться предметом дискуссии¹, то в случае с латником в правой части миниатюры, весьма вероятно, показано именно сегментное пластинчатое нарукавье (см. илл. 2: 2)². Оно состоит из

¹ Не исключено, что их доспехи снабжены обычными ламинарными или комбинированными наплечниками, усиленными дисковидными зеркалами (см. илл. 1: 12). Данный способ оформления ламинарных наплечников известен по иранским миниатюрам более раннего времени (см. илл. 1: 11). Кроме того, на позднейших интерпретациях данной серии изображений, датированных XV в., указанные защитные элементы показаны именно как ламинарные наплечники, усиленные зеркальными пластинами (см. илл. 1: 13). По данной причине мы не можем уверенно отнести к нарукавьям те из изображений, где сегментная защита рук сочетается с ламинарными кирасами различных типов [Горелик 1983: 248, табл. II, рис. 3].

² В пользу данной версии свидетельствует сочетание наплечной пластины и сегментной лопасти с корпусным доспехом с пластинчато-клепанной структурой бронирования («бригандиной», «куяком»). Подобная комбинация разнотипных защитных элементов типична для более поздних изображений, на которых априори

наплечной пластины, украшенной орнаментом или округлой накладкой, и сегментного нарукавника длиной почти до локтя. Предплечье воина защищено створчатыми наручами, а кисть — пластинчатой перчаткой (см. илл. 2: 2). Комплекс защитного вооружения также включает шлем с кольчатой или чешуйчатой бармицей, усиленный зеркалом пластинчато-клепаный панцирь с длинными ламинарными набедренниками и накрестником, створчатые наголенники.

Следует отметить, что на рассматриваемой миниатюре приведено не изображение некой абстрактной битвы, как иногда полагают, а вполне конкретный эпизод противостояния «иранцев» и «туранцев» во время сражения у Темишше. На миниатюре изображен богатырь Манучехр, поражающий копьем в спину предводителя «туранцев» Тура. Именно Тур облачен в пластинчато-клепаный доспех, снабженный нарукавьями (см. илл. 2: 1, 2).

Во второй половине XIV в. прославленное в «Шах-наме» название «Туран» уже достаточно прочно закрепилось за среднеазиатским регионом. Более того, в знаменитой надписи на каменной плите, выбитой во время похода чагатайских войск на Золотую Орду в 1391 г., Амир Тимур прямо называет себя «султаном Турана» [Григорьев, Телицин, Фролова 2011: 121]. В данной связи весьма вероятно, что батальную сцену на миниатюре из «Альбомов Мехмеда Фатиха» следует рассматривать не как простую иллюстрацию к «Шах-наме», а как своеобразную историческую аллегорию. Желая польстить заказчикам произведения или дав волю своим патриотическим чувствам, тебризский художник изобразил легендарную битву под Темишше как победу иранских земляков из державы Джалаиридов или государства Кара-Коюнлу над войсками Чагатайского улуса, выдав желаемое за действительное³. В пользу данной версии свидетельствует тот факт, что «иранцы» и «туранцы» на миниатюре одеты в доспехи и костюмы, характерные, соответственно, для

ри изображены нарукавья, а не традиционные ламинарные наплечники (см. ниже).

³ Как известно, в реальности дело обстояло ровно наоборот. В ходе военных походов последней трети XIV в. Амир Тимур разгромил иранские государства и включил их в состав своей империи.

постхулагуидского Ирана и державы Амира Тимура.

Весьма показательно в данной связи, что наиболее подробные и достоверные изображения пластинчатых нарукавий мусульманского Востока происходят в основном с территории Тимуридских государств и их ближайших соседей. Так, в частности, они показаны на миниатюрах «Зафар-наме», датированных последней четвертью XV в. и иллюстрирующих завоевательные походы Амира Тимура (см. илл. 2: 3–5).

На рисунках знаменитого гератского художника Кемаль ад-Дина Бехзада (ок. 1455–1535/1536) пластинчатые нарукавья носят отдельные состоятельные панцирники и военачальники. В отличие от изображений последней трети XIV в., эти нарукавья отличаются значительной длиной. Они защищают не только плечо, но и предплечье воина, доходя до запястья (см. илл. 2: 3, 4).

В одном случае нарукавье целиком окрашено в серый цвет (см. илл. 2: 3). Вероятно, это указывает на то, что все пластины сегментной лопасти выполнены из железа (стали?). Судя по изображению, нарукавье плотно облегалo внешнюю сторону руки. Оно состояло из одного ряда выпуклых пластин, расположенных таким образом, что верхние нависали над нижними. Края пластин оформлены фестонами. Наплечники (если они были) визуально не выделены. Не исключено, что нарукавье не имеет отдельного наплечника и состоит из одной лишь сегментной лопасти (см. илл. 1: 3; 2: 3). Нарукaвья надеты поверх светло-желтого халата со сплошным осевым разрезом, под которым может скрываться эластичный металлический доспех — кольчуга или кольчато-пластинчатый панцирь¹.

¹ В пользу наличия корпусной брони у рассматриваемого воина с нарукавьями косвенно свидетельствует кольчужная лопасть, прикрывающая бедро и верхнюю часть голени всадника, дополненная кованым полусферическим наколенником, а также богато оформленный конский доспех (см. илл. 2: 3). Крайне маловероятно, что высокопоставленный латник, использовавший шлем, нарукавья, набедренники и прикрывший панцирной попоной своего боевого коня, отказался бы от защиты собственного корпуса. При этом гипотетический корпусный панцирь не может иметь ламеллярную, ламинарную или пластинчато-клепанную структуру, так как

Нарукaвья конного лучника на другой миниатюре К. Бехзада, изображающей захват Хивы войсками Амира Тимура, показаны несколько иначе (см. илл. 2: 4). Длинные сегментные лопасти, составленные из одного ряда выпуклых серых (железных, стальных) пластин, дополнены большими наплечниками с фестончатым краем. Желтый цвет наплечников может указывать как на их позолоченную поверхность, так и на то, что они изготовлены из медного сплава. Нарукaвья дополняют защитный комплекс, включающий цилиндрикоконический шлем с бармицей, крытый красной тканью пластинчато-клепаный панцирь с небронированным подолом и железные набедренники с позолоченными или медными наколенниками.

Еще одно подробное изображение длинных нарукавий можно наблюдать на миниатюре к «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди, выполненной в Герате в 1485–1486 гг. В данном случае нарукавья носит сам Амир Тимур (см. илл. 2: 5). Как и в предыдущих случаях, пластины нарукавий переданы серой краской, т. е. выполнены из стали. Верхний ряд нависает над нижним. Однако на данной миниатюре пластины впервые располагаются в несколько рядов. Кроме того, нарукавья дополнены позолоченными фигурными наплечниками и налокотниками, край которых оформлен полукруглыми фестонами. Возможность применения позолоченных наплечников и нарукавий из нескольких рядов пластин подтверждается материалами вещественных источников Центральной и Восточной Азии [Бобров, Ожередов 2021: 81, 83, 84, 85]. Не исключено, что и наличие налокотников в составе нарукавий также не является художественной условностью (см. ниже).

поверх подобных доспехов халаты с длинными рукавами обычно не носились. С другой стороны, ношение халатов поверх кольчуг и кольчато-пластинчатых панцирей являлось обычной практикой воинов мусульманского Востока периода позднего Средневековья [Бобров, Худяков 2002: 116, 117, 149]. Совокупность данных сведений позволяет предположить, что воин на миниатюре носит под халатом именно кольчатый или кольчато-пластинчатый доспех. Также не исключено, что на миниатюре изображен *казанд*, т. е. кольчуга, вшитая между матерчатой «покрышкой» и подкладкой халата.

Вместо шлема у Тимура стеганая шапка с навершием и золотой короной. На поверхности зеленого халата изображены сложные золотые фигуры, которые представляют собой декоративные украшения либо позолоченные пластины-зеркала, пришитые к тканевой основе. Под халатом может скрываться кольчатый или кольчато-пластинчатый панцирь¹. В качестве дополнительной защиты великий завоеватель использует красный выпуклый щит с позолоченным (?) умбоном.

Наряду с длинными нарукавьями, на миниатюрах мусульманского Востока XV в. изредка встречаются и их укороченные аналоги. Однако на большинстве таких изображений нарукавья переданы весьма схематично. Помимо прочего, это может означать, что сам художник не наблюдал данный защитный элемент в повседневной жизни, а перерисовал его с работ своих предшественников. Кроме того, не исключено, что на некоторых миниатюрах данного периода показаны не нарукавья, а традиционные ламинарные наплечники².

В некоторых случаях наблюдаются нарукавья нестандартной конструкции. В качестве примера можно привести изображение пешего воина-секироносца на одной из миниатюр XV в., входящих в состав «Альбомов Мехмеда Фатиха» (см. рис. 2: 6). Защитная лопасть снабжена широкой оторочкой по периметру и украшена по нижнему краю фестонами прямоугольной и подпрямоугольной формы. Интересно, что в данном случае наплечник крепится не к сегментной лопасти нарукавника, а к кольчужной пелерине или системе ремней, удерживающих зеркальный доспех на корпусе

¹ Также не исключено, что сам халат представляет собой *казаганд*.

² В первую очередь это касается тех случаев, когда сегментные наплечные лопасти соседствуют с короткими ламинарными кирасами (см. илл. 1: 12). Последний факт, к сожалению, не позволяет уверенно интерпретировать данные защитные элементы как нарукавья [Горелик 1983: 248, табл. II, рис. 3]. По данной причине указанные изображения не анализируются в настоящей работе. Также не привлекаются к анализу изображения, которые могут быть интерпретированы как горизонтально простеганные рукава халатов или «мягких» панцирей из органических материалов (см. илл. 1: 9, 10).

воина³.

С высокой долей вероятности короткие нарукавья изображены на миниатюрах к эпосу «Шах-наме» Фирдоуси, выполненных гиланским художником в 90-х гг. XV в. (см. илл. 2: 7, 8). Отличительной особенностью данных нарукавий является их небольшой размер (лопасти не доходят даже до локтя), а также тот факт, что часть пластин покрыта орнаментом. В пользу того, что на миниатюре показаны именно нарукавья, а не ламинарные наплечники, свидетельствуют характерные ряды заклепок на поверхности пластин⁴, а также тот факт, что защитные лопасти носятся не в комплекте с ламинарными доспехами, а поверх халатов, под которыми предположительно скрывается кольчатая или кольчато-пластинчатая броня.

В целом необходимо отметить, что нарукавья достаточно редко встречаются в мусульманских изобразительных материалах второй половины XIV – начала XVI в. Судя по миниатюрам, данные защитные элементы применялись преимущественно высокопоставленными латниками Тимуридских государств Мавераннахра и Хорасана. Для панцирников Малой Азии, Ирака и западного Ирана сегментные нарукавья были в целом не характерны.

4. Особенности конструкции и эволюции нарукавий мусульманского Востока

По площади защитного покрытия вы-

³ Стоит отметить, что изображенный на миниатюре комплекс защитного вооружения секироносца имеет весьма оригинальную конструкцию (см. илл. 2: 6). Он состоит из двух больших ламинарных дисков, расположенных на спине и груди воина. По бокам эти сегментные зеркала соединяются с помощью трех пар металлических цепочек. Покрытый металлическими бляшками ремень соединяет наспинник со стоячим пластинчатым воротником (вероятно, такой же ремень проходит и по груди воина и крепится к нагрудному диску). Этот своеобразный прообраз зеркального доспеха «чар айна» дополняется поддетой под него кольчужной пелериной с наплечниками и короткими сегментными нарукавьями.

⁴ Подобные заклепки служили для крепления пластин к длинным кожаным ремням, соединявшим их в единую сегментную лопасть.

Фото 1. Кольчато-пластинчатый «рукав» из провинции Ладакх (Северная Индия), Тимуриды, Бабуриды (?), середина XV – первая половина XVII в., Национальный музей Шотландии, г. Эдинбург

[*Photo 1.* Mail and plate 'sleeve' from Ladakh (Northern India), Timurids, Baburids (?), mid-15th to mid-17th centuries, National Museum of Scotland, Edinburgh]

деляются две основные разновидности нарукавий второй половины XIV – начала XVI в.: длинные (до запястья) и короткие (до локтя или выше). В последнем случае нарукавье могло сочетаться со створчатым наручем (иногда с пластинчатой перчаткой). Короткие нарукавья, вероятно, применялись на протяжении всего рассматриваемого периода (см. илл. 2: 2, 6–8).

Известные нам изображения длинных нарукавий датируются последней четвертью XV – началом XVI в. (см. илл. 2: 3–5, 9). Обе разновидности могли состоять как из одной сегментной лопасти (см. илл. 2: 3, 7, 8), так комбинироваться с кованым гомотенным наплечником (см. илл. 2: 2, 4–6, 9). В некоторых случаях пластинчатое нарукавье могло состоять из нескольких рядов пластин и дополняться полусферическим налокотником (см. илл. 2: 5). Судя по рассмотренным изображениям, нарукавья обычно носились в комплекте с пластинчато-клепаным панцирем или одевались поверх халата, под которым могла скрываться кольчатая или кольчато-пластинчатая броня (см. илл. 2). Однако изобразительные материалы Минского Китая свидетельствуют, что подобные нарукавья могли также дополнять пластинчато-ременные (ламеллярные) и пластинчато-нашивные (чешучатые) доспехи [Бобров, Худяков 2008: 350, 1, 3].

Ограниченное распространение нарукавий в странах мусульманского Востока XV в. было обусловлено острой конкуренцией со стороны створчатых наручей, а также распространением кольчато-пластинчатых доспехов, которые в это время могли снабжаться дополнительной пластинчатой защитой плеча [Бобров, Худяков 2002: 145, рис. 3, 2–7]¹.

Вытеснению нарукавий из мусульманской военной практики способствовала трансформация господствующей военно-культурной традиции в регионе. Основным содержанием данного процесса стало распространение в Передней и Средней Азии обновленного западноазиатского комплекса защитного вооружения. Носителями данного комплекса выступали победоносные Сефевиды и кочевые узбеки Мухаммеда Шейбани-хана, покорившие в начале

XVI в. Иран и Мавераннахр соответственно [Бобров, Худяков 2002: 112, 113; 142; Бобров 2011: 33, 34]. После крушения Тимуридских государств нарукавья практически исчезают из комплекса вооружения воинов Передней и большей части Средней Азии, но на некоторое время сохраняются на восточных и юго-восточных окраинах мусульманского мира.

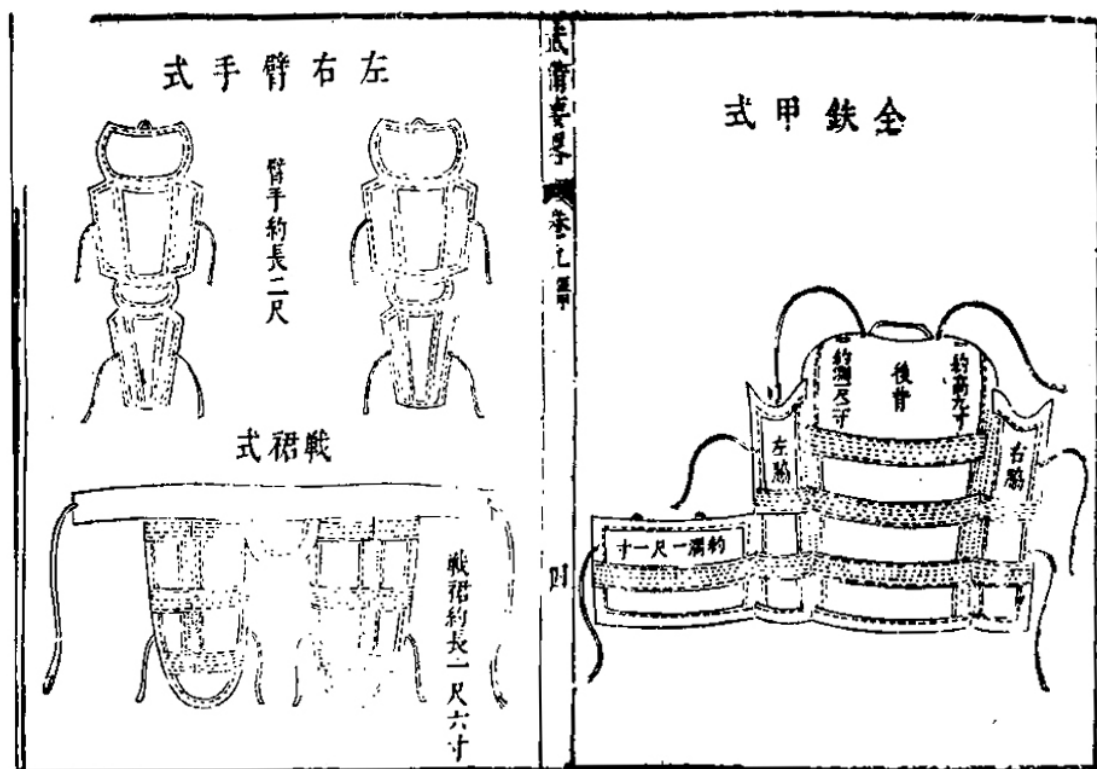
Вероятно, последним мусульманским регионом, где в XVI в. продолжали применяться классические длинные нарукавья, была Северная Индия, завоеванная войсками Тимурида Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура (1483–1530). Завоеватели привнесли в Южную Азию вооружение среднеазиатского (чагатайско-тимуридского) типа, среди которого были и пластинчатые нарукавья. Характерно в данной связи, что самые поздние достоверные изображения сегментных мусульманских нарукавий происходят именно с территории Индии и сопредельных регионов. В качестве примера можно привести батальную сцену с миниатюры из списка рукописи «Ширин и Хосров» Низами конца XV – начала XVI в., хранящейся в музее г. Хайдарабада. В доспех с нарукавьями облачен полководец из числа противника Хосрова (возможно, сам Бахрам Чубин). Нарукaвья показаны весьма реалистично (см. илл. 2: 9). Они состоят из массивных полусферических наплечников и длинных сегментных лопастей из нескольких рядов горизонтально расположенных пластин, защищающих руку воина до запястья. Судя по желтой раскраске, нарукавья покрыты позолотой или выполнены из медного сплава². Комплекс защитного вооружения дополняют боевое наголовье, пластинчато-клепаный панцирь (?) и набедренники с полусферическими наколенниками.

5. Дериваты нарукавий Мусульманского Востока

В завершение стоит отметить, что длинные «тимуридские» нарукавья не исчезли бесследно. В тех регионах, где мусульманская *панолия* вступала во взаимодействие с оружейными комплексами народов Центральной, Восточной и Южной Азии, появлялись новые оригинальные образцы воору-

¹ В некоторых случаях наплечные пластины могли нашиваться поверх наддоспешного халата [Бобров, Худяков 2002: 144, рис. 2: 3].

² Возможность существования подобных нарукавий подтверждается минскими материалами XVI в.

Илл. 3. Минский доспех с нарукавьями-бишоу, «Убэй яолюэ» Чэн Цзыи, 30-е гг. XVII в.

[Ill. 3. Ming armor with *bishou* arm (forearm) guards, *Wubei yaolue* of Cheng Ziyi, 1630s]

жения, сочетающие элементы военно-культурных традиций разных народов.

В качестве примера подобного оружейного симбиоза можно привести «панцирный рукав» на правую руку, хранящийся в Национальном музее Шотландии (инв. № А.1907.458, г. Эдинбург, Великобритания)¹. Данный образец защитного вооружения был приобретен в 1907 г. в г. Лех — столице провинции Ладакх на севере Индии. «Рукав» состоит из 15 пластин различных форм и размеров, соединенных кольчужным полотном (см. фото 1). Общая длина защитного элемента достигает 63,5 см.

Верхний ярус «панцирного рукава» состоит из выпуклого кованого наплечника с пряжкой для крепления к корпусному панцирю и пластинчатой лопасти. Последняя

выполнена из трех орнаментированных прямоугольных пластин, соединенных по принципу нарукавника (верхняя пластина нависает над нижней, их поверхность покрывают ряды заклепок с округлыми шляпками)². Второй ярус представляет собой две выпуклые пластины прямоугольной формы, украшенные поперечными ребрами и прикрывающие, соответственно, бицепс и трицепс латника. Третий ярус «рукава» представляет собой защиту локтя. Он состоит из цельнокovanого полусферического налокотника с бортиком по краю, а также двух пластин подтреугольной и четырех пластин удлиненно-прямоугольной формы. Все элементы соединены между собой кольчужным плетением. Наконец, нижний ярус изготовлен по принципу створчатого наруча — широкая выпуклая створка, прикрывающая

¹ Назвать данный защитный элемент нарукавьем было бы не совсем верным, так как он имеет иную конструкцию и структуру бронирования, а также защищает не только внешнюю сторону руки, но и покрывает ее целиком, то есть формально является не нарукавьем, а панцирным «рукавом».

² Поверхность пластин украшена гравированным орнаментом в виде ромбов в прямоугольных «картушах» с треугольными фестонами по краям. Возможно, что данный узор представляет собой один из вариантов изображения амулета *фанишэн* — знака высокого положения и карьерного успеха [Кравцова 2004: 372].

внешнюю сторону предплечья, дополнена более узкой (запястной) створкой. Обе пластины покрыты поперечными гранями, придающими «псевдонаручу» характерную ребристую поверхность (см. рис. 3).

Уникальность данного образца защитного вооружения обусловлена тем, что он сочетает кольчато-пластинчатую структуру бронирования, типичную для западноазиатской военно-культурной традиции, с некоторыми особенностями оформления, характерными для сегментных пластинчатых нарукавий. К их числу можно отнести выпуклый цельнокованный наплечник с характерной пряжкой, а также «подмышечную» лопасть, набранную по принципу нарукавья. Кроме того, горизонтальные ребра на поверхности пластин второго и четвертого яруса панцирного «рукава», по всей видимости, нанесены далеко не случайно. Весьма вероятно, что они имитируют сегментную структуру все того же пластинчатого нарукавья (см. илл. 2: 2–9). Наконец, нельзя не заметить некоторых параллелей между полусферическим налокотником «рукава» из Ладакха и налокотником нарукавья Амира Тимура на миниатюре из гератской «Зафар-Наме» 1485–1486 гг. (см. илл. 2: 5).

Исследовавший панцирный «рукав» американский оружейвед Д. ЛаРокка датировал его XV–XVI вв. и соотнес с комплексом вооружения Западного Тибета, Северной Индии или Западной Азии [LaRocca 2006: 143]. Не отвергая в принципе подобной возможности, в то же время отметим, что «панцирный рукав» вряд ли мог быть изготовлен ранее середины XV в.¹ Верхнюю границу бытования подобной защиты верхних конечностей мы считаем возможным продлить до первой половины XVII в. В пользу данной датировки свидетельствует изображение из китайского трактата «Убэй яолюэ» («Краткое изложение важнейшего из военного дела»²), написанного минским военным теоретиком Чэн Цзыи в 30-х гг.

¹ Для первой трети XV в. подобная сложная форма кольчато-пластинчатой защиты верхних конечностей в целом не характерна даже для западных районов мусульманского Востока, не говоря уже о Средней, Центральной или Южной Азии.

² Перевод с китайского языка выполнен А. М. Пастуховым.

XVII в.³ Здесь мы можем видеть очень схожий «панцирный рукав» (*бишоу*), состоящий из характерного наплечника с пряжкой, пластинчатой защиты бицепса и трицепса, округлого налокотника и створчатой защиты предплечья (см. илл. 3). Немного отличаются форма и количество пластин «рукавов», но их общее конструктивное сходство несомненно. Главное принципиальное отличие заключается в том, что на панцирном «рукаве» из Ладакха пластины соединены кольчужными кольцами, в то время как автор «Убэй яолюэ» предлагает нашивать их на матерчатую основу из синей стеганой хлопчатобумажной ткани⁴.

Наличие крупнопластинчатого панцирного «рукава» в издании 30-х гг. XVII в. указывает на то, что в этот период подобная защита верхних конечностей еще не утратила своей актуальности. Это в свою очередь позволяет датировать панцирный «рукав» из Ладакха серединой XV – первой половиной XVII в. На наш взгляд, его происхождение связано с позднетимуридской

³ Обычно произведение датируется 1638 г., однако в некоторых исследованиях указываются и другие возможные даты: 1632 или 1636 гг. (прим. переводчика).

⁴ Возможно, что панцирный «рукав» из «Убэй яолюэ» представляет собой адаптацию защитного элемента мусульманского образца к военно-культурным реалиям Минского Китая первой половины XVII в. Доспехи с кольчатой и тем более кольчато-пластинчатой структурой бронирования имели в минских войсках данного периода весьма ограниченное распространение. Большинство китайских ремесленников не обладали достаточным опытом для организации производства подобного защитного вооружения. Возможно, по этой причине и был выбран более простой и привычный способ сборки защитных элементов. С другой стороны, не исключено, что китайский военный теоретик мог разработать свои крупнопластинчатые *бишоу* на основе японских панцирных «рукавов» — *котэ*. К сожалению, в настоящее время нам неизвестны японские *котэ*, составленные из крупных пластин и снабженные массивными наплечниками и налокотниками, аналогичные тем, что изображены на рисунке «Убэй яолюэ». Наконец, определенную роль в появлении минских крупнопластинчатых «рукавов» могло сыграть знакомство китайцев с европейским латным доспехом. Данный вопрос требует дополнительного изучения.

и (или) бабуридской военно-культурной средой. Наиболее вероятно, что он был изготовлен на территории Империи Великих Моголов, основателем которой был упомянутый выше потомок Амира Тимура — Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. Это объясняет сочетание в данном защитном элементе передовой для данного периода кольчато-пластинчатой структуры бронирования с элементами оформления, характерными для нарукавий тимуридской знати. Если наше предположение верно, то панцирный «рукав» из Ладакха представляет собой финальную стадию развития сегментных нарукавий мусульманского образца.

6. Выводы

В исторической перспективе средневековые нарукавья стали одним из проявлений процесса оптимизации и модернизации имперского «чингизидского» доспеха, основанного преимущественно на военно-культурных традициях населения Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии. Распространение нарукавий в XIV – середине XVII в., по всей видимости, стимулировалось ростом значения динамичного конного боя с применением длинно-клинкового оружия. Для защиты плеч и рук воина от рубящих сабельных ударов требовалась более компактная, эластичная и удобная защита, чем традиционные ламеллярные и ламинарные наплечники.

В периоды развитого, позднего Средневековья и раннего Нового времени сегментные нарукавья применялись панцирниками Южной Сибири, Передней, Средней, Центральной, Южной и континентальной Восточной Азии¹. Однако хронологические и территориальные границы их распространения в указанных регионах отличались определенной спецификой.

Период бытования нарукавий на мусульманском Востоке может быть локализован второй половиной XIV – началом XVI в. Наибольшей популярностью нарукавья пользовались у среднеазиатских (чагатайских, тимуридских) воинов данного периода. Вытеснение нарукавий из военного обихода народов Передней и Средней

Азии было обусловлено распространением в регионе кольчато-пластинчатых доспехов (в том числе с дополнительной защитой плеч), створчатых наручей, а также сменой военно-культурной традиции. В середине XVI в. и позднее нарукавья (в том числе их модернизированные кольчато-пластинчатые дериваты) изредка встречались лишь на восточных и юго-восточных окраинах мусульманского мира. Возможность эпизодического применения нарукавий и их дериватов на территории мусульманских государств Малой, Передней и западной части Средней Азии в середине XVI–XVII в. не исключена, однако в настоящее время достоверных свидетельств этому не обнаружено.

Комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволил уточнить некоторые особенности эволюции панцирных нарукавий мусульманского Востока эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Магистральным направлением развития азиатских панцирных нарукавий XIV–XVII вв. являлась оптимизация системы крепления пластин, а также постепенное повышение эластичности защитного элемента за счет уменьшения размеров пластин. Последнее решение позволило разместить пластины в несколько рядов и расширить площадь защитного покрытия до запястья включительно.

Есть основания полагать, что на ранних образцах нарукавий пластины соединялись между собой кожаными ремешками по принципу ламинарного наплечника. Однако позднее они стали наклепываться на продольные кожаные ремни, которые в свою очередь крепились к матерчатой основе. Вероятно, данный способ соединения был признан более надежным и практичным. Финальной стадией развития крепежной системы защитных элементов нарукавий и их дериватов на мусульманском Востоке стала кольчатая система соединения, сочетающая в себе надежность с высокой степенью эластичности.

На протяжении XIV–XVII вв. прослеживается тенденция постепенного уменьшения размеров пластин, составляющих сегментные лопасти. Сначала это происходило за счет уменьшения ширины (высоты) пластин, а затем и их длины. Если ранние нарукавья состояли из одного ряда

¹ Некоторые данные позволяют предполагать, что сегментные нарукавья могли также использоваться воинами Восточной Европы и Северного Кавказа.

широких и достаточно массивных пластин (см. рис. 2: 2, 6), то позднее защитную лопасть стали все чаще изготавливать из нескольких рядов мелких пластинок удлиненно-прямоугольной формы (см. илл. 2: 5, 9). На мусульманских материалах указанные изменения достоверно прослеживаются с последней четверти XV в. (см. илл. 2: 5), на минских — с середины XVI в. [Бобров, Ожередов 2021: 80]. При этом следует подчеркнуть, что уменьшение размеров пластин следует воспринимать как преобладающую тенденцию, а не как тотальную закономерность. Судя по гератским миниатюрам, нарукавья из длинных горизонтальных пластин продолжали применяться мусульманскими воинами вплоть до конца XV в. (см. илл. 2: 3, 4).

Уменьшение размеров пластин не только повысило эластичность защитного элемента, но и позволило существенно увеличить его длину. Ранние нарукавья обычно прикрывали руки воина от плеча до локтя (см. илл. 2: 2, 6), однако начиная с последней четверти XV в. все большее распространение получают их длинные мелкопластинчатые аналоги, защищавшие верхние конечности латника от плеча до кисти (см. илл. 2: 3–5, 9). Появление кольчато-пластинчатой структуры бронирования и вовсе позволило прикрыть сталью не только внешнюю, но и внутреннюю стороны бицепса и предплечья, превратив сегментное нарукавье в «панцирный рукав» (см. фото 1).

Изобразительные и письменные источники свидетельствуют, что сегментные нарукавья могли носиться в комплекте с корпусными панцирями с пластинчато-клепанной, пластинчато-нашивной, пластинчато-ременной, кольчатой и кольчато-пластинчатой структурой бронирования. Не исключена возможность применения нарукавий и в комплекте со стеганными «мягкими» доспехами.

В целом удельный вес нарукавий в системе защиты верхних конечностей народов мусульманского Востока второй половины XIV – начала XVI в. был относительно невелик. В отличие от Минского Китая середины XVI – начала XVII в., длинные сегментные нарукавья в Средней Азии так и не стали по-настоящему массовым элементом защитного вооружения и продолжали применяться преимущественно представителями местной военно-политической элиты. Тем не менее они более столетия небезуспешно конкурировали с другими видами защиты верхних конечностей (створчатыми наручами, наплечниками различных типов и др.). Тот факт, что нарукавья входили в состав комплекса защитного вооружения наиболее состоятельных и знатных воинов, вероятно, повышало их престижность в глазах современников¹. Вытеснение нарукавий из военного обихода Мавераннахра и Хорасана было, по всей видимости, обусловлено не столько их технологическими и конструктивными недостатками, сколько сменой военно-культурной традиции, произошедшей в результате крушения государств Тимуридов. Пришедшие им на смену иранские Сефевиды и кочевые узбеки Шейбани-хана привнесли в регион западноазиатский комплекс вооружения, который будет доминировать в Средней Азии вплоть до вытеснения традиционного доспеха из широкой военной практики народов региона.

¹ Интересно, что в первой половине XVII в. схожая ситуация сложилась и на Дальнем Востоке — в чжурчжэньском государстве Хоу Цзинь и Цинской империи, где длинные сегментные нарукавья стали характерной чертой доспеха аристократии, командного состава и элитных подразделений. Элементы этих нарукавий (сегментные оплечья, налокотники и др.) сохранились в составе церемониального цинского «костюмного доспеха» вплоть до начала XX в.

Литература

Бобров 2003а — Бобров Л. А. Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV – XVII в.) (начало) // *Para-Bellum*. 2003. № 17. С. 71–102.

Бобров 2003б — Бобров Л. А. Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII в.) (окончание) // *Para-Bellum*. 2003. № 18. С. 43–80.

- Бобров 2011 — *Бобров Л. А.* Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. 54 с.
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Худяков 2002 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии: сб. ст. / под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106–168.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Горелик 1983 — *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: мат-лы юбил. науч. конф. (г. Москва, 8–10 сент. 1980 г.) / редкол.: Б. А. Рыбаков (отв. ред.) и др. М.: МГУ, 1983. С. 244–269.
- Горелик 1987а — *Горелик М. В.* Сакский доспех // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства: сб. ст. / отв. ред.: Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 110–133, 356–373.
- Горелик 1987б — *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии: сб. ст. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 163–208.
- Горелик 1993 — *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Наука, 1993. 349 с.
- Горелик 2002 — *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Вост. горизонт, 2002. 84 с.
- Горелик 2011 — *Горелик М. В.* Комплекс монгольского воинского снаряжения из Тувы // Золотоордынское наследие. Вып. 2: мат-лы 2-й междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М. А. Усманова (г. Казань, 29–30 марта 2011 г.) / отв. ред. и сост.: И. М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 310–325.
- Григорьев, Телицин, Фролова 2011 — *Григорьев А. П., Телицин Н. Н., Фролова О. Б.* Надпись Тимура 1391 г. // Тюркологический сборник 2009–2010 гг.: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / редкол.: С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Вост. лит., 2011. С. 109–129.
- Кравцова 2004 — *Кравцова М. Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая: уч. пособ. СПб.: Лань; TRIADA, 2004. 960 с.
- Робинсон 2006 — *Робинсон Р. Г.* Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения / пер. с англ.: С. Федоров. М.: Центрполиграф, 2006. 280 с.
- Gorelik 1979 — *Gorelik M.* Oriental Armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in Works of Art // Islamic Arms and Armour / ed. by R. Elgood. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63.
- LaRocca 2006 — *LaRocca D.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press, 2006. 307 p.
- Nicolle 1990 — *Nicolle D.* The Age of Tamerlane / A. McBride (ill.). Oxford: Osprey Publishing Ltd., Bloomsbury Publishing, 1990. 63 p.

References

- Bobrov L. A. Armour Sets in Central and Mainland East Asia, 14th–19th Centuries: Key Evolutionary Trends. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Barnaul, 2011. 54 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Armour sets of warriors in Central Asia and adjacent territories, late 15th – 17th centuries AD. Part 1. *Para-Bellum*. 2003. No. 17. Pp. 71–102. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Armour sets of warriors in Central Asia and adjacent territories, late 15th – 17th centuries AD. Part 2. *Para-Bellum*. 2003. No. 18. Pp. 43–80. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Central Asian armour in the Late Middle Ages. In: Khudyakov Yu. S., Skobelev S. G. (eds.) *Military Science of Northern and Central Asian Nomads*.

- Collected papers. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2002. Pp. 106–168. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and South Siberia: Weaponry and Tactics of War in the Late Medieval Ages and Early Modern Era, 15th – Mid-18th Centuries. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. In: Elgood R. (ed.) *Islamic Arms and Armour*. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63. (In Eng.)
- Gorelik M. V. [Introducing] one set of Mongolian military accoutrements from Tuva. In: Mirgaleev I. M. (ed., comp.) *Legacy of the Golden Horde*. Vol. 2: Proceedings of the Conference on Political and Socioeconomic History of the Golden Horde (Kazan, 29–30 March 2011). Kazan: Foliant, Märçani Institute of History (Tatarstan Acad. of Sc.), 2011. Pp. 310–325. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Armies of Tatar-Mongols, 10th–14th Centuries: Military Science, Accoutrements, Weapons. Moscow: Vostochnyi Gorizont, 2002. 84 p. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Mongol (Tatar) armour: Mid-14th to early 15th century. In: Rybakov B. A. et al. (eds.) *The Battle of Kulikovo in Our National History and Culture*. Conference proceedings (Moscow, 8–10 September 1980). Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1983. Pp. 244–269. (In Russ.)
- Gorelik M. V. One early Mongolian armour set, 9th to mid-14th centuries: [A review]. In: Derevyanko A. P., Natsagdorj Sh. (eds.) *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia*. Collected papers. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 163–208. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Saka armour. In: Piotrovsky B. B., Bongard-Levin G. M. (eds.) *Central Asia: Newly Discovered Pieces of Writing and Art*. Collected papers. Moscow: Nauka – GRVL, 1987. Pp. 110–133, 356–373. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Weapons of the Ancient East: 4th Millennium BCE – 4th Century CE. Moscow: Nauka, 1993. 349 p. (In Russ.)
- Grigoryev A. P., Telitsin N. N., Frolova O. B. Timur’s Inscription of 1391. In: Klyash-torny S. G., Sultanov T. I., Trepavlov V. V. (eds.) *Turkological Collection of 2009–2010: Turkic Peoples of Eurasia in Ancient and Medieval Times*. Moscow: Vostochnaya Literature, 2011. Pp. 109–129. (In Russ.)
- Kravtsova M. E. Arts and Cultures of the World: A History of China’s Art. St. Petersburg: Lan, TRIADA, 2004. 960 p. (In Russ.)
- LaRocca D. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)
- Nicoll D. The Age of Tamerlane. A. McBride (ill.). Oxford: Osprey Publishing Ltd., Bloomsbury Publishing, 1990. 63 p. (In Eng.)
- Robinson H. R. Oriental Armour. S. Fedorov (transl.). Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. 280 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 3, Pp. 483–494, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94:13(574) (470)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-483-494

Увековечение памяти воинов-казахов в Оренбургской и Волгоградской областях

Агила Мустахимовна Нургалиева¹, Асхат Жангельдиевич Амен²

¹ Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова (д. 162, пр. Н. Назарбаева, 090000 Уральск, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, доцент

 0000-0002-4447-5935 E-mail: [agilan2009\[at\]rambler.ru](mailto:agilan2009[at]rambler.ru)

² Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова (д. 162, пр. Н. Назарбаева, 090000 Уральск, Республика Казахстан)

PhD (Cultural Studies), старший преподаватель

 0000-0002-4275-3516. E-mail: [87014090781\[at\]mail.ru](mailto:87014090781[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Нургалиева А. М., Амен А. Ж., 2023

Аннотация. *Введение.* Исследуются взаимодействия между проектами памяти — как общероссийскими, так и в приграничных с Казахстаном российских регионах. Рассматривается развивающийся нарратив, лежащий в основе проводящихся в Оренбургской и Волгоградской областях ежегодных церемоний поминовения Естекбай-батыра — героя войны с джунгарами и воинов, участвовавших в Великой Отечественной войне и военных конфликтах в Афганистане, Чечне и СВО на Украине. *Цель работы* — описание мемориальных объектов, связанных с людьми, совершившими подвиги во имя народа, а также проведение анализа коммеморативных практик, осуществляемых местными сообществами. *Результаты.* В основу статьи положены материалы о деятельности местных казахских сообществ Оренбургской и Волгоградской областей по увековечению памяти героев войн, собранные нашей исследовательской группой в ходе полевых исследований сакральных мест казахов. Используются материалы личных наблюдений авторов и рассказы информантов. Акты коммеморации в отношении воинов представляют собой прочитывание заново или включение прошлого в актуальность настоящего. В их почитании фиксируются значимые для народа ценности, нормы и образцы поведения. Мы отметили определенную «милитаризацию сознания» в коммеморативных практиках, связанных с особо почитаемыми местами памяти о Великой Отечественной войне и процессом сакрализации имен воинов, принимавших участие в локальных военных конфликтах.

Ключевые слова: коллективная память, места памяти, политика памяти, коммеморации, «милитаризация сознания»

Для цитирования: Нургалиева А. М., Амен А. Ж. Увековечение памяти воинов-казахов в Оренбургской и Волгоградской областях // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 483–494. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-483-494

Memorialization of Kazakh Warriors in Orenburg and Volgograd Oblasts

Agila M. Nurgalieva¹, Askhat Zh. Amen²

¹ Makhambet Utemisov West Kazakhstan University (162, N. Nazarbayev Ave., 090000 Uralsk, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4447-5935. E-mail: agilan2009[at]rambler.ru

² Makhambet Utemisov West Kazakhstan University (162, N. Nazarbayev Ave., 090000 Uralsk, Republic of Kazakhstan)

PhD (Cultural Studies), Senior Lecturer

 0000-0002-4275-3516. E-mail: 87014090781[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Nurgalieva A. M., Amen A. Zh., 2023

Abstract. Introduction. The paper investigates interactions between memory projects — both all-Russia ones and those implemented in regions bordering Kazakhstan. Special attention is paid to the unfolding narratives underlying annual commemoration ceremonies in Orenburg and Volgograd oblasts for Yestekbay Batyr (hero of war against Dzungars) and for soldiers/officers who participated in the Great Patriotic War, military conflicts in Afghanistan, Chechnya, and Special Military Operation in Ukraine. **Goals.** The work aims to describe memorial objects associated with individuals who performed exploits for the sake of their compatriots, and to analyze commemorative practices carried out by local communities. **Results.** The article focuses on activities of local Kazakh communities of Orenburg and Volgograd oblasts aimed at memorializing war heroes collected by our research group during field studies of places sacred to Kazakhs, summarizes the authors' observations and stories recorded from informants. Acts of commemoration for warriors are somewhat re-readings or re-inclusions of the past into the present-day agenda. Such venerations articulate significant ethnic values, norms, and behavioral patterns. The work traces a certain trend towards 'militarization of consciousness' in commemorative practices associated with particularly revered places of memory relating to the Great Patriotic War — and in sacralizing names of soldiers/officers who have taken part in local military conflicts.

Keywords: collective memory, places of memory, politics of memory, 'militarization of consciousness'

For citation: Nurgalieva A. M., Amen A. Zh. Memorialization of Kazakh Warriors in Orenburg and Volgograd Oblasts. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 483–494. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-483-494

1. Введение

Новым направлением научных исследований в казахстанской науке в настоящее время является изучение мест памяти казахского этноса, находящихся за пределами республики.

Статья анализирует визуальные и поведомательные проявления военной

культуры посредством исследования форм коммеморации духовных святых казахов, находящихся в ближнем зарубежье. В частности мы сосредоточимся на политических нарративах, связанных с коммеморациями памятных дат, касающихся войн, для улучшения нашего понимания того, как современные казахи приграничных с рес-

публикой областей в своем отношении к духовным святыням адаптируются к изменениям постсоветского времени. Духовные ценности предлагают способ консолидации и воплощения национальной идентичности. В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос, способствуют ли коммеморации, связанные с войной, проявлению этнической идентичности и консолидации казахского этноса.

Коммеморация — это способ передачи и сохранение в общественном сознании памяти о прошлом. Она означает совокупность коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения посредством ритуально выраженного сохранения и повторения членами группы символически значимых представлений о прошлом в современной культуре [Shub 2020: 140]. Смысл коммеморативных практик заключается в придании значимости событиям прошлого, выражение уважительной благодарности за жертвы, принесенные отдельными лицами или группами. Подобную мысль проводит А. Мегилл: «Коммеморация как феномен может возникать в актуальном настоящем существующего в данный момент сообщества для того, чтобы подтвердить свое единство, общность и идентичность, упрочить связи внутри общества, отношение к определенным событиям и процессам» [Мегилл 2007: 116].

Сегодняшние коммеморативные практики являются инновационными мощными формами коллективного политического действия. Именно коммеморация — участие в совместном воспроизведении-воспоминании событий прошлого создает единство группы и обеспечивает связь поколений. Они запечатлевают определенные ценности и нормы, которые предполагают преемственность с прошлым и создают социальную и этническую идентичность, а ритуалы и символы используются для объединения и активизации современного общества.

К формам коммеморативных практик можно отнести празднование юбилейных дат, возведение памятников, наименование или, чаще, изменение названий улиц, установку мемориальных досок.

Российское общество, к которому принадлежат казахи Оренбургской и Волгоградской областей, проявляет свою любовь к родине в милитаристской манере. И всех

объединяет почти священная память о советской победе во Второй мировой войне. В условиях обострившихся противоречий между Россией и Западом воспоминания о прошлом, отраженные в публичных памятных мероприятиях, и современная политика — как внутренняя, так и международная — глубоко влияют друг на друга.

Тема статьи в научных публикациях пока еще не была описана и проанализирована. Новизна данного исследования заключается в том, что оно вводит в научный оборот новый фактический материал и предлагает оценочные характеристики того типа коммеморативных практик, в которых, по нашему мнению, проявилась так называемая «милитаризация сознания».

2. Методы и материалы

В основу статьи нами были положены материалы о деятельности местных сообществ казахов Оренбургской и Волгоградской областей Российской Федерации по увековечению памяти героев войн, собранные нашей исследовательской группой в ходе полевых исследований сакральных мест казахов [ПМА 2021]. В России проживает 591 970 этнических казахов, или 0,45 % всего населения России, и казахи входят в первую десятку ее этнических групп. При этом цифра 0,45 % учитывает данные по всем регионам России, но при изучении демографической ситуации в регионах, граничащих с Казахстаном, доля этнических казахов в них значительно выше. Среди населения Оренбургской области казахи насчитывают 107,7 тыс. человек, или 6,1 %; в Волгоградской области — 37,6 тыс. человек, или 1,8 % [Население 2021]. На территории Оренбургской области казахи компактно проживают в Домбаровском, Ясенском, Новоорском, Беляевском, Акбулакском, Оренбургском, Светлинском, Орском, Новотроицком, Соль-Илецком районах. Районы проживания казахов в Волгоградской области Палласовский, Быковский, Старополтавский, Жирновский, Николаевский муниципальные районы.

Научные публикации, в которых бы раскрывалась тема нашего исследования, практически отсутствуют. Можно назвать только статью российской исследовательницы Е. Лариной «Сакральные пространства казахов: историческая память, иеротопия

и идентичность» [Ларина 2019], которая в ходе этнографической экспедиции описала поклонение захоронению народного героя Естекбай-батыра.

Источниками исследования послужили материалы экспедиций, сайтов областных, районных и поселковых администраций, результаты личных наблюдений авторов, рассказы информантов, а также данные газетной и журнальной публицистики и материалов из сети Интернет.

Для анализа материала мы использовали теоретическую рамку, заимствованную из концепции коллективной памяти. Это направление науки развивается историками, культурологами, антропологами, философами, социологами, психологами и др.

3. Коллективная память и формы коммеморации

Для анализа материала использовались теоретические исследования М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, Я. Зерубавель, П. Хаттона, Дж. Олика, Е. Мейра, С. Вебер, Дж. Сайфера, А. Г. Васильева, публикации Центра по изучению культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Главным концептом *memory studies* является «коллективная память». Ее родоначальником стал Морис Хальбвакс, впервые предложивший термин «коллективная память» (или культурная память) [Halbwachs 1992]. Для М. Хальбвакса память, которая простирается за пределы времени жизни человека, т. е. воспоминания о прошлом, всегда конструируются коллективно [Halbwachs 1992: 40]. Он утверждает, что на социальные конструкции памяти влияют потребности настоящего. Чтобы объяснить настоящее, лидеры группы реконструируют прошлое, используя рационализацию, чтобы выбрать, какие события запоминаются, а какие исключаются, и перестраивают события, чтобы они соответствовали социальному нарративу [Halbwachs 1992: 142].

Морис Хальбвакс также считается основателем концепции «мест памяти». Пьер Нора занял очень активную позицию в отношении этой концепции. Признаком места памяти, по мнению П. Нора, является то, что воображение наделяет его символической аурой: «Минута молчания, кажущаяся крайним примером символического значе-

ния, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом воспоминания» [Нора 1999: 40].

Опираясь на идеи П. Нора, Яэль Зерубавель отмечает: «Коллективная память обретает плоть благодаря множеству различных форм «коммеморации»: юбилейным торжествам, чтению рассказов, участию в мемориальной службе по погибшим, соблюдению традиционных религиозных обрядов в праздничные дни. Посредством всех этих ритуалов у данной группы людей формируются представления о тех или иных событиях прошлого, вырабатывается единство этих представлений, подбирается определенная словесная форма для их артикуляции» [Зерубавель 2004: 77].

Немецкий ученый Ян Ассман развивает теорию коллективной памяти Мориса Хальбвакса. Он выделил две разновидности коллективной памяти: коммуникативную и культурную [Ассман 2004]. В культурной памяти прошлое, по его словам, «сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание... Обосновывается через обращение к прошлому не что иное, как идентичность вспоминающей группы» [Ассман 2004: 54–55].

Российская исследовательница Ю. А. Сафронова также рассматривает коллективную память как способ конструирования людьми своего прошлого: «Это понятие используют для анализа репрезентаций прошлого и его конструирования через медиа памяти — книги, фильмы, монументы, церемонии и т. д.» [Сафронова 2018: 16].

Энн Ригни, оценивая текущую ситуацию, отметила изменения в «культуре памяти» и своеобразную сегодняшнюю одержимость памятью в виде мемориалов и музеев [Rigney 2018: 244]. Между тем в своем исследовании «Диалогика контр-нарративов» Меретоя упомянула доминирующие культурные формы памяти [Meretoja 2021]. Для казахов такими доминирующими культурными формами памяти являются природные священные места, мавзолеи, могилы святых и места поклонения героям, совершившим подвиги во имя народа.

Изучение памятных мест, связанных с героями войн, дает возможности для осмысления моральных идеологий, выраженных в них. Мы отметили определенную

«милитаризацию сознания», проявляющуюся в формах коммеморации. Литература о милитаризации подчеркивает тонкие и в значительной степени бессознательные способы распространения милитаризации в обществе. Один из способов исследования коммеморативных практик связан с представлением о милитаризации как о «бессознательной идеологии». Синтия Вебер под этим термином понимает идеологию, формально не названную и поэтому трудно идентифицируемую [Weber 2005: 5].

Она действует как форма общественной педагогики, которая определяет и направляет ценности, отношения, убеждения, желания, привязанности, идентичности и идентификации. Эта общественная педагогика, направляемая государством, кооптирует образ солдата и военной службы как образ национального самопожертвования и патриотизма. В современной России дискурс национальной героизации обычно используется политиками, педагогами и профессионалами индустрии культуры и передаются через различные общественные средства массовой информации и множественные акты коммуникации. Такой дискурс героизации разыгрывается для поощрения политически и морально желательного поведения.

Торжественное поминовение солдат, погибших в бою, — лишь один из примеров такой практики. По мнению В. Г. Туркиной и Е. Л. Антоновой, «памятники героям сражений символизируют общественное согласие, солидарность по поводу отношения к мемориализованным событиям» [Туркина, Антонова 2019: 3].

Милитаризм, с точки зрения Джеймса М. Сайфера, представляет собой социально сконструированную институционализированную структуру, включающую привычки мышления и модели рефлексивных действий, примером которых является патриотизм [Cypher 2022: 24]. Растущий патриотизм является характерной чертой зарождающихся популистских движений по всему миру.

Не избежала этого явления и Россия, в которой воспитывается культура военного патриотизма, а вместе с ней и представители казахской диаспоры как часть общества. С начала 2000-х гг. в России наблюдается возрождение патриотической мобилиза-

ции. Это возрождение не спонтанно: оно подкрепляется согласованными усилиями государства по привитию патриотических ценностей, прославлению ратных подвигов прошлого и настоящего. Все больше внимания уделяется военной деятельности, гордости за российские вооруженные силы и героизации всех тех, кто участвовал в войнах, считающихся справедливыми. Успешной инструментализации военной памяти способствовало то, что на уровне народных настроений память о Великой Отечественной войне оставалась важным консолидирующим элементом. По данным Информационного агентства REGNUM, из опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного с 22 по 24 апреля 2022 г., стало известно, что жители России считают День Победы главным праздником страны: 95 % российских жителей считают 9 Мая праздником, из которых для 55 % респондентов это — народный праздник, для 36 % — государственный и еще для 4 % — семейный [День Победы 2022].

Таким образом, коллективная память о Великой победе над фашизмом стала традицией и нормой жизни современного российского общества и выполняет консолидирующую, объединяющую социум страны функцию. На уровне общественной педагогики, направляемой государством, внедряется идея о том, что эстафета памяти не должна прерываться: каждый гражданин и все российское общество не забывали о страницах истории своей семьи, своего города, своего региона, связанных с ратными подвигами как примерами патриотизма и самопожертвования. Эта память играет роль ценностных ориентиров.

4. Акты коммеморации в Оренбургской и Волгоградской областях в честь павших за Родину казахов

4.1. К проблеме политического использования мест памяти

Мы отметили определенную «милитаризацию сознания» в коммеморативных практиках, связанных с особо почитаемыми местами памяти о героях прошлого, Великой Отечественной войне и процессом сакрализации имен воинов, принимавших участие в локальных военных конфликтах. Здесь мы видим пример, когда глубокая потреб-

ность в сохранении и фиксации культурной и исторической памяти рождает «места памяти». Признаком места памяти, по мнению П. Нора, является то, что воображение наделяет его символической аурой [Нора 1999: 40]. Другими словами, в данном случае речь идет о мемориальной деятельности.

Существующая академическая полемика о местах памяти связана с проблемой их инструментального использования политическими элитами [Meyer 2008: 179]. Еще М. Хальбвакс и П. Нора предполагали, что «коллективная память» любой группы на самом деле является манипулируемой конструкцией тех, кто поддерживает власть и статус, чтобы определять эти воспоминания. Об использовании политическими структурами коллективной памяти в качестве политического инструмента писал и американский социолог Джеффри Олик [Olick 2007].

«Вспоминается» то, что кажется важным с позиций настоящего. Ценные для общества образы коллективной памяти «являются носителями важных значений и смыслов и в силу этого подлежат устойчивой фиксации при помощи специальных культурных форм и носителей, а также становятся объектом регулярного припоминания и воскрешения в рамках специально организованных практик ритуального характера», — пишет российский исследователь А. Г. Васильев [Васильев 2015: 36]. С этим мнением вполне согласуется замечание Ж. К. Нургалиевой, отметившей, что при переоткрытии прошлого решающая роль «принадлежит политическим элитам, заинтересованным в отождествлении своей интерпретации окружающего мира с мнением народа. От их позиции зависит статус, который получает то или иное событие национальной (этнической) истории [Нургалиева 2012: 237].

Здесь прослеживается реализация политических потребностей и собственных интересов власти, политический заказ формирования и закрепления конкретных знаний о прошлом для обеспечения определенных социально-политических задач.

4.2. Мемориал в честь народного героя Естекбай-батыра и героев Великой Отечественной войны Оренбуржья

Священное для казахов место связано

с именем Естекбай-батыра (это звание, дававшееся в прошлом за военные заслуги у тюркских народов). Это народный герой, более известный в восточном Оренбуржье как Батыр Ата (1650–1725). Он родился в 1650 г. в семье Беспая подрода Ормантай, рода Жагалбайлы. Естекбай-батыр славился доблестью и справедливостью, защищал униженных и оскорбленных, освобождал земли своих соплеменников от нашествий врагов. Объединив воинов Младшего и Среднего жузов, чтобы прекратить разорительные набеги калмыков и джунгар, он в 1725 г. принял сражение на небольшой степной речке, носящей сейчас название Баузда (Бауыздау). Речка Баузда получила свое название после этого кровопролитного сражения. Устные легенды и предания об этом бое передаются из поколения в поколение. По рассказам аксакалов [ПМА 2021], в этом сражении погибло много воинов. Рассказывают, что в том сражении земля тряслась под ногами, сражение шло не один день и не одну ночь, а когда наступило перемирие, река несла красные воды — это была кровь убитых и раненых. По жестокости этому сражению не было равных, людей резали и рвали пополам, привязав к коням; закидывали их огнем, топтали конями — но это не запугало сражавшихся за свою землю казахов. После этого сражения речку и аул на ее берегу называли Баузда — «резня» в переводе на русский. Батыр Естекбай и его сыновья Танатар и Кенес погибли в бою. После сражения калмыки покинули эти места и больше здесь никогда не появлялись. Потомки Естекбая живут в различных населенных пунктах восточного Оренбуржья, но больше всего их в с. Чапаевка Новоорского района Оренбургской области [ПМА 2021].

Подвиг Естекбай-батыра не забыт потомками. В Новоорском районе недалеко от села Чапаевка, на старинном казахском кладбище, на вершине холма видна древняя, но ухоженная могила великого Естекбай-батыра. Место захоронения Естекбая считается святым. Поклоняться его праху и получить его благословение приезжают люди со всех концов Казахстана и из восточных районов Оренбургской области, Челябинска, Екатеринбурга. Здесь они совершают свои обряды и молитвы. Говорят, что, посетив этот курган, люди чувствуют исцеление и прилив сил. Российская иссле-

довательница Елена Ларина приводит мнение одного из информантов, полученное ею в ходе этнографической экспедиции по Оренбургскому краю: «Могила обладает целительной силой. Лечит суставы. Надо переночевать с 18 на 19 августа» [Ларина 2019: 412]. Исследовательница также отметила, что «по рассказам людей старшего возраста, в их детстве о могиле знали, но паломничества не было, святым батыра не называли» [Ларина 2019: 413]. Процесс активной сакрализации образа героя стал развиваться с конца XX в. Теперь ежегодно в августе жители Оренбуржья отдают дань уважения Естекбай-батыру [ПМА 2021].

По просьбе потомков Естекбая Бесбаева и жителей Новоорского района на границе Караганского, Чапаевского, Горьковского сельсоветов и Новоорского поссовета 19 августа 2014 г. был установлен памятный знак народному герою Естекбай-батыру и указатель к его могиле, чтобы каждый желающий мог почтить память великого героя. Это дань памяти тем, кто защищал свою землю, не жалел свои жизни. Понимая значимость культурно-исторического наследия, выдвинутую идею об установке памятного знака горячо поддерживали жители Новоорского района. Средства на возведение памятника поступали и от простых граждан [Чернякова 2014: 2].

На гранитной плите памятного знака есть надпись: «Народный герой Естекбай Беспяев – Батыр Ата защищал нашу землю от джунгаров-калмыков в XVII–XVIII веках».

Мемориал в честь народного героя превратился в главное историко-символическое пространство Новоорского района Оренбуржья. Здесь мы видим пример коммеморативной практики, где, согласно Бигожину [Bigozhin 2018: 234], светское и сакральное смешано и взаимозависимо.

Создание «мест памяти» жителями Новоорского района демонстрирует реализацию эстафеты памяти, связывающую героев разных эпох. Так, здесь чтят имя Уразака Кстаубаевича Акбауова, участвовавшего в боях под Ленинградом, на Курской дуге в форсировании Днепра. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 г. за успешное форсирование реки Днепр севернее Киева, прочное закрепление плацдарма на его западном берегу и прояв-

ленные при этом мужество и героизм ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [Золотые звезды 2005: 362–363].

Не забыли и кавалера орденов Славы трех степеней Бахтубая Шушаева, который защищал Ленинград, освобождал Прибалтику, Польшу, с тяжелыми боями дошел до Берлина. Именами этих героев названы улицы в с. Горьковское Новоорского района и в п. Новоорск, установлены мемориальные доски на домах, где они жили.

В 2005 г. в честь 60-летия Великой Победы советского народа на холме у реки Баузда был установлен тройной памятник: великому Естекбай-батыру, Герою Советского Союза Уразаку Акбауову (1908–1986), полному кавалеру орденов солдатской славы Бахтубаю Шушаеву (1916–1980). Это была инициатива главы администрации Новоорского района В. Н. Караулова. Теперь ежегодно торжественные мероприятия в честь праздника Победы проводятся у этого мемориала [ПМА 2021]. Здесь мы видим изменение способов поминовения, продвигаемое государством и его акторами.

4.3. Акты коммеморации в честь героев Великой Отечественной войны в Волгоградской области

Поминовение солдат, погибших в боях, постоянно происходит в Волгограде, что не удивительно, учитывая тот факт, что город является своего рода большим музеем Сталинградской битвы. Для казахов Волгоградской области тема войны — очень болезненная. Так, Сансызбай кажы в беседе указал на то, что город буквально усеян братскими могилами, и среди фамилий погибших нередко встречаются казахские (точнее тюркские) [ПМА 2021]. В поминальных молитвах, которые обычно проводят близ мусульманского кладбища, просят у Бога успокоения для душ погибших. Это уже стало традицией среди казахского населения. Как отметила Яель Зерубавель, «повторение „коммеморативных ритуалов“ способствует поддержанию в обществе ощущения непрерывности коллективной памяти» [Зерубавель 2004: 77]. Заместителем Муфтия Волгоградской области, имамом-хатыбом Сагантай хаджи Садыковым нам были представлены фотографии с обряда тасаттык, который провели волгоград-

ские казахи в мае 2021 г. [ПМА 2021].

Для многих горожан-казахов сакральным (особо почитаемым) местом памяти является Мамаев Курган. Музей Сталинградской битвы и Мамаев Курган являются культовым, сакральным. Они приходят сюда почтить память участников войны, отдать дань памяти погибшим. Особым почитанием пользуется Воинское мемориальное кладбище советских воинов, павших в Сталинградской битве 1942–1943 гг. (западный склон Мамаева кургана). Оно состоит из Мемориальных стен с фамилиями 6 480 воинов, павших в этой битве. Первой расположена мемориальная плита Нуркена Абдирова (9 августа 1919 г. – 19 декабря 1942 г.), который направил свой горящий самолет в колонну из 6 немецких танков, пожертвовав собственной жизнью, чтобы уничтожить врага. Всего за 16 боевых вылетов Нуркен Абдиров уничтожил 12 танков, 28 автомашин с живой силой и техникой, 18 повозок с боеприпасами, 1 цистерну с горючим, подавил огонь 3 орудий зенитной артиллерии. 31 марта 1943 г. сержанту Н. Абдирову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [Абдиров 2017]. На мемориальной плите Нуркена Абдирова каждый день свежие цветы.

Накануне празднования Дня Победы 29 апреля 2018 г. на территории военного кладбища Мамаева кургана появился памятный знак в честь воинов-казахстанцев, погибших в Сталинградской битве. В церемонии открытия приняли участие представители Казахстана, казахской общины региона, а также общественных организаций двух стран [Серенко 2018].

4.4. Увековечивание памяти павших в локальных военных конфликтах

Почитаемыми местами для местных жителей являются местные мемориалы в честь воинов-интернационалистов, поскольку советская афганская война и чеченские конфликты привели к появлению сотен новых воинских мемориалов и памятников, разбросанных по всем регионам России. В Оренбургской области мы заметили процесс сакрализации имен воинов, принимавших участие в локальных военных конфликтах. Так, в г. Соль-Илецк имеются мемориальные доски на стенах школ, где учились его уроженцы, погибшие в боевых действиях в Афганистане. В с. Тамар-Утку-

ле свято хранят память о Руслане Шудабаеве, Тимуре Пискунове и Омаре Батишеве, погибших в Чечне, в честь героев-земляков здесь установлен памятник.

Акты коммеморации проводятся в наши дни и в честь павших во время специальной военной операции на Украине воинов. Так, мемориальная доска памяти Азамата Жанкулова появилась на здании Степной школы Ташлинского района Оренбургской области. На торжественном митинге присутствовали односельчане и родственники погибшего, представители органов власти и общественности, юнармейцы и школьники. В своем выступлении на митинге глава района Владимир Сусликов отметил: «Мы потеряли истинного патриота. Азамат жил и погиб, как настоящий мужчина, защищая жителей Донбасса, защищая нашу Родину. Мы все в неоплатном долгу перед ним. Именно на таких парней должно равняться подрастающее поколение. Азамат награжден орденом «Мужества» посмертно» [В Ташлинском районе 2022].

Мемориальную доску в честь погибшего во время специальной военной операции на Украине Эльдара Мурташина установили в поселке Саракташ Оренбургской области на здании средней общеобразовательной школы № 1 им. 70-летия Победы. Указом президента РФ оренбуржец посмертно награжден орденом Мужества [В Саракташе 2022].

С инициативой об увековечении памяти погибшего в июле 2022 г. смертью героя волжского казаха — подполковника Каната Мукатова выступила Региональная казахская национально-культурная автономия области. Его имя присвоено Эльтонской школе в Палласовском районе Волгоградской области.

По данным, размещенным на сайте интернет-издания PROOREN.RU, за участие в спецоперации по освобождению Донбасса орденов Мужества посмертно также были удостоены уроженцы Оренбургской области — Нариман Кабылов из Первомайского района, Жанат Рысмуханбетов из с. Елизаветинки Адамовского района, Данияр Тасмухамбетов и Алмаз Сатуалдыпов из Акубалкского района, оренбуржец Анвар Хусаинов, Малик Ертлеуов из с. Бурного Соль-Илецкого района, Мирлан Мусаев из пос. Караванного, Рустам Кун-

жариков из с. Казачьей Губерли Гайского городского округа, Салават Джалиев из Грачевского района, уроженец Орска Жан-таур Искалиев.

Спецоперация на Украине стала новым фактором патриотической мобилизации населения России и воспитания военного патриотизма. Так, в г. Волгограде образовалось движение «Молодой десант». Волгоградская молодежь собирает гуманитарную помощь жителям Донбасса и российским военным, проводит флешмобы в поддержку армии, активно борется с фейками в социальных сетях. Представитель движения Павел Котляров сообщил: «Мы хотим, чтобы волгоградцы помнили всех наших героев, погибших при выполнении воинского долга, защищающих свое отечество во время спецоперации по демилитаризации Украины, помнили земляки. Предлагаем на домах, где они проживали в Волгограде, установить мемориальные таблички. Нужно, чтобы люди проходили мимо и помнили — в этом доме, на этой улице жил один из наших героев» [*Молодежь Волгограда 2022*]. Юнармейскому отряду Степной средней школы Оренбургской области присвоено имя участника специальной военной операции на Украине Азамата Жанкулова.

5. Заключение

Сакрализация жизненного пространства в какой-то мере является проявлением этнической и родовой самоидентификации казахского населения. Мы видим здесь стремление знать собственную историю, сохранить «свою память». В этом процессе задействованы различные общественные организации, учреждения культуры и административные органы.

Среди сакральных мест казахов особое значение имеют мемориалы светских лиц, совершивших подвиги во имя народа. Это мемориалы и памятники в честь Естек-

бай-батыра, героев Великой Отечественной войны, воинов-интернационалистов. В статье приведен далеко не полный перечень региональных традиций, связанных с именами героев и участников военных событий. Но и эти примеры являются ярким подтверждением того, что память о народном подвиге жива и продолжает жить в общественном сознании казахов приграничных с Казахстаном российских областей.

На примере места памяти в честь Естекбай-батыра мы прослеживаем актуализацию исторических образов. В ходе коммеморации образы героев приближаются к очищенному идеальному типу. Такое всенародное чествование героев говорит о том, что дискурс национальной героизации продолжает функционировать как средство выражения «национальных качеств, традиций и отличий» [*Danilova, Kolpinskaya 2020: 179*].

Изучение памятных мест, связанных с героями войн, дает возможности для осмысления моральных идеологий, выраженных в этих местах.

Решающая роль в выборе, создании и популяризации таких мнемонических мест принадлежит властным структурам, от позиции которых зависит статус, получаемый тем или иным героем национальной (этнической) истории.

Успешной инструментализации военной памяти способствовало то, что на уровне народных настроений память о Великой Отечественной войне оставалась важным консолидирующим элементом. Новыми факторами патриотической мобилизации населения России и воспитания военного патриотизма стали военные операции в Афганистане, Чечне и СВО на Украине.

Наблюдения и выводы, предлагаемый концептуальный подход и результаты исследования могут способствовать дальнейшему углублению теоретических и эмпирических разработок по этой теме.

Полевые материалы авторов

ПМА 2021 — Полевые материалы авторов за 2021 г. Экспедиция по проекту «Духовные святыни казахов ближнего зарубежья (на примере приграничных с Западным Казахстаном областей РФ)».

Author's Field Data

Expedition materials of 2021 (project 'Spiritual Shrines of Kazakhs in Near-Abroad Countries: A Case Study of Russia's Regions Bordering West Kazakhstan').

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки слав. культуры, 2004. 363 с.
- Васильев 2015 — *Васильев А. Г.* Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2015. С. 29–57.
- В Саракташе 2022 — В Саракташе установили мемориальную доску погибшему под Киевом Эльдару Мурташину [электронный ресурс] // Интернет-издание ProOren.ru. Новости Оренбурга. 23 мая 2022. URL: <https://prooren.ru/news/obschestvo/v-saraktashe-ustanovili-memorialnuyu-dosku-pogibshemu-pod-kievom-eldaru-murtashinu> (дата обращения: 23.05.2022).
- В Ташлинском районе 2022 — В Ташлинском районе открыли мемориальную доску погибшему на Украине Азамату Жанкулову [электронный ресурс] // Интернет-издание ProOren.ru. Новости Оренбурга. 16 июня 2022. URL: <https://prooren.ru/news/obschestvo/v-tashlinskom-rayone-otkryli-memorialnuyu-dosku-pogibshego-na-ukraine-azamatu> (дата обращения: 15.07.2022).
- Абдиров 2017 — Абдиров Нуркен Абдирович // Герои Дона: биобиблиографический справочник / Донская государственная публичная библиотека / сост. Н. Н. Зайцева. Ростов н/Д, 2017 [электронный ресурс] // Донской временник. Краеведение Ростовской области. URL: <http://donvrem.dspl.ru/archPersonaliiArtText.aspx?pid=32&id=662> (дата обращения: 10.07.2022).
- День Победы 2022 — День Победы является праздником почти для всех жителей России — опрос [электронный ресурс] // ИА REGNUM. 7 мая 2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3585267.html> (дата обращения: 07.05.2022).
- Зерубавель 2004 — *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти (пер. с англ. М. Лоскутовой) // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 71–90.
- Золотые звезды 2005 — Золотые звезды Оренбуржья: биографический справочник / ред. Е. А. Урбанович. Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2005. 595 с.
- Ларина 2019 — *Ларина Е. И.* Сакральные пространства казахов: историческая память, этнотопия и идентичность // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Вып. 1(75). С. 399–423. DOI: 10.18254/S0002560-5-1
- Мегилл 2007 — *Мегилл А.* Историческая эпистемология / пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
- Молодежь Волгограда 2022 — Молодежь Волгограда предлагает властям увековечить память военных, погибших на Украине [электронный ресурс] // Сетевое издание ИА «Высота 102». 12 мая 2022. URL: <https://v102.ru/news/106919.html> (дата обращения: 12.05.2022).
- Население 2021 — Население 2021. ВПН-2021-этно [электронный ресурс] // URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1ySRD5_gshS1fKoG84fqLJwDeVy3A0vfg/edit#gid=1090207688 (дата обращения: 24.05.2023).
- Нора 1999 — *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / сост. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: С.-Петерб. ун-т, 1999. С. 7–50.
- Нурғалиева 2012 — *Нурғалиева Ж. К.* Национализация истории как ключевой ресурс конструирования новой коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 12. Вып. 1. С. 236–243.
- Сафронова 2018 — *Сафронова Ю. А.* Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти / науч. ред.: А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 11–26.
- Серенко 2018 — *Серенко А.* На Мамаевом кургане установлен памятник в честь героев-казахстанцев [электронный ресурс] // Независимая газета. 29 апреля 2018 г. URL: https://www.ng.ru/regions/2018-04-29/100_volgograd290418.html (дата обращения: 17.08.2022).
- Туркина, Антонова 2019 — *Туркина В. Г., Антонова Е. Л.* Как работает память в городе // *Colloquium-journal*. 2019. № 21(45). С. 1–3.
- Чернякова 2014 — *Чернякова О.* На Баузде установят памятник Естекбаю-батыру // Новоорская газета. 2014. № 63. 14 августа. С. 2.
- Bigozhin 2018 — *Bigozhin U.* Local Politics and Patronage of a Sacred Lineage Shrine in Kazakhstan // *Central Asian Affairs*. 2018. Vol. 5. Iss. 3. Pp. 233–252.
- Cypher 2022 — *Cypher James M.* The Political Economy of Systemic U.S. Militarism // *Monthly Review: An Independent Socialist Magazine*. 2022. Vol. 73. Iss. 11. Pp. 23–37.

- Danilova, Kolpinskaya 2020 — *Danilova N., Kolpinskaya E.* The Politics of Heroes through the Prism of Popular Heroism // *British Politics*. 2020. Vol. 15. Pp. 178–200.
- Halbwachs 1992 — *Halbwachs M.* On Collective Memory / transl. Lewis A. Coser. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1992. 244 p.
- Meretoja 2021 — *Meretoja H.* Dialogics of Counter-Narratives // *The Routledge Handbook of Counter-Narratives* / ed. by K. Lueg, M. Wolff Lundholt. London: Routledge, 2021. Pp. 30–42.
- Meyer 2008 — *Meyer E.* Memory and Politics // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin: de Gruyter, 2008. Pp. 173–181.
- Olick 2007 — *Olick J.* The Politics of Regret. New York: Taylor & Francis Group, 2007. 240 p.
- Rigney 2018 — *Rigney A.* Remembrance as remaking: Memories of the nation revisited // *Nations and Nationalism*. 2018. No. 24(2). Pp. 240–257.
- Shub 2020 — *Shub M.* Cultural Assessment of Commemorative Practices: Methodological Aspects // *KnE Social Sciences: Questions of Expertise in Culture, Arts and Design*. 2020. № 4(11). Pp. 138–144. DOI: 10.18502/kss.v4i11.7541
- Weber 2005 — *Weber C.* International Relations Theory: A Critical Introduction. Second edition. London: Routledge, 2005. 222 p.

References

- Abdirov Nurken Abdirovich. In: Zaytseva N. N. (comp.) *Heroes of the Don: A Biobibliographic Guide*. Don Public Library. Rostov-on-Don, 2017. On: Donskoy Vremennik (website). History and Lore of Rostov Oblast. Available at: <http://donvrem.dspl.ru/archPersonaliiArtText.aspx?pid=32&id=662> (accessed: 10 July 2022). (In Russ.)
- Assmann J. *Cultural Memory: Script, Recollection, and Political Identity in Early Civilizations*. M. Sokolskaya (transl.). Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2004. 363 p. (In Russ.)
- Bigozhin U. Local politics and patronage of a sacred lineage shrine in Kazakhstan. *Central Asian Affairs*. 2018. Vol. 5. No. 3. Pp. 233–252. (In Russ.)
- Chernyakova O. Monument to Yestekbay Batyr be installed on the Bauzda. *Novoorskaya gazeta*. 2014, August 14. No. 63. P. 2. (In Russ.)
- Cypher J. M. The political economy of systemic U.S. militarism. *Monthly Review: An Independent Socialist Magazine*. 2022. Vol. 73. No. 11. Pp. 23–37. (In Eng.)
- Danilova N., Kolpinskaya E. The politics of heroes through the prism of popular heroism. *British Politics*. 2020. Vol. 15. Pp. 178–200. (In Eng.)
- Halbwachs M. On Collective Memory. L. A. Coser (transl.). Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1992. 244 p. (In Eng.)
- Larina E. I. Sacral spaces of Kazakhs: Historical memory, hierotopy and identity. *Istoriya*. 2019. No. 1(75). Pp. 399–423. (In Russ.) DOI: 10.18254/S0002560-5-1
- Megill A. *Historical Epistemology*. M. Kukartseva, V. Kataev, V. Timonin (transl.). Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya, 2007. 480 p. (In Russ.)
- Memorial tablet to Azamat Zhankulov killed in Ukraine opened in Tashlinsky District. On: ProOren.ru (online media outlet). News of Orenburg. Posted on 16 June 2022. Available at: <https://prooren.ru/news/obschestvo/v-tashlinskoy-rayone-otkryli-memorialnuyu-dosku-pogibshhego-na-ukraine-azamatu> (accessed: 15 July 2022). (In Russ.)
- Memorial tablet to Eldar Murtashin killed in action near Kiev installed in Saraktash. On: ProOren.ru (online media outlet). News of Orenburg. Posted on 23 May 2022. Available at: <https://prooren.ru/news/obschestvo/v-saraktashe-ustanovili-memorialnuyu-dosku-pogibshemu-pod-kievom-eldaru-murtashinu> (accessed: 23 May 2022). (In Russ.)
- Meretoja H. A dialogics of counter-narratives. In: Lueg K., Wolff Lundholt M. (eds.) *The Routledge Handbook of Counter-Narratives*. London: Routledge, 2021. Pp. 30–42. (In Eng.)
- Meyer E. Memory and politics. In: Erll A., Nünning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008. Pp. 173–181. (In Eng.)
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire. In: Nora P. et al. (comps.) *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. St. Petersburg: St. Petersburg University, 1999. Pp. 7–50. (In Russ.)
- Nurgalieva Zh. K. Nationalization of history as a key tool to create new collective identity. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12*. 2012. No. 1. Pp. 236–243. (In Russ.)
- Olick J. *The Politics of Regret*. New York: Taylor & Francis Group, 2007. 240 p. (In Eng.)
- Rigney A. Remembrance as remaking: Memories of the nation revisited. *Nations and Nationalism*. 2018. No. 24(2). Pp. 240–257. (In Eng.)

- Russian Census of 2021. Ethnic Composition (БНН-2021-этно). Available at: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1ySRD5_gshS1fKoG-84fqLJwDeVy3A0vfg/edit#gid=1090207688 (accessed: 24 May 2023). (In Russ.)
- Safronova Yu. A. Memory studies: Evolution, problematics and institutional development. In: Miller A. I., Yefremenko D. V. (eds.) *Research on Political Memory: Issues of Methodology*. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 11–26. (In Russ.)
- Serenko A. Monument commemorating soldiers of Kazakhstan be installed on Mamayev Kurgan. On: *Nezavisimaya Gazeta* (website). Posted on 29 April 2018. Available at: https://www.ng.ru/regions/2018-04-29/100_volgograd290418.html (accessed: 17 August 2022). (In Russ.)
- Shub M. Cultural assessment of commemorative practices: Methodological aspects. *KnE Social Sciences: Questions of Expertise in Culture, Arts and Design*. 2020. No. 4(11). Pp. 138–144. (In Eng.) DOI: 10.18502/kss.v4i11.7541
- Turkina V. G., Antonova E. L. How memory works in the city. *Colloquium-journal*. 2019. No. 21(45). Pp. 1–3. (In Russ.)
- Urbanovich E. A. (ed.) *Gold Stars of Orenburg Land: A Biographical Guide*. Orenburg: Yuzhnyi Ural, 2005. 595 p. (In Russ.)
- Vasilyev A. G. Cultural memory/oblivion and national identity: Theoretical foundations of analysis. In: Kochelyaeva N. A. (ed.) *Cultural Memory and the Shaping of 21st-Century Russia's National Identity*. Joint monograph. New Institute for Cultural Research. Moscow: Sovpadenie, 2015. Pp. 29–57. (In Russ.)
- Victory Day perceived as holiday by virtually all citizens of Russia – opinion poll. On: REGNUM News Agency. Posted on 7 May 2022. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/3585267.html> (accessed: 7 May 2022). (In Russ.)
- Weber C. *International Relations Theory: A Critical Introduction*. 2nd edition. London: Routledge, 2005. 222 p. (In Eng.)
- Youth of Volgograd request authorities to memorialize soldiers and officers killed in Ukraine. On: Vysota 102 (online media outlet). Posted on 12 May 2022. Available at: <https://v102.ru/news/106919.html> (accessed: 12 May 2022). (In Russ.)
- Zerubavel Y. Dynamics of collective memory. M. Loskutova (transl.). *Ab Imperio*. 2004. No. 3. Pp. 71–90. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 3, Pp. 495–504, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(394)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-495-504

Благотворительная деятельность мусульманского купечества Казахстана в XIX – начале XX в.

Зуфар Александрович Махмутов¹, Татьяна Алексеевна Титова²

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (д. 12, ул. Исаева, 420039 Казань, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-1063-4061. E-mail: [zufar\[at\]inbox.ru](mailto:zufar[at]inbox.ru)

² Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0001-5921-3287. E-mail: [tatiana.titova\[at\]rambler.ru](mailto:tatiana.titova[at]rambler.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Махмутов З. А., Титова Т. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В XIX в. в степной зоне Российской империи сформировался мощный класс мусульманского купечества, который составляли татары, казахи, сарты, бухарцы, уйгуры, шалаказахи. Центрами сосредоточения его стали города Семипалатинск (ныне — Семей) и Петропавловск. *Целью* настоящей работы является выявление результатов благотворительной деятельности мусульманского купечества. Задачей стало установление специфики меценатства и его основных направлений. *Материалы и методы.* Источниковой базой работы послужили документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан, Исторического архива Омской области, Национального архива (бывшего Центрального государственного исторического архива) Республики Башкортостан, Российского государственного исторического архива, Северо-Казахстанского областного архива, а также дореволюционные периодические издания, отчеты благотворительных мусульманских обществ, справочные и энциклопедические материалы. В исследовании применялись общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и специальные исторические методы (сравнительно-исторический и ретроспективный). В *результате* исследования были обозначены основные направления мусульманской благотворительности в степной зоне: социальная поддержка, просветительская и образовательная деятельность. Меценатство мусульманских купцов было ориентировано не только на решение внутриконфессиональных, но и общегосударственных потребностей. Если помощь предпринимателей в решении общегосударственных задач поддерживалась царской администрацией, то мусульманская филантропия сталкивалась с целым рядом проблем. Были сложности с получением разрешений на строительство мечетей, с функционированием ме-

дресе, благотворительных организаций, были запрещены благотворительные фонды вакуфы (вакфы). Несмотря на бюрократические и административные барьеры, мусульманам удалось создать целостную систему финансирования собственных нужд.

Ключевые слова: купцы-мусульмане, купечество, благотворительность, история, Казахстан, степная зона

Благодарность. Статья выполнена в рамках реализации проекта № AP14871281 «Роль купечества в трансформации социокультурного пространства Казахстана во второй половине XIX – начале XX вв.» при поддержке гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Для цитирования: Махмутов З. А., Титова Т. А. Благотворительная деятельность мусульманского купечества Казахстана в XIX – начале XX в. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 495–504. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-495-504

Charitable Activities of Kazakhstan's Muslim Merchants: 19th – Early 20th Centuries

Zufar A. Makhmutov¹, Tatiana A. Titova²

¹ Federal Center for Psychological and Interdisciplinary Research (12, Isaev St., 420039 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-1063-4061. E-mail: zufar[at]inbox.ru

² Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0001-5921-3287. E-mail: tatiana.titova[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Makhmutov Z. A., Titova T. A., 2023

Abstract. Introduction. The 19th century witnessed the emergence of a powerful Muslim merchant class in the steppe zone of Imperial Russia. Those were ethnic Tatars, Kazakhs, Sarts, Bukharans, Uighurs, and Shala Kazakhs based in Petropavlovsk and Semipalatinsk. **Goals.** The work aims to identify outcomes of charitable activities undertaken by Muslim merchants. Another objective is to distinguish the specifics of charity efforts and the latter's main directions. **Material and methods.** The paper investigates documents housed at the Central State Archive of Kazakhstan, Historical Archive of Omsk Oblast, National Archive (former Central State Historical Archive) of Bashkortostan, Russian State Historical Archive, Archive of North Kazakhstan Region, and pre-revolutionary periodicals, reports of Muslim charitable societies, reference and encyclopedic materials. The study employs both general scientific (analysis, synthesis, generalization) and special historical research methods (comparative-historical and retrospective ones). **Results.** The paper outlines key directions of Muslim charities in the steppe, namely: social support, enlightening and educational endeavors. Muslim merchant benefactors tended to meet not only intra-confessional needs but also nationwide ones too. And while the imperial administration did welcome the assistance from entrepreneurs in solving country-wide problems, Muslim philanthropy would still face a number of obstacles. Officials were reluctant enough to grant permits for mosque constructions, inclined to limit the functioning of madrassas and charitable organizations, banned *waqfs*. However, despite all the bureaucratic and administrative barriers Muslims did manage to create a coherent system of funding their needs.

Keywords: Muslim traders, merchants, charity, history of Kazakhstan, steppe zone

Acknowledgements. The reported study was granted by the Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan (Science Committee), project no. AP14871281 'Impacts of Merchants to the Sociocultural Transformation of Kazakhstan: Mid-19th – early 20th Centuries.

For citation: Makhmutov Z. A., Titova T. A. Charitable Activities of Kazakhstan's Muslim Merchants: 19th – Early 20th Centuries. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 495–504. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-495-504

1. Введение

Несмотря на то, что в последние годы появляются работы, характеризующие региональные аспекты организации благотворительной деятельности в Казахстане, этноконфессиональный аспект филантропии изучен в недостаточной мере. Особенности мусульманского меценатства в степной зоне были обусловлены как спецификой самого ислама, так и национальным курсом Российской империи по отношению к иноверцам. Благотворительность является одним из центральных элементов в исламской системе ценностей. Аяты Корана призывают совершать ее обязательно, как и ежедневные молитвы. Мусульманское благодеяние проявляется в четырех направлениях. Первое заключается в оказании добровольной безвозмездной помощи в виде различных даров, милостынь, пожертвований (*садака*). Вторым направлением деятельности является беспроцентный заем нуждающимся в нем (*кард аль хасан*). Третье — это обязательные выплаты с дохода и имущества определенного процента — своего рода религиозного налога (*закят*) и сельскохозяйственная выплата имамам (*ушура*). И четвертое — это создание благотворительных фондов (вакуфов), необходимых для функционирования религиозных институций [Надеева 2014: 368]. Важное значение в жизни мусульман играла *махалля* (община). Состоятельные члены общины должны были поддерживать нуждающихся людей. Обязательным центром махалли была мечеть. Если в начальный период внутренней колонизации Российской империей степной зоны государство выделяло средства на строительство религиозных храмов для мусульман и даже выплачивало жалования духовным лицам, то позже иноверцы должны были самостоятельно создавать необходимую для себя религиозную инфраструктуру и поддерживать ее работу.

2. Материалы и методы

Ценнейшим источником по мусульманской благотворительности в степной зоне являются фонд Оренбургского магометанского духовного собрания в Национальном

архиве Республики Башкортостан (НА РБ), фонд «Канцелярия Степного генерал-губернатора» в Центральном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК), фонд Департамента духовных дел иностранных исповеданий в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

Использование в нашей работе сравнительно-исторического метода позволило выявить общее и особенное в благотворительной деятельности мусульман степной зоны в разных регионах, использование ретроспективного метода — этапы развития меценатства.

3. Историография вопроса

Одними из первых работ, затрагивающими благотворительную деятельность мусульманского купечества степной зоны, стали труды мусульманских улемов Галимджана Баруди [Баруди 2004], Ахмад-вали Мунасыпова (Ахмад-Вали ибн Али ал-Казани), Курбангали Халиди [Materials 2001]. В них они описывали историю строительства мечетей в Семипалатинске и Петропавловске, в двух крупных мусульманских центрах региона, называли фигуры наиболее ярких мусульманских меценатов. Однако к информации, представленной в работах, нужно относиться осторожно, поскольку ее основным источникам были устные сообщения.

В советское время из-за политических соображений тема религиозного меценатства купцов оставалась вне фокуса научных исследований и приобрела актуальность лишь после снятия идеологических клише в 1990-е гг. В 2000-е гг. вышли фундаментальные труды Д. Д. Азаматова о вакуфах мусульман в Российской империи [Азаматов 2000], З. С. Миннуллина [Миннуллин 2008] и Д. М. Усмановой [Usmanova 2020] — о мусульманских благотворительных организациях. Вопросы благотворительной деятельности мусульман в отдельных регионах степной зоне затрагивались Э. М. Гибадуллиной [Гибадуллина 2013], П. К. Дашковским и Е. А. Шершневой [Дашковский, Шершнева 2021], И. К. Загидулли-

ным [Загидуллин 2011], А. С. Керейбаевой [Керейбаева 2016], Н. И. Таировым [Таиров 2003], П. С. Шаблеем [Шаблей 2013; Шаблей 2020; Шаблей 2022], Р. Р. Шайдуллиной [Шайдуллина 2010], А. И. Хисамутдиновой-Гатиятуллиной [Хисамутдинова-Гатиятулина 2022] и др.

4. Социальная поддержка и помощь малоимущим

Традиционным направлением благотворительности мусульман степной зоны была социальная поддержка.

Известно, что в голодные годы казалинский купец Г. Хусаинов взял на свое попечение 300 бедных мусульман [Салихов 1892: 2], а также продавал по ниже рыночной цене муку и хлеб из своих запасов, противодействуя дефициту и инфляции жизненно важных продуктов [Шайдуллина 2010: 75], семипалатинский промышленник С. Мусин раздавал каждой семье бедняков по 2 мешка муки, 40 кг сахара, чай, соль и по 50 кг мяса [Гибадуллина 2013: 71].

Нередко купцы-мусульмане на свои средства создавали необходимые элементы городской инфраструктуры. Так, например, на пожертвования купца Н. Забирова в Акмолинске был построен детский приют, а на средства Х. Муратова была открыта первая городская больница в Петропавловске [ИА ОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3847. Л. 15].

Предприниматели Петропавловска принимали активное участие в деятельности Благотворительного комитета, созданного в сентябре 1891 г. для содержания бесплатной столовой и ночного приюта для горожан. В данный комитет входили многие известные купцы и промышленники, а именно: Ю. Усманов, Г. Тойматов, М. Шафеев, С. Шафеев, В. Янгуразов, Х. Тюменев, Р. Тюменев, Х. Бичурин, Х. Каримов, И. Куанышев, Х. Акчуринов, Н. Забиров, А. Вагапов, И. Рахматуллин, С. Максютков и потомственные дворяне Г. Шакулов, Мухамеджан и Мирхайдар Давлеткильдеевы и др. Свои пожертвования купцы вносили не только деньгами, но и продовольствием, дровами, а также другими необходимыми вещами. Например, от купца Ю. Усманова поступило более 6 т мяса, от купца М. Давлеткильдеева — около тонны мяса. Для приюта и столовой приспособили просторное здание бывшего городского училища. Вначале

предполагалось, что столовая будет давать по 500 обедов ежедневно, но очень скоро их количество увеличилось до 800 [Махмутов 2015: 21].

О масштабе благотворительной деятельности свидетельствуют массово появившиеся в регионе мусульманские благотворительные общества, несмотря на то, что региональная администрация в ряде случаев всячески препятствовала их открытию. Так, например, администрация Семиречья запретила создание Капальского мусульманского просветительского и благотворительного общества, поскольку оно, по ее мнению, дистанцирует мусульман от русских и консолидирует татар, узбеков, казахов и другие народы на почве национальных интересов [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3171. Л. 11]. Позже аналогичная участь постигла актюбинское, иргизское, павлодарское и кустанайское мусульманские общества.

В 1898 г. прошло первое заседание мусульманского благотворительного общества в Семипалатинске. Учредителями общества стали ахун Семипалатинска и имам 4-й мечети М. Г. Амиров, имам мечети № 3 Г. Г. Гамадудинов, купцы В. Х. Хамитов, С. М. Мусин, С. С. Рафиков, И. А. Нигматуллин, Х. Х. Мусагитов, М. И. Муллашев, Г. Х. Сейфуллин, Т. Х. Хасанов, И. М. Габдулжапаров, Н. Г. Измайлова, Ф. С. Мусин, Г. Х. Сейдуков, С. Габдулжапаров, И. М. Габдулжапаров, Г. А. Хусаинов, Г. М. Муртази, Ш. А. Селейманов, Я. Х. Каримов, Г. Г. Ишеев. Были выбраны председателем Мухамед Галим Амиров (позже — И. М. Габдулжапаров) и правление из 12 человек. Учредители обязались выплачивать ежегодно 100 руб. взносов. Только за первый год предпринимателям удалось собрать 8 267 руб. (4 025 руб. членских взносов и 3 820 руб. пожертвований), крупнейшие пожертвования (по 1 000 руб.) внесли С. Мусин и В. Хамитов. Некоторые купцы делали пожертвования пшеницей (например, И. А. Нигматуллин принес около 50 пудов), мясом, мануфактурным товаром, книгами, мебелью. На собранные деньги была построена богадельня, где содержались беспомощные старики, казахи и татары, выплачивалась зарплата персоналу богадельни (сторожу, дворнику, кухарке, надзирателю), шилась одежда, закупалась еда, выписывались газеты. Финансы также шли на погреб-

бение нищих, на пособия нуждающимся и выезжающим на родину [Отчет правления 1901: 10–11].

В 1902 г. на призрении общества находился 31 человек, 6 человек получали пособие, 25 человек жили в приюте постоянно [Семипалатинское 1903: 55]. Работа благотворительного семипалатинского общества не раз ставилась в пример мусульманам из других регионов России на страницах печатных изданий.

В 1906 г. начинает свою деятельность мусульманское благотворительное общество «Уральск мөселман хэйрия жәмгыяте» («Уральское мусульманское благотворительное общество»), учредителями его становятся купцы и духовные лидеры Б. Тухватуллин, М. Ф. Мусин, М. Губайдуллин, Н. Бахтиозин, Г. Кулахметов, председателем — В. Хамидуллин. Основной целью его функционирования становится снабжение неимущих едой, а бедных больных — пособиями и медикаментами [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 574. Л. 141].

Мусульманские благотворительные общества появляются в таких населенных пунктах, как Павлодар, Петропавловск, Актюбинск, Кустанай, Гурьев, Темир, Ханская ставка, Атбасар, в Джамбейты (ныне — село Жымпиты), в селах Лепси и Кызылкуга (ныне — Кызылкогам).

Несмотря на то, что подавляющее большинство объединений создавалось на религиозной основе, были и национальные организации. К татаро-казахским относились «Татар-казакъ комитеты» («Татарско-киргизский комитет») в Джаркенте, а также «Гурьев шәһәре татар-казакъ ұзара ярдәмләшү жәмгыяте» («Татарско-казахское общество взаимопомощи города Гурьева»). Основной целью первого была помощь казахам, беженцам из Западного Китая, второго — повышение культурного и материального уровня татар и казахов г. Гурьева [Татары Казахстана 2017: 379].

Были и исключительно татарские общества. Например, в Казалинске было создано «Казалы татар хэйрия жәмгыяте» («Казалинское татарское благотворительное общество»), в Атбасаре — Атбасарское благотворительное мусульманско-татарское общество. В уставе последнего четко прописывались адресаты помощи — бедные мусульмане-татары города и его окрестно-

стей [ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2962. Л. 9].

Меценаты степной зоны участвовали в общемусульманских благотворительных организациях и акциях. К примеру, потомственный татарский дворянин из Петропавловска М. Мустаев стал одним из пяти соучредителей «Мусульманского благотворительного общества в Нижегородской ярмарке» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1204. Л. 30]. Часто казахстанские мусульмане собирали деньги для помощи единоверцам в разных регионах Российской империи: например, в пользу мусульманского приюта для бедных и сирот в Уфе [Пожертвования 1897: 74], пострадавшим при землетрясении в Оше, Маргелане и Андижане [Зайсан 1903: 96], бедствующим деревни Тахталы Казанской губернии [Пожертвования 1899: 66], для строительства медресе в Хвалынске [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 627. Л. 15], соборной мечети в Санкт-Петербурге [Мустаев 1887: 1] и т. д.

Предприниматели активно расходовали деньги на общегосударственные нужды. В русско-японскую кампанию 1904–1905 гг. мусульманские общества Акмолинска, Казалинска, Петропавловска собрали существенную сумму для укрепления флота, в первую мировую войну пожертвования отправлялись комитету Красного Креста на покупку продовольствия, военных медицинских палаток для русской армии, а также в пользу пострадавших [ИА ОО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 8].

Купцы-мусульмане входили в общероссийские общественные организации, например, Н. А. Забиров (Акмолинск), С. Ш. Забиров, М. Валиев, А. Х. Латыпов, Р. В. Галеев, Х. Мулюков, Н. Тазетдинов (все из Кустаная) [Адрес-календарь 1917: 249] были членами местных благотворительных комитетов Ее Императорского Величества Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям, в которых кормильцы были призваны на первую мировую войну, К. Б. Кошегулов (Акмолинск) — Уездного комитета помощи пострадавшим от войны [Обзор 1916: 144].

Потомственный петропавловский дворянин М. Ф. Давлеткильдеев, почетный потомственный гражданин Ю. И. Усманов и верненский купец Х. А. Тюменев являлись почетными членами правления Петропав-

ловского комитета Российского общества Красного Креста [ИА ОО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 12. Л. 30].

Известно, что за активную благотворительную деятельность уральскому купцу Х. Гадыльшину было пожаловано звание «почетного гражданина Уральска», М. Яушеву — звание коммерции советника [РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 706. Л. 3], каркаралинский купец А. Хусаинов был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте, а также золотой медалью «За усердие» [Шайдуллина 2010: 75].

4.1. Мусульманская инфраструктура, религиозная и просветительская деятельность

Кроме социальной поддержки, одним из первых и основных направлений благотворительной деятельности мусульманских купцов в степной зоне было строительство мечетей. В Акмолинске (ныне — Астане) крупные суммы на это дело пожертвовали Н. Забиров и семья Кошегуловых, в Актюбинске (ныне — Актобе) — М. Ибрагимов, А. Садыков, А. Хусаинов, М. Габбасов; в Гурьеве (ныне — Атырау) — Г. Ахмиров, в Зайсане — Т. Бикчентаев, в Иргизе — Н. Габбасов, в Казалинске — братья Хусаиновы, в Каркаралинске — У. Бекметов, в Кокчетаве (ныне — Кокшетау) — Ш. Усманов, А. Халиков [ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 2121. Л. 1–20], в Кустанае (ныне — Костанай) — семья Яушевых, С. Забиров, Г. Рахимов, в Павлодаре — А. Рамазанов [Керейбаева 2016: 142], в Семипалатинске (ныне — Семей) — М. Усманов, Ф. Ахтямов, Х. Габдулмязитов, С. Мусин, В. Хамитов, Ш. Рафиков, И. Иштреков, Г. Сулейманов, К. Абдышев, Б. Рафиков, Тагир и Ибрагим Абдулатифовы [Шаблей 2013: 28], в Уральске — М. Губайдуллин и Г. Гадельшин, в Усть-Каменогорске — И. Музафаров, в Петропавловске — А. Джалтырев [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 6390. Л. 12], Д. Бичурин, Х. Янгуразов [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2757. Л. 1–34], Акчуак, Кинжебай сын Баймана, Х. Усманов, Р. Давлеткильдеев, Х. Бабилов, И. Баязитов, Х. Бикбов, М. Давлеткильдеев, К. Ялымов [Баруди 2004: 78] и т. д.

Известно, что строительство мечети в Кустанае семье Яушевых обошлось в 50 000 руб., Г. Хусаинову в Казалинске — в 10 000 руб. [А. М. 1906: 2].

Кроме финансовых затрат, мусульманам приходилось преодолевать множество бюрократических преград для получения разрешения на строительство мечетей. Так, в Кустанае мусульмане более 10 лет добивались разрешения на строительство мечетей, обращаясь к военному губернатору, в Сенат. Не менее простым делом было и получение разрешения на функционирование медресе.

Существенный финансовый вклад в открытие конфессиональных школ в Петропавловске внесли меценаты С. Муратов, Х. Тюменев, М. Давлеткильдеев, Гариф и Касым Тойматовы, в Семипалатинске — С. Рафиков, И. Иштреков, С. Мусин, И. Забиров, Тахир и Ибрагим Абдулатифовы [Шаблей 2013: 21], в Верном — И. Габдулвалиев [Таиров 2003: 145], в Аягузе — М. Максютон, в Джаркенте — М. Салихов, в Иргизе — Н. Габбасов и Б. Баязитов, в Кустанае — Г. Яушев и Г. Бекмухаметов, в Павлодаре — братья купцы Айтыкины, в Уральске — М. Губайдуллин, М. Кулаков, Бурнаев и М. Тухватуллин, в Кокчетаве — Ш. Усманов [Баруди 2004: 134] и т. д. Многие из данных учебных заведений были новометодными, джадидистскими.

Мусульманские благотворители не только вкладывали деньги в строительство медресе и мечетей, но и входили в попечительские советы, брали на себя расходы по полному их содержанию через *вакуфы*. Несмотря на то, что Временным положением с 1868 г. учреждение подобных фондов было запрещено, мусульмане продолжали их образовывать. В вакуфы передавались деньги, недвижимость, которая приносила стабильный доход. В Петропавловске купцы М. Давлеткильдеев, М. Таштемиров [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 937. Л. 221] пожертвовали в пользу мечетей и медресе торговые лавки, Н. Забиров [СКГА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1. Л. 5] — склады, Д. Бичурин, А. Мустаев, А. Джалтырев — деньги, землю с надворными постройками — И. Тойматов, Г. Тохватуллин (в Семипалатинске), А. Муртазин (в Уральске), каменные дома — Г. Гадельшин (в Уральске) и т. д. [Азаматов 2000: 53].

Кроме вакуфов, на содержание школ тратилась часть собранного с членов мусульманской уммы *закята* [Шаблей 2020: 85].

Во второй половине XIX в. мусульман-

ские купцы начинают активно вкладывать деньги в издание книг, газет, журналов.

Благодаря купцу Ш. Хусаинову в 1866 г. была напечатана одна из первых книг на казахском языке «Кассаи Тамимдар» (1866). Субсидировал казахский журнал «Айкап» Мулла-Ахмат Яушев, журнал «Эль-гаср-эль-джадид» («Новый век», 1905–1907) и газету «Фикер» («Мысль», 1905–1907) — К. Тухватуллин. Журнал «Эль-гаср-эль-джадид» и газета «Фикер» были вскоре запрещены [Яхин 1974: 28].

Братьям Садику, Султану и Хасану Нигматуллиным в Семипалатинске удалось открыть типографию «Ярдым», где издавалось множество литературы на татарском и казахском языках [Каримуллин 1974: 83].

Состоятельные мусульмане финансировали в крае для своих единоверцев библиотеки, которые, в отличие от подобных заведений Волго-Уральского региона, не получали каких-либо земских отчислений [Шаблей 2022: 541].

Читальни появляются в Верном (с 1907 г.), в Гурьеве (ныне — Атырау), в Джамбейты (ныне — п. Джамбейты), в Иргизе, в Кокчетаве, в Лепсинке, в Капалах, в Мартуке, в Павлодаре, в Петропавловске (с 1909 г.), Семипалатинске (с 1904 г.), в Усть-Каменогорске. Для их содержания создавались специальные благотворительные общества. Учредителями новоиспеченных обществ становились богатые мусульманские купцы и мещане, которые должны были платить специальные взносы на их содержание и обеспечение библиотечного фонда. В Мартуке Г. Шагиахметов подарил мусульманской библиотеке здание [Аитов 1917: 2].

Благодаря меценатам широкие слои мусульманского общества получили доступ к прогрессивным книгам и газетам, в том числе к газете «Терджиман» («Переводчик»), популяризовавшей идеи джадидизма и пантюркизма.

В начале XX в. меценаты начинают поддерживать и театральное движение. Мусульманский театр в Акмолинске финансировала семья Кошгуловых, в Семипалатинске

— семья Мусиных, в Верном — З. Тазетдинов [Хисамутдинова-Гатиятулина 2022: 159].

Для поддержки театрального дела были созданы «Верный шаһаре мөселман музыка ва драма жәмгыяте» («Мусульманское музыкально-драматическое общество города Верный»), «Ирекле хэйрия жәмгыяте» («Свободное благотворительное общество»), Казалы мөселман театр түгәрәге» («Казалинский мусульманский театральный кружок»). При помощи купцов создаются специальные организации «Гыйльми мәжлес» («Научное собрание») в Уральске, «Төрөк-татар мәгариф ва мәданият дәрнәге» («Кружок просвещения и культуры тюрко-татар») — в Петропавловске, которые не только поддерживали функционирование театров и библиотек, но и проводили литературные вечера, издавали рукописные газеты.

5. Заключение

Формирование мусульманского купечества в степной зоне в XIX в. приводит к активному развитию частных инициатив, которые со временем институализируются. Данный класс предпринимателей сыграл важную роль в трансформации социокультурного пространства региона. Благодаря благотворительной деятельности мусульманских купцов была выстроена не только конфессиональная, но и городская инфраструктура: появились больницы, приюты, мечети, школы, театры, библиотеки, типографии.

Новые институции были ориентированы на решение вопросов социальной помощи, просветительской и образовательной деятельности. Школы, библиотеки и печатные издания в регионе активно поддерживали использование национальных языков, распространяли идеи джадидизма, реформаторства, консолидации мусульман в единое целое — нацию. Это позволяло мусульманским народам успешно противостоять ассимиляционной политике российского государства, сохранять свое языковое и культурное пространство.

Источники

ИА ОО — Исторический архив Омской области.
НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.
РГИА — Российский государственный исторический архив.

СКГА — Северо-Казахстанский областной архив.

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Sources

Archive of North Kazakhstan Region.
Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

Historical Archive of Omsk Oblast.
National Archive of the Republic of Bashkortostan.
Russian State Historical Archive.

Литература

- А. М. 1906 — *А. М.* Из Казалинска // Вақыт. 1906. № 74. 16 сентября. С. 2.
- Адрес-календарь 1917 — Адрес-календарь Тургайской области за 1917 год. Оренбург: Тип. Тург. обл. правл., 1917. 343 с.
- Азаматов 2000 — *Азаматов Д. Д.* Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX века. Уфа: БашГУ, 2000. 102 с.
- Аитов 1917 — *Аитов Ф.* Мартук // Вақыт. 1917. 5 июля. С. 2.
- Гибадуллина 2013 — *Гибадуллина Э. М.* Татарские торговцы в Семипалатинской области Казахстана во второй половине XIX – начале XX вв. // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4. С. 70–72.
- Дашковский, Шершнева 2021 — *Дашковский П. К., Шершнева Е. А.* Благотворительность мусульманских общин Западной и Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Былые годы. 2021. № 16(1). С. 210–221.
- Загидуллин 2011 — *Загидуллин И. К.* Из социокультурной жизни татар Петропавловска (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. ст. Вып. 1 / редкол.: И. К. Загидуллин (сост. и отв. ред.), Л. Ф. Байбулатова, Н. С. Хамитбаева. Казань: Ихлас, 2011. С. 65–88.
- Зайсан 1903 — *Зайсан* // Переводчик. 1903. № 23. 16 июня. С. 96.
- Каримуллин 1974 — *Каримуллин А. Б.* Татарская книга начала XX века. Казань: Татарск. кн. изд-во, 1974. 320 с.
- Керейбаева 2016 — *Керейбаева А. С.* Благотворительная и меценатская деятельность предпринимателей степного края второй половины XIX – начала XX в. в контексте российской государственной политики: историографический аспект // Казахи Евразии: история и культура: сб. науч. тр. / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: Ш. К. Ахметова и др. Омск: ОГУ им. Достоевского; Павлодар: ПГПИ, 2016. С. 140–146.
- Махмутов 2015 — *Махмутов З. А.* Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы. Казань: Яз, 2015. 156 с.
- Миннуллин 2008 — *Миннуллин З. С.* Возникновение и развитие мусульманских благотворительных организаций России (XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. № 8. С. 198–202.
- Мустаев 1887 — *Мустаев М. А.* Петропавловск // Переводчик. 1887. № 3. 18 января. С. 1.
- Надеева 2014 — *Надеева М. И.* Ислам как фактор социального поведения // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 9. С. 365–369.
- Обзор 1916 — Обзор Акмолинской области за 1916 год. Омск: Тип. Акмолин. обл. правления, 1916. 230 с.
- Отчет правления 1901 — Отчет правления попечительства о бедных мусульманах Семипалатинска за 1900 год. Казань: Тип. Торг. Дома бр. Каримовых, 1901. 29 с.
- Пожертвования 1897 — Пожертвования // Переводчик. 1897. № 19. 12 мая. С. 74.
- Пожертвования 1899 — Пожертвования // Переводчик. 1899. № 17. 7 мая. С. 66.
- Салихов 1892 — *Салихов Э.* Казалинск // Переводчик. 1892. № 1. 8 января. С. 2.
- Семипалатинское 1903 — Семипалатинское // Переводчик. 1903. № 14. 12 апреля. С. 55.
- Таиров 2003 — *Таиров Н. И.* Исхак Габдулвалиев: татарский купец и благотворитель // Гасырлар авазы (= Эхо веков). 2003. № 1–2. С. 143–146.
- Татары Казахстана 2017 — Татары Казахстана: краткая иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост.: Р. В. Шайдуллин (гл. ред.), И. Р. Валиуллин, Р. Р. Батыршин, Ф. Г. Калимуллина, Ф. Г. Миниханов. Казань: ИТЭиР АН РТ, 2017. 524 с.
- Хисамутдинова-Гатиятулина 2022 — *Хисамутдинова-Гатиятулина А. И.* Значимые люди татарской диаспоры, стоявшие у истоков культуры, экономики, социальной жизни города Верного (жизнеописание, события, итоги). Алматы: ТОО «Таугуль Принт», 2022. 348 с.
- Шаблей 2022 — *Шаблей П. С.* Библиотека имени Исмаила Гаспринского в Семипалатинске в начале XX века // Minbar: Islamic

- Studies. 2022. Т. 15. № 3. С. 532–548. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-3-532-548
- Шаблей 2020 — Шаблей П. С. История татарской общины Семипалатинска // Историческая этнология. 2020. Т. 5. № 1. С. 75–94.
- Шаблей 2013 — Шаблей П. С. Очерк по истории мусульманских общин Семипалатинска (конец XVIII – XIX век). Костанай: Костанайский дом печати, 2013. 76 с.
- Шайдуллина 2010 — Шайдуллина Р. Р. Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусаиновых (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 212 с.
- Яхин 1974 — Яхин Ф. З. Татарская литература в периодической печати Уральска: 1905–1907. Казань: Татарск. кн. изд-во, 1974. 320 с.
- Баруди 2004 — Баруди Г. Кызылъяр сәфәре (= Поездка в Петропавловск). Казан: Иман, 2004. 164 б.
- Materials 2001 — Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad Wali al-Qazani and Qurban Ali Khalidi / A. Frank, M. A. Usmanov (AnOR. Vol. 11). Berlin: Das Arabische Buch, 2001. 97 p.
- Usmanova 2020 — Usmanova D. Tatar Cultural and Educational Organizations and Charities: Muslim Self-Organization in the Russian Empire // The Matica and Beyond. Cultural Association and Nationalism in Empire / ed. by K. Lajosi, A. Stypen. Leiden: Brill, 2020. Pp. 325–357.

References

- 1900 Report by the Board of Guardians on Poor Muslims of Semipalatinsk. Kazan: Karimovs Trading House, 1901. 29 p. (In Russ.)
- A. M. From Kazalinsk. *Waqit*. 1906, September 16. No. 74. P. 2. (In Russ.)
- Address-Calendar of Turgay Oblast: The Year 1917. Orenburg: Turgay Oblast Government Press, 1917. 343 p. (In Russ.)
- Aitov F. Martuk. *Waqit*. 1917, July 5. P. 2. (In Russ.)
- Akmolinsk Oblast: A 1916 Review. Omsk: Akmolinsk Oblast Government Press, 1916. 230 p. (In Russ.)
- Azamatov D. D. Waqfs in European Russia and Siberia, Late 19th – Early 20th Century: A History of Muslim Charity. Ufa: Bashkir State University, 2000. 102 p. (In Russ.)
- Barudi G. Journey to Petropavlovsk. Kazan: Iman, 2004. 164 p. (In Tat.)
- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Charity of Muslim communities in Western and Southern Siberia in the second half of the XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 2021. No. 16(1). Pp. 210–221. (In Russ.)
- Donations. *Perevodchik*. 1897, May 12. No. 19. P. 74. (In Russ.)
- Donations. *Perevodchik*. 1899, May 7. No. 17. P. 66. (In Russ.)
- Frank A. J., Usmanov M. I. (eds.) Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Aḥmad-Walī al-Qazānī and Qurbān'alī Khālīdī (ANOR 11). Berlin: Das Arabische Buch, 2001. 97 p. (In Eng.)
- Gibadullina E. M. Tatar merchants in the Semipalatinsk Region of Kazakhstan in the second half of XIX–early XX centuries. *Baltic Humanitarian Journal*. 2013. No. 4. Pp. 70–72. (In Russ.)
- Karimullin A. B. The Early Twentieth Century Tatar Book. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1974. 320 p. (In Russ.)
- Kereibayeva A. S. The philanthropic activity of Stepnoy Kray businessmen in the context of the Russian state policy: Historiographic aspect (Second half of the 19th – beginning of the 20th century). In: Tomilov N. A., Akhmetova Sh. K. et al. (eds.) *Kazakhs of Eurasia: History and Culture*. Collected scholarly papers. Omsk: Dostoevsky Omsk State University; Pavlodar: Pavlodar State Institute of Education, 2016. Pp. 140–146. (In Russ.)
- Khisamutdinova-Gatiyatulina A. I. Essential Members of the Tatar Diaspora — Pioneers of Culture, Economy, and Social Endeavors in the City of Verny: Biographic Notes, Events, Outcomes. Almaty: Taugul Print, 2022. 348 p. (In Russ.)
- Makhmutov Z. A. Tatars of Petropavlovsk and North Kazakhstan Region: History and Ethnic Processes. Kazan: Yaz, 2015. 156 p. (In Russ.)
- Minnullin Z. S. Origin and development of Muslim charity organizations in Russia (19th – early 20th centuries). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki (Proceedings of the Kazan State University. Humanities Series)*. 2008. Vol. 150. No. 8. Pp. 198–202. (In Russ.)
- Mustaev M. A. Petropavlovsk. *Perevodchik*. 1887, January 18. No. 3. P. 1. (In Russ.)
- Nadeeva M. I. Islam as a social behavior factor. *Herald of Technological University*. 2014. Vol. 17. No. 9. Pp. 365–369. (In Russ.)
- Salikhov E. Kazalinsk. *Perevodchik*. 1892, January 8. No. 1. P. 2. (In Russ.)
- Semipalatinskoye. *Perevodchik*. 1903, April 12. No. 14. P. 55. (In Russ.)

- Shablei P. S. History of the Tatar community of Semipalatinsk. *Historical Ethnology*. 2020. Vol. 5. No. 1. Pp. 75–94. (In Russ.)
- Shabley P. S. An Essay on the History of Muslim Societies in Semipalatinsk: Late 18th – 19th Centuries. Kostanay: Kostanay Publ. House, 2013. 76 p. (In Russ.)
- Shabley P. S. Library named after Isma‘il Gasprinsky in Semipalatinsk at the beginning of the 20th century. *Minbar. Islamic Studies*. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 532–548. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-3-532-548
- Shaidullin R. V. et al. (eds.) Tatars of Kazakhstan: A Brief Illustrated Encyclopedia. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, 2017. 524 p. (In Russ.)
- Shaidullina R. R. Trade and Charitable Activities of the Khusainov Brothers: Late 19th – Early 20th Centuries. Cand. Sc. (history) thesis. Kazan, 2010. 212 p. (In Russ.)
- Tairov N. I. Iskhak Gabdulvaliev: Tatar merchant and benefactor. *Gasyrlar avazy*. 2003. No. 1–2. Pp. 143–146. (In Russ.)
- Usmanova D. Tatar cultural and educational organizations and charities: Muslim self-organization in the Russian Empire. In: Lajosi K., Stypen A. (eds.) *The Matica and Beyond: Cultural Association and Nationalism in Empire*. Leiden: Brill, 2020. Pp. 325–357. (In Eng.)
- Yakhin F. Z. Tatar Literary Writings in Periodicals of Uralsk: 1905–1907. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1974. 320 p. (In Russ.)
- Zagidullin I. K. Sociocultural life of Petropavlovsk Tatars: Mid-18th to early 20th centuries. In: Zagidullin I. K. (comp.) *Peoples of the Middle Volga: Insights into History and Culture. Collected papers*. Vol. 1. Kazan: Ikhlas, Märçani Institute of History, 2011. Pp. 65–88. (In Russ.)
- Zaysan. *Perevodchik*. 1903, June 16. No. 23. P. 96. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 3, Pp. 505–515, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.9:28

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-505-515

Хадж советских мусульман 1966–1967 гг. через призму архивных документов

Вячеслав Абдулович Ахмадуллин¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (д. 49/2, Ленинградский пр., 125167 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, профессор

 0000-0003-4441-2384. E-mail: [slavaah\[at\]yandex.ru](mailto:slavaah[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ахмадуллин В. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Анализ религиозной политики СССР, значимым сегментом которой были государственно-мусульманские отношения, является важной частью истории нашего Отечества. Одним из показателей качества этих отношений является деятельность властей СССР по организации поездок в хадж, в том числе многоплановое взаимодействие с лидерами советских мусульман. *Целью* статьи, подготовленной на материале архивных документов, часть из которых введена в научный оборот впервые, является анализ условий хаджа, его масштабы и выводы, представленные чиновниками Советского государства, в чьи профессиональные обязанности входила многоплановая работа с мусульманами, и участниками хаджа по его завершении. В исследовании поставлено решение нескольких задач по анализу деятельности Совета по делам религий при Совете Министров СССР, а также духовных управлений мусульман по проведению хаджей групп советских граждан в 1966–1967 гг. Основным *материалом* для исследования послужили документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-6991 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР») и охватывающие период 1943–1991 гг., при этом особый упор был сделан на анализ документов из описи 6 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1966–1991 гг.». Это связано с тем, что 1966 г. стал первым в деятельности этого нового органа при правительстве СССР, созданного на основе постановления Совета Министров СССР о преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в новый единый орган, который работал со всеми религиозными организациями, зарегистрированными государством. При изучении работы этого Совета были задействованы различные методы, но наиболее активно автор опирался на анализ, синтез, метод исторической реконструкции. *Результаты.* В научный оборот введены архивные документы, которые не известны специалистам и широкому кругу читателей, показана историография проблемы на основе трудов известных зарубежных и отечественных

ученых. *Выводы.* Исследование показало особенности государственно-мусульманских отношений: подготовка хаджа шла в условиях, когда один из ключевых органов в строительстве таких отношений — Совет по делам религиозных культов прекратил свою работу, а новый, Совет по делам религий, еще не набрал полный штат.

Ключевые слова: хадж, Мекка, Медина, Королевство Саудовская Аравия, советские мусульмане, муфтий З. Бабаханов, Совет по делам религий при Совете Министров СССР

Для цитирования: Ахмадуллин В. А. Хадж советских мусульман 1966–1967 гг. через призму архивных документов // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 504–515. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-504-515

The 1966–1967 Hajj of Soviet Muslims: Analyzing Archival Documents

Vyacheslav A. Akhmadullin¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, Leningradsky Ave., 125167 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor

 0000-0003-4441-2384. E-mail: slavaah[at]andex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Akhmadullin V. A., 2023

Abstract. *Introduction.* Analysis of Soviet religious policies essentially represented by government-Muslim relations is most important to the history of our motherland. An indicator to characterize the quality of these relations is efforts of authorities in organizing Hajj trips, including multifaceted interaction with leaders of Soviet Muslims. *Goals.* The article examines archival documents — some to be newly introduced into scientific circulation — and attempts an analysis of the actual conditions, scope of related work, and conclusions articulated by officials who were to arrange comprehensive interaction with Muslims and Hajj participants. The study seeks to answer a number of questions pertaining to Hajj-related activities of the Council for Religious Affairs (under the USSR Council of Ministers) and Muslim spiritual directorates in 1966–1967. *Materials and methods.* The paper focuses on documents stored at the State Archive of the Russian Federation (coll. P-6991 ‘Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR’) covering the period from 1943 to 1991, with special emphasis be laid on analyses of files contained in Catalogue 6 ‘Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR: 1966–1991’. It is in 1966 that the Soviet government agency created by way of merger (Council for the Russian Orthodox Church and Council for Religious Cults) and established by a decree of the USSR Council of Ministers began its actual work with all registered religious organizations. Methods and tools of analysis, synthesis, and that of historical reconstruction proved most instrumental in investigating efforts of the Council. *Results.* The work introduces into scientific circulation some archival documents that have remained unknown both to experts and the public at large, provides a historiographic review of the problem on the basis of publications authored by famous foreign and domestic researchers. *Conclusions.* The study shows certain peculiarities of government-Muslim relations during the period under consideration, namely: the Hajj was being prepared when the key body supposed to facilitate such constructive relations (Council for Religious Cults) had ceased its work, and the new one (Council for Religious Affairs) was not yet completely staffed.

Keywords: Hajj, Mecca, Medina, Kingdom of Saudi Arabia, Soviet Muslims, Mufti Z. Babakhanov, Council for Religious Affairs

For citation: Akhmadullin V. A. The 1966–1967 Hajj of Soviet Muslims: Analyzing Archival Documents. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 504–515. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-504-515

1. Введение

Хадж советских мусульман является одной из самых интересных страниц истории политики Советского государства в отношении мусульман. Недавно открытые для свободного изучения архивные документы дают основания считать, что на большинство вопросов, связанных с выездами граждан СССР на хадж, будут даны правдивые и исчерпывающие ответы. Это позволит развеять тайны, слухи и домыслы вокруг этой важной проблемы. Тем более, что интерес к хаджу советских мусульман проявляют и на Западе [Akiner 1983: 31–32; Tasar 2017: 2, 47, 84, 112, 147, 151, 169, 242, 245–248, 251, 256–257, 262–263; Кейн 2021: 219–258].

Особо необходимо отметить труд ведущего научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук В. Ю. Башкуева. Отечественный ученый проанализировал хадж советских мусульман на основе фонда А-482 «Министерство здравоохранения РСФСР (Минздрав РСФСР)» Государственного архива Российской Федерации. В. Ю. Башкуев сделал особый акцент на анализе системы медицинского обеспечения паломников и показал историю медицинского взаимодействия СССР с Королевством Неджда и Хиджаза как процесс осторожного выстраивания отношений в условиях быстро модернизирующегося, знакомого с благами Запада государства Ибн Сауда [Башкуев 2021: 366–395].

Попытки исследовать хадж мусульман нашего Отечества предпринимаются зарубежными учеными. Как правило, название таких работ нацеливает читателей на определенные исторические рамки. Одним из последних примеров может служить монография «Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку», подготовленная профессором истории из Коннектикутского колледжа (США) Кейн Айлин. Исходя из названия книги, автор нацеливает читателей на анализ хаджа подданных Российской империи. Однако в разделе «Содержание» она дает «Глава 5. Хадж и социалистическая ре-

волюция». Более того, на задней обложке, в тексте анонса книги указано: «На примере организации паломнических практик историк Айлин Кейн подробно анализирует отношение к исламу в Российской империи и в СССР, обращая при этом особое внимание на международный контекст». Но изучение книги показывает, что в советском периоде исследовательница анализирует всего около пяти лет во второй половине 1920-х гг. [Кейн 2021: 219–258, 290].

Безусловно, поездки советских граждан в хадж, разрешенные властями СССР с 1926 г. и закончившиеся на рубеже 1920–1930-х гг., являются важной страницей истории СССР. Поэтому при изучении книги сам собой возникает вопрос: почему А. Кейн не называет имен и должностей первых советских паломников, посетивших Мекку в 1926 г.? При этом исследователь из США вообще не затрагивает выезды советских граждан в хадж с 1944 г., когда руководство СССР разрешило первую такую поездку после примерно 15 лет запретов. Таким образом, вне поля зрения А. Кейн остались состоявшиеся выезды в хадж за 41 год Советской власти: 1944–1945 гг., 1953–1991 гг., несмотря на заявленную пятую главу книги.

2. Материалы и методы

Выезды в хадж из СССР не проводились в 1946–1952 гг. из-за эпидемии холеры на Ближнем Востоке и по ряду других причин [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 68. Л. 33–34; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 70. Л. 91–92; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 91. Л. 261]. Поездки мусульман СССР в хадж были следствием желания руководства СССР показать мировому сообществу, что СССР является государством высоких возможностей, учитывающим потребности мусульман. Изучение постановлений Центрального комитета ВКП(б), Совета народных комиссаров СССР, Центрального комитета КПСС, Совета Министров СССР (СМ СССР), протоколов и отчетов Совета по делам религиозных культов (СДРК) и отчетов паломников о хадже показывает, что за период работы

СДРК с 1944 г. по 1965 г. в хадже побывали представители всех четырех духовных управлений мусульман, существовавших в СССР. Всего в 1944–1965 гг. в паломничестве участвовали 258 советских граждан (все мужского пола). Трое из них выезжали на хадж из Египта, так как проходили обучение в университете Аль-Азхар. Удалось установить, что из 221 гражданина СССР, выехавшего на хадж, доля каждого духовного управления мусульман (ДУМ) за 1944–1963 гг. такова: Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) — 63,8 %, Центральное духовное управление мусульман / Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири (ЦДУМ / ДУМЕС) — 26,7 %, Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗАК) — 5,4 %, Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) — 4,1 %. За 1964 г. и 1965 г. от всех ДУМ выехали 19 и 18 человек соответственно [Ахмадуллин 2020б: 245–247].

Анализ протокола одного из последних заседаний СДРК, состоявшегося 12–13 ноября 1965 г., т. е. менее чем за месяц до расформирования этого органа при правительстве СССР, показывает, что большинство участников заседания проголосовали против организации выезда советских граждан в хадж 1966 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 169. Л. 166–167].

Из-за засекреченности документов для исследователей долгое время оставались вне поля зрения события, связанные с деятельностью различных институтов СССР, в том числе СДР и взаимодействующих с ними ДУМ по организации выездов паломников в Королевство Саудовская Аравия (КСА). За последние примерно 10 лет работники ГА РФ проделали большую работу по рассекречиванию значительного количества таких материалов и сделали их доступными для исследователей. Одним из самых интересных, с точки зрения событийного ряда, является выезд советских граждан в хадж в 1966 г. Это связано с тем, что 8 декабря 1965 г. вышло постановление СМ СССР № 1043 «О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР» (СДР)

[ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 119. Л. 16]. При этом штат нового Совета был утвержден за 12 дней до вылета этой группы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1. Л. 1, 2, 5].

При изучении работы этого Совета были задействованы различные методы, но наиболее активно автор опирался на анализ, синтез и метод исторической реконструкции.

3. Хаджи 1966 г. 1967 гг.: наблюдения и предложения участников и чиновников

3.1. Хадж 1966 г. — трудности и достигнутые результаты: мнение муфтия З. Бабаханова

В условиях обострения международной обстановки: во второй половине 1960-х гг. состоялись десятки войн, военных переворотов, в которые государства Запада втягивали в той или иной мере СССР. Череда непрерывных войн накрывала страны с преобладанием мусульманского населения, в том числе государства Ближнего Востока, часть из которых, например Сирия и Египет, имели дружественные отношения с СССР. Понимая необходимость укрепления позиций в исламском мире, СССР стал активно формировать образ государства, которое представляет высокие возможности для мусульман. Одним из доказательств этого служили регулярные поездки советских граждан в хадж. Но в силу давления атеистической идеологии такие выезды не были массовыми. Тем не менее руководство СССР рассчитывало, что они дадут значимый пропагандистский результат.

Анализ отчета старшего группы паломников — председателя САДУМ муфтия З. Бабаханова для СДР о поездке в хадж 29 марта – 19 апреля 1966 г., показывает, что из 17 паломников, включая его самого, 13 были от САДУМ. При этом только 6 человек проживали в Узбекистане, включая его самого, а не 16, как он заявил в одном из своих интервью журналу «Look» (США) в мае 1967 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 175–176; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 126. Л. 47].

Изучение отчета З. Бабаханова помогло выявить несколько важных моментов:

– из 17 членов делегации 16 человек были подобраны по привычному порядку: десять были имамами: от муэдзина до председателя ДУМ, три — пенсионерами, два работали в сельском хозяйстве, один (врач группы) — главный врач республиканской

больницы Таджикской ССР;

— впервые в составе группы советских паломников был служащий государственного органа, который выезжал без оперативного прикрытия — им стал заместитель заведующего Отдела международных связей мусульманских организаций СССР (ОМСМО), для чиновника столь высокого ранга это был своеобразный дебют во внешнеполитической акции советского государства;

— в очередной раз власть показала, что САДУМ занимает первое место в системе государственно-мусульманских отношений (от него было 13 человек), второе оставалось за ДУМЕС, от ДУМЗАК и ДУМСК в этом хадже не было людей;

— положительным моментом подготовки паломников явилось их заблаговременное прибытие в Москву, что дало возможность своевременно получить международные медицинские сертификаты и провести инструктаж по правилам поведения за границей;

— все организации, игравшие роль в подготовке хадж 1966 г., выполнили свои задачи, в том числе учли скандалы с паломниками, случившиеся в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) в 1964–1965 гг.: невозвращение в СССР бухгалтера ДУМСК, судьбу которого не смог выяснить даже КГБ при СМ СССР; сорванная спецслужбами КСА попытка трех представителей САДУМ ввезти под видом специй наркотики в королевство [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 169. Л. 176–183; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 175–194; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 72. Л. 80–81, 83–84].

Анализ списка паломников показывает, что 13 из них были представителями САДУМ, трое были от ДУМЕС, один был из ОМСМО (структурного подразделения СДРК). Надо отметить, что еще 8 декабря 1965 г. вышло постановление СМ СССР № 1043 «О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР», но из-за задержек с утверждением штатов нового Совета работа ОМСО продолжалась [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 119. Л. 16]. Таким образом, несмотря на расформирование СДРК в лидерах поездок в хадж были посланцы САДУМ.

Большого внимания заслуживают события, которые связаны с вылетом делегации 29 марта 1966 г. из Москвы и прибытием в Каир. Неприятности для группы начались еще до вылета: советское посольство в Египте 26 марта известило группу паломников телеграммой о том, что начиная с 28 марта аэропорт Джидда (КСА) будет закрыт для приема иностранцев. Для решения проблемы от имени группы была отправлена телеграмма королю КСА Фейсалу ибн Абдель Азизу ас-Сауду с просьбой помочь своевременно прибыть в Королевство для совершения хаджа. Хранитель двух святынь пошел навстречу и дал указание Министерству обороны КСА. В итоге в Каир прилетел «Boing-707B» специально для доставки советских паломников в Джидду [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 176–177].

В здании Каирского аэропорта советскую группу встретили работники посольства СССР, преподаватель из Аль-Азхара шейх Фуккая, студент этого вуза Ш. Бабаханов — сын председателя САДУМ муфтия З. Бабаханова и представитель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). В здании аэропорта к З. Бабаханову подошел представитель саудовской авиакомпании и сообщил, что через 3 часа прибудет спецборт. Он попросил разрешения взять в полет паломников из других стран. З. Бабаханов такое разрешение дал. При посадке в «Boing-707B» советским гражданам оказали особые почести: они все, в отличие от других пассажиров, были размещены в первом классе, и им дали возможность переодеться в ихрам на борту самолета [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 177].

Перелет до аэропорта Джидды занял 1 час 40 мин. После выполнения официальных формальностей в здании аэропорта группа отправилась в Мекку, но по пути заехала в гости к эмигранту из Узбекистана Зейни Кушака — владельцу гостиниц для паломников, с общей вместимостью около 2 тыс. человек. Одной из его специализаций было обслуживание групп из СССР. После краткого отдыха и молитвы в этот же день группа выехала из Мекки и, преодолев 20 километров, оказалась возле горы Арафат. В этот день возле нее собралось свыше 1 млн 300 тыс. человек примерно из 90 стран [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 177–178].

На следующий день, 30 марта, группа совершала обряды и проводила время в мо-

литвах. Перед заходом солнца паломники вышли с Арафата и добрались до местечка Муздалифа — в 10 км от Мекки. Утром 31 марта они перебрались в город Мина, находящийся в 5 км от Мекки, где прожили три дня в палатках. В первый день пребывания в Мине советских паломников посетил житель Каира шейх Юнус и житель Амман-на Джура Кары. Они сообщили советским гражданам о последствиях прошлогоднего инцидента с тремя паломниками из СССР, которые хотели провезти наркотики. По мнению гостей группы, вокруг этого случая было много слухов и в 1966 г. При этом Джура Кары отметил, что похожие случаи нередко случаются с афганскими и иранскими паломниками, но о них так много не говорят. По его мнению, приезд советских паломников в 1966 г., в том числе предоставление им самолета по решению короля и то, как была организована их встреча в КСА, позволяли надеяться, что дела советских паломников в будущем войдут в естественное русло [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 178].

Для граждан СССР 31 марта стало значимым и в силу встречи с имамом мечети Мекки Мирзой, которого сопровождал имам одной из мечетей Стамбула шейх Могамед. В ходе беседы оба имама интересовались уровнем развития государственно-мусульманских отношений в СССР. Они с интересом выслушали пояснения советских собеседников и в конце беседы пожелали, чтобы и в дальнейшем ислам в СССР процветал. Ответы советских паломников были настолько убедительны, что шейх Могамед отметил ошибочность своего прежнего мнения о ликвидации ислама в СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 179].

В соответствии с традицией король Фейсал ибн Абдель Азиз ас-Сауд принимал в своем дворце представителей паломнических групп. Поэтому 1 апреля советская группа прибыла на такую встречу в полном составе. По протекции одного из министров КСА муфтию З. Бабаханову была предоставлена возможность лично поприветствовать короля. Председатель САДУМ от имени всех мусульман СССР поблагодарил главу Королевства за хорошее отношение и своевременную доставку группы спецсамолетом в КСА. В ответ король поблагодарил за теплые слова и пожелал доброго пребы-

вания советским паломникам в Саудовской Аравии [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 179–180].

Необходимо отметить, что эта беседа транслировалась местными каналами радио и телевидения, поэтому она стала известна зарубежным паломникам и местным жителям. Многие из них положительно отзывались об участии граждан СССР в паломничестве, выражали надежду на то, что в будущем их количество увеличится, что докажет свободу совести в СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 179–180].

Анализ отчета муфтия З. Бабаханова о поездке позволил выявить еще одну важную подробность. К советским паломникам, во время ожидания встречи в королевском дворце, подошел посол КСА в Сингапуре и представители Малайзии. Посол задал ряд вопросов секретарю делегации Г. Абдуллаеву (ответственный секретарь САДУМ) о государственно-мусульманских отношениях в СССР. Он не только перевел ответы малайзийцам, но и заявил, что факт приезда советских паломников указывает на высокий уровень свободы совести в СССР, хотя многие люди полагали, что в СССР вообще не существует ислама [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 180].

По мнению председателя САДУМ, в 1966 г. об улучшении отношения к паломникам из СССР со стороны местных жителей говорил следующий факт: в прошлые приезды групп из СССР влиятельный эмигрант Исхакбек (владелец гостиницы в Мекке и крупный предприниматель), встретив их в Мекке, почти не отходил от них, расспрашивая о положении мусульман в СССР. Он пригласил пять советских граждан во главе с муфтием З. Бабахановым в свою гостиницу на банкет. На мероприятии присутствовал видный богослов — эмигрант Махмуд Тарази Алтинхан, автор нескольких трудов, в том числе перевода Корана на узбекский язык. Во время беседы было много вопросов о положении мусульман в СССР. Исхакбек высказал пожелание посетить СССР вместе с рядом влиятельных граждан КСА, например, с главным шариатским судьей Джидды, членом Исламской лиги шейхом Харакани и целым рядом других известных улемов КСА. Муфтий З. Бабаханов заверил собеседников, что он не только приветствует их желание, но и постарается пригласить

их в СССР. В этот день советскую группу посетил и инспектор народного образования из города Рабег — Караматулла. Он с 1965 г. поддерживал переписку с САДУМ и в 1966 г. получил от САДУМ посылку с литературой. Он, как и предыдущие собеседники группы, интересовался качеством государственно-мусульманских отношений, переменах в экономической и культурной жизни СССР. Караматулла заявил, что он и значительное количество интеллигентов КСА считают систему социализма наиболее справедливой. Он выразил желание в скором времени посетить СССР, познакомиться с новой жизнью народов Средней Азии и навестить родственников в Бухаре.

В этот же день секретарь группы советских паломников Г. Абдуллаев рядом с Запретной мечетью познакомился с суданскими паломниками. Он в деталях рассказал им о религиозной жизни мусульман Средней Азии. Встреча была полезна и тем, что Г. Абдуллаев познакомился с руководителем одного из туристических агентств — Али Ясином, который сообщил, что летом 1966 г. намеревается приехать в СССР, побывать в Ташкенте и Самарканде для ознакомления с памятниками ислама.

В городах Мина, Мекка и Медина рядом с советской группой постоянно жила группа афганских паломников. Поэтому очень часто они беседовали о жизни мусульман в СССР. Советскую группу удивлял тот факт, что, хотя Афганистан граничит с СССР, его граждане почти ничего не знали о жизни советских единоверцев. Поэтому советские паломники провели с ними много времени, отвечая на их многочисленные вопросы. Делегация из СССР плотно контактировала и с другими зарубежными гражданами. Например, 5 апреля советская и сирийская группы выехали в Медину. На одном автобусе им предстояло преодолеть около 500 км. В этой многочасовой поездке они активно обсуждали государственно-мусульманские отношения в СССР.

На другой день советская группа прибыла в Медину на два дня и остановилась в доме эмигранта из Самарканда Султана Махмуда Бабахана, известного некоторым из ее членов по прошлым приездам. В первый день группа посетила места, значимые для истории ислама, и встретились с уроженцем Намангана — исламоведом Мир-

зой Хамидом Мирзаханом. По сведениям З. Бабахана, этот человек был автором как минимум одной антисоветской книги, но, несмотря на это, власти КСА не делали на него ставку. Вечером, 6 апреля, группа нанесла визит имаму мечети Пророка и председателю Высшего шариатского суда шейху Абдул-Азизу бен Салиху. На этой встрече присутствовали несколько суданских улемов и старший преподаватель Исламского университета в Медине шейх Ахмед Наим. Беседа протекала в искренней атмосфере — шейх Абдул Азиз задал несколько вопросов, касающихся положения мусульман в СССР. Председатель САДУМ в своем отчете отметил, что советские паломники подробно показали различные детали жизни мусульман СССР. Важным моментом встречи стало вручение принимающей стороне подарков — халата и несколько отрезков атласа, но самым важным презентом был Коран, изданный в Ташкенте [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 183–184].

Советская группа посетила в Медине Исламский университет, основанный в 1960 г. З. Бабаханов указал в отчете важные данные по этому учебному заведению: около 1 500 студентов, в основном из зарубежных стран Азии и Африки; ежемесячные стипендии по 400 саудовских риалов (около 80 долларов); оплачиваемые проездные расходы. Специализацией университета была подготовка кадров для миссионерской работы.

Вполне вероятно, что З. Бабаханов давал эту информацию с перспективой отправить в этот университет советских мусульман, прежде всего от САДУМ (в 1947–1965 гг. не более 15 граждан СССР были командированы для получения исламского образования в зарубежных заведениях [Ахмадуллин 2020а: 354–374]).

Советская группа возвратилась в Джидду 9 апреля и остановилась в отеле «Ал-Ваффа». Муфтий З. Бабаханов был озабочен вопросом своевременного и быстрого возвращения на Родину через Хартум. Поэтому он заранее отправил телеграмму в посольство СССР в Судане. Но посольство рекомендовало, из-за введенного на 21 день карантина в связи со вспышкой холеры, возвращаться в СССР другим путем. Приложив немалые усилия, группа смогла купить билеты на рейс чехословацкой авиакомп-

нии и 12 апреля вылетела на Бейрут. Прилетевших 13 апреля паломников принял посол СССР в Ливане Д. С. Никифоров. Он выразил удовлетворение приездом советских паломников в Бейрут, так как посольство уже несколько лет просило об этом с целью оказания помощи в налаживании контактов с мусульманскими деятелями Ливана [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 184–185].

По согласованию с послом Д. С. Никифоровым, группа 14 апреля отправилась в резиденцию Дар эль-Фатву с визитом вежливости к Великому муфтию Ливана, шейху Мохаммеду Алая. Первый вопрос, который затронул шейх Алая, был о положении мусульман в СССР. По мнению муфтия З. Бабаханова, советская группа дала ясный и подробный ответ. Председатель САДУМ преподнес шейху Алая экземпляр Корана, изданного в Ташкенте. Сын шейха — Махмуд Алая, главный секретарь резиденции Дар эль-Фатва, дал высокую оценку этому изданию — как с точки зрения оформления, так и по отсутствию опечаток (он ранее ознакомился с таким изданием и не нашел в нем ни одной ошибки). Пользуясь случаем, муфтий З. Бабаханов пригласил Алая и еще восемь улемов, по усмотрению Великого муфтия, на банкет, устраиваемый в пятницу 16 апреля, в фешенебельном ресторане «Бристоль». На банкет также были приглашены посол Д. С. Никифоров и сотрудники советского посольства. На банкет приехали следующие ливанские религиозные деятели: Председатель Высшего шариатского суда и председатель Высшего исламского Совета шейх Шафик Яммут; заместитель председателя Высшего шариатского суда шейх Ахмад Хабба; советник Высшего шариатского суда шейх Хашим Шариф; помощник секретаря по фетвам шейх Хашим Дафтардар; сотрудник Высшего шариатского суда шейх Абдуллах Халеди; муфтий Сеида и южного Ливана Мохаммед Анис Салим Хаммуд; сотрудник Высшего шариатского суда шейх Мохаммед Шумейтили; главный секретарь Дар эль-фатва Махмуд Алая; муфтий из города Эштур шейх Рауф ал-Кадири [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 185–186].

В начале беседы, состоявшейся в ресторане, шейх Шафик Яммут затронул проблему воспитания молодежи в религиозном духе. По его мнению, современная

молодежь подвергается негативным воздействиям, которые плохо влияют на мировоззрение. Муфтий З. Бабаханов сообщил, что в Средней Азии функционирует медресе по подготовке религиозных кадров, кроме того, в каждой мечети обучают желающих людей основам ислама. Он также отметил, что в СССР функционируют сотни мечетей, мусульмане свободно исполняют религиозные обряды. Шейх Рауф ал-Кадири, ранее посетивший СССР, не только поддержал слова муфтия З. Бабаханова, но и положительно отозвался об уровне свободы советских в СССР и о достижениях республик Средней Азии. Заместитель шейха Шафика Яммута шейх Ахмад Хабба сказал, что при реалистическом анализе ситуации становится ясно, что граждане СССР свободно исповедуют ислам.

Член советской делегации имам наманганской мечети И. Саттибаев на арабском языке зачитал гостям заранее подготовленную речь, в которой рассказывалось о деятельности сотрудников мечети и ее связи с САДУМ. Его речь была прослушана с большим вниманием и вызвала одобрение присутствующих.

Муфтий З. Бабаханов в своем выступлении подробно рассказал ливанцам о деятельности САДУМ, в том числе о подготовке им религиозных кадров. Особо он остановился на том, что государство не вмешивается во внутренние дела религиозных организаций, о гарантировании Конституцией СССР свободы совести для каждого гражданина, о связях духовных управлений СССР с зарубежными религиозными организациями, о посетивших СССР делегациях зарубежных мусульманских деятелей и т. д.

Это выступление вызвало восхищение присутствующих. Шейх Яммут с большим удовлетворением отозвался о советской делегации, отмечая, что все ее члены, судя по поведению, глубоко религиозные люди, воспитанные в духе ислама. Он добавил, что ливанские мусульманские деятели счастливы принять таких мусульман.

Советская группа 18 апреля выехала в аэропорт Бейрута, чтобы вылететь в Прагу. В зале ожидания советские мусульмане встретились с Великим муфтием Сирии шейхом Ахмадом Куфтару. Он рассказал муфтию З. Бабаханову о своих поездках в Индонезию и ряд африканских стран

для чтения лекций и проповедей, а также о встрече с президентом Пакистана Мохаммедом Айюбханом, с которым обсудил проблемы ислама. При этом шейх отметил, что в своих выступлениях давал высокую оценку усилиям СССР в деле укрепления мира. А. Куфтару поинтересовался религиозной жизнью советских мусульман. Внимательно выслушав муфтия З. Бабаханова, он сказал, что благодаря этой беседе он получил новые данные, и высказал желание посетить СССР, что дало бы возможность непосредственно ознакомиться с жизнью мусульман и с достижениями советского народа. В качестве пожелания он отметил важность посещения Бухары, город, где покоится глава и основатель ордена Накшбандия — шейх Бахаутдин Накшбанди. На прощание муфтий З. Бабаханов и шейх А. Куфтару пожелали друг другу доброго пути и успехов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 188–189].

После беседы делегация вылетела в Прагу, где провела один день, и вечером 19 апреля прибыла в Москву.

Как и в предыдущие годы, после возвращения в СССР паломники писали отчеты о поездке. В отчете муфтия З. Бабаханова выделены выводы и предложения, которые и сегодня во многом актуальны для духовных управлений, хадж-операторов и органов власти, принимавших участие в организации поездок в хадж и умру.

З. Бабаханов предложил организовывать приезд паломников для совершения хаджа из СССР в Мекку примерно за неделю до начала религиозных обрядов. По мнению муфтия, это позволило бы решить ряд важных задач:

а) устанавливать знакомство с религиозными деятелями многих стран и углублять это знакомство, так как после начала обрядов все заняты и спешат, что не дает возможности приобретать новых знакомых и мешает распространять правдивую информацию о жизни мусульман СССР;

б) выяснять планы и мероприятия правительства страны, касательно паломничества (о совещаниях, конференциях с приезжими религиозными деятелями и т. д.);

в) имелась бы возможность выяснить, из каких государств прибыли делегации, так как о них печатают специальные статьи в местных газетах.

Второй блок рекомендаций касался не-

гативного поведения мусульман и мер по их предупреждению: духовные управления мусульман и Отдел международных связей мусульманских организаций СССР должны предварительно проверять кандидатов на паломничество на степень их готовности в религиозном отношении. После этого, по замыслу муфтия, материалы должны были передаваться в советские органы, что позволило бы отсеять от поездки неподготовленных и ненужных людей. Он предлагал установить порядок, при котором подарки, посылаемые родственникам в Мекку, будет вручать глава делегации (некоторые паломники продали в Мекке шелковый атлас, свертки с ним были замаскированы под подарки: ткань заворачивали в бумагу и писали адрес проживающих в КСА эмигрантов). Хотя чемоданы паломников проверялись в Ташкенте заместителем председателя САДУМ Исмаилом Саттиевым и сотрудником Юсупханом Шакировым, из-за такой маскировки они не поняли, что это контрабандные товары, а не подарки.

Председатель САДУМ предложил, чтобы паломники везли в Мекку ценные подарки для преподнесения высокопоставленным лицам КСА. В 1966 г. З. Бабаханову пришлось подарить свой новый чапан на приеме у короля КСА. Муфтий пояснил, что на визитеров без подарка мало обращают внимания, при этом беседы с королем на приеме транслируются по радио и телевидению.

З. Бабаханов отметил и тот факт, о котором говорили ранее и на заседаниях СДРК: малое количество советских паломников — около 17 человек — вызывает в Мекке вопросы.

В предыдущие хаджи З. Бабаханов познакомился с рядом лидеров мусульман Ливана, Сирии и Саудовской Аравии. Во время бесед выяснилось, что многие из них доброжелательно высказывались о Советском Союзе, интересовались жизнью мусульман в СССР и высказывали желание побывать в СССР. Поэтому муфтий считал полезным пригласить в 1966 г. в СССР делегации мусульман из этих государств. Более того, он представил в Совет по делам религий при Совете министров СССР список таких гостей. В него вошли пять человек из Саудовской Аравии, четыре из Ливана и два из Сирии [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 52. Л. 191–194].

3.2. Паломничество 1966 и 1967 гг. — оценка результатов и перспектив уполномоченным СДР Ю. А. Шамьюновым

Кроме проанализированных материалов, высокий интерес представляет справка для центрального аппарата Совета по делам религий при СМ СССР, подготовленная уполномоченным СДР по Андижанской области Ю. А. Шамьюновым (Узбекская ССР) в апреле 1967 г. Он докладывал, что в 1966 г. паломники возвращались в разное время и в одиночку. Поэтому в Андижане не было замечено многолюдных встреч. Но особо показательным выглядел прилет паломников в Андижан 14 апреля 1967 г. Двое паломников возвратились в этот город самолетом, на котором из Ташкента вернулись первый секретарь областного комитета коммунистической партии Узбекской ССР и председатель областного исполнительного комитета. Для встречи паломников в аэропорт приехали около 150 человек. В знак уважения к паломникам преклонного возраста им предоставили возможность выйти из самолета на трап первыми. Ожидавшие их люди молниеносно окружили трап со всех сторон и 5–7 минут не давали возможности другим пассажирам выйти из самолета. Многие из встречающих стремились приблизиться к паломникам и поцеловать им руку или дотронуться до их одежды. Ситуация повторилась 15 апреля 1967 г., когда возвратились остальные 5 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 80. Л. 130–132].

Последующие после прилета дни уполномоченный СДР по Андижанской области описывает, как и его коллеги по другим регионам в предыдущие годы: паломники принимают у себя дома большое количество близких, которых угощают привезенной из Мекки водой Зам-Зам (по несколько граммов каждому гостю). Последующие 5–10 дней хаджи навещали другие жители их махалли: мужчины, женщины, молодежь и старики, пожелавшие выразить уважение. Количество гостей доходило до 150 человек в день. Подавляющее большинство из них долго не задерживались, поздравляли паломников с благополучным возвращением, жали руку.

Уполномоченный Совета Ю. А. Шамьюнов отметил в справке, что одним из следствий таких встреч становилось резкое увеличение количества молящихся в мече-

ти, особенно во время утренних и вечерних намазов и на джума. В пятницу в мечеть стали приходить такие верующие, которые раньше посещали мечеть два раза в год — по случаю праздников «Ураза-хаит» и «Курбан-хаит» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 80. Л. 131–132]. Уполномоченный также отметил, что все эти процессы происходили на глазах любопытствующих детей школьного и дошкольного возраста, что явно способствовало росту их интереса к исламу с ранних лет [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 80. Л. 131–132].

Особого внимания заслуживает заключение справки, которое во многом является выводом и просьбой изменить сложившийся порядок — отсутствие прямого влияния уполномоченного на порядок отбора кандидатов для совершения хаджа. В самом конце справки Ю. А. Шамьюнов отметил, что отбором кандидатов в хадж занимаются вышестоящие органы, областной уполномоченный получает их персональный список от уполномоченного СДР по Узбекистану всего за несколько дней до их отъезда. Поэтому обязанностью областного уполномоченного является решение двух задач: представить на них соответствующие документы и организовать прохождение врачебной комиссии. При этом у таких уполномоченных не было не только времени для изучения личных качеств кандидатов, но и отсутствовали права на подбор или отвод кандидатов для совершения хаджа [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 80. Л. 132].

С нашей точки зрения, является примечательным следующий факт. Аппарат уполномоченного СДР в Узбекистане и представители САДУМ совместно выработали план и наполнение тематической фотовыставки о жизни мусульман Узбекистана для показа в странах Азии и Африки. Этот документ был отослан в Москву заместителю председателя СДР П. В. Макареву 27 сентября 1967 г. Анализ плана показал, что он должен был содержать 518–602 фотографии по 15 разделам: исламские святыни (Коран Османа, ряд мечетей и молящиеся в них люди, гробница И. Бухари, руководители САДУМ и фото резиденции этого управления, медресе и Мир-Араб и его шакирды и т. д. Но авторы плана так и не решились дать фотографии паломников и их мест, которые они посещали во время хаджа [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 80. Л. 137–141].

4. Заключение

Документы Государственного архива Российской Федерации, прежде всего фонда Р-6991 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР», значительная часть которых рассекречена за последние 10 лет, являются весьма информативными источниками по истории религиозной политики Советского государства, в том числе по такой неоднозначной проблеме, как государственно-мусульманские отношения. Эти документы позволяют узнать значительное количество неизвестных ранее подробностей о подготовке, проведении хаджей и уроках, которые извлекали из полученного опыта органы власти и духовные управления мусульман. Эти документы ярко характеризуют не только государственно-мусульманские отношения, но и опыт межгосударственных отношений, прежде всего по линии СССР – КСА, а также показывают отношение зарубежных мусульман к Советскому государству и к своим единоверцам из Советского Союза. Все это помогает воссоздать картину ошибок и успехов советской власти и Духовных управлений

мусульман советских граждан. Этот опыт становится все более актуальным и интересным для анализа на фоне как минимум трех обстоятельств:

– постоянное высокое количество мусульман России, отправляющихся в хадж и умру, не испытывающих никакого давления со стороны властей РФ и КСА;

– непрекращающиеся волны санкций со стороны Запада (в этом смысле очень показательно смотрится, как Запад давит, например, на спортсменов России, запрещая им выступление под флагом Родины, и при этом мы видим полное отсутствие давления со стороны КСА на паломников из РФ);

– происходит явная смена приоритета вектора внешней политики нашего Отечества на Восток, при этом особое внимание уделяется государствам мира ислама.

В силу названных обстоятельств, изучение опыта организации и проведения хаджей советских мусульман является не только интересной, но и важной задачей, решение которой может способствовать росту авторитета России и мусульман нашего Отечества на международной арене.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.

Литература

Башкуев 2021 — *Башкуев В. Ю.* «Мягкая сила» советской медицины на зарубежном Востоке. 1920–1940-е гг. Хабаровск: ДВГМУ, 2021. 502 с.
Кейн 2021 — *Кейн А.* Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / пер. с англ.: Р. Ибатуллин. М.: НЛО, 2021. 296 с.
Ахмадуллин 2020а — *Ахмадуллин В. А.* Государственно-мусульманские отношения в СССР в 1944–1965 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 538 с.

References

Akhmadullin V. A. Government-Muslim Relations in the Soviet Union: 1944–1965. Dr. Sc. (history) thesis. Moscow, 2020. 538 p. (In Russ.)
Akhmadullin V. A. Government-Muslim Relations in the Soviet Union: 1944–1965. Thesis supplement. Moscow, 2020. 318 p. (In Russ.)
Akiner Sh. Islamic Peoples of the Soviet Union. London; Boston: Kegan Paul International, 1983. XIII, 462 p. (In Eng.)

Sources

Russian State Archive of Contemporary History.
State Archive of the Russian Federation.

Ахмадуллин 2020б — *Ахмадуллин В. А.* Государственно-мусульманские отношения в СССР в 1944–1965 гг. Приложения к дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 318 с.
Akiner 1983 — *Akiner S.* Islamic peoples of the Soviet union (With an appendix on the non-Muslim Turkic peoples of the Sov. Union). London; Boston: Kegan Paul intern., 1983. XIII, 462 p.
Tasar 2017 — *Tasar E.* Soviet and Muslim: the Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. New York: Oxford University Press, 2017. 409 p.

Bashkuev V. Yu. 'Soft Power' of Soviet Medicine in the Far East: 1920s–1940s. P. Ratmanov (ed.). Khabarovsk: Far Eastern State Medical University, 2021. 502 p. (In Russ.)
Kane E. Russian Hajj: Empire and the pilgrimage to Mecca. R. Ibatullin (transl.). Moscow: NLO, 2021. 296 p. (In Russ.)
Tasar E. Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. New York: Oxford University Press, 2017. 409 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 3, Pp. 516–532, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(571.54)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-516-532

Столетний путь Республики Бурятия в отражении историографии и исторической памяти

Борис Ванданович Базаров¹, Анна Максимовна Плеханова², Евгений Владимирович Нолев³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0001-5326-1317. E-mail: [bazarov60\[at\]mail.ru](mailto:bazarov60[at]mail.ru)

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6573-4262. E-mail: [plehanova.am\[at\]mail.ru](mailto:plehanova.am[at]mail.ru)

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7756-7791. E-mail: [nolev\[at\]inbox.ru](mailto:nolev[at]inbox.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Базаров Б. В., Плеханова А. М., Нолев Е. В., 2023

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть развитие представлений об историческом пути Бурятии на основе анализа материалов юбилейных мероприятий и дискуссий по истории Бурятии, фундаментальных изданий и учебной литературы. Торжественные мероприятия, а также опубликованные издания по случаю знаменательных дат, являясь наиболее значимыми коммеморациями исторической памяти, представляют особую историографическую ценность, отражая, с одной стороны, достижения и проблемы соответствующего этапа, с другой — доминанты политической идеологии и исторического сознания. В то же время юбилейные научные конференции, в которых, как правило, принимали участие руководители республики и ведущие ученые, были подчинены задачам осмысления итогов и обсуждения перспектив развития Бурятии. **Материалы и методы.** При подготовке статьи были использованы документы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, Научном архиве Бурятского научного центра СО РАН, Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Применение принципа историзма позволило реконструировать процесс развития исторической мысли, обусловленный общими тенденциями государственного

развития и политической жизни Бурятии в течение 100 лет. *Результаты.* 30 мая 1923 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил объединить в одну Автономную Социалистическую Советскую Республику автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске. С образованием республики важнейшей задачей исторической науки и исторического просвещения в теоретическом измерении стало осмысление прошлого и настоящего народов Бурятии в соответствии с марксистско-ленинской парадигмой исторического процесса, а в практическом — обоснование советской идеологии и социалистических преобразований. Все это предполагало консолидацию усилий специалистов по разработке конвенциональных подходов в области исторического знания и национально-государственного строительства. Обобщению и систематизации истории Бурятии посвящены академические издания «История Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики» в двух томах (1951, 1954, 1959 г.), «Очерки истории и культуры Бурятии» в двух томах (1972, 1974 гг.), «Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма» (1983 г.), «История Бурятии» в трех томах (2011 г.). К 100-летию республики было опубликовано двухтомное издание «Республика Бурятия. 100 лет. Хроника, события, комментарии», системно отражающее исторический путь народов республики, количественные и качественные преобразования в области политики, экономики, культуры, демографии, сформировавшие вектор поступательного и прогрессивного развития, не угасающего даже в самые тяжелые периоды истории. Главным научным мероприятием векового юбилея республики стало проведение международной научной конференции «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.».

Ключевые слова: Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика, Бурятская Автономная Советская Социалистическая Республика, Республика Бурятия, историография, историческая память

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5) и «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации: 121031000241-1).

Для цитирования: Базаров Б. В., Плеханова А. М., Нолев Е. В. Столетний путь Республики Бурятия в отражении историографии и исторической памяти // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 516–532. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-516-532

Republic of Buryatia: The Century-Long Path in Historiography and Historical Memory

Boris V. Bazarov¹, Anna M. Plekhanova², Evgenii V. Nolev³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Academician of the RAS, Dr. Sc. (History), Professor, Director

 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Deputy Director, Leading Research Associate

 0000-0002-6573-4262. E-mail: plekhanova.am[at]mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev[at]inbox.ru

Abstract. *Goals.* The article analyzes materials from anniversary events, historical discussions, examines fundamental publications and academic editions for an insight into the evolution of ideas about Buryatia's historical path. Ceremonial events and publications issued on the occasion of anniversaries are of particular historiographic value: on the one hand, those reflect achievements and problems of a certain period, and, on the other hand, narrate about dominant political ideologies and patterns of historical consciousness. In the meantime, anniversary scientific conferences usually attended by leading officials and scholars of the Republic were to somewhat comprehend actual results and discuss further development prospects. *Materials and methods.* The paper examines documents stored at the State Archive of Buryatia, Scientific Archives of the Buryat Scientific Center (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs affiliated to the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS). The principle of historicism proves instrumental in reconstructing how historical thought has evolved within the general trends of state development and Buryatia's political life throughout the 100 years. *Results.* On 30 May 1923, the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee decided to unite Siberian and Far Eastern autonomous oblasts of Buryat-Mongols into one autonomous socialist Soviet republic to be centered around the city of Verkhneudinsk. In terms of theory pertaining to historical science and historical enlightenment, the formation of the Buryat-Mongol ASSR set forth a most important task of comprehending experiences and paths of Buryatia's peoples in accordance with the Marxist-Leninist paradigm of historical process, while in terms of practice it was urgent to substantiate the Soviet ideology and socialist reforms. All this required that experts joined their efforts to develop conventional approaches in the field of historical knowledge and nation/state building. So, the history of Buryatia was to be generalized and systemized by the academic publications as follows: History of the Buryat-Mongol ASSR (1951, 1954, 1959); Essays on Buryatia's History and Culture (1972, 1974); History of Buryatia in three volumes (2011), etc. The 100th anniversary of the Republic has been welcomed with another two-volume edition — Republic of Buryatia in the 20th–21st Centuries: Chronicles, Events, Comments — that provides a systemic overview of its peoples' historical paths (and milestones), illustrates quantitative and qualitative transformations in politics, economy, culture, and demography, that had formed a vector of progressive and constructive development which survived even in most dramatic periods. The centenary celebrations have been pinnacle by the international scientific conference — Cross-Border Regions of Russia's East in Modernization Processes, 20th–21st Centuries: [Celebrating the] 100th Anniversary of the Republic of Buryatia.

Keywords: Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic, Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic, Republic of Buryatia, historiography, memory studies

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, projects no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia, 17th–21st Centuries: Dynamics of Geopolitical, Socio-economic and Cross-Cultural Interaction', and no. 121031000241-1 'Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States'.

For citation: Bazarov B. V., Plekhanova A. M., Nolev E. V. Republic of Buryatia: The Century-Long Path in Historiography and Historical Memory. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 516–532. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-516-532

1. Введение

100 лет назад решением Президиума ВЦИК была образована Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика (далее — БМАССР). Так было заложено основание принципиально новой в отечественной истории государственности народов автономных областей бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока, объединенных общностью исторических

судеб, единой территорией и экономической целостностью. Это событие, ставшее закономерным итогом длительного периода исторического развития и обусловленное нарастающими процессами внутреннего самоопределения окраин огромного государства, революционной тектоникой Восточной Азии и, в частности, монгольской ойкумены, ярким сигналом возвестило о возможности новых социальных устройств для

многих государств и народов Азии, даже таких исторических окраин, каковым был мир глубокой сибирской периферии. Мотивы этого исторического процесса были сформированы в глубине истории и ярко проявились в начале XX в. Геополитическая активность в Восточной Азии, выразившаяся в промышленном, военном и территориальном продвижении Японии, а также последствия Синхайской революции 1911 г. в Китае только усилили значение Восточной Сибири и Дальнего Востока в судьбах Российского государства. Разразившиеся Октябрьская революция и гражданская война сняли эту проблему по принципу отложенного конфликта. Но в результате переоценки ценностей политической власти чрезвычайно активизировались процессы внутренней самоидентификации местного населения, разразилась череда самостийных настроений, оформились самостоятельные военные и гражданские инициативы с соответствующими политическими лозунгами. Неслучайно в формулах политической лексики 1920-х гг. «буржуазный национализм и панмонголизм» стал расхожей формулой политического диалога [Курас 2011: 256].

Монгольская народная революция 1921 г., прошедшая при фактической поддержке правительства В. И. Ленина, существенно скорректировала настроения местных элит, тем более что вождь мирового пролетариата сам поставил вопрос о предоставлении автономии «бурятам и калмыкам в первую голову» [Ленин 1981: 342].

В результате длительной череды административно-политических согласований, связанных с острыми проблемами внутренней и внешней политики советского государства, 30 мая 2023 г. постановление Президиума ВЦИК окончательно закрепило историческое решение: «объединить в одну Автономную Социалистическую Советскую Республику автономные области бурят-монгол Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске...» [ГА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 29. Л. 4].

В поздравительной телеграмме по случаю 100-летнего юбилея республики президент Российской Федерации В. В. Путин акцентировал внимание на традициях дружбы, согласия и взаимопонимания между представителями разных народов, проживающих на берегу Байкала, что стало основой

для созидательного освоения новых территорий, возведения городов и поселков. Наряду с богатой природой, историческим и духовным наследием Бурятии президент особо отметил современные достижения в области укрепления социально-экономического потенциала: «В республике реализуются масштабные проекты в промышленности и сельском хозяйстве, здравоохранении и образовании, огромное внимание уделяется таким уникальным природным ресурсам, как Байкальский и Баргузинский биосферные заповедники» [Путин 2023].

Между тем 100-летие Республики Бурятия — это более чем актуальный повод оглянуться на пройденный путь, оценить силу исторического творчества народа, проанализировать эволюцию исторических подходов и оценок, наметить пути развития с опорой на опыт десятилетий.

2. Вехи историографии Бурят-Монгольской АССР

Инфраструктура исторической науки на заре становления молодой республики была представлена: Бурят-Монгольским ученым комитетом — прообразом будущего академического научного учреждения в регионе, созданным в 1922 г., Троицкосавско-Кяхтинским отделением Русского географического общества и Бурят-Монгольским научным обществом им. Доржи Банзарова, Бурят-Монгольским государственным национальным музеем (до октября 1923 г. — Прибайкальским областным), Кяхтинским краевым и Педагогическим музеями, а также Центральным архивным управлением [Плеханова, Нолев 2022: 997–999; Бураева, Мишакова, Саяпарова 2012: 231].

С образованием БМАССР важнейшей задачей исторической науки и исторического просвещения в теоретическом измерении стало осмысление исторического пути народов Бурятии в соответствии с марксистско-ленинской парадигмой исторического процесса, а в практическом — обоснование советской идеологии и социалистических преобразований. Все это предполагало консолидацию усилий специалистов в области гуманитарного знания по разработке конвенциональных подходов и написанию концептуальных обобщающих трудов.

В сентябре 1926 г. в г. Верхнеудинске свыше 100 делегатов из числа ученых,

партийных работников, государственных служащих, представителей интеллигенции и т. д. приняли участие в Первом культурно-национальном совещании с целью обсуждения ключевых вопросов культурно-национального строительства. Не ограничиваясь лишь вопросами культуры, совещание сыграло важную роль в развитии образования и науки, укреплении бурят-монгольской народности и усилении роли молодой республики в восточной дипломатии СССР. На международном значении совещания акцентировал внимание председатель СНК и ЦИК БМАССР М. Н. Ербанов: «Не было такого момента, когда весь авангард культурно-национальных работников Бурятии собирался и обсуждал все те вопросы и задачи, которые имели не только узко-национальный характер, но и политическое значение, выходящее далеко за пределы Буреспублики, в частности для всего Монгольского Востока» [Материалы 2020: 8]. Большое внимание участники дискуссии уделили вопросам развития местной экономики, подготовке кадров национального пролетариата и переходу Бурятии к социализму, минуя капитализм, в контексте национально-культурного строительства [Материалы 2020: 43, 131]. Одним из ключевых результатов в плане дальнейших исторических изысканий стало утверждение и легитимация концепта национальной культуры в пролетарском варианте: «национальная по форме, пролетарская по содержанию», обеспечивающей консолидацию наций под эгидой советской власти [Материалы 2020: 95].

В 1934 г. было организовано «специальное совещание историков Бурято-Монголии для обсуждения спорных исторических вопросов, имеющих актуальное политическое значение» [К истории 1935: 3].

Ключевой вопрос дискуссии, касавшийся социально-экономического развития Бурятии в дореволюционный период, а именно определение уровня капитализации экономических отношений, был напрямую связан с обоснованием развернувшихся социалистических преобразований. По мнению П. Т. Хаптаева, озвучившего основной доклад, приобщение Бурятии к капиталистической системе хозяйства состоялось раньше других «колоний России» посредством модернизационных преобразований (рост городов, развитие местной промыш-

ленности, проведение Сибирской железной дороги), укорененных на почве «неразвернутого феодализма» [К истории 1935: 51]. Данная идея, поддержанная большинством участников дискуссии, была подвержена критике со стороны М. Ильина, считавшего, что в основе экономики Бурятии к моменту Октябрьской революции существовали лишь докапиталистические отношения. Высокое значение дискуссии для формирования вектора исторических исследований в БМАССР обусловило расширение границ и круга участников обсуждения, продолжившегося 7 сентября 1934 г. в рамках заседания Института истории Коммунистической академии, где был представлен доклад В. Ф. Аханянова «К спорным вопросам истории Бурят-Монголии» [Киселев 2021: 222]. В то же время «негативным результатом совещания стал идеологический перегиб, когда видные ученые были признаны „буржуазными националистами“» [Плеханова, Нолев 2022: 1003].

Большая роль в процессе социалистической модернизации отводилась разработке научных рекомендаций по развитию потенциала республики, в связи с чем 1–7 апреля 1934 г. в Ленинграде состоялась «Первая конференция Академии наук СССР по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР», объединившая, по словам президента АН СССР А. П. Карпинского, усилия ведущих ученых Академии наук, центральных научных учреждений и местных исследователей «с целью всестороннего развития потенциала «ранее отсталой страны» и включения ее в «ряд самых передовых районов Советского Союза» [Проблемы 1935: 7].

Об особой важности рассматриваемого вопроса свидетельствует состав президиума конференции, в который вошли руководители Академии наук СССР в лице президента, академика АН СССР А. П. Карпинского, вице-президента, академика В. Л. Комарова и неперменного секретаря, академика В. П. Волгина, а также видные ученые и государственные деятели Москвы и Ленинграда и в качестве инициаторов конференции — представители руководства (Д. Д. Доржиев, М. Н. Ербанов, В. К. Ананьин) и научных учреждений (Б.-Д. Тогмитов, П. С. Михно) БМАССР [Базаров, Плеханова, Нолев 2023: 120].

Широкий круг вопросов, включая перспективы изучения и разработки природных ресурсов, развития сельского хозяйства, промышленности и транспортного сообщения, модернизации здравоохранения, науки и образования, был проанализирован с позиции передовых научных достижений [Проблемы 1935: 315–361].

Начало 1936 г. было ознаменовано открытием «новой, самой яркой», по словам М. Н. Ербанова, страницы в истории бурят-монгольского народа, связанной с приемом делегации трудящихся БМАССР в Кремле руководителями партии и правительства во главе с И. В. Сталиным. Темпы и результаты развития республики, ставшей «форпостом социализма на восточных границах Советского Союза» [Ербанов 1936: 5], получили высокую оценку сессии ЦИК и пленума Обкома ВКП(б): «Бурят-Монгольская АССР ликвидировала свое отставание и вышла в ряды передовых республик Советского Союза, быстро развивает промышленность, социалистическое сельское хозяйство, неуклонно поднимает культурный уровень населения» [Ербанов 1936: 73]. М. Н. Ербановым было отмечено коренное преобразование «бурят-монгольского улуса и семейской деревни» [Ербанов 1936: 60].

Однако уже в следующем году в связи с отказом от идеи мировой революции концепция «форпоста социализма» на восточных рубежах страны подверглась пересмотру — от «плацдарма» революции до «заставы» от империалистической угрозы: «Ежечасно помня о всяких неожиданностях, возможных в условиях капиталистического окружения, о происках японо-немецких и иных фашистов, трудящиеся Бурят-Монголии все выше и выше поднимают свою революционную бдительность и обороноспособность Союза ССР» [15 лет 1938: 9].

Наступившее усиление централизации и унификации многих аспектов общественной жизни многонационального государства совпало с тяжелейшим периодом репрессий, обусловленных в БМАССР в том числе этнонациональной спецификой, крайне негативно отразившихся на кадровом потенциале науки и государственной власти в республике.

В области концептуализации истории БМАССР к началу 1940-х гг. произошло накопление источниковой базы, оформился

теоретико-методологический инструментарий советской исторической науки. Прологом к обобщающим исследованиям, системно излагающим историю Бурятии, стала брошюра В. П. Гирченко «Прибайкалье: краткий исторический очерк», изданная в Прибайкальском народном университете в 1922 г. [Гирченко 1922].

Спустя четыре года Бурят-Монгольским научным обществом им. Доржи Банзарова была опубликована работа М. Н. Богданова под названием «Очерки истории бурят-монгольского народа» [Богданов 1926].

На рубеже 1930–1940-х гг. были опубликованы фундаментальные обобщающие труды: «Краткий очерк истории бурятского народа» П. Т. Хаптаева, «Очерки по истории западных бурят-монголов» А. П. Окладникова, «История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в.: Очерки» Ф. А. Кудрявцева [Хаптаев 1936; Окладников 1937; Кудрявцев 1940].

В 1933 г. был опубликован сборник «Бурят-Монгольская АССР за десять лет», содержащий материалы к докладу правительства республики на V сессии ЦИК БМАССР о достижениях в области социалистического прогресса, хозяйственного развития и национально-культурного строительства [Бурят-Монгольская 1933].

В 1938 г. в ознаменование празднования 15-летия БМАССР был издан политико-экономический сборник, освещавший успехи республики в области народного хозяйства, национально-культурного строительства и здравоохранения. Авторы сборника характеризовали пройденный путь Бурят-Монголии как «превращение колонии Дома Романовых, стонавшей триста лет под тяжелым сапогом самодержавия», отмеченной «ужасной печатью буржуазной «цивилизации», в цветущую социалистическую республику [15 лет 1938: 5]. Столь яркие эпитеты и эмоциональные оценки обосновывались следующими аргументами: увеличением капиталовложений в промышленность республики, строительством паровозо-вагоностроительного завода и других предприятий, ростом местных национальных кадров, становлением колхозного строя, изменением культурного облика Бурят-Монголии [15 лет 1938: 5–8].

Ратные и трудовые подвиги жителей Бурят-Монголии приближали Победу в Ве-

ликой Отечественной войне, ставшую архетипом исторического сознания в России. В разгар войны был опубликован сборник, посвященный 20-летию образования БМАССР, при этом юбилей датирован 6 июля 1943 г. Статьи сборника затрагивали все ключевые направления: социалистическое строительство; развитие промышленности и сельского хозяйства; освоение природных богатств края; модернизация народного образования, здравоохранения, культуры и искусства; проведение академических исследований в области истории, языка, литературы и экономики. Отмечалось, что при советской власти бурят-монгольский народ вместе со свободой получил право на национальное самоопределение и самостоятельное государственное строительство, что превратило далекую окраину царской России, край каторги и ссылки в часть «Великого Советского Союза» [XX лет 1943: 6].

Отдельное внимание было уделено БМАССР в дни Великой Отечественной войны, описанию боевых подвигов сынов бурят-монгольского народа и трудовой доблести тыла, материальной помощи фронту, в том числе сбору средств для строительства эскадрильи «Социалистическая Бурят-Монголия» и танковой колонны имени 25-летия Красной Армии, вкладу советской интеллигенции Бурят-Монголии в борьбу с врагом. В военные годы были опубликованы значимые научно-патриотические труды: брошюры «Боевые традиции бурят-монгольского народа» [Кудрявцев 1942] и «Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов» [Залкинд 1943].

В послевоенные годы наметились расширение тематики и углубление содержания исторических исследований БМАССР, чему способствовало совещание историков, организованное в октябре 1947 г. для обсуждения вопроса «О состоянии и об очередных задачах разработки истории Бурят-Монголии». На совещании были обнаружены ошибки «буржуазно-националистического характера» в опубликованных ранее работах, а также констатировалось практически полное отсутствие исторических исследований по советскому периоду истории БМАССР [Цибиков 1958: 72–74].

В следующем году был опубликован сборник, посвященный 25-летию юби-

лею республики, празднование которого состоялось 6 июля 1948 г. Основное внимание в сборнике было уделено советскому патриотизму бурят-монгольского народа, возрожденного Великой Октябрьской Социалистической революцией, ставшего на защиту социалистической Родины и достигшего серьезных успехов в послевоенном подъеме хозяйства и культуры [25 лет 1948: 9]. Отличительной особенностью сборника от предыдущих юбилейных изданий, описывающих достижения в социалистическом строительстве, народном хозяйстве и культуре, стало включение разделов «Государственное устройство БМАССР» и «Под знаменем сталинской дружбы народов» [25 лет 1948].

В то же время авторским коллективом в составе Ф. А. Кудрявцева, А. П. Окладникова, Г. Н. Румянцева, П. Т. Хаптаева, при участии Е. П. Силина и И. В. Арембовского проводилась интенсивная работа над подготовкой первого фундаментального академического издания по истории Бурятии, состоящего из двух томов. Первый том, опубликованный в 1951 г. под редакцией А. П. Окладникова, охватывал период от первобытнообщинного строя до Великой Октябрьской революции [История Бурят-Монгольской 1951].

Обсуждение первого тома, в котором приняли участие ведущие ученые А. А. Новосельский, Б. И. Панкратов, Г. Д. Санжеев, В. И. Шунков, А. Н. Насонов, В. Т. Пашуто, И. Я. Златкин и др., было организовано в Бурят-Монгольском научно-исследовательском институте культуры (далее — БМНИИК), Институте истории и Институте востоковедения АН СССР. Одна из важных концептуальных идей «Истории БМАССР» заключалась в прогрессивном самостоятельном историческом развитии народов Забайкалья и Прибайкалья вопреки расистским концепциям. Подчеркивался добровольный характер присоединения Бурятии к России и его положительные последствия, была показана неразрывная связь истории бурятского народа с историей русского и эвенкийского населения края, обусловленная общностью исторических судеб, хозяйственным и культурным взаимодействием. Первый том вызвал большой общественный интерес — в Улан-Удэ и Иркутске были проведены обсуждения книги,

где наряду с положительными отзывами обнаружились существенные недостатки в области периодизации истории Бурят-Монголии, этногенеза бурятского народа и в освещении социально-экономического развития региона. Специальным постановлением Бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) «О первом томе истории БМАССР», определившим высокое значение монографии в жизни республики, дирекции БМНИИК было предложено исправить, дополнить и переиздать первый том. С этой целью в октябре 1952 г. при Отделении истории и философии АН СССР было организовано совещание по обсуждению вопросов периодизации истории БМАССР, этногенеза, развития капиталистических отношений в бурятском улусе, общественного движения и классовой борьбы. К авторскому коллективу присоединились И. А. Асалханов и Н. Д. Шулунов [Цибиков 1958: 72–74]. В конце октября 1954 г. было опубликовано второе исправленное и дополненное издание первого тома [История Бурят-Монгольской 1954].

Еще одним знаковым событием в исторической науке Бурят-Монголии в это время стала дискуссия по обсуждению спорных вопросов выдающегося памятника историко-культурного наследия народов Внутренней Азии — эпоса «Гэсэр». В конце 1940-х гг. эпос оказался в центре кампании по борьбе с «буржуазным национализмом». Республиканское совещание по вопросу о «Гэсэриаде», проведенное 20–21 мая 1948 г., в котором принимали участие члены ОК ВКП (б) и Совета министров, в том числе сотрудники Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики, учреждений культуры, признало «Гэсэр» антинародным, феодально-ханским эпосом, утвердив ложный тезис об антирусской направленности произведения. Вследствие этого в течение нескольких лет «любое мнение в пользу эпоса расценивалось как антипартийное и антинародное» [История Бурятии 2011: 243].

Несправедливость и лженаучность подобной оценки выдающегося памятника устного народного творчества стала поводом к последующему обсуждению «Гэсэра» на академическом уровне, в рамках совещаний в Институте востоковедения АН СССР в апреле 1951 г. и объединенной

научной сессии Института востоковедения АН СССР и БМНИИК в феврале 1953 г. Участники сессии пришли к заключению о народной основе бурятских версий Гэсэриады и отрицанию возможности отождествления главного героя эпоса с Чингис-ханом, было сделано убедительное опровержение националистической и антирусской характеристики эпоса. Решение сессии развенчало представление о феодально-ханской природе бурятских версий эпоса, признало «Гэсэр» ценным достоянием культуры Бурят-Монголии и подтвердило необходимость дальнейшего углубленного исследования устного народного творчества бурятского народа [Санжиев, Хаптаев 1982: 31; История Бурятии 2011: 243].

Следующей коммеморативной датой для исторической науки БМАССР стало 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции. В 1957 г. в Улан-Удэ были опубликованы сборники документов «Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии», «Борьба за власть Советов в Иркутске», а также сборник воспоминаний участников гражданской войны в Бурят-Монголии — «Партизаны Прибайкалья», который, по оценке Б. Д. Цибикова, превосходил аналогичные предшествующие издания за счет включения большего числа воспоминаний, в том числе М. М. Сахьяновой и других видных партийных деятелей [Цибиков 1958: 77].

3. Вехи историографии Бурятской АССР

В год 35-летнего юбилея республики, 7 июля 1958 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О переименовании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики в Бурятскую Автономную Советскую Социалистическую Республику» (далее — БАССР) [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 1136. Л. 111]. В этом году во исполнение указаний XX съезда КПСС о необходимости создания крупных научных трудов по истории советского общества был подготовлен второй том «Истории Бурятской АССР». Обсуждения сводного макета были проведены в Отделении исторических наук АН СССР, в Улан-Удэ, Чите и Аге [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 221. Л. 2].

Второй том под редакцией П. Т. Хаптаева был опубликован в 1959 г., став первым

фундаментальным изданием, обобщившим и систематизировавшим историю советской Бурятии с 1917 по 1955 гг. [*История Бурятской АССР 1959*].

Знаковым в истории республики стал 1959 г. — год 300-летия добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства. 29 июня 1959 г. в Бурятском комплексном научно-исследовательском институте состоялась научная сессия, посвященная анализу последствий добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства, объединившая ученых Москвы, Ленинграда, Иркутска, Томска и Улан-Удэ. На сессии было заслушано более 20 докладов, отражавших роль русских ученых в развитии науки в республике, историческое значение революционного движения русского рабочего класса и Великой Октябрьской революции в судьбах бурятского народа, расцвет экономики и культуры бурятского народа за годы советской власти. В итоговом постановлении сессия рекомендовала продолжить дальнейшее углубленное изучение прогрессивных последствий добровольного вхождения Бурятии в состав России и исторических корней дружбы русского и бурятского народов [*ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 221. Л. 19*]. Кульминацией праздничных торжеств стало награждение БАССР высшей государственной наградой — Орденом Ленина, в том числе «за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве» [*Республика Бурятия, 2 2023: 14*].

Важной исторической вехой в истории республики стало 50-летие образования Бурятской АССР, в связи с чем 30 и 31 мая 1973 г. в г. Улан-Удэ была организована объединенная научная конференция, в которой приняли участие ученые из Новосибирска, Иркутска и Улан-Удэ. На пленарном заседании, проходившем в здании Совета министров Бурятской АССР, были заслушаны доклады секретаря Бурятского обкома КПСС А. А. Бадиева («Образование и развитие Бурятской АССР — торжество ленинской национальной политики»), директора Института истории, филологии и философии СО АН СССР, академика А. П. Окладникова («Исторические корни дружбы русского и бурятского народов»), председателя Бурятского филиала СО АН СССР, профессора В. Р. Филиппова («Раз-

витие высшей школы и науки в Бурятской АССР»). Работа конференции была организована в рамках следующих секций: «Секция истории СССР», «Секция истории КПСС», «Заочная секция», «Секция культуры и искусства», «Секция науки и высшего образования». В представленных докладах были обобщены материалы исследований, характеризующие сдвиги в экономике и культуре, происходившие в жизни народов советской Бурятии за 50 лет развития в рамках автономной республики в дружной семье народов СССР. В резолюции конференции подчеркивалось, что данные сдвиги и прогрессивные преобразования являлись результатом «планомерной и принципиальной интернационалистической политики Коммунистической партии Советского Союза по преобразованию ранее отсталого края на социалистических началах и приобщению некогда угнетенного народа к развитым социалистическим формам жизни, труда и культуры» [*НА БНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 103. Л. 25, 26*].

Полувековой юбилей был отмечен публикацией «Очерков истории культуры Бурятии» в 2 томах, где впервые была предпринята попытка целостного обобщения и осмысления культурного наследия республики. Во втором томе издания, посвященном истории культуры народов Бурятии в советское время, была предложена следующая периодизация: культурная революция в БАССР (1917–1941 гг.), культурное строительство в период завершения строительства социализма (1941–1958 гг.), культурное строительство в период строительства коммунизма [*Очерки 1974: 5*].

60-летию БАССР были посвящены республиканская научная сессия, организованная Институтом общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР в июне 1983 г., и Республиканская выставка достижений народного хозяйства, науки и культуры, подготовленная в Республиканском выставочном зале [*НА БНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2312. Л. 23, 39*].

В юбилейный год в издательстве «Наука» были опубликованы капитальные труды «Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма» под редакцией Г. Л. Санжиева и «Культура Бурятии в период развитого социализма (в процессе взаимодействия с культурами других советских

народов)» под редакцией В. Ц. Найдакова. В «Очерках истории Бурятской АССР» обобщены результаты развития республики в период развитого социализма, приводятся данные о выравнивании уровня ее экономики со средними по стране, а также укреплении общесоветских черт в культуре и быте народов Бурятии [Очерки 1983].

В коллективной монографии «Культура Бурятии в период развитого социализма» отражены прогрессивные тенденции в развитии народного образования и науки, литературы и искусства, повышение роли средств массовой информации и пропаганды в росте культурного уровня трудящихся [Культура 1983].

В послевоенный период большое внимание стало уделяться вопросам формирования знаний об истории родного края у школьников республики. Одним из знаковых стало учебное пособие для учащихся 7–8 классов «Бурятия в истории СССР», опубликованное в 1965 г. Пособие вместе с обзором дореволюционной истории региона акцентировало внимание учащихся на завоевании власти Советов, строительстве социализма и возведении «светлого здания коммунистического общества», чему посвящена целая глава «Бурятия в период развернутого строительства коммунистического общества» [Егунов и др. 1965: 101–107].

Одним из ключевых показателей преимуществ социалистического строя стала демонстрация результатов превращения БАССР в передовую индустриально-аграрную республику: «В 1962 г. крупная промышленность БурАССР выработала продукции в 335 раз больше, чем в 1923 г., посевные площади за это же время возросли в 5,5 раза» [Егунов и др. 1965: 106]. В дальнейшем пособие дополнялось и переиздавалось.

4. Вехи историографии Республики Бурятия

27 июля 1992 г. Верховным Советом Бурятской ССР был принят Закон «Об изменении наименования Бурятской Советской Социалистической Республики в Республику Бурятия» [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 3491. Л. 10].

В 1993 г. была организована конференция по проблемам истории Бурятии, посвященная 70-летию со дня образования

республики [НА БНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 636. Л. 6]. В то же время кардинальные трансформации во всех сферах общественной жизни и экономики, произошедшие в стране в результате системного кризиса, требовали разработки объективного подхода к формированию исторического сознания и основ патриотизма в новых условиях. Успешное решение данной задачи было предложено Ассоциацией молодых историков и образованным на ее основе общественно-научным центром «Сибирь» (далее — ОНЦ «Сибирь»). В начале 1990-х гг. при поддержке Министерства народного образования БАССР Ассоциацией молодых историков было опубликовано три выпуска научно-популярного издания «История Бурятии в вопросах и ответах» [История Бурятии 1990]. ОНЦ «Сибирь» была решена базовая задача подготовки школьного учебника по истории Бурятии, опубликованного в двух частях при поддержке Министерства образования по делам высшей школы и научных учреждений Республики Бурятия в 1993–1994 гг. Авторы считали создание учебника очередным этапом в возрождении политической памяти народа, объективном осмыслении прошлого и настоящего, формировании фундамента для создания капитального труда по истории Бурятии. Большое внимание уделялось слабоизученным вопросам исторической демографии, послевоенного устройства деревни, экологии и т. д. Впервые в учебной литературе были представлены объективные сведения о политических репрессиях в БМАССР, тоталитаризме, кампании против «Гэсэра», негативных последствиях советской аграрной политики и прочих перегибах [История Бурятии 1993: 63; История Бурятии 1994: 31–35, 61].

75-летний юбилей республики был отмечен проведением научной конференции и изданием сборника статей «Республика Бурятия — государство в составе Российской Федерации». В опубликованных статьях рассматривались крайне важные вопросы истории национально-государственного строительства, федеративных отношений, реформирования и преодоления кризисных явлений в региональной экономике, преобразований в социальной сфере, образовании и культуре, этнических процессов в регионе, развития академической науки

в Бурятии [Республика Бурятия 1998]. Масштабными научными конференциями были отмечены юбилеи 80-летия, 90-летия [Балдано, Бураева 2013] и 95-летия Республики Бурятия [Республика Бурятия 2018].

Еще одним знаковым мемориальным событием стало празднование 350-летия добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства в 2011 г., утвержденное указом президента Российской Федерации Д. А. Медведевым. 28–30 июня в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ СО РАН) была организована международная научная конференция «Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций», участники которой обсудили широкий круг вопросов в области истории Бурятии, геополитических и социальных процессов в трансграничных регионах Восточной Азии, культурного наследия народов России и Центральной Азии [Исторический опыт 2011]. К юбилею было подготовлено фундаментальное академическое издание «История Бурятии» в трех томах под редакцией Б. В. Базарова, удостоенное Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники. Третий том освещает историю республики в XX и XXI вв. с обновленных концептуальных и теоретико-методологических позиций, основываясь в том числе на введении в научный оборот ранее неопубликованных исторических источников. Как отмечают авторы издания, «на протяжении одного столетия наша страна дважды пережила глубокие потрясения, изменившие ее политическую систему, идеологические ценности и общественный менталитет. Настало время переосмыслить произошедшие за это столетие перемены, которые, с одной стороны, позволили нам интегрироваться в современное цивилизованное общество, с другой — повлекли разрушение традиционных ценностей, ушедших вместе с ликвидацией советской политической системы» [История Бурятии, 3 2011: 5].

В начале 2000-х гг. появились новые учебные пособия по истории Бурятии, где яркие события региональной истории XX в. показаны в контексте отечественной и мировой истории. Приведены важные биографические сведения о выдающихся исторических деятелях республики, представлены

разделы о постсоветском административно-территориальном устройстве и социально-экономическом развитии региона [История Бурятии 2000; История Бурятии 2012]. При этом в настоящее время назрела необходимость подготовки новых учебных пособий в соответствии с современными достижениями исторической науки.

5. Республике Бурятия — 100 лет (вместо заключения)

25 апреля 2018 г. указом президента Российской Федерации В. В. Путина было закреплено празднование 100-летия образования Республики Бурятия в 2023 г. Это знаковое событие стало важным этапом национально-государственной системы в рамках российского федерализма, выдержавшей испытание временем. Одним из центральных мероприятий юбилея и ключевым в ряду научных событий, приуроченных к 100-летию республики, стала международная научная конференция «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.», прошедшая с 29 мая по 1 июня 2023 г. Высокое научное мероприятие было подготовлено совместными усилиями правительства Республики Бурятия, Народного Хурала Республики Бурятия, Сибирского отделения Российской академии наук, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Российского исторического общества при поддержке Фонда «История Отечества». На конференции состоялось обсуждение проблем и достижений в области геополитики и международных отношений, истории национально-государственного строительства, модернизации и преобразований в экономике, политике, культуре трансграничья Востока России в условиях современного переустройства мира, а также вопросов социально-экономического и культурно-исторического развития Бурятии. География участников конференции была представлена учеными из России (Москва, Санкт-Петербург, Абакан, Барнаул, Благовещенск, Владивосток, Иркутск, Казань, Кызыл, Кяхта, Новосибирск, Улан-Удэ, Чита, Якутск), Монголии (Улан-Батор, Дархан), Китая (Пекин, Хух-Хото, Хулунбуир), Казахстана (Алматы) и Япония (Токио).

С целью обсуждения проблем и перспектив стратегического развития Азиат-

ской России в рамках конференции 29 мая 2023 г. в Бурятии впервые прошло выездное заседание бюро президиумов Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделений РАН, в котором приняли участие глава Республики Бурятия А. С. Цыденов, председатель Сибирского отделения РАН, академик В. Н. Пармон, председатель Дальневосточного отделения РАН, академик Ю. Н. Кульчин, главный ученый секретарь Уральского отделения РАН, чл.-корр. А. В. Макаров и члены отделений. На заседании был рассмотрен широкий круг вопросов в области геополитики, социально-экономического развития, развития и освоения сырьевой базы, обусловленных политикой разворота России на Восток.

30 мая 2023 г. на пленарном заседании в Доме правительства Республики Бурятия прозвучали выступления главы Республики Бурятия А. С. Цыденова; председателя Народного Хурала Республики Бурятия В. А. Павлова; врио председателя Правления Российского исторического общества, исполнительного директора фонда «История Отечества», доктора исторических наук Р. Г. Гагкуева; сенатора Российской Федерации В. В. Наговицына; директора Улан-Баторского университета «Эрдэм», академика Академии наук Монголии Т. Доржа; председателя Сибирского отделения Российской академии наук, академика В. Н. Пармона; председателя Дальневосточного отделения Российской академии наук, академика Ю. Н. Кульчина; заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН по научно-организационной работе, доктора филологических наук В. Л. Кляуса. Выступающие подчеркнули важность и актуальность обсуждаемых на конференции тем для дальнейшего осмысления исторического, политического, экономического, социального и культурного развития Бурятии и трансграничья Востока России. Далее директор ИМБТ СО РАН, академик Б. В. Базаров в пленарном докладе «Республика Бурятия в ретроспективе 100-летия» показал, что «бурятская государственность была сформирована в течение длительного исторического развития России, поступательно преобразовываясь на разных этапах. Становление и развитие бурятского этноса как одного из крупных этносоциальных сегментов на востоке им-

перии вели к построению такой локальной автономной системы управления, которая сумела согласовать интересы различных групп населения... Образование республики способствовало упрочению целостности и стабильности российской государственности, укреплению геополитических позиций России на Востоке» [[Трансграничье 2023: 5](#)].

Руководитель Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, академик В. Л. Ларин представил вниманию участников конференции доклад «Парадоксы и перспективы российско-китайского трансграничного сотрудничества», в котором обозначил важность трансграничного положения Республики Бурятия в развитии экономических отношений между двумя странами. В докладе «Железнодорожный транспортный коридор Китай – Монголия – Россия: текущее состояние и перспективы модернизации», подготовленном сотрудниками Института динамики и систем управления СО РАН академиком И. В. Бычковым, профессором А. Л. Казаковым и кандидатом технических наук М. Л. Жарковым, было показано, что в современных условиях увеличивающегося спроса на транзитные перевозки необходима реконструкция Трансмонгольской железной дороги, в особенности ее узкого места — Улан-Баторской железной дороги. Заключительный доклад пленарного заседания, с которым дистанционно выступила профессор Международного университета «Их Засаг» им. Чингисхана Ж. Цэцэгмаа, был посвящен изучению монгольского периода в жизни известного бурятского ученого и общественного деятеля Ц. Жамцарано, сыгравшего огромную роль в становлении и развитии академической науки и системы образования в Монголии.

Далее работа конференции была продолжена в рамках трех круглых столов, девяти секций и выездного заседания. В Народном Хурале Республики Бурятия был организован Круглый стол «Национальная государственность и государственное единство (к 30-летию Конституции Российской Федерации)», в работе которого приняли участие ученые, депутаты Государственной думы Российской Федерации и Народного Хурала Республики Бурятия. На базе ИМБТ

СО РАН была организована работа круглых столов «Бурятия в системе международных и региональных гуманитарных связей»; «Функционирование языков в восточном трансграничье: общее и специфическое» и секций: «Восточное трансграничье России: геополитика и международные отношения»; «Власть и общество в провинции: история и современность»; «Экономическая модернизация национальных районов Сибири и Дальнего Востока: достижения, опыт, проблемы»; «Социальные процессы в Сибири и на Дальнем Востоке»; «Культура, наука и образование в Республике Бурятия»; «Литература и фольклор монгольских народов: культурное наследие и современное состояние»; «Религии и религиозные верования в социокультурной и политической жизни Бурятии»; «Этнокультурные процессы и межэтническое взаимодействие в трансграничье России–Монголии–Китая»; «Внутренняя Азия и ее северная периферия в древности и средневековье: археологические культуры и их взаимодействие». Доклады участников опубликованы в материалах конференции [Трансграничье 2023].

К вековому юбилею учеными ИМБТ СО РАН подготовлено и опубликовано

двухтомное издание «Республика Бурятия. 100 лет. Хроника, события, комментарии», системно отражающее исторический путь народов республики, количественные и качественные преобразования в области политики, экономики, культуры, демографии, сформировавшие вектор поступательного и прогрессивного развития, не угасающего даже в самые тяжелые периоды истории [Республика Бурятия, 1 2023; Республика Бурятия, 2 2023]. «Авторы проделали скрупулезный труд, чтобы представить историю Бурятии — уникальной многонациональной республики, республики трудной судьбы и богатой истории, славных традиций и впечатляющих достижений» [Республика Бурятия, 1 2023: 4].

Пройдя вековой путь великих свершений и тяжелых испытаний, Республика Бурятия превратилась в полиэтнический и многоконфессиональный регион, глубоко интегрированный в социально-политическое и экономическое пространство России, крупный научный, образовательный и культурный центр Восточной Сибири и Дальнего Востока [Республика Бурятия, 2 2023: 249–251].

Источники

- ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.
НА БНЦ СО РАН — Научный архив Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН.
ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Литература

- XX лет 1943 — XX лет Бурят-Монгольской АССР / отв. ред. Б. Санжиев. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1943. 182 с.
15 лет 1938 — 15 лет Бурят-Монгольской АССР. Политико-экономический сборник, посвященный празднованию 15-летнего юбилея БМАССР / отв. ред. С. П. Соловьев. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1938. 101 с.
25 лет 1948 — 25 лет Бурят-Монгольской АССР: сб. ст. / редкол.: Д. Цыремпилов (отв. ред.) и др. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1948. 162 с.

Sources

- Buryat-Mongolian ASSR for ten years. M.; Irkutsk: OGIZ, 1933. 136 p. (In Russ.)
Center for Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS.
State Archive of the Republic of Buryatia.
Scientific Archive of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS.

- Базаров, Плеханова, Нолев 2023 — Базаров Б. В., Плеханова А. М., Нолев Е. В. Республика Бурятия в панораме 100-летия: исторические вехи и достижения // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 115–128. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-115-128
Балдано, Бураева 2013 — Балдано М. Н., Бураева О. В. Республике Бурятия — 90 лет // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 69–71.
Богданов 1926 — Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1926. 229 с.

- Бураева, Мишакова, Саяпарова 2012 — Бураева С. В., Мишакова О. Э., Саяпарова Е. В. Музейное дело Бурятии в конце XIX в. — первом десятилетии XXI в.: формирование, развитие и современное состояние. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2012. 253 с.
- Бурят-Монгольская 1933 — Бурят-Монгольская АССР за десять лет. М.; Иркутск: ОГИЗ, 1933. 136 с.
- Гирченко 1922 — Гирченко В. П. Прибайкалье: краткий исторический очерк. Верхнеудинск: Книгоизд-во Объедин. прибайкал. союза кооперативов, 1922. 26 с.
- Егунов и др. 1965 — Егунов Н. П., Митупов Б. М., Тармаханов Е. Е., Шантанов Н. К. Бурятия в истории СССР: пособие для учащихся 7–8 классов. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1965. 115 с.
- Ербанов 1936 — Ербанов М. Н. Бурят-монголы у великого Сталина. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1936. 76 с.
- Залкинд 1943 — Залкинд Е. М. Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1943. 29 с.
- Исторический опыт 2011 — Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров, отв. ред. Л. В. Курас. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2011. 568 с.
- История Бурят-Монгольской 1951 — История Бурят-Монгольской АССР: в 2 тт. / гл. ред. А. П. Окладников. Т. 1. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. 574 с.
- История Бурят-Монгольской 1954 — История Бурят-Монгольской АССР: в 2 тт. / гл. ред. П. Т. Хаптаев. Т. 1. 2-е изд. испр. и доп. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1954. 496 с.
- История Бурятии 1990 — История Бурятии в вопросах и ответах. Вып. 1 / отв. ред. Т. М. Михайлов. Улан-Удэ: Мин-во нар. образования Бур. АССР, 1990. 73 с.
- История Бурятии 1993 — История Бурятии. Век XX. Часть 1. Конец XIX в. — 1941 г. Учебная книга для средних учебных заведений. Улан-Удэ: ОНЦ «Сибирь», 1993. 80 с.
- История Бурятии 1994 — История Бурятии. Век XX. Часть 2. Июнь 1941 г. — начало 90-х годов. Учебная книга для средних учебных заведений. Улан-Удэ: ОНЦ «Сибирь», 1994. 96 с.
- История Бурятии 2000 — История Бурятии. Ч. II (1917–1998 гг.). Учеб. пос. для 10–11 кл. под ред. Е. Е. Тармаханова, С. Д. Намсараева. Улан-Удэ: Бэлиг, 2000. 124 с.
- История Бурятии 2012 — История Бурятии. XX в. — нач. XXI в.: учеб. пособие / отв. ред. Т. Е. Санжиева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 274 с.
- История Бурятии, 3 2011 — История Бурятии: в 3 тт. / гл. ред. В. Б. Базаров. Т. 3: XX–XXI вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.
- История Бурятской АССР 1959 — История Бурятской АССР: в 2 тт. / гл. ред. П. Т. Хаптаев. Т. 2. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1959. 643 с.
- К истории 1935 — К истории Бурято-Монголии: Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. / под ред. А. В. Шестакова и А. И. Ломакина. Улан-Удэ. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 184 с.
- Киселев 2021 — Киселев Ю. М. К спорным вопросам истории Бурят-Монголии: позиция В. Ф. Аханянова // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 222–230. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-222-230
- Кудрявцев 1940 — Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в.: Очерки. М.; Л.: АН СССР, 1940. 242 с.
- Кудрявцев 1942 — Кудрявцев Ф. А. Боевые традиции бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1942. 44 с.
- Культура 1983 — Культура Бурятии в условиях развитого социализма (в процессе взаимодействия с культурами других советских народов) / отв. ред. В. Ц. Найдаков. М.: Наука, 1983. 222 с.
- Курас 2011 — Курас Л. В. Геополитические амбиции атамана Семенова: попытка создания федеративного «Велико-монгольского государства» // Гуманитарный вектор. 2011. № 4(28). С. 255–262.
- Ленин 1981 — Ленин В. И. Проект постановления политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 342–343.
- Материалы 2020 — Материалы Первого культурно-национального совещания 1926 г. / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, О. С. Ринчинов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2020. 296 с.
- Окладников 1937 — Окладников А. П. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л.: ОГИЗ, 1937. 425 с.
- Очерки 1974 — Очерки истории и культуры Бурятии: в 2 тт. / гл. ред. Д. Д. Лубсанов. Т. 2: советский период. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1974. 647 с.

- Очерки 1983 — Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма / отв. ред. Г. Л. Санжиев. Новосибирск: Наука, СО, 1983. 305 с.
- Плеханова, Нолев 2022 — Плеханова А. М., Нолев Е. В. Историческая наука в Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг.: особенности становления // *Oriental Studies*. 2022. № 5. С. 993–1007. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-993-1007
- Проблемы 1935 — Проблемы Бурят-Монгольской АССР (Труды Первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР) / гл. ред. В. А. Обручев, отв. ред. И. С. Шмулович. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1935. 364 с.
- Путин 2023 — Путин В. В. Жителям Республики Бурятия [электронный ресурс] // Официальный сайт «Президент России». 30 мая 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/71242> (дата обращения: 1.06.2023).
- Санжиев, Хаптаев 1982 — Санжиев Г. Л., Хаптаев П. Т. Основные этапы и итоги исследования истории Бурятии // Развитие науки в Бурятии. Сб. статей. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. С. 5–68.
- Республика Бурятия 1998 — Республика Бурятия — государство в составе Российской Федерации (к 75-летию образования): сб. науч. ст. / отв. ред. Г. Л. Санжиев. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. 162 с.
- Республика Бурятия, 1 2023 — Республика Бурятия в XX–XXI вв. Хроника, события, комментарии: юбилейное издание: в 2 тт. Т. 1 / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: ИД «ЭКОС», 2023. 256 с.
- Республика Бурятия, 2 2023 — Республика Бурятия в XX–XXI вв. Хроника, события, комментарии: юбилейное издание: в 2 тт. Т. 2 / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: ИД «ЭКОС», 2023. 256 с.
- Республике Бурятия 2018 — Республике Бурятия — 95 лет: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. 344 с.
- Трансграничье 2023 — Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия): сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. 468 с.
- Хаптаев 1936 — Хаптаев П. Т. Краткий очерк истории бурятского народа. Вып. I. Улан-Удэ: Бургосиздат, 1936. 76 с.
- Цибиков 1958 — Цибиков Б. Д. Об изучении истории Бурятии за советский период // К 35-летию Института культуры (Сборник статей). Улан-Удэ: Тип. Мин-ва культуры БМАССР, 1958. С. 57–80.

References

- Baldano M. N., Buraeva O. V. 90 years of the Republic of Buryatia. *Buryat State University Bulletin*. 2013. No. 7. Pp. 69–71. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (ed.) Cross-Border Regions of Russia's East in Modernization Processes, 20th–21st Centuries: [Celebrating the] 100th Anniversary of the Republic of Buryatia. Collected scholarly papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2023. 468 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (ed.) Republic of Buryatia in the 20th–21st Centuries: Chronicles, Events, Comments. Jubilee edition. In 2 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: ECOS, 2023. 256 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (ed.) Republic of Buryatia in the 20th–21st Centuries: Chronicles, Events, Comments. Jubilee edition. In 2 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: ECOS, 2023. 256 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (ed.) Republic of Buryatia to Celebrate Its 95th Anniversary. Collected scholarly papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2018. 344 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V. Plekhanova A. M., Nolev E. V. Republic of Buryatia in the panorama of the 100th anniversary: Historical milestones and achievements. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 115–128. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-115-128
- Bazarov V. B. (ed.) History of Buryatia. In 3 vols. Vol. 3: 20th–21st Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 464 p. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. The Buryat-Mongol People: Historical Essays. Verkhneudinsk: Burmangiz, 1926. 229 p. (In Russ.)
- Buraeva S. V., Mishakova O. E., Sayaparova E. V. Museum Affairs in Buryatia, Late 19th to Early 21st Centuries: Emergence, Development, and Current State. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture and Arts, 2012. 253 p. (In Russ.)
- Buryat-Mongol ASSR over the Ten Years. Moscow, Irkutsk: OGIZ, 1933. 136 p. (In Russ.)
- Girchenko V. P. Cisbaikalia: A Brief Historical Essay. Verkhneudinsk: Cisbaikalia Cooperative Union Press, 1922. 26 p. (In Russ.)
- History of Buryatia: 20th Century. Part 1: Late 19th Century – 1941. Schoolbook. Ulan-Ude: Sibir, 1993. 80 p. (In Russ.)

- History of Buryatia: 20th Century. Part 2. June 1941 – Early 1990s. Schoolbook. Ulan-Ude: Sibir, 1994. 96 p. (In Russ.)
- Khaptaev P. T. (ed.) History of the Buryat ASSR. In 2 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 643 p. (In Russ.)
- Khaptaev P. T. (ed.) History of the Buryat-Mongol ASSR. In 2 vols. Vol. 1. 2nd ed. rev. & suppl. Ulan-Ude: Burmongiz, 1954. 496 p. (In Russ.)
- Khaptaev P. T. The Buryat People: A Brief Historical Essay. Vol. 1. Ulan-Ude: Burgosizdat, 1936. 76 p. (In Russ.)
- Kiselyov Yu. M. Revisiting controversial issues of Buryat-Mongolia's history: The position of V. F. Akhanyanov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 222–230. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-222-230
- Kudryavtsev F. A. History of the Buryat-Mongol People, 1600s–1860s: [Collected] Essays. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 242 p. (In Russ.)
- Kudryavtsev F. A. Military Traditions of Buryat-Mongols. Ulan-Ude: Burmongiz, 1942. 44 p. (In Russ.)
- Kuras L. V. Ataman Semenov's geopolitical ambitions: An attempt of creating a federative 'Great Mongolian state'. *Humanitarian Vector*. 2011. No. 4(28). Pp. 255–262. (In Russ.)
- Kuras L. V., Bazarov B. V. (eds.) Historical Experiences of Cooperation between Peoples and Civilizations: Celebrating the 350th Anniversary of Buryatia's Incorporation into Russia. Collected scholarly papers. Ulan-Ude, Irkutsk: Ottisk, 2011. 568 p. (In Russ.)
- Lenin V. I. Draft Decree of the Politburo of the RCP(B) Central Committee on Objectives of the Party in Territories Inhabited by Oriental Peoples. In: Lenin. V. I. Complete Works. Vol. 41. Moscow: Politizdat, 1981. Pp. 342–343. (In Russ.)
- Lubsanov D. D. (ed.) Essays on Buryatia's History and Culture. In 2 vols. Vol. 2: Soviet Era. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1974. 647 p. (In Russ.)
- Mikhaylov T. M. (ed.) History of Buryatia in Questions and Answers. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryat ASSR Ministry of Education, 1990. 73 p. (In Russ.)
- Naydakov V. Ts. (ed.) Buryatia's Culture in Developed Socialism: Interaction with Other Soviet Ethnic Cultures. Moscow: Nauka, 1983. 222 p. (In Russ.)
- Obruchev V. A., Shmulovich I. S. (eds.) Problems of the Buryat-Mongol ASSR: Transactions of the First Conference for the Study of Buryat-Mongolia's Productive Forces. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 364 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. (ed.) History of the Buryat-Mongol ASSR. In 2 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Burmongiz, 1951. 574 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Western Buryat-Mongols: Historical Essays. Leningrad: OGIZ, 1937. 425 p. (In Russ.)
- Plekhanova A. M., Nolev E. V. Historical science in Buryat-Mongolia, 1920s–1930s: Peculiarities of formation analyzed. *Oriental Studies*. 2022. No. 5. Pp. 993–1007. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-993-1007
- Putin V. V. Address to dwellers the Republic of Buryatia. On: President of Russia (official website). Posted on 30 May 2023. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/71242> (accessed: 1 June 2023). (In Russ.)
- Sanzhiev B. (ed.) Buryat-Mongol ASSR: [Celebrating the] 20th Anniversary. Ulan-Ude: Burmongiz, 1943. 182 p. (In Russ.)
- Sanzhiev G. L. (ed.) Buryat ASSR in Developed Socialism: Historical Essays. Novosibirsk: Nauka, 1983. 305 p. (In Russ.)
- Sanzhiev G. L. (ed.) Republic of Buryatia — A Nation in the Russian Federation: Celebrating the 75th Anniversary. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1998. 162 p. (In Russ.)
- Sanzhiev G. L., Khaptaev P. T. Investigating Buryatia's history: Key stages and outcomes. In: Development of Science in Buryatia. Collected papers. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1982. Pp. 5–68. (In Russ.)
- Sanzhieva T. E. (ed.) History of Buryatia: 20th to Early 21st Centuries. Textbook. Ulan-Ude: Buryat State University, 2012. 274 p. (In Russ.)
- Shestakov A. V., Lomakin A. I. (eds.) History of Buryat-Mongolia Approached: Discussion Materials (Ulan-Ude, June 1934). Moscow, Leningrad: Sotsekgiz, 1935. 184 p. (In Russ.)
- Solovyov S. P. (ed.) [Celebrating the] 15th Anniversary of the Buryat-Mongol ASSR: Essays on Politics and Economics. Jubilee edition. Ulan-Ude: Burmongiz, 1938. 101 p. (In Russ.)
- Tarmakhanov E. E., Namsaraev S. D. (eds.) History of Buryatia. Pt. 2: 1917–1998. Schoolbook. Ulan-Ude: Belig, 2000. 124 p. (In Russ.)
- Tsibikov B. D. Soviet-era studies in the history of Buryatia. In: Celebrating the 35th Anniversary of the Institute of Culture. Collected papers. Ulan-Ude: Buryat-Mongol ASSR Ministry of Culture, 1958. Pp. 57–80. (In Russ.)

- Tsyrempilon D. (ed.) Buryat-Mongol ASSR: [Celebrating the] 25th Anniversary. Ulan-Ude: Burmongiz, 1948. 162 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V., Rinchinov O. S. (comps.) First Meeting on Ethnic Culture (1926): [Collected] Materials. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2020. 296 p. (In Russ.)
- Yegunov N. P., Mitupov B. M., Tarmakhanov E. E., Shantanov N. K. Buryatia in Soviet History. Schoolbook. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1965. 115 p. (In Russ.)
- Yerbanov M. N. Buryat-Mongols and the Great Stalin. Ulan-Ude: Burmongiz, 1936. 76 p. (In Russ.)
- Zalkind E. M. The Unfailing Friendship of Buryat-Mongols and Russians. Ulan-Ude: Burmongiz, 1943. 29 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 3, Pp. 533–547, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902.2 (574.11)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-533-547

Местонахождение *Шани* — новый памятник энеолита в Рын-песках Северного Прикаспия

Талгат Базарбаевич Мамиров¹, Ерлан Ерсаинович Клышев^{2,3}, Самрат Русланулы Куандык⁴,
Мамбет Сапарбекович Шагирбаев⁵

¹ Институт археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (д. 44, пр. Достык, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, заместитель директора по науке

 0000-0003-2975-0115. E-mail: [talgatmamirov\[at\]gmail.com](mailto:talgatmamirov[at]gmail.com)

² Институт археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (д. 44, пр. Достык, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
магистр истории, младший научный сотрудник

³ Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова (д. 162, пр. Н. Назарбаева, 090000 Уральск, Республика Казахстан)

преподаватель

 0000-0002-5027-8073. E-mail: [klishev_erlan82\[at\]mail.ru](mailto:klishev_erlan82[at]mail.ru)

⁴ Институт археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (д. 44, пр. Достык, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
магистр археологии, младший научный сотрудник

 0000-0002-1336-4976. E-mail: [s.r.kuandyk\[at\]mail.ru](mailto:s.r.kuandyk[at]mail.ru)

⁵ Институт археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (д. 44, пр. Достык, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
магистр музейного дела и охраны памятников, научный сотрудник

 0000-0001-8176-9329. E-mail: [mambet__87\[at\]mail.ru](mailto:mambet__87[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Мамиров Т. Б., Клышев Е. Е., Куандык С. Р., Шагирбаев М. С., 2023

Аннотация. *Введение.* Континентальный этап геологической истории Северного Прикаспия начинается с мангышлакской регрессии, когда Рын-пески были освобождены от морских вод и регион начал активно заселяться людьми, свидетельством чему являются многочисленные памятники каменного века. Практически абсолютное большинство памятников представлены материалами «открытого типа», что ввиду смешанности комплексов и малочисленности керамического материала затрудняет хронологическое подразделение археологических коллек-

ций. В этом отношении исследование памятников с сохранившимися «культурными слоями» с возможностью получения серии абсолютных дат является одной из первостепенных задач в понимании историко-культурных процессов в мезолите / энеолите Северного Прикаспия. Целью данной статьи является ввод в научный оборот материалов местонахождения *Шапи* с Рын-песков. **Материалы и методы.** Местонахождение *Шапи* расположено в северо-северо-западной части Рын-песков в 30 км южнее озера Аралсор на территории современного Бокеевского района Западно-Казахстанской области. Полученный в ходе сборов каменный материал немногочисленный, преимущественно из кварцитовидного песчаника — 67 экз., из которых 6 экз. являются орудиями: бифасиально обработанные наконечники, фрагмент наконечника стрелы, выемчатое изделие, отщеп с выделенным острием и отщеп с ретушью. Артефактов из кремнистого сырья — 8 экз., из которых 5 являются орудиями — бифасиально обработанный наконечник стрелы, фрагменты пластин с ретушью и два отщепа с ретушью. В месте скопления находок был заложен шурф, в котором были обнаружены костные останки крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, лошади, верблюда, собаки (волка). **Результаты.** Несмотря на малочисленность орудийных форм, можно отметить наличие двусторонне обработанных изделий листовидных форм и наконечников стрел с вогнутым основанием с небольшими шипами. Анализ видового состава костных останков показывает, что доминируют кости парнокопытных животных. Судя по характеру костного комплекса, изученные костные останки представляют собой кухонные отбросы. С костных останков на глубине 20–40 см и 40–60 см были получены серии калибровочных дат в пределах 4048–3956 BC. **Выводы.** Хронологические рамки существования памятника относятся к позднему энеолиту и, возможно, соотносятся с поздними этапами существования хвалынской энеолитической культуры, алтатинской культуры.

Ключевые слова: Рын-пески, Западный Казахстан, археология, каменный век, разведочные работы, костные останки, каменные артефакты, хвалынская культура, алтатинская культура

Благодарность. Исследование проведено в рамках реализации грантового проекта № AP08052885 «Дюнные стоянки каменного века Рын-песков в Западном Казахстане» Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Для цитирования: Мамиров Т. Б., Клышев Е. Е., Куандык С. Р., Шагирбаев М. С. Местонахождение *Шапи* — новый памятник энеолита в Рын-песках Северного Прикаспия // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 533–547. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-533-547

The Site of *Shapi*: A New Eneolithic Monument in the Ryn-Peski Desert

Talgat B. Mamirov¹, Yerlan Ye. Klyshev^{2,3}, Samrat R. Kuandyk⁴, Mambet S. Shagirbayev⁵

¹ Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (44, Dostyk Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Deputy Director

 0000-0003-2975-0115. E-mail: talgatmamirov[at]gmail.com

² Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (44, Dostyk Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

MA (History), Junior Research Associate

³ Makhambet Utemisov West Kazakhstan University (162, N. Nazarbayev Ave., 090000 Uralsk, Republic of Kazakhstan)

Lecturer

 0000-0002-5027-8073. E-mail: klyshev_erlan82[at]mail.ru

⁴ Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (44, Dostyk Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

MA (Archaeology), Junior Research Associate

 0000-0002-1336-4976. E-mail: s.r.kuandyk[at]mail.ru

⁵ Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (44, Dostyk Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
MA (Museum Studies and Monument Protection), Research Associate
 0000-0001-8176-9329. E-mail: mambet__87[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Mamirov T. B., Klyshev Ye. Ye., Kuandyk S. R., Shagirbayev M. S., 2023

Abstract. *Introduction.* A continental stage in the Northern Caspian geological history began with the Mangyshlak regression when sands that would shape the Ryn Desert were freed from marine waters, and the region started being actively invaded by humans, which is evidenced by numerous Stone Age sites. The bulk of the latter are represented by ‘open-air’ materials — some mixed complexes with few ceramic remains — and this does complicate chronological attributions of such archaeological collections. So, the study of monuments with preserved ‘cultural layers’ instrumental in obtaining a series of absolute dates is a primary task in understanding historical and cultural processes of the Mesolithic/Eneolithic in the Northern Caspian. *Goals.* The article aims to introduce into scientific circulation some materials discovered at the site of Shapi in the Ryn-Peski Desert. *Materials and methods.* The site of Shapi is located in the north-northwest of the Ryn Desert, 30 km south of Lake Aralsor in present-day Bokey Orda District of West Kazakhstan Region. The stone artefacts obtained are few enough, mainly of quartzitic sandstone, and number 67, e.g., 6 items are tools — arrowheads, an arrowhead fragment, a notched piece, a flake with a distinguished point, and a flake with retouch. There are 8 flint artefacts, including 5 tools — an arrowhead, fragments of blades with retouch, and two flakes with retouch. A pit was dug out on the spot abundant in finds, and it yielded bone remains of cattle, goats and sheep, a horse, a camel, and a dog (wolf). *Results.* Despite tool forms are few enough, one can note the presence of pieces with bifacial retouch and concave-based arrowheads with small wings. Species composition analysis of the bone remains shows those are dominated by cloven-hoofed animals, essentials of the examined bone complex attest to these are kitchen waste. Bone remains at depths of 20–40 and 40–60 cm yielded a series of calibration dates between 4048 and 3956 BCE. *Conclusions.* Chronologically, the site clusters with Late Eneolithic ones, and may be attributed to the late Khvalynsk and Altata cultures.

Keywords: Ryn-Peski, West Kazakhstan, archaeology, Stone Age, prospecting, bone remains, stone artefacts, Khvalynsk culture, Altata culture

Acknowledgements. The reported study was granted by the Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan (Science Committee), project no. AP08052885 ‘Stone Age Dune Sites in the Ryn-Peski Desert (West Kazakhstan).

For citation: Mamirov T. B., Klyshev Ye. Ye., Kuandyk S. R., Shagirbayev M. S. The Site of *Shapi*: A New Eneolithic Monument in the Ryn-Peski Desert (Northern Caspian). *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 533–547. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-533-547

1. Введение

Территория Рын-песков (каз. Нарынкумы), площадью около 40 тыс. м², представляет собой огромный пустынный массив в Волго-Уральском междуречье со сложившейся своеобразной экосистемой. Геологическая история региона неразрывно связана с трансгрессивно-регрессивными колебаниями Каспийского моря. Континентальный этап геологической истории Северного Прикаспия, а вместе с ним и история заселения и освоения региона увязывается с началом мангышлакской регрессии, продол-

жавшейся в течение трех фаз от 10 тысяч до 8,5 тысяч лет назад [Маев 2009: 19–20].

В обобщающих археологических работах начало полного освобождения Рын-песков Волго-Уральского междуречья от морских вод соотносится со временем 11,5 тысяч лет назад [Иванов, Васильев 1995: 11], и уже со второй половины мангышлакской регрессии были созданы благоприятные условия для жизни людей в мезолитическое время [Комаров, Ластовский 2006: 171–173]. Тем самым наиболее ранние памятники в Северном Прикаспии могут да-

тироваться временем не ранее 10 тысяч лет назад.

Начиная с конца 40-х гг. XX в., на территории Волго-Уральского междуречья, планомерными и эпизодическими работами были открыты десятки дюнных памятников каменного века от мезолита до энеолита, что стало основой для выделения культур мезолита «сероглазовской», неолита «каиршакско-тентексорской» и энеолита «прикаспийской» [Мелентьев 1970: 15; Мелентьев 1977: 100–108; Галкин 1978: 2–3, 10; Ластовский, Комаров 1988: 42–51; Барынкин 1992; Комаров 2000: 5–22; Козин 2002: 2–20; Комаров 2006: 154–163; Горашук 2007; Vybornov et al. 2012].

Практически абсолютное большинство памятников представлены материалами «открытого типа», что ввиду смешанности комплексов и малочисленности керамического материала затрудняет хронологическое подразделение коллекций. В этом отношении исследование памятников с сохранившимися «культурными слоями» и возможностью получения серии абсолютных дат является одной из первостепенных задач в понимании историко-культурных

процессов в мезолите – энеолите Северного Прикаспия.

Данная работа посвящена публикации материалов местонахождения *Шапи*, выявленного в ходе полевых работ Института археологии имени А. Х. Маргулана в 2020 г.

2. Материалы и методы исследования

Памятник *Шапи* расположен на северо-северо-западной части Рын-песков, в 30 км южнее озера Аралсор на территории современного Бокейординского района Западно-Казахстанской области Республики Казахстан (см. карта 1).

На небольшой котловине выдувания было собрано 75 каменных артефактов, изготовленных преимущественно из светлого желтовато-серого кварцитовидного песчаника, один предмет (дистальный фрагмент пластинки) имеет розоватый оттенок, четыре — светло-серый, пять артефактов изготовлены из кварцитовидного полупрозрачного светло-серого песчаника, еще пять — из кремня разных оттенков серого цвета, два орудия изготовлены из кремнистого алевролита серого цвета с полосчатой структурой.

Карта 1. Местоположение местонахождения *Шапи* (Рын-пески) (по М. Антонову)

[Map 1. Location of *Shapi* site (Ryn Desert). Acc. to M. Antonov]

Поверхность почти всех предметов слабодефлированная, лишь 5 невыразительных фрагментов отщепов и 1 отщеп с ретушью имеют несколько более выветрелую поверхность. Один технический скол (скол оживления ударной площадки нуклеуса из кремня) сильно оглажен и побит.

Преобладают отходы производства в виде мелких обломков вторичных (44 экз.) и полукраевых (3 экз.) отщепов. Они имеют незначительные размеры: от 7 x 10 x 2 мм до 39 x 26 x 11 мм, при этом лишь у 10 экз. длина превышает 20 мм.

Целые отщепы (1 полукраевой и 9 вторичных) также очень мелкие, самый крупный размерами 28 x 25 x 5 мм. Преобладает

конвергентная и субпараллельная огранка спинок. Ударные площадки гладкие, точечные или двухфасеточные, что при таких мелких размерах изделий имеет лишь относительное значение.

Технические сколы — 2 экз., представлены обломком ребристой пластины (15 x 11 x 5 мм) и сколом оживления ударной площадки нуклеуса («таблетка»). Последнее изделие отличается от остальных предметов очень сильной окатанностью и патинизацией, сырьем (кремень узорчатый светло-бежевого и светло-серого цвета). Его размеры: 35 x 24 x 7 мм (см. рис. 1: 6).

Все пластины (7 экз.) представлены фрагментами: дистальными (2 экз.), ме-

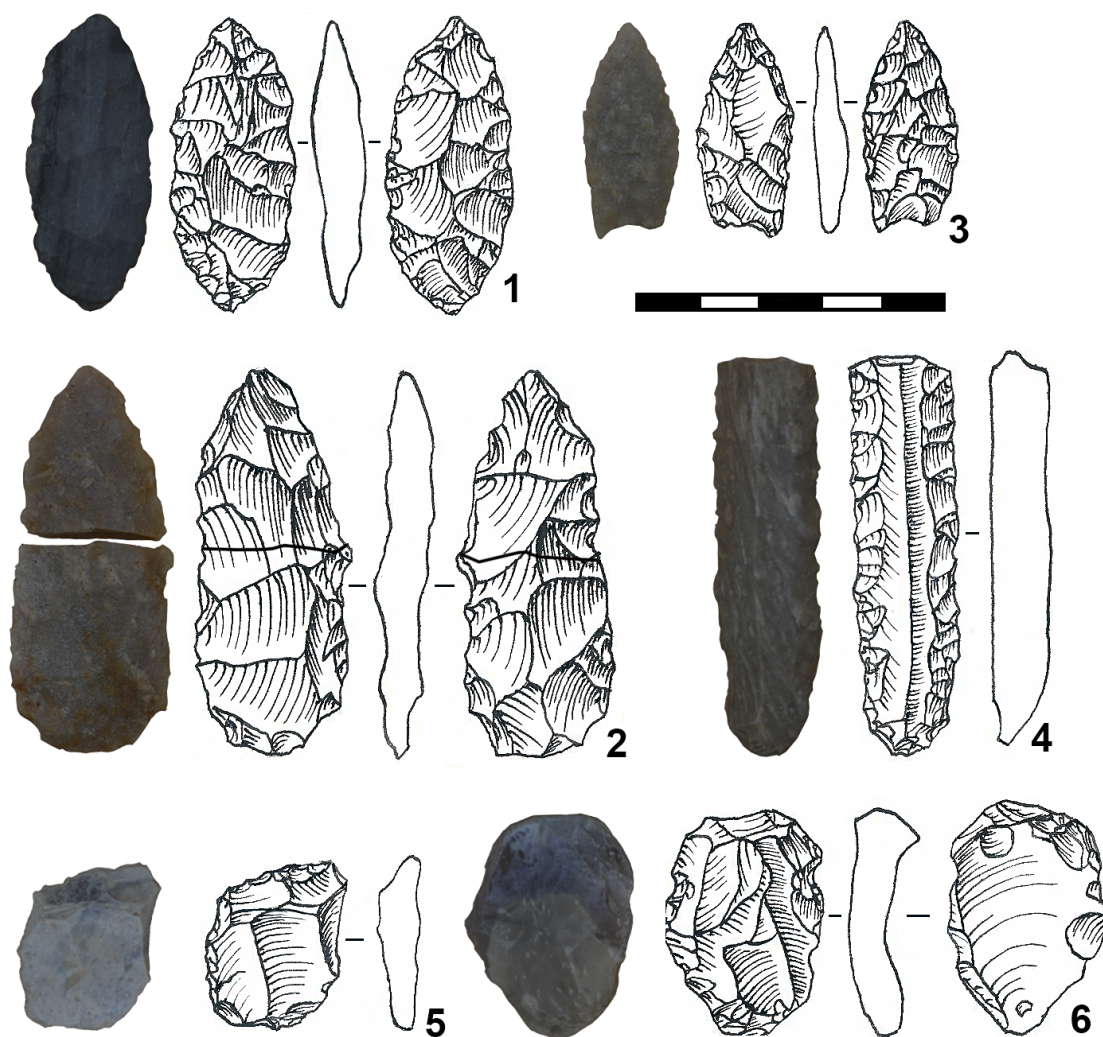

Рис. 1. Каменный инвентарь местонахождения Шани

[Fig. 1. Stone tools from the site of Shapi]

диальными (1 экз.) и проксимальными (4 экз.). Длина фрагментов незначительна — 8–13 мм. Ширина колеблется от 8 до 14 мм, толщина — 1–2 мм. Спинки имеют по 2–3 грани, часто асимметричные.

Орудийный набор состоит из 11 предметов:

- острое на конце массивного листовидного обломка вторичного отщепа размерами 17 x 10 x 3 мм из желтовато-серого кварцитовидного песчаника. Жало подправлено двумя мелкими противоположащими сколами (проколка? сверло?);

- выемчатое орудие (скобель) с аккомодированным обушком из полукраевого отщепа размерами 22 x 17 x 4 мм. Сырье такое же, что и в предыдущем случае. Асимметричная выемка глубиной 3 мм оформлена в верхней части правого края лицевой чешуйчатой глубокой мелкой ретушью. Основание (обушок) притуплено лицевой субпараллельной глубокой мелкой ретушью;

- бифасиально обработанные листовидные наконечники стрел целые или почти целые (3 экз.) и фрагмент (1 экз.). Первый, из желтовато-серого кварцитовидного песчаника, лавролистной формы, разме-

рами 60 x 24 x 7 мм, разбит на две части (см. рис. 1: 2). Второй, из серого полосчатого кремнистого алевролита, размерами 45 x 20 x 7 мм, хорошо сохранился (рис. 1: 1). Бифасиальная субпараллельная распространенная разновеликая ретушь придает краям зубчатость. Третий, из светло-серого кварцитовидного песчаника, с вогнутым основанием, имеет размеры 33 x 14 x 4 мм (см. рис. 1: 3). Один шип обломан. Фрагмент медиальный листовидного бифасиального наконечника имеет размеры 13 x 13 x 3 мм, сырье — обычный для памятника желтовато-серый песчаник;

- пластины с ретушью (2 экз.). Первая, почти целая, размерами 62 x 16 x 7 мм, из светло-серого полосчатого кремнистого алевролита, с гладкой ударной площадкой и обломанным дистальным концом, имеет по обоим прямым краям крутую чешуйчатую и субпараллельную ретушь средних размеров (см. рис. 1: 4). Вторая пластина представлена дистальным фрагментом из полупрозрачного светло-серого кремня размерами 8 x 10 x 1 мм. На выпуклом правом краю фрагмента видна лицевая мелкая распространенная субпараллельная приостряющая ретушь;

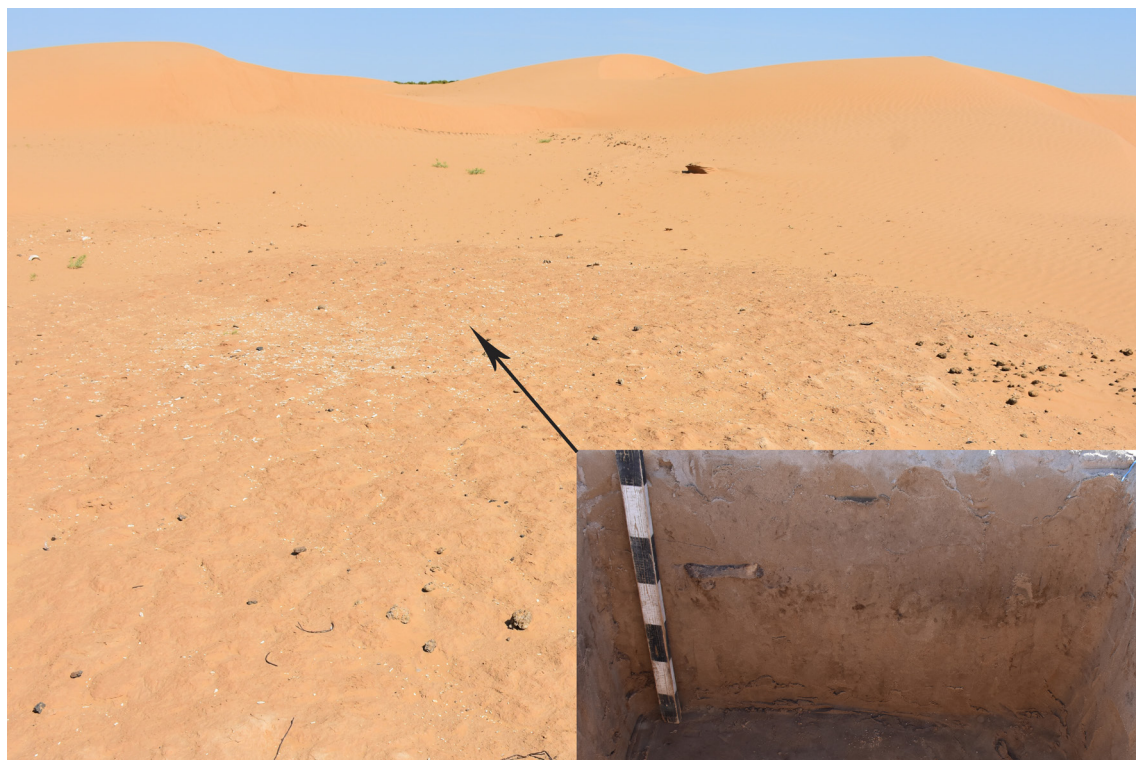

Фото 1. Местонахождение Шани, котловина выдувания. Место закладки шурфа
[Photo 1. Blowout (deflation basin) at the site of Shapi. Location of the pit]

– отщепы с ретушью (3 экз.) изготовлены из различного сырья. Первое изделие — среднедефлированный вторичный отщеп из светло-серого кремня, размерами 26 x 21 x 5 мм, имеет форму параллелограмма. Мелкая и микроретушь лицевая краевая занимает выпуклые левый и дистальный края (см. рис. 1: 5). Возможно, это ретушь утилизации. Еще два отщепа с ретушью представлены фрагментами размерами 39 x 33 x 12 мм (из желтовато-серого кремнистого песчаника) и 14 x 17 x 5 мм (из полупрозрачного темно-серого узорчатого кремня). Первый имеет невыразительную противоположающую ретушь средних размеров (псевдоретушь?). У второго на острых выпуклых краях видна микроретушь утилизации.

В месте скопления находок был заложен шурф размером 1 x 1 м и рекогносцировочный раскоп (2 x 2 м), которые показали наличие костных останков, определенных визуально как крупный и мелкий рогатый скот до глубины 0,6 м (см. фото 1).

Стратиграфия шурфа представляет собой гумусированный песок серого оттенка с насыщенной гумусированной линзой на глубине 30–40 см. Глубже 1 м в шурфе уже начинаются грунтовые воды.

Находки в слое встречаются редко, преимущественно в приповерхностной части.

Было проведено палеозоологическое определение видового состава костных останков животных. Всего выявлено 27 костей животных: крупного и мелкого рогатого скота, лошади, верблюда, собаки или волка и неопределимых млекопитающих (см. фото 2).

При определении костных останков использовался сравнительно-морфологический метод. Osteологические материалы сравнивались с эталонной коллекцией лаборатории Института археологии им. А. Х. Маргулана. Все эталонные коллекции были собраны с разновременных археологических памятников на территории Казахстана.

Описание материала проводилось по археозоологическим методам, определялся видовой состав костных останков, состав элементов скелета, характер раздробленности и поло-возрастные особенности. По степени раздробленности кости разделены на две группы — целые и фрагменты. В таблицах к целым отнесены только целые кости. К фрагментам отнесены все раздробленные элементы и мелкие фрагменты костей (см. табл. 1–4).

Из 27 костей млекопитающих 14 костей определены М. С. Шагирбаевым до вида (51,8 %) (см. табл. 1). Костные останки распределены в основном по глубинам 0–20 см и 20–40 см (см. табл. 2). В табл. 3 указаны повреждения на костях.

Таблица 1. Видовой состав животных. Местонахождение *Шани*

[Table 1. Animal species composition. *Shapi* site]

№	Виды животных	Количество костей (экз.)	Количество костей (%)	Количество особей (минимум)
1	Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	5	18,5	3
2	Крупный рогатый скот или тур (<i>Bos sp.</i>)	3	11,1	2
3	Мелкий рогатый скот (<i>Capra et Ovis</i>)	2	7,4	1
4	Верблюд (<i>Camelus sp.</i>)	2	7,4	1
5	Лошадь (<i>Equus caballus?</i>)	1	3,7	1
6	Собака или волк (<i>Ganis sp.</i>)	1	3,7	1
7	Млекопитающие (крупные)	5	18,5	—
8	Млекопитающие (мелкие)	8	29,6	—
Всего		27	100,0	9

Таблица 2. Количественный состав животных по глубинам. Местонахождение *Шани*
 [Table 2. Quantitative composition of animals by depths. *Shapi* site]

Виды животных	Глубина (см)			Всего
	0–20	20–40	40–60	
Крупный рогатый скот или тур (Bos sp.)		3		3
Лошадь (Equus caballus?)		1		1
Верблюд (Camelus sp.)	2			2
Собака или волк (Canis sp.)		1		1
Мелкий рогатый скот	1		1	2
Крупный рогатый скот	1	3	1	5
Млекопитающие (крупные)	4	1		5
Млекопитающие (мелкие)	5	3		8
Всего	13	11	2	27

Таблица 3. Качественный состав костей. Местонахождение *Шани*
 [Table 3. Qualitative composition of bones. *Shapi* site]

№	Качественный состав костей	Количество костей (экз.)
1	Погрызенные кости	9
2	Обгорелые кости	4
3	Следы «рубки»	2
Всего		22

Кроме костей копытных животных (92,8 %), обнаружен 1 экз. кости собаки или волка (см. табл. 1, 4). По степени раздробленности кости были разделены на две группы — целые и фрагменты. К целым отнесены зубы, венечная кость, добавочная кость и кость запястья (от лучевой кости).

Таблица 4. Элементы скелета животных. Местонахождение *Шани*
 [Table 4. Animal skeletal elements. *Shapi* site]

Элементы скелета		Крупный рогатый скот	Крупный рогатый скот или тур	Мелкий рогатый скот	Верблюд	Лошадь	Собака или волк
		целые / фрагменты	фрагменты	целые / фрагменты	целые / фрагменты	фрагменты	фрагменты
Зубы		0	0	2	0	0	0
Лопатка		0	0	0	0	0	0
Плечевая кость		0	0	0	1	0	0
Кости запястья		1	0	0	1	1	0
Грудной позвонок		1	0	0	0	0	0
Лучевая кость		1	1	0	0	0	0
Тазовая кость		0	2	0	0	0	1
Венечная кость		1	0	0	0	0	0
Копытная кость		1	0	0	0	0	0
ВСЕГО (определимые)		5	3	2	2	1	1
		14					
Млекопитающие Не идентифициро- ваны	Крупные	5				13	
	Мелкие	8					
ВСЕГО		27					

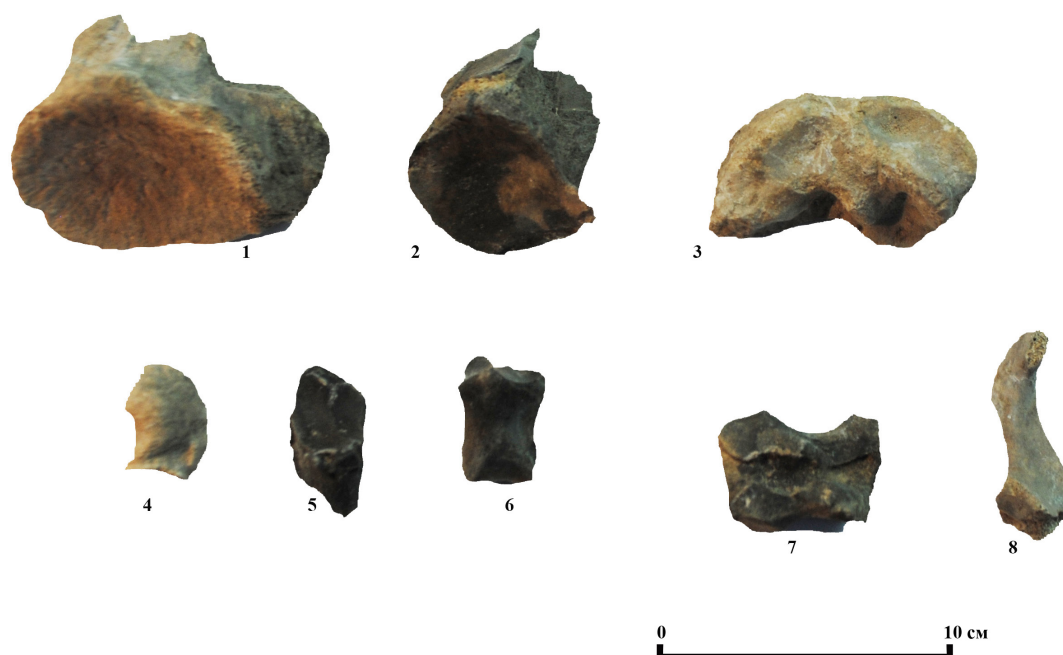

Фото 2. Кости животных: 1–3 — кости крупного рогатого скота или тура (*Bos* sp.); 4–6 — кости крупного рогатого скота; 7 — кость лошади; 8 — кость собаки или волка (*Ganis* sp.)
 [Photo 2. Animal bones: 1–3 — bones of *Bos* sp.; 4–6 — bones of cattle; 7 — horse bone; 8 — bone of *Ganis* sp.]

3. Видовой обзор костных останков

Крупному рогатому скоту (*Bos taurus*) принадлежит 5 экз. костей, минимально от 3 особей (см. табл. 1). Как видно из табл. 4, кости большей частью раздроблены (91,1 %). Элементы скелета представлены следующими костями: кости запястья (добавочная кость — целая), грудной позвонок (тело позвонка без краниальных и каудальных суставных ямок — «погрызено») (см. фото 3), лучевая кость (дистальный эпифиз левой части скелета), венечная кость (кость целая, есть следы обгорания) и копытная кость (осевая поверхность раздроблена). Соотношение костей отделов скелета крупного рогатого скота неоднородно (см. табл. 4). Возрастной состав крупного рогатого скота неординарен (есть кости с неоконченным синостозом и от молодой особи).

Из-за плохой сохранности костей был определен род животного *Bos* sp. (крупный рогатый скот или тур), точный же вид установить не удалось. Элементы скелета представлены лучевым (эпифиз) и тазовы-

ми (суставная впадина и шейка лопатки, каракоидные отростки не сохранилось) костями.

Мелкий рогатый скот (*Capra et Ovis*) представлен коренными зубами (зуб принадлежит нижней челюсти). Неравномерные стертости не выявлены.

Верблюду (*Camelus* sp.) принадлежит 2 экз. костей, которые происходят, видимо, от 1 особи (см. табл. 4). Кость запястья — целая, принадлежит пястной кости. На плечевой кости сохранился дистальный эпифиз (мышелок, надмышелок и фрагмент диафиза). Кость от левой части скелета. Ширина дистального блока плечевой кости — 101,4 мм.

Лошади (*Equus caballus*?) принадлежит целая кость заплюсны (запястная локтевая). Возможно, принадлежит виду *Equus caballus*.

От тазовой кости собаки или волка (*Ganis* sp.) сохранились следующие признаки: фрагмент пластинки седалищной кости и седалищный бугор.

Фото 3. Грудной позвонок крупного рогатого скота. Выделено поперечное отверстие
(бывает у крупного рогатого скота)

[Photo 3. Cattle thoracic vertebra. Transverse orifice distinguished (occurs in cattle)]

Анализ видового состава костных остатков показывает, что доминируют кости парнокопытных животных (см. табл. 1). Среди костных материалов преобладают фрагменты из «мясного» отдела. Судя по характеру костного комплекса, изученные костные остатки представляют собой кухонные отбросы. Индивидуальный возраст животных можно оценить только в самом общем виде — преобладают полувзрослые особи (у большинства костей конечностей эпифизы отпали). Только у плечевой кости верблюда срастание эпифиза с диафизом закончены. Остеологический материал накапливался в результате действия двух факторов — деятельность человека и пернатых хищников (последний в единичном случае). Доминирующим из них была деятельность человека. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство костей расколоты — 65,9 % (у многих костей имеются следы «рубки» и воздействия огня) (см. фото 4–5).

4. Анализ каменного инвентаря и вопросы датировки памятника

Полученный в ходе сборов каменный материал немногочисленный, преимущественно из кварцитовидного песчаника 67 экз. (89,3 %), из которых 6 экз. являются орудиями (8,95 %). Орудия представлены бифасиально обработанными наконечни-

ком дротика, стрелы, фрагментом наконечника стрелы, выемчатым изделием, отщепом с выделенным острием и отщепом с ретушью.

Артефактов из кремнистого сырья — 8 экз. (10,7 %), из которых 5 являются орудиями (62,5 %), представленными бифасиально обработанным наконечником стрелы, фрагментами пластин с ретушью и двумя отщепами с ретушью.

Несмотря на малочисленность орудийных форм, можно отметить наличие двусторонне обработанных изделий листовидных форм и наконечников стрел с вогнутым основанием с небольшими шипами с уплощающей бифасиальной обработкой, использование в качестве вторичной обработки крупного фрагмента пластины крутой чешуйчатой и субпараллельной ретуши средних размеров на спинке, и на меньшем — мелкой субпараллельной приострающей ретуши на спинке.

Наличие двусторонне обработанных форм, в некоторых случаях удлинённых, сближает данные материалы с наконечниками стрел и дротиков стоянок *Кара-Худук* и *Каур-Шак VI* в Северном Прикаспии, исследованных П. П. Барынкиным и И. Б. Васильевым в конце 80-х гг. XX в. [Барынкин, Васильев 1988: 130]. Так среди орудийного инвентаря стоянки *Кара-Худук*, помимо

Фото 4. Дистальный эпифиз плечевой кости верблюда со следами «рубки»
[Photo 4. Distal epiphysis of the camel humerus with traces of 'chopping']

Фото 5. Фрагмент диафиза (возможно крупный рогатый скот?) со следами «рубки»
[Photo 5. Fragment of a diaphysis (possibly cattle?) with traces of 'chopping']

крупных пластин с ретушью и скребков, встречаются двусторонне обработанные наконечники стрел, находящие аналоги и в материалах Хвалынского могильника.

На стоянке *Каур-Шак VI* ведущие типы орудий представлены пластинами с краевой ретушью, скребками концевой типа и двусторонне обработанными наконечниками стрел. Материал автор раскопок объединяет по типу орудий, сочетанию сырья с наличием серого полосчатого кремня с индустрией стоянки *Кара-Худук* [Барынкин 1989: 116–118]. На местонахождении *Шапи* также встречается в качестве сырья серый полосчатый кремень (кремнистый алевролит).

И. В. Горашуком по материалам памятников *Кара-Худук*, *Каур-Шак VI* и Гундоровского поселения были подробно исследованы двусторонне обработанные наконечники стрел и дротиков хвалынской культуры. Основным выводом исследователя является то, что для двусторонне обработанных форм данных памятников характерно слабое развитие техники уплощающего скола [Горашук 2003: 122]. Двусторонне обработанные наконечники с уплощающей

бифасиальной обработкой на местонахождении *Шапи* отличаются от двусторонне обработанных форм вышеописанных памятников со слабой развитой техникой уплощающего скола.

Двусторонне обработанный наконечник стрелы с выемкой на насаде с местонахождения *Шапи* является наиболее типологически выразительным изделием (см. рис. 1: 3). Данный тип наконечников не является характерным для памятников *Кара-Худук* и *Каур-Шак VI*. Такая форма наконечников стрел встречается на памятниках *Курпеже-Молла* [Барынкин 1985: 64], *Кумыска* [Юдин 2012: 136], *Лебяжий Дол*, *Озинки 1*, *Передовое* [Юдин 2012: 156, 158, 163] прикаспийской культуры, грунтового могильника *Максимовка I* [Цибин, Шалапин 2019: 10]. Двусторонне обработанные изделия (наконечники стрел с выемкой на насаде) находят аналогии и в материалах алтатинской культуры — стоянка *Алтата* [Юдин 2012: 191].

С костных останков на глубине 20–40 см и 40–60 см были получены серии калибровочных дат в пределах 4048–3956 BC (см. табл. 5).

Таблица 5. Местонахождение *Шапи*, радиоуглеродные даты
[Table 5. *Shapi* site, radiocarbon dates]

Дата, calBC	Дата, BP	Код лаборатории	Глубина (см)	Материал
4054(90,4 %)3960	5210+/-29	FTMC-ZU88-7	20–40	Кость
4048(95,4 %)3956	5187+/-29	FTMC-ZU88-8	20–40	кость
4047(95,4 %)3956	5185+/-29	FTMC-ZU88-5	40–60	кость
3807(69,2 %)3698	4991+/-31	FTMC-ZU88-6	40–60	кость

Калибровочные радиоуглеродные даты определяют время существования объекта концом 5-го тысячелетия — началом 4-го тысячелетия до н. э. Данная датировка соотносится с верхним хронологическим рубежом хвалынской культуры [Кузнецов 2020: 48], также не противоречит датировке алтатинской культуры [Юдин 2012: 115] по материалам памятников *Алтата* и поселения *Пиеничное*, что, возможно, по данным исследователей могильника *Максимовка I*, «очерчивают верхнюю границы бытования в степном Поволжье наконечников с выемчатым основанием. Калиброванные значения указанных датировок укладываются в диапазон 5200–3900 BC» [Цибин, Шалапин 2019: 13].

В данном случае двусторонне обработанный наконечник стрелы с выемкой в основании укладывается в хронологические рамки существования алтатинской культуры, что подтверждается и радиоуглеродными датировками (4048–3956 calBC).

5. Выводы

Местонахождение *Шапи* в настоящее время является единственным объектом с выявленными погребенными костными останками животных в северной части Рын-песков. Данный регион был вне поля зрения археологов, специалистов в области каменного века. Преимущественно исследования велись в северо-восточной части Рын-песков в районе низовьев рек Большой

и Малый Узень, а также в западной и центральной частях Рын-песков в пределах современной Атырауской области.

Отсутствие керамики и ограниченный состав орудийных форм на местонахождении *Шапи* не позволяет однозначно интерпретировать археологическую коллекцию. Серия дат достаточно четко очерчивает хронологические рамки существования памятника концом 5-го тысячелетия – началом 4-го тысячелетия до н. э. Выявленные костные останки являются типичными для памятников этого времени и, возможно, являются остатками небольшой хозяйственной ямы на местонахождении, так как при закладке рекогносцировочного раскопа не были выявлены костные останки [Кузьмина 1988: 174–175]. Близкий видовой состав характерен для памятника *Кара-Худук*, в меньшей степени — *Курпеже-Молла*, где представлены костные останки овцы, сайги, крупного быка, кулана [Кузьмина 1988: 175].

Источники

Мелентьев 1970 — Мелентьев А. Н. Отчет о работе Прикаспийского отряда Астраханской экспедиции ЛО ИА АН СССР за 1969 год // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1133. 17 л.

Sources

Galkin L. L. Volga-Ural Expedition (Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences) in Guryev and Mangyshlak Regions of the Kazakh SSR: 1978 Progress Reports. At: Margulan Institute of Archaeology, Archives. File 1682, fasc. 122. Coll. 11. Cat. 2. Inv. no 351. 30 p. (In Russ.)

Литература

Барынкин 1985 — Барынкин П. П. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж: ВГПИ, 1985. С. 59–75.
Барынкин, Васильев 1988 — Барынкин П. П., Васильев И. Б. Стоянка хвалынской энеолитической культуры *Кара-Худук* в Северном Прикаспии // Археологические культуры Се-

Типологически выразительный наконечник стрелы с вогнутым насадом имеет параллели в материалах памятников прикаспийской и алтатинской культур. В хронологическом плане (данные радиоуглеродных датировок) *Шапи* синхронен с памятниками алтатинской и финала хвалынской культур. В географическом плане к местонахождению *Шапи* близко расположены памятники хвалынской и прикаспийской культур, поэтому культурная принадлежность памятника остается открытой. Возможно, собранный с дневной поверхности материал на местонахождении является разновременным, и двусторонне обработанный наконечник стрелы с вогнутым насадом тяготеет к прикаспийской культуре, а материалы погребенного горизонта соотносятся с финалом хвалынской культуры. Наличие местонахождения с погребенными отложениями свидетельствует о перспективе открытия крупных поселений и стоянок энеолита для получения объективной картины исторического прошлого.

Галкин 1978 — Галкин Л. Л. Волго-Уральская экспедиция Института археологии АН СССР. Отчет о работах в Гурьевской, Мангышлакской областях Казахской ССР в 1978 г. // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана. Д. 1682. С. 122. Ф. 11. Оп. 2. Инв. № 351. 30 л.

Melentyev A. N. Caspian Team of Astrakhan Expedition (Leningrad Branch, Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences): 1969 Progress Report. At: Margulan Institute of Archaeology, Archives. Coll. 11. Cat. 2. File 1133. 17 p. (In Russ.)

верного Прикаспия: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 123–142.
Барынкин 1989 — Барынкин П. П. Энеолитический памятник *Каир-Шак VI* из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевск. гос. пед. ин-т. им. В. В. Куйбышева, 1989. С. 106–118.

- Барынкин 1992 — *Барынкин П. П.* Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. 25 с.
- Горашук 2003 — *Горашук И. В.* Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья (к 80-летию Н. Я. Мерперта). Вып. 3. Самара: СНЦ РАН, ИИАП, СГПИ, 2003. С. 118–134.
- Горашук 2007 — *Горашук И. В.* Каменные орудия мезолита — раннего неолита Северного Прикаспия: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 26 с.
- Иванов, Васильев 1995 — *Иванов И. В., Васильев И. Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995. 264 с.
- Козин 2002 — *Козин Е. В.* Неолит Северного Прикаспия: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 27 с.
- Комаров 2000 — *Комаров А. М.* Мезолит Северного Прикаспия: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 22 с.
- Комаров, Ластовский 2006 — *Комаров А. М., Ластовский А. А.* Современные физико-географические условия и палеогеография Нижнего Поволжья // Археология Нижнего Поволжья: в 4 т. Т. 1 / под общ. ред. А. С. Скрипкина, ред. тома П. Е. Нехорошев. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2016. С. 164–173.
- Комаров 2006 — *Комаров А. М.* История изучения мезолита Северного Прикаспия // Археология Нижнего Поволжья: в 4 т. Т. 1 / под общей ред. А. С. Скрипкина, ред. тома П. Е. Нехорошев. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2016. С. 154–163.
- Кузнецов 2020 — *Кузнецов П. В.* Хронология Хвалынской культуры Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, канд. хим. наук Ганны Ивановны Зайцевой (г. Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2020 г.) / под ред. Н. Д. Буровой, А. А. Выборнова, М. А. Кульковой. СПб.: Ин-т истории мат. культуры РАН, 2020. С. 47–49.
- Кузьмина 1988 — *Кузьмина И. Е.* Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевск. пед. ин-т, 1988. С. 173–188.
- Ластовский, Комаров 1988 — *Ластовский А. А., Комаров А. М.* Памятники с микролитическим инвентарем низовьев реки Малый Узень // Археологические культуры Северного Прикаспия: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевск. пед. ин-т, 1988. С. 42–51.
- Маев 2009 — *Маев Е. Г.* Фазы Мангышлакской регрессии Каспийского моря // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2009. № 1. С. 15–20.
- Мелентьев 1977 — *Мелентьев А. Н.* Мезолит Северного Прикаспия // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 149. М.: Наука, 1977. С. 100–108.
- Цибин, Шалапинин 2019 — *Цибин В. А., Шалапинин А. А.* Погребение эпохи энеолита грунтового могильника *Максимовка 1* из Самарского Заволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2019. Т. 24. № 3. С. 6–16.
- Юдин 2012 — *Юдин А. И.* Поселение *Кумыска* и энеолит Степного Поволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 212 с.
- Vybornov et al. 2012 — *Vybornov A., Zaitseva G., Kovaliukh N., Kulkova M., Skripkin V., Possnert G.* Chronological problems with neolithization of the Northern Caspian Sea area and the forest steppe Povolzhye region // Radiocarbon. Vol. 54. № 3–4. Tuscon: University of Arizona, 2012. Pp. 795–799.

References

- Barynkin P. P. Eneolithic and Early Bronze Age in the Northern Caspian. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1992. 25 p. (In Russ.)
- Barynkin P. P. Kairshak VI: Eneolithic site in southern parts of the Volga-Ural river system reviewed. In: Merpert N. Ya. (ed.) Neolithic and Eneolithic in the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Institute of Education, 1989. Pp. 106–118. (In Russ.)
- Barynkin P. P. Northern Caspian: Newly discovered Eneolithic sites reviewed. In: Archeological Sites in the European USSR. Voronezh: Voronezh State Institute of Education, 1985. Pp. 59–75. (In Russ.)
- Barynkin P. P., Vasilyev I. B. Kara-Khuduk site of the Khvalynsk culture in the Northern Caspian. In: Merpert N. Ya. (ed.) Archaeological Cultures in the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Institute of Education, 1988. Pp. 123–142. (In Russ.)
- Gorashchuk I. V. Mesolithic and Early Neolithic in the Northern Caspian: Stone Tools. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Yekaterinburg, 2007. 26 p. (In Russ.)

- Gorashchuk I. V. Sites of the Khvalynsk culture: Stone tool manufacturing techniques. In: Questions of Volga Archaeology. Jubilee edition. Vol. 3. Samara: Samara Scientific Center (RAS), Institute of Volga History and Archaeology, Samara State Institute of Education, 2003. Pp. 118–134. (In Russ.)
- Ivanov I. V., Vasilyev I. B. Holocene in the Ryn Desert of the Volga-Ural River System: Man, Nature and Soils. Moscow: Intellect, 1995. 264 p. (In Russ.)
- Komarov A. M. Mesolithic in the Northern Caspian. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Izhevsk, 2000. 22 p. (In Russ.)
- Komarov A. M. Mesolithic in the Northern Caspian: A history of research. In: Nekhoroshev P. E., Skripkin A. S. (eds.) Lower Volga Archaeology. In 4 vols. Vol. 1. Volgograd: Volgograd Science Press, 2016. Pp. 154–163. (In Russ.)
- Komarov A. M., Lastovsky A. A. Lower Volga: Current physiographic conditions and paleogeography. In: Nekhoroshev P. E., Skripkin A. S. (eds.) Lower Volga Archaeology. In 4 vols. Vol. 1. Volgograd: Volgograd Science Press, 2016. Pp. 164–173. (In Russ.)
- Kozin E. V. Neolithic in the Northern Caspian. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Izhevsk, 2002. 27 p. (In Russ.)
- Kuzmina I. E. Holocene in the Northern Caspian: Mammals. In: Merpert N. Ya. (ed.) Archaeological Cultures in the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Institute of Education, 1988. Pp. 173–188. (In Russ.)
- Kuznetsov P. V. Chronology of the Khvalynsk culture of the Volga-Ural Region. In: Burova N. D. et al. (eds.) Radiocarbon Dating in Archaeology and Paleoecology: Past, Present, Future. Jubilee conference proceedings (St. Petersburg, 23–25 November 2020). St. Petersburg: Institute of Material Culture History (RAS), 2020. Pp. 47–49. (In Russ.)
- Lastovsky A. A., Komarov A. M. Monuments with microlithic tools in lower parts of the Maly Uzen River. In: Merpert N. Ya. (ed.) Archaeological Cultures in the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Institute of Education, 1988. Pp. 42–51. (In Russ.)
- Maev E. G. Stages of the Mangyshlak Regression of the Caspian Sea. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2009. No. 1. Pp. 15–20. (In Russ.)
- Melentyev A. N. Mesolithic in the Northern Caspian. *KSIA*. 1977. Is. 149. Pp. 100–108. (In Russ.)
- Tsibin V. A., Shalapinin A. A. The Eneolithic burial of Maksimovka I soil burial ground from the Samara Trans-Volga Region. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24. No. 3. Pp. 6–16. (In Russ.)
- Vybornov A., Zaitseva G., Kovalyukh N., Kulikova M., Skripkin V., Possnert G. Chronological problems with neolithization of the Northern Caspian Sea area and the forest steppe Povolzhye region. *Radiocarbon*. 2012. Vol. 54. No. 3–4. Pp. 795–799. (In Eng.)
- Yudin A. I. Eneolithic in the Volga Steppes: Settlement of Kumyska. Saratov: Nauchnaya Kniga, 2012. 212 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 3, Pp. 548–574, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-548-574

Древние некрополи Ергенинской возвышенности: палео-демографическое исследование населения катакомбной культуры (по материалам археологических раскопок 1981–2008 гг.)

Любовь Алексеевна Бембеева¹, Татьяна Васильевна Лиджикова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-7340-221X. E-mail: [bembееva.l.a\[at\]mail.ru](mailto:bembееva.l.a[at]mail.ru)

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-4155-4301. E-mail: [tlidzhikova\[at\]yandex.ru](mailto:tlidzhikova[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бембеева Л. А., Лиджикова Т. В., 2023

Аннотация. Введение. Данная работа является продолжением демографического исследования населения, проживавшего на территории Республики Калмыкия в эпоху средней бронзы. **Объектом** исследования стал антропологический материал из погребений катакомбной культуры курганных групп, исследованных в районе Ергенинской возвышенности. **Целью** данного исследования является палеодемографический анализ населения из четырех археологических памятников. Для исследования общего демографического состояния населения был привлечен антропологический материал из погребений соответствующего времени с территории Подонья и Приазовья Ростовской области. Были изучены некоторые патологические особенности, маркеры физиологического стресса, а также следы травм, зафиксированных на костях, которые дают возможность представить общую картину качества жизни исследуемой группы. **Результаты.** Палеодемографическое исследование данной группы выявило очень низкий показатель средней продолжительности жизни (22,7 лет), что объясняется высоким процентом детской смертности — 46,2 % от общего числа выборки. Во взрослой группе пик смертности приходится на возраст 30–40 лет. Такие параметры считаются традиционными в палеопопуляциях эпохи средней бронзы.

Ключевые слова: археология, демография, антропологический материал, возрастная когорта, средняя продолжительность жизни, процент детской смертности, пик смертности, патология, маркеры стресса, катакомбная культура, Ергенинская возвышенность, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бембеева Л. А., Лиджилова Т. В. Древние некрополи Ергенинской возвышенности: палеодемографическое исследование населения катакомбной культуры (по материалам археологических раскопок 1981–2008 гг.) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 548–574. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-548-574

Ancient Necropolises of the Yergeni Upland: A Paleodemographic Study of the Catacomb Population from 1981–2008 Archaeological Excavations

Lyubov A. Bembeeva¹, Tatyana V. Lidzhikova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a[at]mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-4155-4301. E-mail: tlidzhikova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bembeeva L. A., Lidzhikova T. V., 2023

Abstract. Introduction. The paper is a continuation of the authors' study dealing with the Middle Bronze Age population in Kalmykia. The study focuses on anthropological material from burials of the Catacomb culture within kurgan groups investigated in the Yergeni Upland. **Goals.** The article attempts a paleodemographic analysis of the population from four archaeological sites. Insights into general demographic conditions of the then population have been facilitated by anthropological material from burials of the mentioned era discovered in the Don and Azov regions of Rostov Oblast. The identification of pathological features, markers of physiological stress, and traces of traumas on bones makes it possible to depict an overall picture of living conditions experienced by representatives of the considered group. **Results.** Our paleodemographic analysis reveals the group was characterized by a very low lifespan (22.7 yrs) which resulted from the high infant mortality — 46,2 % of the investigated remains belong to children. The bulk of deceased adults are aged 30 to 40. Such figures are considered typical of Middle Bronze Age populations.

Keywords: archaeology, demography, anthropological material, age cohort, life expectancy, child mortality rate, mortality peak, pathology, stress markers, Catacomb culture, Yergeni Upland, Republic of Kalmykia

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Bembeeva L. A., Lidzhikova T. V. Ancient Necropolises of the Yergeni Upland: A Paleodemographic Study of the Catacomb Population from 1981–2008 Archaeological Excavations. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 548–574. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-548-574

1. Введение

На территории Республики Калмыкия культурно-хронологическая группа памятников, определенная специалистами как восточноманычский вариант катакомбной культуры или восточноманычская катакомбная культура, составляет большинство во многих курганных группах. Одним из очагов массовых катакомбных памятников является Ергенинская возвышенность [Очир-Горяева 2008а: 170–171].

Ергенинская возвышенность относится к одной из трех основных ландшафтно-географических зон, наряду с Прикаспийской низменностью и Кумо-Манычской впадиной. Она представляет собой невысокую (до 221 м) асимметричную эрозионно-возвышенную равнину, осложненную балками и оврагами [Милюков, Гвоздецкий 1986: 315–317]. Эта зона является продолжением Приволжской возвышенности и служит водоразделом бассейнов Дона и Волги, протянувшимся меридиально с севера на юг: от Волги до долины реки Восточный Маныч. Длина ее достигает 350 км, ширина — 20–59 км.

Почти вся территория современной Калмыкии до эпохи мезолита (среднекаменного века по археологической периодизации) была покрыта водами Каспийского моря (сейчас это территория Прикаспийской низменности) и пролива, соединяющего его с Азово-Черноморским бассейном (территория Кумо-Манычской впадины). Таким образом, Ергенинская возвышенность является наиболее древним участком суши на территории Республики Калмыкия. Климат Ергеней по сравнению с другими географическими зонами более мягкий. Здесь выпадает больше осадков (около 300 мм в год), в многочисленных балках протекают речки, которые подпитываются подземными источниками и не пересыхают летом, произрастают деревья и кустарники.

В. П. Шилов, опираясь на данные естественно-научных исследований по реконструкции природной среды для эпохи бронзы, приходит к заключению, что природно-климатические условия в Нижнем Поволжье в интересующие нас эпохи являются сходными [Шилов 1975: 63]. Благодаря сложившимся

благоприятным условиям, Ергенинская возвышенность обладала всеми условиями для ведения оседлого образа жизни [Очир-Горяева 2017: 8].

Археологические памятники Ергенинской возвышенности всегда привлекали внимание ученых. В 1929 г. П. С. Рыковым были начаты раскопки курганного могильника *Элиста-2*, в 1933 г. — могильника *Три Брата*. И. В. Синецким в 1937 г. были исследованы группы *Цаган-Элсин* и *Бичкин Булук*, расположенные там же. Совместно с У. Э. Эрднеевым им были раскопаны такие могильники, как *Лола-1*, 2 (1961–1963); *Архара* (1962–1963); *Элиста-3* (1965). В 1968–1970 гг. У. Э. Эрднеев исследовал курганный могильник *Кермен Толга*. И во всех исследованных археологических памятниках преобладали погребения эпохи средней бронзы¹ [Очир-Горяева 2008а: 63–81] (см. карта 1, табл. 1).

К сожалению, антропологический материал довоенного периода и периода восстановления республики в большинстве своем не сохранился. Часть материала находится в Музее антропологии и этнографии г. Санкт-Петербурга, очень малое количество сохранилось в фондах Калмыцкого научного центра РАН. Для демографического исследования населения, проживавшего на территории Ергенинской возвышенности в период среднего бронзового века, был взят имеющийся в наличии антропологический материал из археологических раскопок курганных групп, проведенных в период с 1981 г. по 2008 г.: *Ергенинский*, *Ергенинский-1*, *Улан-Зуха*, *Улан-Зуха-1*, *Хар-Зуха-1*, 2, *Малые Дербеты-2*.

2. Материалы и методы

Все представленные могильники расположены на Ергенинской возвышенности, но находятся на расстоянии друг от друга. Так, на северном участке возвышенности была исследована курганная группа *Малые Дер-*

¹ Кроме курганного могильника *Три Брата-2* (1933/1936), 3 катакомбных погребения из 35 исследованных относятся к эпохе средней бронзы; 24 погребения из 35 являются поздне-сарматскими [Синецын 1956: 22–64].

беты-2, Ергенинский могильник находился в центральной части возвышенности, курганные группы *Улан-Зуха* и *Хар-Зуха* — в ее южной части. Археологические работы во всех курганных группах имели спасательный характер, т. е. проводились в зонах строительства хозяйственных объектов. Исключение составляют раскопки могильника *Ергенинский-1* в 2006–2008 гг. Они были проведены в рамках совместного проекта Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН, ныне — КалмНИЦ РАН) и Евразийского Отделения Археологического Института «Степь как жизненное пространство в преистории».

В 2007 г. археологической экспедицией КИГИ РАН под руководством научного сотрудника М. А. Очир-Горяевой были произведены раскопки двух курганов из группы *Малые Дербеты-2*, расположенных в 6,3 км на юго-восток от села Малые Дербеты. Всего было исследовано 18 погребений, из них 2 погребения отнесено к ямно-катакомбной культуре, 12 — к катакомбной, 1 — к сарматской, 3 — к эпохе средневековья [Очир-Горяева 2007а: 27–58].

Антропологические определения были проведены заведующей антропологической лабораторией Волгоградского госуниверситета М. А. Балабановой (краниология) и сотрудником той же лаборатории Е. В. Перервой (патология) [Балабанова, Перерва 2017: 34–43].

Археологические раскопки большого курганного могильника *Ергенинский*, расположенного у поселка Ергенинский Приозерного района Калмыцкой АССР, были предприняты в 1981 г. и продолжались с небольшими перерывами до 1986 г. Совместной экспедицией Института археологии АН СССР и Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и этнографии при Совете Министров Калмыцкой АССР под руководством научного сотрудника Института археологии В. П. Шилова было исследовано 12 курганов и выявлено 37 погребений. Из них 30 погребений было отнесено к катакомбной культуре, 2 — к позднесарматской культуре, 3 — датировка не определена, 3 — современные погребения [Шилов 1981: 100–141; Шилов 1982: 1–25; Шилов 1984: 1–16; Шилов 1985–86: 8–18].

Раскопки могильника *Ергенинский-1* были продолжены в 2006–2008 гг. под руководством М. А. Очир-Горяевой и К. Малек (Университет Бохум). Были произведены спасательные археологические раскопки двух курганов у пос. Ергенинского Кетченеровского района Республики Калмыкия. Всего было выявлено 12 погребений, из которых 9 являются катакомбными, 1 — срубное, 1 — сарматское, 1 — современное [Очир-Горяева 2006: 36–48, 53; Очир-Горяева 2007б: 12–19; Очир-Горяева 2008б: 28–29].

Половозрастные определения сохранившихся костных материалов из могильников *Ергенинский* и *Ергенинский-1* были даны Н. Я. Березиной, старшим научным сотрудником Лаборатории расоведения научно-исследовательского института и Музея антропологии им. Д. Н. Анучина Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Таким образом, в Ергенинском курганном могильнике было исследовано 14 курганов и выявлено 49 погребений, из которых 39 относятся к катакомбным.

В 1990–1991 гг. археологической экспедицией Калмыцкого института общественных наук АН СССР (КИОН АН СССР) под руководством научного сотрудника М. А. Очир-Горяевой проводились спасательные работы двух могильников — *Улан-Зуха* и *Хар-Зуха*, — находившихся в южной части Ергенинской возвышенности.

Курганные группы *Улан-Зуха* и *Улан-Зуха-1* располагались при въезде в пос. Шатту Приютненского района Республики Калмыкия. Всего спасательным раскопкам были подвергнуты 6 курганов (*Улан-Зуха*) и 1 курган (*Улан-Зуха-1*). В могильнике *Улан-Зуха* было выявлено 14 погребений, из которых 2 ямно-катакомбных, 8 катакомбных, 1 сарматское, 1 позднесарматское, 1 скифского времени, 1 с неопределенной датировкой. В могильнике *Улан-Зуха-1* — 2 погребения (1 ямное и 1 катакомбное) [Очир-Горяева 1990: 5–41].

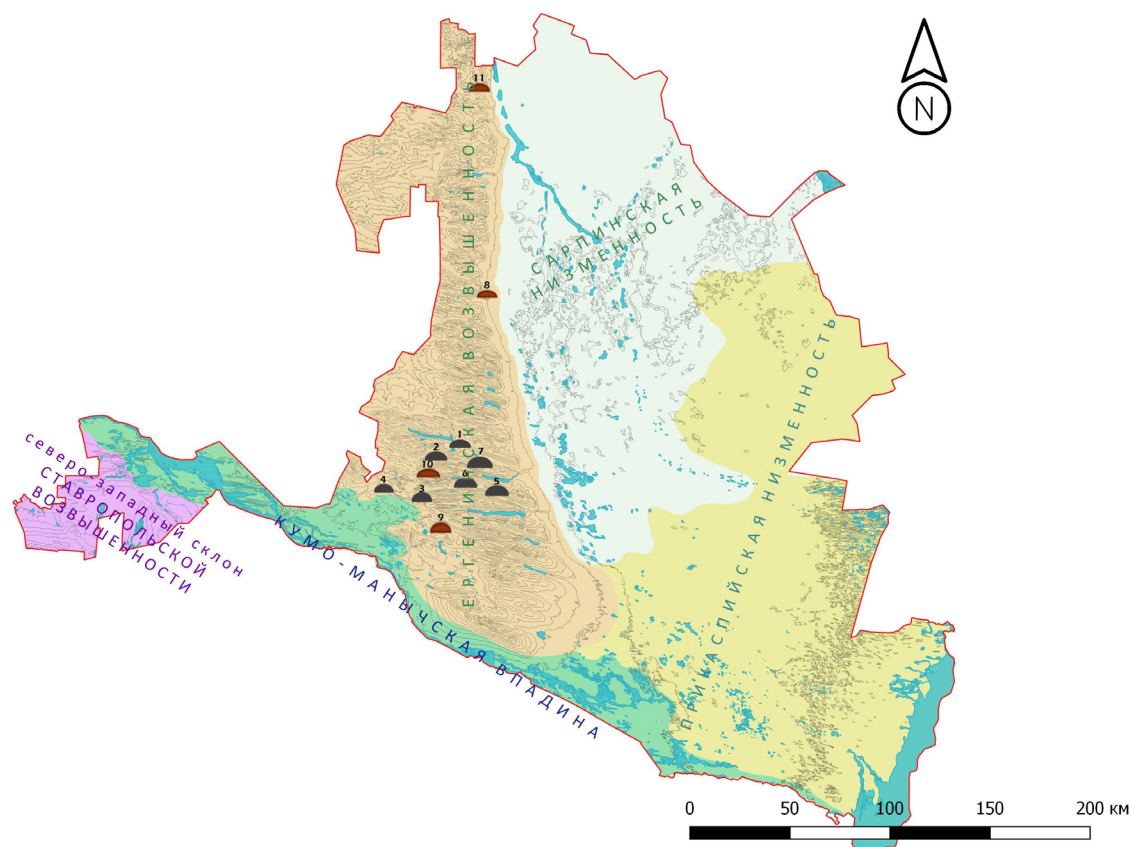
Курганные группы *Хар-Зуха-1* и *Хар-Зуха-2* находились в том же районе на расстоянии 11 км севернее, на землях фермы № 2 совхоза «Центральный». 13 курганов протянулись цепочкой вдоль гребня Ергенинской возвышенности. Первая группа состояла

из 10 курганов, в которых было выявлено 34 погребения, из которых 3 — ямных, 4 — раннекатакомбных, 6 — катакомбных, 4 — долиньских, 4 — погребения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, 1 — сарматское, 3 — золотоордынских, 1 — современное (начало XX в. н. э.) и 8 — погребения с неопределенной датировкой. Вторая группа состояла из трех курганов, в которых было исследовано 17 погребений (1 ямное, 1 раннекатакомбное, 7 катакомбных, 1 эпохи средней бронзы, 2 срубных, 1 погребение переходного времени от эпохи бронзы к раннему

железному веку, 3 золотоордынских и 1 погребение с неопределенной датировкой) [Очир-Горяева 1991: 3–125].

Половозрастные определения погребенных были произведены Л. А. Бембеевой, младшим научным сотрудником Археологической лаборатории КИОН АН СССР [Очир-Горяева 2017: 251, 367].

Таким образом, в исследуемых нами курганных группах было выявлено 134 погребения. Катакомбных (по определению авторов раскопок) насчитывалось 73, т. е. более половины из всех исследованных погребений (см. карта 1, табл. 2).

Карта 1. Курганные могильники, исследованные на территории Ергенинской возвышенности Республики Калмыкия

1 — Элиста-2, 3 (1931, 1965); 2 — Три брата-1, 2 (1933–1936); 3 — Цаган-Элсин (1937); 4 — Бичкин Булак (1937); 5 — Лола-1, 2 (1961–1963); 6 — Архара (1962–1963); 7 — Кермен Толга (1968–1970); 8 — Ергенинский (1981–1986, 2006–2008); 9 — Улан-Зуха (1990); 10 — Хар-Зуха-1, 2 (1991); 11 — Малые Дербеты-2 (2007)

[Map 1. Mound grave fields investigated in the Yergeni Upland (Kalmukia): 1 — Elista-2, 3 (1931, 1965); 2 — Three Brothers-1, 2 (1933–1936); 3 — Tsagan-Elsin (1937); 4 — Bichkin Buluk (1937); 5 — Lola-1, 2 (1961–1963); 6 — Arkhara (1962–1963); 7 — Kermen Tolga (1968–1970); 8 — Yergeninsky (1981–1986, 2006–2008); 9 — Ulan-Zukha (1990); 10 — Khar-Zukha-1, 2 (1991); 11 — Malye Derbety-2 (2007)]

Таблица 1. Курганные могильники, исследованные на территории Ергенинской возвышенности Республики Калмыкия в период с 1929 по 1970 гг. Общее количество и культурно-хронологическая принадлежность
 [Table 1. Mound grave fields investigated in the Yergeni Upland (Kalmykia) between 1929 and 1970. Total numbers and cultural/chronological affiliations]

№ памятника	Год раскопок	Автор раскопок	Название курганной группы	В том числе									Современный период
				Всего курганов	Всего погребений	Бронзовый век	ямная культура	катакомбная культура	срубная культура	Ранний железный век	Средние века	не определено	
1	1929	П. С. Рыков	Элиста-2	12	34	18	3	8	7	13	3	—	—
	1965	И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев	Элиста-3	37	123	97	10	87	—	12	14	—	—
2	1933–1936	П. С. Рыков	Три брата-1	28	104	74	6	41	3	12	9	8	1
3	1937	И. В. Синицын	Три брата-2	32	35	3	—	3	—	26	6	—	—
			Цаган-Элсин	11	16	8	2	6	—	6	2	—	—
4	1937	И. В. Синицын	Бичкин Булук	19	28	12	3	9	—	12	4	—	—
5	1961–1963	И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев	Лола-1	25	71	62	11	49	—	8	1	—	—
			Лола-2	17	42	31	2	29	—	3	8	—	—
6	1962–1963	И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев	Архара	38	95	67	24	36	5	16	11	1	—
7	1968–1970	У. Э. Эрднеев	Кермен Толга	44	84	55	21	29	—	21	3	4	—
			ВСЕГО	263	632	427	82	297	15	129	61	13	1

Таблица 2. Курганные могильники, исследованные на территории Ергенинской возвышенности Республики Калмыкия в период с 1981 по 2008 гг. Общее количество и культурно-хронологическая принадлежность

[Table 2. Mound grave fields investigated in the Yergeni Upland (Kalmykia) between 1981 and 2008. Total numbers and cultural/chronological affiliations]

№ памятника	Год раскопок	Автор раскопок	Название курганной группы	Всего курганов	Всего погребений	Бронзовый век (всего погребений)	ямная культура	катакомбная культура	срубная культура	Ранний железный век	Средние века	Неопределенное	Современное
8	1981–1986	В. П. Шилов	Ергенинский	12	37	30	–	30	–	2	–	3	3
	2006–2008	М. А. Очир-Горяева, К. Малек	Ергенинский-1	2	12	10	–	9	1	1	–	–	1
		М. А. Очир-Горяева	Улан-Зуха	6	14	10	2	8	–	3	–	1	–
10	1991	М. А. Очир-Горяева	Улан-Зуха-1	1	2	2	1	1	–	–	–	–	–
			Хар-Зуха-1	10	34	17	3+4*	6	4**	4***+1	3	–	1
11	2007	М. А. Очир-Горяева	Хар-Зуха-2	3	17	12	1+1*	7	2	1***	3	1	–
			Малые Дербеты-2	2	18	14	2	12	–	1	1	–	–
			ВСЕГО	36	134	95	9+5*	73	3+4**	5***+8	7	5	5

* – раннекатакомбные погребения; ** – долинные погребения; *** – погребения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку

В 73 катакомбных погребениях были обнаружены костные останки 82 индивидов, из них взрослых — 45 чел., детей — 37 (соответственно 54,9 % и 45,1 %). Данные выборки для палеодемографического анализа были получены из половозрастных определений разных антропологов в разное время, а также из описаний несохранившихся костных останков в полевых отчетах (прил. 1, таблицы 11–15). В хранилище остеологических материалов КалмНЦ РАН находятся костные останки 52 чел., для которых был установлен пол и возраст и которые стали основной исследуемой выборкой в данной работе.

В задачи нашего исследования входило проведение половозрастного анализа, определение средней продолжительности жизни населения, проживавшего на вышеозначенной территории и оставившего после себя захоронения, определенные археологами как катакомбные. Степень демографического благополучия населения определяется пиками смертности взрослой группы. Для этого был проведен половозрастной анализ всех костяков исследуемой группы, имеющих в фондах КалмНЦ РАН, был

определен возраст, а для взрослой части населения еще и половая принадлежность. Определение пола и возраста проводилось с использованием соответствующих антропологических методик [Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966; Зубов 1968].

Для определения возраста детей и подростков применялась методика восстановления длин костей и определения возраста по нижней челюсти [Бужилова, Козловская, Медникова 1998]. Данные отсутствующего антропологического материала восстанавливались по полевым археологическим отчетам и также учитывались в общем анализе при определении взрослой и детской групп.

Для палеодемографического анализа были применены показатели, используемые в исследованиях других антропологов [Боруцкая, Васильев 2021: 308]. Методика расчета палеодемографических индексов взята из работы «Влахи» [Алексеева и др. 2003]. Все индивиды были распределены по десятилетним интервалам (исключение составляет первый год детства — группа от 0 до 1 года). Индивиды старше 15 лет считаются взрослыми, так как способны к исполнению репродуктивных функций (см. табл. 3).

Таблица 3. Перечень палеодемографических показателей, исследованных в работе

[Table 3. Paleodemographic indicators examined in the paper]

Символ	Описание признака	Принцип расчета
n	Количество индивидов в группе	
Nr	Объем выборки, использованной в расчетах (n)	$= \sum (0,50+) D_x$
x, или (i-j)	Возрастной интервал (класс, когорта) таблиц смертности (лет)	где $j = i+5$ или $j = i+10$
X	Середина возрастного интервала x (лет)	$= [i+(i+5)]/2$ или $[i+(i+10)]/2$
Dx	Число индивидов в возрастной когорте x (n)	
A	Средний возраст смерти в группе, или средняя продолжительность жизни (лет)	$= [\sum (0,50+) X D_x] / N_r$
AA	Средний возраст смерти взрослых в группе (лет)	$= [\sum (15,50+) X D_x] / N_a$
PCD	Процент детской смертности в группе (%)	$= \sum (0,15) D_x / N_r \times 100$
AAm	Средний возраст смерти в мужской группе (лет)	
AAf	Средний возраст смерти в женской группе (лет)	
PSR (m-f)	Процент соотношения мужчин и женщин в группе (%)	$= N(m \text{ или } f) / N_a \times 100$, где $N_a = N_m + N_f$
C50+	Процент индивидов в старшей возрастной когорте = 50+ (%)	$D(50+) / N_r \times 100$

Выявление некоторых патологических проявлений, маркеров физиологического стресса, а также травматических проявлений,

зафиксированных на костях, дает нам возможность представить общую картину качества жизни исследуемой группы населения.

3. Результаты демографического исследования

Исследуемая выборка состоит из 52 индивидов, костные останки которых находятся в хранилище остеологических материалов КалмНЦ РАН (см. табл. 4). Взрослая группа насчитывает 28 индивидов: 16 мужчин и 12 женщин. В процентном соотношении распределение между полами находится на уровне 30,7 % мужчин к 23 % женщин. В детской группе возраст был определен у 24 неполовозрелых

индивидов, что составляет 46,1 % от общего числа выборки.

Взрослая выборка была разделена в соответствии с десятилетними возрастными интервалами. В детской выборке была выделена группа до 1 года (первый год жизни), группа детей от 1 до 7 лет (Infantilis I), группа 8–12 лет (Infantilis II) и группа подростков 13–15 лет [Бембеева, Лиджикова 2022: 1082]. Более детально половозрастные данные по курганным группам показаны в табл. 4.

Таблица 4. Половозрастная структура населения катакомбной культуры Ергенинской возвышенности

[Table 4. Age-sex structure of the Catacomb population in the Yergeni Upland]

Возраст, в годах	Улан-Зуха-1990		Хар-Зуха-1, Хар-Зуха-2		Малые Дербеты-2		Ергенинский 1981–1986 Ергенинский 2006–2008		S (суммарная выборка)	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Неполовозрелые индивиды										
0–1	0	0	3	12,5	1	4,1	4	16,6	8	33,3
1–7	1	4,1	0	0	6	25	2	8,3	9	37,5
8–12	0	0	0	0	2	8,3	2	8,3	4	16,6
13–15	0	0	0	0	1	4,1	2	8,3	3	12,5
S	1	4,1	3	12,5	10	41,6	10	41,6	24	100,0
Мужчины										
16–25	0	0	1	6,25	0	0	0	0	1	6,3
26–35	0	0	2	12,5	0	0	2	12,5	4	25,0
36–45	0	0	0	0	1	6,25	4	16,6	5	31,3
Старше 45	2	12,5	2	12,5	0	0	2	12,5	6	37,5
S	2	12,5	5	31,3	1	6,25	8	50	16	100,0
Женщины										
16–25	0	0	0	0	2	16,6	2	16,6	4	33,3
26–35	0	0	0	0	0	0	1	8,3	1	8,3
36–45	0	0	0	0	3	25	2	16,6	5	41,6
Старше 45	0	0	0	0	1	8,3	1	8,3	2	16,6
S	0	0	0	0	6	50	6	50	12	100,0
Итого	3	5,8	8	15,4	17	32,7	24	46,2	52	100,0

Средний возраст смерти — наиболее объективная характеристика продолжительности жизни в группе. В исследуемой выборке (с учетом детской смертности) он составляет 22,7 лет. У взрослого населения этот параметр находится на уровне 38,1 лет. Детей и подростков в исследуемой выборке немного меньше, чем взрослого населения — 24 неполовозрелых индивида. Средний возраст смерти составил 4,6 лет. Во взрослой группе разница в возрасте дожи-

тия между мужчинами и женщинами значительная, первые жили более чем на 6 лет дольше. Мужчины в среднем доживали до 41,1 лет, а женщины — до 34,5. Такие высокие абсолютные значения возраста смерти у мужчин и женщин отражают в целом успешный процесс адаптации группы. Анализ суммарных характеристик распределения умерших индивидов по возрастным когортам показывает пик смертности в зрелом возрасте 35–45 лет и старше.

Конкретно по половой принадлежности в мужской серии велика смертность в возрастных группах 26–35 (25,0 %) и 36–45 лет (31,3), но и доживших свыше 45 лет больше, чем в женской серии чуть ли не втрое (37,5 % и 16,6 % соответственно). В женской серии также наблюдается два пика смертности с небольшой разницей в возрастных группах 16–25 (33,3 %) и 36–45 лет (41,6 %). С учетом высокой детской смертности в первый год жизни (33,3 %), возможно, эти смерти объясняются неудачными родами. По отчетам антропологов, эту гипотезу подтверждают четыре случая: в могильнике *Малые Дербеты-2*, в погребении 11 кургана 1 была захоронена беременная женщина 40–45 лет; курган 2, погребение 5 — беременная женщина 17–20 лет [Балабанова, Перерва 2017: 34]. В могильнике *Ергенинский-1* (2006) в погребении 2 кургана 13 обнаружено парное за-

хоронение женщины 15–17 лет и младенца 9–10 месяцев; курган 13, погребение 3 — парное захоронение женщины 14 лет и младенца 2 месяцев [Очир-Горяева 2006: 60–65].

Сопоставляя показатели детской смертности по возрастным группам, приходим к выводу, что наибольшее количество смертей приходится на период 1–7 лет (44 %), а конкретнее — 4,5–5,5 лет. Это можно назвать самым критическим периодом детства, что объясняется переходом от грудного вскармливания к взрослой твердой пище [Бужилова, Козловская, Медникова 1998: 144].

Вторым критическим периодом является группа первого года жизни (32 %), следующая по количеству смертей. Низкая смертность наблюдается в двух группах: во втором периоде детства 8–12 лет и группе подростков 13–15 лет — по 12 % в каждой (см. рис. 1).

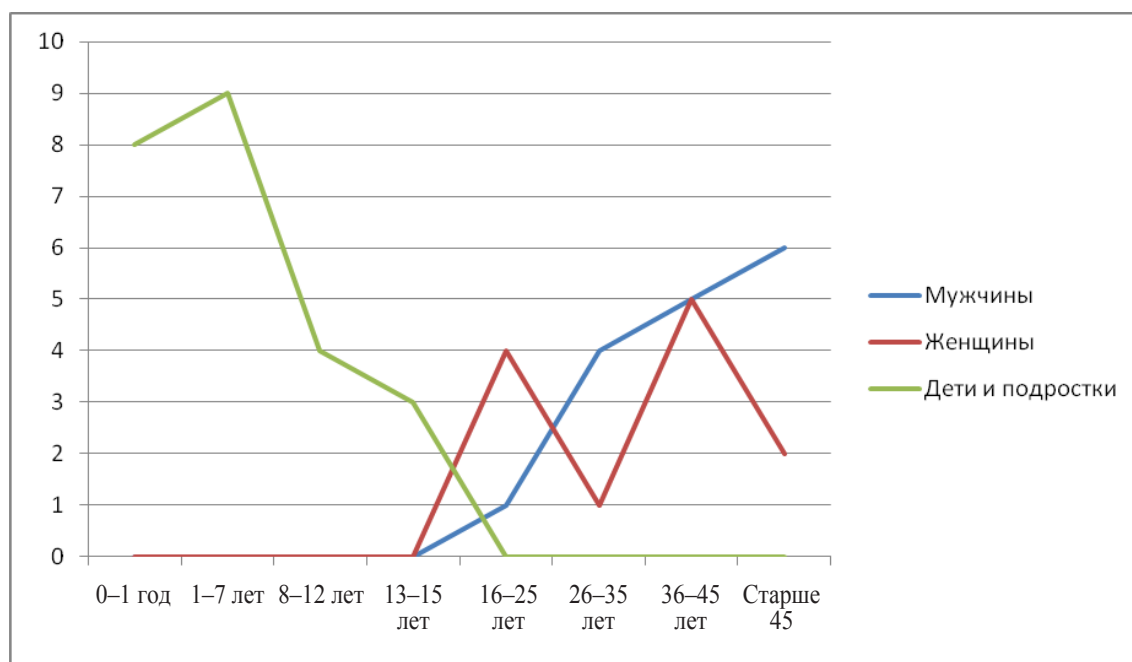

Рис. 1. Пики смертности населения катакомбной культуры Ергенинской возвышенности

[Fig. 1. Mortality peaks in the Catacomb population of the Yergeni Upland]

Общепринято, что рост рождаемости является важнейшим фактором развития общества, обеспечивает освоение новых территорий. Другими словами, можно сказать, что многочисленность детей стало фактором развития цивилизации. Но одновременно они становились ее жертвами — благодаря высокой смертности, наличию специфических заболеваний, зависимому положению [Медникова 2017].

Исследование общего демографического состояния населения Ергенинской возвышенности эпохи средней бронзы было проведено с привлечением антропологического материала из погребений соответствующего времени с территории Подонья и Приазовья Ростовской области. А. В. Шевченко находил черепа из донских могильников сходными с сериями из Нижнего Поволжья и Калмыкии [Шевченко 1972: 87]. Для сравнительного

анализа рассматривались данные о поле и возрасте погребенных в могильниках, исследованных за последние 30 лет археологическими отрядами г. Ростова-на-Дону и Ростовской области в ходе спасательных раскопок [Батиева 2002]. Палеодемографи-

ческие показатели рассчитывались на материале могильников, раскопанных более чем наполовину, и в том случае, если из этих могильников были представлены на исследование все или большая часть костных останков [Батиева 2007: 238] (см. табл. 5).

Таблица 5. Распределение погребенных по возрасту

[Table 5. Buried individuals by age]

Возраст, лет	Выборка из курганных могильников Ергенинской возвышенности						Выборка из могильников Подонья и Приазовья эпохи средней бронзы ¹					
	Взрослые и дети		Мужчины		Женщины		Взрослые и дети		Мужчины		Женщины	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
0–4	14	26,9	0	0	0	0	218	17,1	0	0	0	0
5–9	6	11,5	0	0	0	0	180	14,4	0	0	0	0
10–14	3	5,8	0	0	0	0	64	5,0	0	0	0	0
15–19	4	7,7	1	6,25	2	16,6	96	7,5	18	4,2	46	16,8
20–24	2	3,8	0	0	2	16,6	106	8,3	37	8,5	51	18,6
25–29	3	5,8	2	12,5	1	8,3	132	10,3	80	18,5	45	16,4
30–34	3	5,8	3	18,75	0	0	180	14,1	105	24,2	41	15,0
35–39	1	1,9	0	0	1	8,3	101	7,9	63	14,5	30	10,9
40–49	8	15,4	4	25	4	33,3	163	12,8	108	24,9	47	17,2
50+	8	15,4	6	37,5	2	16,6	36	2,8	22	5,1	14	5,1
	52	100,0	16	100,0	12	100,0	1276	100,0	433	100,0	274	100,0

При изучении суммарных выборок можно отметить ряд общих характеристик, свойственных большинству палеопопуляций эпохи средней бронзы, — довольно высокий процент детских погребений (44,2 % в первой выборке и 36,2 % — во второй), некоторое преобладание числа мужчин над числом женщин (30 % к 23 % в первой выборке и 33,9 % к 21,5 % — во второй), в двух выборках кривая смертности у мужчин сглажена и вырастает во второй половине жизни, а у женщин четко выражены пики смертности (см. рис. 1 и 2).

Различия в группах наблюдаются в средней продолжительности жизни. В исследуемой группе с учетом детской смертности этот параметр составил 22,7 лет, во

второй группе — 36,2 лет. Но разница почти в 13 лет меняет свою векторность и уменьшается вдвое при подсчете среднего возраста смерти взрослого населения: 38,1 лет — в первой и 32,9 лет — во второй выборках. Это обуславливается тем, что процент детской смертности в первой группе выше, чем во второй (46,2 % и 37,1 % соответственно). Стоит отметить, что курганная группа *Малые Дербеты-2*, по наблюдениям автора раскопок, являлась своего рода усыпальницей одной большой патриархальной семьи или клана: 7 взрослых индивидов и 10 неполовозрелых [Очир-Горяева 2017: 31]. Два пика смертности в женских группах также имеют отличия в возрастных интервалах:

¹ Данные о поле и возрасте погребенных взяты из работы Е. Ф. Батиевой «Палеодемография Подонья и Приазовья (эпоха бронзы)» [Батиева 2007: 238–243].

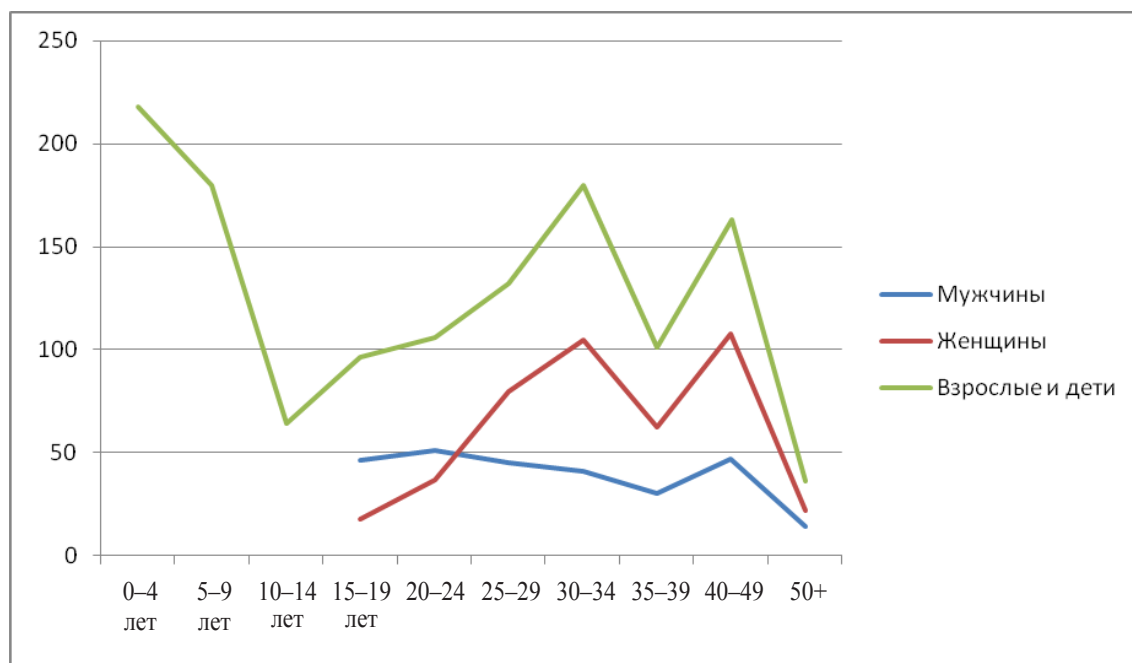

Рис. 2. Пики смертности населения эпохи средней бронзы Подонья и Приазовья
[Fig. 2. Mortality peaks in Middle Bronze Age populations of the Don and Azov regions]

в первой выборке — 16–25 лет и 36–45 лет; во второй — 30–34 лет и 40–49 лет. По количеству индивидов в возрастной

когорте 50+ наблюдается большой разрыв: 15,4 % в первой группе и 2,8 % — во второй (см. табл. 6).

Таблица 6. Основные палеодемографические характеристики
в палеопопуляциях эпохи средней бронзы

[Table 6. Key paleodemographic characteristics of Middle Bronze Age paleopopulations]

№	Группа	Датировка	Культура	N (ед.)	A (лет)	PCD (%)	AA (лет)	C50+ (%)	AA (f) (лет)	AA (m) (лет)	PSR m-f (%)
1	Выборка из могильников Ергенинской возвышенности Республики Калмыкия	конец 3 тыс. до н. э. – 12 в. до н. э.	катакомбная, Республика Калмыкия	52	22,7	46,2	38,1	15,4	34,5	41,1	57–42
2	выборка из могильников Подонья и Приазовья	конец 3 тыс. до н. э. – середина 2 тыс. до н. э.	эпоха средней бронзы, Ростовская область	1 276	36,2	37,1	32,9	2,8	31,4	35,5	61–39

4. Результаты исследований патологических и физиологических особенностей скелета, маркеров стресса и повреждений травматического характера

Гипотеза воздействия стрессов на человеческий организм в палеопатологии была предложена Аланом Гудманом и др., а в отечественной науке изложена А. П. Бужиловой. По мнению исследователей, стресс — это продукт совокупности воздействия ряда факторов: внешней среды, особенностей культурного развития популяции и сопротивляемости организма к различным воздействиям неблагоприятных условий. Одной из основных задач палеопатологии в настоящее время является выявление этих индикаторов стресса. Правильный их анализ даст возможность корректно оценить степень адаптации древних популяций [Перва 2009: 144].

В процессе работы с антропологическим материалом применялась стандартная программа оценки встречаемости патологических состояний на костях посткраниального скелета и черепа, разработанная В. П. Алексеевым, А. П. Бужиловой [Алексеев 1966; Бужилова 1992; Бужилова, Козловская, Медникова 1998; Синельников и др. 2009].

4.1. Преднамеренные искусственные деформации

На черепах из захоронений катакомбной культуры Ергенинской возвышенности зафиксировано присутствие преднамеренной искусственной деформации. Деформация чаще наблюдается у мужчин, чем у женщин. Но, возможно, это происходит из-за малого количества данной выборки. В коллекции все исследованные черепа представлены во фрагментах.

Таблица 7. Искусственная деформация черепа в исследуемой группе
[Table 7. Artificial skull deformations in the examined group]

№	Могильник	Курган, погребение	Пол	Возраст
1	Улан-Зуха (1990)	курган 3, погребение 4	М	50–60
2	Хар-Зуха (1991)	курган 3, погребение 6	М	50–60
3	Малые Дербеты-2	курган 1, погребение 7 (1)	М	14–16
4	Малые Дербеты-2	курган 1, погребение 7 (3)	Ж	30–35
5	Малые Дербеты-2	курган 1, погребение 10	М	35–45
6	Малые Дербеты-2	курган 1, погребение 12	Ребенок	1,5–2
7	Малые Дербеты-2	курган 2, погребение 6 (1)	Ж	35–45
8	Ергенинский (1981)	курган 2, погребение 1	М	45–60
9	Ергенинский (1981)	курган 3, погребение 4 (1)	М	25–39

На черепе из погребения 6 кургана 3 курганной группы Хар-Зуха-2 (1991), помимо искусственной деформации, была зафиксирована прижизненная трепанация. На левой теменной кости ближе к зубчатому шву (sutura serrata) имеется отверстие (трепанация). Размер отверстия в ширину — 35 мм,

в длину — 26 мм. Отверстие имеет форму прямоугольника, края отверстия закруглены. Имеются следы заживления. Мужчина после данной операции прожил какое-то время и умер в возрасте 50–60 лет (см. фото 1).

Фото 1. Фрагмент черепной коробки мужчины 50–60 лет с трепанацией черепа и следами искусственной деформации (Хар-Зуха-2 (1991), курган 3, погребение 6)

[*Photo 1.* Skull fragment of a 50–60-year-old man with skull trepanation and traces of artificial deformation (Khar-Zuha-2 (1991), mound 3, burial 6)]

Трепанация представляет собой первое свидетельство хирургической техники у людей, выполненной без современного оборудования, и, судя по рисункам заживления на черепе, человек благоприятно перенес эту операцию. Преднамеренное использование острого инструмента для удаления части свода черепа, как правило, без повреждения нижележащих мозговых оболочек и головного мозга. Эта опасная операция проводилась по целому ряду причин: для уменьшения внутричерепного давления, возникающего при сдавленных переломах свода черепа, для промывания ран, вызванных переломом, для лечения головных болей, эпилепсии или психических заболеваний и т. д. [Медникова 2001: 28–40]. Трепанация также могла быть символической и ритуальной по своему типу.

По мнению Д. Бротвелла, такая операция на своде черепа была, по-видимому, одной из самых первых в истории человечества, что свидетельствует о высокой культурной организованности данной палеопопуляции. Он отмечал, что чаще отверстия локализованы с левой стороны, это связано также с большей частотой встречаемости предшествовавших ранений слева (по-видимому, с более частой праворукостью нападавших) (цит. по: [Медникова 2001: 29]). По его мнению, в первую очередь подвергалась

операции лобная кость, далее теменные и наиболее редко трепанировалась затылочная кость. Однако это заключение, по-видимому, является ошибочным, поскольку многие авторы утверждают, что в европейских краниологических коллекциях чаще всего встречаются черепа, трепанированные в области теменных костей. Поражение у исследуемого черепа находится на левом полушарии теменной кости, можно предполагать, что при жизни у индивида имелась повышенная тревожность, напряженность, раздражительность и депрессивные настроения [Медникова 2001: 31–32].

4.2. Патологии зубочелюстной системы

В исследуемой серии общее количество зубочелюстных патологий от общего числа выборки составило 26,9 %, чаще всего зубочелюстные патологии приходились на мужскую часть исследуемой группы — 56,3 %, женщин — 33,3 %, детей — 4,2 %. Одной из таких патологий является свищ. Это канал между полостью рта и тканями, находящимися под десной. Он образуется в результате скопления гноя под надкостницей или в периодонтальных тканях зуба. Гнойному содержанию некуда деться из периодонтального пространства, поэтому экссудат выводится через отверстие на десне [Боровский и др. 2003: 387–389]. Чаще всего данным

заболеванием страдают мужчины старше 30 лет, и данная выборка не является исключением. На мужчин пришлось 31,3 % случаев, на женщин — 16,6 %.

Пародонтоз является самым распространенным заболеванием среди зубочелюстных патологий. Для данного заболевания харак-

терна рецессия (опущение) десен, вследствие чего зуб становится «вытянутым». Пародонтоз связан с нарушением обмена веществ в организме, снижением прочности костей и нарушением трофики тканей. В исследуемой выборке он встречается в 6 случаях у мужчин и 2 — у женщин (см. фото 2).

Фото 2. Пародонтоз. Череп мужчины 25–35 лет (Ергенинский-1-2007, курган 13, погребение 8)

[Photo 2. Periodontosis. Skull of a man aged 25–35 (Yergeninsky-1-2007, mound 13, burial 8)]

Прижизненная потеря зубов (вторичная адентия), как правило, характерна для индивидов старше 45 лет. Наличие пародонтоза, свища, дефицита микроэлементов и плохое питание, а также механическая травма способствуют ранней потере зубов. Всего было обнаружено 6 случаев, из которых 5 пришлось на мужчин и 1 случай зафиксирован у женщин.

Кариес встречается всего дважды: у мужчины и ребенка 4–5 лет.

Аномальная стертость зубов — патологическая убыль эмали и дентина вплоть до шейки зубов — была замечена в 5,8 % случаях. Все они были зафиксированы у мужчин. Патологический износ зубов можно объяснить типом питания либо профессиональной деятельностью индивида.

Скол эмали встречается в двух случаях: по одному разу у мужчины и женщины, что

также связано с типом питания или родом деятельности.

Самым распространенным у исследуемых индивидов является такая патология, как минерализованные отложения на зубах. Зубной камень чаще всего образуется в местах, близких к слюнным железам, и поэтому чаще встречается вдоль языковых краев нижних передних зубов и щечных краев коренных зубов верхней челюсти. Хотя наличие зубного камня, как правило, безболезненно для человека, наличие значительных отложений может способствовать развитию заболеваний пародонта и инфекций и, как правило, указывает на отсутствие гигиены полости рта. Всего было обнаружено 20 подобных случаев, из которых 10 зафиксировано у мужчин, 9 — у женщин и 1 — у неполовозрелого индивида (см. фото 3, табл. 8).

Фото 3. Зубной камень. Верхняя челюсть мужчины 35–45 лет
(Малые Дербеты-2 (2007), курган 1, погребение 10)

[Photo 3. Dental calculus. Maxilla of a man aged 35–45 (Mal'ye Derbety-2 (2007), mound 1, burial 10)]

Таблица 8. Зубочелюстные патологии в исследуемой группе
[Table 8. Dental pathologies in the examined group]

Название патологий	Суммарная выборка			Мужчины			Женщины			Неполовозрелые индивиды		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Общее количество зубочелюстных патологий	52	14	26,9	16	9	56,3	12	4	33,3	24	1	4,2
свищ	52	7	13,5	16	5	31,3	12	2	16,6	24	0	0
вторичная адентия	52	6	11,5	16	5	31,3	12	1	8,3	24	0	0
пародонтит	52	8	15,4	16	6	37,5	12	2	16,6	24	0	0
кариес	52	2	3,8	16	1	6,3	12	0	0	24	1	4,2
аномальная стираемость	52	3	5,8	16	3	18,8	12	0	0	24	0	0
скол эмали	52	2	3,8	16	1	6,3	12	1	8,3	24	0	0
зубной камень	52	20	38,5	16	10	62,5	12	9	75	24	1	4,2

Эмалевая гипоплазия. Эмалевая недостаточность является признаком нарушения обмена веществ и нехватки микроэлементов в период раннего роста организма [Бор-

ровский и др. 2003: 162–163]. Данная патология, как одна из самых многочисленных, выделена нами в отдельную группу. Всего было обнаружено 18 случаев (34,6 %) го-

ризонгально ориентированных линий на эмали зубов (см. фото 4). Сильного переко- са полового диморфизма в одну сторону не наблюдается. В данной исследуемой группе эта патология не имеет возрастную зависи- мость и одинаково встречается во всех воз- растных когоргах. Высокая детская смерт- ность 46,1 % от общего числа выборки мо- жет указывать на то, что недостаток пищи,

богатой микроэлементами, мог послужить причиной смерти. Очевидно, не каждый ребенок благополучно переживал получен- ный стресс в ранние годы, что повлияло на их продолжительность жизни. Наличие эмалевой недостаточности указывает, что индивиды успешно смогли пережить крити- ческий возраст в детстве.

Фото 4. Эмалевая гипоплазия. Верхняя челюсть мужчины 25–35 лет
(Ергенинский-1 (2007), курган 13, погребение 8)

[Photo 4. Enamel hypoplasia. Maxilla of a man aged 25–35 (Yergeninsky-1 (2007), mound 13, burial 8)]

4.3. Признаки воспалений и нехватки микроэлементов в организме

Поротический гиперостоз проявляется в расширении губчатого углубления с соответствующим истощением наружной кортикальной костной поверхности, что приводит к проявлению поверхностной пористости. Данный показатель позволя- ет нам приблизительно оценить питание и

здоровье палеопопуляции, а также оценить нарушения, связанные с дефицитом пита- тельных веществ, таких как недостаток же- леза, что приводит к анемии. В исследуемой выборке было выявлено 6 случаев пороти- ческого гиперостоза орбит (Cribra orbitalia). Все случаи были найдены у детей — 11,5 % от общего числа выборки (см. фото 5).

Фото 5. Поротический гиперостоз орбит (Cribra orbitalia). Фрагмент черепа ребенка 8–10 лет (Ергенинский-1 (2008), курган 13, погребение 1)

[Photo 5. Cribra orbitalia. Skull fragment of a child aged 8–10 (Yergeninsky-1 (2008), mound 13, burial 1)]

Фото 6. Признаки васкулярной реакции по типу «апельсиновая корка» на надбровной дуге. Череп мужчины 40–49 лет (Ергенинский (1982), курган 6, погребение 3)

[Photo 6. Signs of orange peel-type vascular reaction on supraorbital ridge. Skull of a man aged 40–49 (Yergeninsky (1982), mound 6, burial 3)]

Признаки воспаления на костях посткраниального скелета наблюдались в 18 случаях, что составляет 34,6 % от общей численности выборки. На мужчин пришлось 2 случая, женщин — 5, и самое большое количество зафиксированных признаков воспалений — на костях детей и подростков — 11 случаев, что составляет 45,8 % от всех неполовозрелых индивидов.

Пальцевидных вдавлений в области эндокрана обнаружено 6 случаев: 3 у женщин, 1 — у мужчин и 2 — у неполовозрелых индивидов. Незначительный половой диморфизм присутствует среди половозрелых индивидов. У женщин чаще встречаются воспалительные процессы, связанные с ане-

мией и нехваткой микроэлементов в организме.

Маркеры холодового стресса. Признаки системного воздействия низких температур на организм имеют характер незначительного уклона полового диморфизма в сторону мужской части выборки. Чаще всего данный признак встречался во взрослой группе (у мужчин — 62,5 %, женщин — 58,3 %), реже у неполовозрелых индивидов (4,2 %). Всего зафиксировано 22 случая васкулярной реакции на холод. Данный признак в виде «апельсиновой корки» был обнаружен в области надбровья, скуловых костей и затылочной части (см. фото 6, табл. 9).

Таблица 9. Частота встречаемости некоторых маркеров физиологического стресса

[Table 9. Frequencies of some physiological stress markers]

Патологические признаки	Суммарная выборка			Мужчины			Женщины			Неполовозрелые индивиды		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Васкулярная реакция	52	22	42,3	16	10	62,5	12	7	58,3	24	1	4,2
Поротический гиперостоз орбит (Cribra orbitalia)	52	6	11,5	16	0	0	12	0	0	24	6	25
Лобный гиперостоз	52	2	3,8	16	0	0	12	2	16,6	24	0	0
Пальцевидные вдавления в области эндокрана	52	6	11,5	16	1	6,3	12	3	25	24	2	8,3
Воспалительные процессы (посткран.)	56	18	34,6	16	2	12,5	12	5	41,6	24	11	45,8

Травмы. Всего было зафиксировано 17 случаев травматизма на черепе и посткраниальном скелете во взрослой выборке. Чаще всего встречается артроз — значительная поношенность суставов на посткраниальном скелете — 9 случаев. Незначительный половой диморфизм в женскую сторону. Прослеживается возрастная особенность, поскольку чаще артроз встречается у индивидов старше 35 лет. Остеохондроз был выявлен в 6 случаях с абсолютно равной частотой встречаемости как у мужчин, так и у женщин. Спондилез был представлен в единственном случае у мужчины

из погребения 6 кургана 3 курганной группы *Хар-Зуха-2* (1991).

Имелись частные случаи выявления остеомы у женщины 35–45 лет из погребения 6 (скелет 1), кургана 2 могильника *Малые Дербеты-2* (2007). На левой половине лобной кости обнаружена остеома овальной формы размером 14x12 мм [Балабанова, Перва 2017: 42].

Травма черепа в виде округлой вмятины размером 28–29 мм была обнаружена на затылочной кости у женщины 17–20 лет из погребения 5 кургана 2 могильника *Малые Дербеты-2* (2007). На внутренней поверх-

ности черепа были выявлены лучевидные гематомы и следы кровеносных сосудов. Тем не менее следов прободения в полость черепа со стороны эндокрана не выявлено. Ранение имело благоприятный исход без следов осложнения [Балабанова, Перерва 2017: 42].

У мужчины 25–35 лет из погребения 8 кургана 13 могильника *Ергенинский-1* (2006) были обнаружены многочисленные

травмы. Выявлен перелом правой ключицы на средней трети диафиза (см. фото 7, 8), а также переломы правых первого и второго ребер. Правые ребра и правая ключица срослись с образованием костных мозолей и следов кровоизлияния. Возможно, данный индивид получил удар, повлекший за собой данные травмы, которые впоследствии имели благоприятный исход сращения и заживления (см. табл. 10).

Фото 7. Перелом правой ключицы. Вид сверху. Ключица мужчины 25–35 лет (*Ергенинский-1* (2007), курган 13, погребение 8)

[*Photo 7.* Right clavicle fracture. Top view. Clavicle of a man aged 25–35 (*Yergeninsky-1* (2007), mound 13, burial 8)

Фото 8. Перелом правой ключицы. Вид снизу. Ключица мужчины 25–35 лет (*Ергенинский-1* (2007), курган 13, погребение 8)

[*Photo 8.* Right clavicle fracture. Bottom view. Clavicle of a man aged 25–35 (*Yergeninsky-1* (2007), mound 13, burial 8)]

Таблица 10. Болезни опорно-двигательного аппарата и травмы, встречаемые в палеопопуляции

[Table 10. Musculoskeletal disorders and traumas traced in the paleopopulation]

Патологические признаки	Суммарная выборка			Мужчины			Женщины		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Общее количество травм	52	17	32,7	16	10	62,5	12	7	58,3
артроз	52	9	17,3	16	4	25	12	5	41,6
остеохондроз	52	6	11,5	16	3	18,7	12	3	25
спондилез	52	1	1,9	16	1	6,3	12	0	0
нижняя челюсть	52	1	1,9	16	0	0	12	1	8,3
черепные травмы	52	5	9,6	16	2	12,5	12	3	25
травмы посткраниального скелета	52	1	1,9	16	1	6,3	12	0	0

5. Выводы

По результатам исследования антропологических материалов из погребений катакомбной культуры могильников Ергенинской возвышенности можно сделать предположительное описание демографической ситуации, сложившейся в исследуемой группе. Параметры, установленные в ходе исследования, указывают на некоторые демографические особенности данной выборки: средний возраст смерти с учетом детской смертности в выборке составил 22,7 лет, причем средний возраст смерти взрослой группы довольно представительный — 38,1 лет (у мужчин — 41,1 лет, у женщин — 34,5 лет). Это можно объяснить высоким процентом детских погребений — 46,1 % от общего числа выборки. Два пика смертности у детей в возрасте 1–7 лет (37,5 %) и 0–1 лет (33,3 %) свидетельствует о неблагоприятной среде для развития и адаптации детского организма. Высокая детская смертность является традиционным признаком в древних палеопопуляциях.

Были проанализированы патологические, физиологические особенности скелетов, а также показатели уровня стресса и травм в группе. Наличие таких зубочелюстных патологий, как зубной камень, пародонтоз и прижизненная утрата зубов, может свидетельствовать о преобладании мясной и молочной диеты, характерной для исследуемой группы населения.

Анализ маркеров физиологического стресса указывает на то, что в исследуемой выборке прослеживается умеренно благоприятная санэпидемиологическая ситуация.

Уровень травматизма в группе низкий. В палеопатологии принято считать, что травмы черепа и костей посткраниального скелета могут быть маркерами военной активности, а также специфики трудовой деятельности человека. Травматические повреждения считаются индикаторами агрессивности общества и его военной специализации. Большая часть повреждений, выявленная на костных останках исследуемого населения катакомбной культуры, носит бытовой, несмертельный характер [Бужилова 1995; Перерва 2017].

В сравнительном освещении были проанализированы сходство и отличие с населением эпохи средней бронзы с территории Подонья и Приазовья. Наблюдается сходство по многим демографическим параметрам, характерным для большинства палеопопуляций этого периода: преобладание мужчин в группе; высокий процент детской смертности; кривая смертности у мужчин в двух выборках сглажена и возрастает во второй половине жизни, а у женщин наблюдаются два пика смертности; продолжительность жизни во взрослой группе довольно представительная — около 40 лет. Отличие двух выборок наблюдается в процентах детской смертности (46,2 % и 37,1 %), среднего возраста смерти групп с учетом детей (22,7 % и 36,2 %), в возрастных интервалах пиков смертности у женщин (в первой выборке — 16–25 лет и 36–45 лет; во второй — 30–34 лет и 40–49 лет), довольно большой разницы в показателях возрастной когорты 50+ (15,4 % и 2,8 %).

Источники

- Очир-Горяева 1990 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника *Улан-Зуха* в Приютненском районе КАССР в 1990 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 67. 48 с.
- Очир-Горяева 1991 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника *Хар-Зуха* в Приютненском районе КАССР в 1991 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 68. 81 с.
- Очир-Горяева 2006 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании двух курганов могильника «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2006 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 91. 221 с.
- Очир-Горяева 2007а — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганных могильников «Садовое-1, 2» и «Малые Дербеты – 2» в зоне строительства газопровода в Сарпинском и Малодербетовском районах Республики Калмыкия в 2007 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 98. 135 с.
- Очир-Горяева 2007б — *Очир-Горяева М. А.* Отчет о доследовании кургана 13 могильника

«Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2007 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 97. 110 с.

- Очир-Горяева 2008б — *Очир-Горяева М. А.* Отчет о доследовании кургана 13 могильника «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2008 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 106. 149 с.
- Шилов 1981 — *Шилов В. П.* Исследования Волго-Донской археологической экспедиции в 1981 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 10968. 169 с.
- Шилов 1982 — *Шилов В. П.* Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 г. // Архив Института археологии РАН. Р-19516. 26 с.
- Шилов 1984 — *Шилов В. П.* Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1984 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 11785. 18 с.
- Шилов 1985–1986 — *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1985–1986 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 11793а. 20 с.

Sources

- Ochir-Goryaeva M. A. Kurgan 13 of Yergeninsky Grave Field (Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia, Russia): 2007 Report on Additional Investigation. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 97. 110 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Kurgan 13 of Yergeninsky Grave Field (Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia, Russia): 2008 Report on Additional Investigation. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 106. 149 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Sadovoye-1,2 (Sarpinsky District) and Malye Derbety-2 (Maloderbetovsky District, Republic of Kalmykia, Russia) Mound Grave Fields [Located] along Gas Pipeline Construction Corridor: 2007 Investigation Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 98. 135 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Two Kurgans of Yergeninsky Grave Field (Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia, Russia): 2006 Investigation Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 91. 221 p. (In Russ.)

- Ochir-Goryaeva M. A. Ulan-Zukha Mound Grave Field (Priyutnensky District, Kalmyk ASSR, RSFSR): 1990 Investigation Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 67. 48 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Ulan-Zukha Mound Grave Field (Priyutnensky District, Kalmyk ASSR, RSFSR): 1991 Investigation Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 68. 81 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. Volga-Don Archaeological Expedition: 1981 Survey [Report]. At: Institute of Archaeology (RAS), Archive. File ID P-1 10968. 169 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. Volga-Don Archaeological Expedition: 1982 Survey [Report]. At: Institute of Archaeology (RAS), Archive. File ID P-19516. 26 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. Volga-Don Archaeological Expedition: 1984 Survey [Report]. At: Institute of Archaeology (RAS), Archive. File ID P-1 11785. 18 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. Volga-Don Expedition: 1985–1986 Excavation Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Archive. File ID P-1 11793a. 20 p. (In Russ.)

Литература

- Алексеев 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Алексеев, Дебец 1964 — *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Алексеева и др. 2003 — *Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В.* Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового могильника *Мистихали*). М.: Научный мир, 2003. 127 с.
- Балабанова, Перерва 2017 — *Балабанова М. А., Перерва Е. В.* Приложение 2. Результаты изучения антропологического материала // М. А. Очир-Горяева. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 34–43.
- Батиева 2002 — *Батиева Е. Ф.* Антропологические исследования в Ростовской области // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г.: сб. ст. / отв. ред. В. Я. Кияшко. Вып. 18. Азов: Изд-во Азовск. краевед. музея, 2002. С. 389–398.
- Батиева 2007 — *Батиева Е. Ф.* Палеодемография Подонья и Приазовья (эпоха бронзы) // Вестник антропологии. 2007. № 15. С. 236–245.
- Бембеева, Лиджикова 2022 — *Бембеева Л. А., Лиджикова Т. В.* Половозрастная структура населения катакомбной культуры Сарпинской низменности (по материалам археологических раскопок на территории Республики Калмыкия) // *Oriental Studies*. 2022. № 5. С. 1077–1093. DOI:10.22162/2619-0990-2022-63-5-1077-1093.
- Боровский и др. 2003 — *Боровский Е. В., Леонтьев В. К., Вагнер В. Д., Садовский В. В., Макеева И. М., Новиков В. С., Иванов В. С., Банченко Г. В., Рабинович И. М.* Терапевтическая стоматология: учебник. 2-е изд. М.: Типография Новости, 2003. 799 с.: ил.
- Боруцкая, Васильев 2021 — *Боруцкая С. Б., Васильев С. В.* Палеодемография Нижнего Новгорода XVII–XVIII вв. по данным раскопок трех городских некрополей // Археология Евразийских степей. Казань: АН РТ, 2021. № 3. С. 307–320.
- Бужилова 1992 — *Бужилова А. П.* Изучение физиологического стресса у древнего населения по данным палеопатологии // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций / редкол.: В. П. Алексеев (отв. ред.), В. В. Федосова. М.: ИА, 1992. С. 78–104.
- Бужилова 1995 — *Бужилова А. П.* Древнее население (палеопатологические исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
- Бужилова, Козловская, Медникова 1998 — *Бужилова А. П., Козловская М. В., Медникова М. Б.* Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. 260 с.
- Зубов 1968 — *Зубов А. А.* Одонтология: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Медникова 2001 — *Медникова М. Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.
- Медникова 2017 — *Медникова М. Б.* Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. М.: Club Print. 2017. 223 с.; илл.
- Милюков, Гвоздецкий 1986 — *Милюков Ф. Н., Гвоздецкий Н. А.* Физическая география СССР: учеб. для студ. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 376 с.
- Очир-Горяева 2008а — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: ИД «Герел», 2008. 298 с.: ил.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.: ил.
- Перерва 2009 — *Перерва Е. В.* Маркеры стресса как индикаторы адаптации (по материалам золотоордынского могильника *Маячный бугор*) // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: сб. науч. ст. / отв. ред. А. В. Громов, В. И. Хартанович. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 143–159.
- Перерва 2017 — *Перерва Е. В.* Маркеры стресса у сарматов в II–IV вв. н. э. из подкурганских захоронений Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 10(123). С. 165–177.
- Синельников и др. 2009 — *Синельников Р. Д., Синельников Я. Р., Синельников А. Я.* Атлас анатомии человека: уч. пособ. в 4 т. 7-е изд., перераб. Т. 1. М.: РИА «Новая волна»; издатель Умеренков, 2009. 344 с.: ил.
- Синицын 1956 — *Синицын И. В.* Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Труды Саратовского областного музея краеведения. Археологический сборник. Вып. 1. Саратов: Коммунист, 1956. С. 22–64.
- Шевченко 1972 — *Шевченко А. В.* Новые палеоантропологические материалы из Нижнего

Подонья (эпоха бронзы) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии ИЭ АН СССР 1971 г. Л.: Наука, 1972. С. 87–89.

References

- Alekseev V. P. Osteometry: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka, 1966. 252 p. (In Russ.)
- Alekseev V. P., Debets G. F. Craniometry: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka, 1964. 127 p. (In Russ.)
- Alekseeva T. I., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V. The Vlachs: An Anthropoecological Study (Analyzing Materials from the Medieval Necropolis of Mistihali). Moscow: Nauchnyi Mir, 2003. 127 p. (In Russ.)
- Balabanova M. A., Pererva E. V. Appendix 2: Anthropological investigation results. In: Ochir-Goryaeva M. A. Ancient Necropolises of the Yergeni Upland. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. Pp. 34–43. (In Russ.)
- Batieva E. F. Anthropological investigation in Rostov Oblast. In: Kiyashko V. Ya. (ed.) Historical and Archaeological Studies in Azov and the Lower Don: The Year 2001. Collected papers. Vol. 18. Azov: Azov Museum of Local History and Lore, 2002. Pp. 389–398. (In Russ.)
- Batieva E. F. Bronze Age paleodemography of the Don and Azov regions. In: Anthropology Bulletin. Vol. 15. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2007. Pp. 236–245. (In Russ.)
- Bembeeva L. A., Lidzhikova T. V. Age-sex structure of the Catacomb population from the Sarpa Lowland: Materials of Kalmykia's archaeological excavations analyzed. *Oriental Studies*. 2022. No. 5. Pp. 1077–1093. (In Russ.) DOI:10.22162/2619-0990-2022-63-5-1077-1093.
- Borovsky E. V., Leontiev V. K., Vagner V. D., Sadvovsky V. V., Makeeva I. M., Novikov V. S., Ivanov V. S., Banchenko G. V., Rabinovich I. M. Dental Therapy. Coursebook. 2nd ed. Moscow: Tipografiya Novosti, 2003. 799 p. (In Russ.)
- Borutskaya S. B., Vasilyev S. V. Paleodemography of Nizhny Novgorod in the 17th–18th cc. based on the excavations of three city necropolises. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 2021. No. 3. Pp. 307–320. (In Russ.)
- Buzhilova A. P. Ancient Population: Studies in Paleopathology. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 1995. 189 p. (In Russ.)
- Buzhilova A. P. Investigating physiological stress in ancient population: A perspective from paleopathology. In: Alekseev V. P., Fedosova V. V. (eds.) Paleoanthropological and Archaeological Reconstructions: Ecological Aspects. Moscow: Institute of Archaeology (USSR Acad. of Sc.), 1992. Pp. 78–104. (In Russ.)
- Buzhilova A. P., Kozlovskaya M. V., Mednikova M. B. Historical Ecology of Man: Some Tools of Biological Research. Moscow: Staryi Sad, 1998. 260 p. (In Russ.)
- Mednikova M. B. Bioarchaeology of Childhood in Earliest Agricultural Cultures of the Balkans, Caucasus, and Near East. Institute of Archaeology (RAS). Moscow: Club Print, 2017. 223 p. (In Russ.)
- Mednikova M. B. Trepanation among Ancient Peoples of Eurasia. Moscow: Nauchnyi Mir, 2001. 304 p. (In Russ.)
- Milkov F. N., Gvozdetsky N. A. Physiography of the Soviet Union. Coursebook for university students. 5th ed., rev. & suppl. Moscow: Vysshaya Shkola, 1986. 376 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Ancient Necropolises of the Yergeni Upland. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. 420 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Sites of the Volga-Manych Steppe: A Compendium of Kalmykia's Investigated Sites, 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Pererva E. V. [Physiological] stress markers as adaptation indicators: Analyzing materials from the Golden Horde-era grave field of Mayachny Bugor). In: Gromov A. V., Khartanovich V. I. (eds.) Microevolutionary Processes in Human Populations. Collected scholarly papers. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2009. Pp. 143–159. (In Russ.)
- Pererva E. V. Markers of stress of the Sarmatian in the v II–IV centuries AD from burial ground tombs of the Lower Volga region (paleopathological aspect). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017. No. 10(123). Pp. 165–177. (In Russ.)
- Shevchenko A. V. Newly discovered Bronze Age paleoanthropological materials from the Lower Don. In: Abstracts of Reports [Delivered] at the 1971 Scientific Symposium of the Institute of Ethnology (USSR Academy of Sciences). Leningrad: Nauka, 1972. Pp. 87–89. (In Russ.)
- Shilov V. P. Ancient Populations of the Lower Volga: Historical Essays. Leningrad: Nauka, 1984. 208 p. (In Russ.)
- Шилов 1975 — Шилов В. П. Очерки истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1984. 208 с.

- Sinelnikov R. D., Sinelnikov Ya. R., Sinelnikov A. Ya. Human Anatomy Atlas. Coursebook. In 4 vols. Vol. 1. 7th ed., rev. Moscow: Novaya Volna, Umerenkov, 2009. 344 p. (In Russ.)
- Sinityn I. V. Lower Volga sites from the Scytho-Sarmatian era. In: Transactions of the Saratov Oblast Museum of Local History and Lore. Archaeology. Is. 1. Saratov: Communist, 1956. Pp. 22–65. (In Russ.)
- Zubov A. A. Odontology: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka. 1968. 200 p. (In Russ.)

Приложение 1

Таблица 11. Данные о поле и возрасте погребенных в курганах могильника
Улан-Зуха (1990), Улан-Зуха-1 (1990)

[Table 11. Ulan-Zuha (1990) and Ulan-Zuha-1 (1990) mound grave fields.
Data on sex and age of buried individuals]

№ п/п	Могильник	Курган, погребение	Пол	Возраст (лет)
Половозрастное определение было установлено Л. А. Бембеевой				
1	Улан-Зуха	курган 3, погребение 3	М	Старше 55
2	Улан-Зуха	курган 3, погребение 6	Ребенок	3–4
3	Улан-Зуха	курган 3, погребение 4	М	50–60
Несохранившийся антропологический материал: данные из полевых отчетов				
4	Улан-Зуха	курган 1, погребение 3	–	взрослый
5	Улан-Зуха	курган 1, погребение 4	–	взрослый
6	Улан-Зуха	курган 3, погребение 2	–	взрослый
7	Улан-Зуха	курган 3, погребение 5	–	взрослый
8	Улан-Зуха	курган 3, погребение 7	–	ребенок
9	Улан-Зуха-1	курган 1, погребение 2	–	взрослый

Таблица 12. Данные о поле и возрасте погребенных в курганах могильника
Хар-Зуха-1 (1991), Хар-Зуха-2 (1991)

[Table 12. Khar-Zuha-1 (1991) and Khar-Zuha-2 (1991) mound grave fields.
Data on sex and age of buried individuals]

№ п/п	Могильник	Курган, погребение	Пол	Возраст (лет)
Половозрастное определение было установлено Л. А. Бембеевой				
1	Хар-Зуха-1	курган 2, погребение 5	М	25–35
2	Хар-Зуха-1	курган 2, погребение 6	ребенок	0–1
3	Хар-Зуха-1	курган 2, погребение 7	ребенок	0–1
4	Хар-Зуха-2	курган 2, погребение 4	М	25–35
5	Хар-Зуха-2	курган 3, погребение 3	М	18–20
6	Хар-Зуха-2	курган 3, погребение 5	ребенок	1–2 месяца
7	Хар-Зуха-2	курган 3, погребение 6	М	50–60
8	Хар-Зуха-2	курган 3, погребение 10	М	50–60
Несохранившийся антропологический материал: данные из полевых отчетов				
9	Хар-Зуха-1	курган 7, погребение 2	–	взрослый
10	Хар-Зуха-2	курган 3, погребение 4	–	взрослый

Таблица 13. Данные о поле и возрасте погребенных в курганах могильника
Малые Дербеты-2

[Table 13. *Malye Derbety-2* mound grave field. Data on sex and age of buried individuals]

№ п/п	Год раскопок	Курган, погребение	Пол	Возраст (лет)
Половозрастное определение было установлено М. А. Балабановой, Е. В. Перервой				
1	2007	курган 1, погребение 1	Ребенок	6 месяцев
2	2007	курган 1, погребение 3	ребенок	10–11
3	2007	курган 1, погребение 6 (1)	Ж	50
4	2007	курган 1, погребение 6 (2)	ребенок	1,5
5	2007	курган 1, погребение 7 (1)	подросток (М)	14–16
6	2007	курган 1, погребение 7 (2)	ребенок	7–7,5
7	2007	курган 1, погребение 7 (3)	Ж	30–35
8	2007	курган 1, погребение 10	М	35–45
9	2007	курган 1, погребение 11	Ж	40–45
10	2007	курган 1, погребение 12	ребенок	1,5–2
11	2007	курган 2, погребение 1	Ж	20–25
12	2007	курган 2, погребение 2 (1)	ребенок	7
13	2007	курган 2, погребение 2 (2)	ребенок	4–5
14	2007	курган 2, погребение 3	ребенок	3–3,5
15	2007	курган 2, погребение 5	Ж	17–20
16	2007	курган 2, погребение 6 (1)	Ж	35–45
17	2007	курган 2, погребение 6 (2)	ребенок	2

Таблица 14. Данные о поле и возрасте погребенных в курганах могильника
Ергенинский (1981–1986 гг.)

[Table 14. *Yergeninsky* (1981–1986) mound grave field. Data on sex and age of buried individuals]

№ п/п	Год раскопок	Курган, погребение	Пол	Возраст (лет)
Половозрастное определение было установлено Н. Я. Березиной				
1	1981	курган 2, погребение 1	М	45–60
2	1981	курган 3, погребение 4(1)	М	25–39
3	1981	курган 4, погребение 3(1)	Ж	Старше 55
4	1981	курган 4, погребение 5	М	25–35
5	1981	курган 5, погребение 8	Ж	25–35
6	1982	курган 6, погребение 2	М	20–25
7	1982	курган 6, погребение 3	М	40–49
8	1982	курган 6, погребение 5	Ж	35–45
Несохранившийся антропологический материал: данные из полевых отчетов				
9	1981	курган 3, погребение 4(2)		взрослый
10	1981	курган 3, погребение 5		взрослый
11	1981	курган 3, погребение 6		ребенок
12	1981	курган 4, погребение 3(2)		ребенок
13	1981	курган 4, погребение 4		ребенок
14	1981	курган 5, погребение 1		ребенок
15	1981	курган 5, погребение 2		ребенок
16	1981	курган 5, погребение 3		ребенок
17	1981	курган 5, погребение 4		взрослый
18	1981	курган 5, погребение 5		ребенок
19	1981	курган 5, погребение 6		взрослый
20	1981	курган 5, погребение 7		ребенок

21	1981	курган 5, погребение 9		взрослый
22	1984	курган 8, погребение 1		ребенок
23	1984	курган 8, погребение 3		взрослый
24	1984	курган 9, погребение 1		взрослый
25	1984	курган 10, погребение 1		ребенок
26	1984	курган 10, погребение 2		взрослый
27	1984	курган 10, погребение 3(1)		ребенок
28	1984	курган 10, погребение 3(2)		ребенок
29	1985–1986	курган 11, погребение 1		взрослый
30	1985–1986	курган 12, погребение 1		взрослый

Таблица 15. Данные о поле и возрасте погребенных в курганах могильника
Ергенинский-1 (2006–2008 гг.)

[Table 15. Yergeninsky-1 (2006–2008) mound grave field. Data on sex and age of buried individuals]

№ п/п	Год раскопок	Курган, погребение	Пол	Возраст (лет)
Половозрастное определение было установлено Н. Я. Березиной				
1	2008	курган 13, погребение 1 (1)	М	45–65
2	2008	курган 13, погребение 1 (2)	ребенок	8–10
3	2007	курган 13, погребение 2 (1)	Ж	15–17
4	2007	курган 13, погребение 2 (2)	ребенок	9–10 месяцев
5	2007	курган 13, погребение 3 (1)	подросток (Ж)	13–15
6	2007	курган 13, погребение 3 (2)	ребенок	7 месяцев
7	2007	курган 13, погребение 5	ребенок	0–2 месяца
8	2006	курган 13, погребение 6 (1)	ребенок	12–14
9	2006	курган 13, погребение 6 (2)	Ж	20–25
10	2006	курган 13, погребение 7	ребенок	9–12 месяцев
11	2007	курган 13, погребение 8	М	25–35
12	2007	курган 13, погребение 9	Ж	25–29
13	2006–2007	курган 13, погребение 10 А	ребенок	7–8
14	2006–2007	курган 13, погребение 10 Б	ребенок	4–5
15	2006	курган 14, погребение 1	М	Старше 45
16	2006	курган 14, погребение 2	ребенок	2–3

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 3, Pp. 575–583, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.156

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-575-583

Тувинский род монгуш. К историографии вопроса

Артыш Маадыр-оолович Монгуш¹, Елена Валерьевна Айыжы²

¹ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
(д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
главный специалист, аспирант

 0000-0003-1732-0601. E-mail: [art510\[at\]mail.ru](mailto:art510[at]mail.ru)

² Тувинский государственный университет (д. 5, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-4289-3543. E-mail: [aiygy\[at\]mail.ru](mailto:aiygy[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Монгуш А. М., Айыжы Е. В., 2023

Аннотация. *Введение.* История рода, родовых групп тувинского народа, который прошел длительный путь формирования и развития, привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей разных отраслей науки. До сегодняшнего дня комплексных исследований, которые охватывали бы историю, этнографию и антропологию тувинских родов, не было. Актуальность данной проблемы обозначила и *цель* данной статьи — изучение истории происхождения тувинских родовых групп на примере рода *монгуш*. *Материалы и методы.* Основными материалами для данной статьи являются исследования ученых дореволюционной и советской эпох, а также полевые материалы авторов. В исследовании использован принцип историзма и объективизма, позволяющий рассматривать родовую группу *монгуш* в историческом развитии. В работе применяются сравнительно-типологический (*монгуш* Республики Тыва и *мунгуш* Республики Кыргызстан) и метод непосредственного наблюдения на территории исследования рода *монгуш* (Дзун-Хемчикский и Сут-Хольский кожууны Республики Тыва). *Результаты.* В ходе проведенных исследований авторами выявлено, что родовая группа *монгуш* имеет свои подразделения. Благодаря трудам ученых, побывавших в Урянхайском крае, были проанализированы материалы по этимологии названия *монгуш*, а также даны демографические данные рода монгуш.

Ключевые слова: род, родовая группа, *монгуш*, этногенез, этническая история, этимология этнонима, Урянхайский край, Тува

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-18-20113 «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничность».

Для цитирования: Монгуш А. М., Айыжы Е. В. Тувинский род *монгуш*. К историографии вопроса // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 575–583. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-575-583

Tuvan Clan Mongush: Approaching the Historiography of the Issue

Artysh M. Mongush¹, Elena V. Aiyzhy²

¹ Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Senior Expert, Postgraduate Student

 0000-0003-1732-0601. E-mail: art510[at]mail.ru

² Tuvan State University (5, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4289-3543. E-mail: aigy[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Mongush A. M., Aiyzhy E. V., 2023

Abstract. *Introduction.* Tuvan clan history (and that of certain clan clusters) dates back to most ancient times and is characterized by long and intertwined paths of formation and development. So, it had — and still does — attracted the attention of researchers representing various fields of science. However, there have been no fundamental works involving both historical, ethnographic, and anthropological insights into Tuvan clans. *Goals.* The article attempts a historical investigation into origins of Tuvan clans and particularly the Mongush one. *Materials and methods.* The paper focuses on scientific works by Tsarist and Soviet scientists, analyzes field data collected by the authors. The study employs the principle of historicism which makes it possible to consider the Mongush tribal group in retrospective and trace its development. The method of comparative typology (the Mongush of Tuva and the Mungush of Kyrgyzstan) supplemented with that of participant observation prove most efficient. In terms of historical science, events and phenomena are considered through temporal sequences, changes of periods and development stages. *Results.* The authors' findings reveal the Mongush clan has a number of branches, while scrupulous insights into writings of earlier researchers have yielded a clarified etymology of the word *mongush* and certain demographic data on the group.

Keywords: clan, clan group, Mongush, ethnogenesis, ethnic history, etymology of ethnonym, Uriankhai Krai, Tuva

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113 'Comprehensive Ethnogenetic and Linguoanthropological Research into Clan/Tribal Groups of Tuva: Universal, Local, and Cross-Border Features'.

For citation: Mongush A. M., Aiyzhy E. V. Tuvan Clan Mongush: Approaching the Historiography of the Issue. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 575–583. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-575-583

1. Введение

Формирование тувинского этноса происходило в течение длительного времени и тесным образом связано с этногенезом целого ряда тюрко-монгольских народов. Республика Тыва (Тува) расположена в центре азиатского материка, в верхнем бассейне одной из крупнейших рек мира — Енисея. Находясь на стыке и в зоне контакта сибирской тайги и степей, Тува представляет собой место этнического взаимодействия

самодийских, тюркских, монгольских этносов.

Тувинцы на современном этапе состоят из более чем 40 родов и до сих пор определяют себя по принадлежности к одному из этих подразделений. Например: на межгосударственном уровне тувинцы подразделяются на *Танды тывалары* (тувинцы Республики Тыва), *моол тывалары* (тувинцы Монголии) и *кыдат тывалары* (тувинцы Китая). Внутри самой республики деле-

ние идет по административному признаку: *тес-хемские, улуг-хемские, пий-хемские, барун-хемчикские, дзун-хемчикские, мон-гун-тайгинские, сут-хольские, чаа-хольские, бай-тайгинские, эрзинские, тоджинские, овюрские* и т. д. Соответственно *ценгэльские, хубсугульские, кобдинские* — это тувинцы, живущие в Монголии, *ханасовские, хомские, хабаские* — в Китайской Народной Республике. Родовая группа *монгуш* традиционно делилась на *кара-монгуш, ак-монгуш, адай-монгуш, улуг-монгуш*. В настоящее время в результате дробления зафиксированы такие подразделения, как *ыт-монгуш, иштии-монгуш, баян-тала монгуш, хорум-даг монгуш* и т. д. При этом в наименовании этнонима присутствуют цвета (*ак* 'белый', *кара* 'черный'), животный мир (*ыт* 'собака'), ареальное расселение (*баян-тала монгуш* 'монгуш сумона'¹ Баян-Тала).

На устойчивость родовой идентичности, прежде всего, указывает то, что каждый человек воспринимается как член конкретного рода, носитель его типичных черт, коллективных установок и ценностей. Род обозначается определенными символами-маркерами: родовая территория, включающая в себя родовые селения, охотничьи и пастбищные угодья, священные горы, реки, источники, деревья и духов-покровителей, оберегающих ее, а также это родовые шаманы, родовые знаки собственности на скот, знаки-печати представителей власти.

Специальные названия разных родов для каждого тувинца являются источником информации, необходимой для глубокого познания своей истории. Раньше тувинцы не произносили имя отца и матери, а указывали название родовой группы, к которой принадлежал отец.

Вот названия основных родовых или родоплеменных групп тувинцев на современном этапе: *Ак, Адыг-Тулуш, Монгуш, Ак-Монгуш, Кара-Монгуш, Бай-Кара, Бараан, Делег, Долаан, Донгак, Кара-Донгак, Сарыг-Донгак, Кара-Сал, Кол, Иргит, Куулар, Кужугет, Кыргыс, Кол, Маады, Ондар, Оюн, Оолет, Саая, Салчак, Сартыыл, Са-*

рыглар, Сат, Соян, Тумат, Тулуш, Хертек, Ховалыг, Хомушку, Чооду, Шалык, Ооржак.

Обязательно и необходимо было узнать о людях родственных групп, о том, где они живут и к какому кожууну принадлежат. Люди одного крупного рода различают иногда друг друга, называя себя по месту проживания, например *Донгаки, Чаатинские Донгаки, Чиргакинские Донгаки* и т. д.

У тувинцев есть такая поговорка: *Вместо смерти имени [чести], лучше умереть самому человеку*. С давних пор тувинцы с особым вниманием относились к имени человека. Каждому новорожденному давали особое, наиболее подходящее ему имя. Когда дети начинали понимать что-либо, родители подробно рассказывали им об именах всех своих родственников, однако учили, чтобы дети в любом возрасте прямо не называли имена родителей, родственников, почтенных людей из-за уважения к ним.

2. К историографии вопроса (вторая половина XIX в. – 20-е гг. XX в.)

Теперь обратим внимание на исследователей, которые акцентировали внимание на родовых группах Тувы. Начиная со второй половины XIX в. российская наука усиливает внимание на изучении тувинского этноса. Среди исследователей, побывавших в Урянхайском крае, были известные путешественники, лингвисты, этнографы, историки (в том числе и ссыльные поселенцы), которые создали первоначальный научный пласт знаний о тувинцах и их родоплеменном составе. Материалы таких ученых, как Г. Н. Потанина, Н. Ф. Катанова, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ф. Я. Кона, собирались в те времена, когда Урянхайский край входил в состав Цинской империи Китая [Потанин 1883; Катанов 2011; Яковлев 1900; Грумм-Гржимайло 1926; Кон 1936].

По административно-территориальному принципу Урянхайский край был разделен на *хошуны* («знамена»), управлявшиеся «князьями» — *нойонами*. В свою очередь хошуны делились на более мелкие единицы — *сумоны*, а те — на *арбаны* (десятидворки) [История Тувы 2001: 218].

Таким образом, в начале XX в. исследуемый край состоял из девяти хошунов: Хаазут, Тоджа, Салчак, Оюн, Хемчикский (Даа-хошун), Бээзи, Даа-вана (Маады) и Чооду, Нибазы, Шалык [Тюркские народы 2008: 23].

¹ Сомон (для современной Тувы используется написание *сумон*) также: *сум, суму, сумын* — наименьшая административно-территориальная единица в Республике Тыва (РФ), Монголии, а также Внутренней Монголии (КНР).

Благодаря исследователю-путешественнику Г. Н. Потанину, посетившему Урянхайский край во время экспедиций по Монголии (1876–1877, 1879 гг.), появляются первые сведения об административном и родовом делении тувинцев. Он отметил, что вся долина Хемчика занята самым большим урянхайским хошуном Бадзыр-огурды, и в нем насчитывалось 10 сумонов: два *Мангыша* (*Хара-мангыш* и, вероятно, *Ак* или *Сары мангыш*) (*монгуш*), два *Ховалыка* (*ховалыг*), *Андар* (*ондар*), *Сая* (*саая*), *Хомысчи* (*хомушчу*), *Ирхит* (*иргит*) и два *Арджаса* (*ооржас*) [Потанин 1883: 11]. Вместе с тем ученый одним из первых дал перечисление тувинских родов и сформулировал гипотезу о том, что в составе *сумона* мог находиться не только один, а несколько родов.

Ценные этнографические и фольклорные материалы о тувинцах собрал хакасский ученый Н. Ф. Катанов, который посетил Урянхайский край в 1889 г. Работая с информантами, он в обязательном порядке записывал, детализировал их данные — имя, возраст, принадлежность к роду (племени), зарисовывал *тамги* на лошадях, а также старался указывать место проживания своего собеседника, название сумона или местности. Среди его информантов было немало представителей рода *монгуш*. К примеру, он записал о своем информанте следующие сведения, «в 8 часов утра я зазвал к себе Тонгур-ола (комольи юноша), из племени Кара-Монгуш, ведомства Да-хошуна, управляемого кемчикским ухеридою (огурдою Дугаром). Тонгур-ол имеет от роду 45 лет» [Катанов 2011: 224]. При этом Николай Федорович обращает внимание на то, что родовая группа *монгуш* имеет несколько подразделений: *кара-монгуш*, *ак-монгуш* и *монгуш* Кол-сумына ухериды¹ Дугара [Катанов 2011: 281], которые проживали на берегу рек Ак-суг, Бом-Кемчик, Чыргакы, Кёпачик.

А. М. Африканов в своей работе «Урянхайская земля и ее обитатели» (1890 г.), описывая население, отметил, что роды *монгуш* живут в Бейсэ-хошуне, в сум (сумо-

нах)² *Мунгуш* — по р. Джакуль (Чаа-Холь) и р. Цаганаролу (Шаган-Арыг), а также *Кара-Мунгуш* — по рекам Семисуку и Ак-сугу (Ак-Суг) [Африканов 1890: 50–51].

Таким образом, уже в первых работах ученых, которые побывали с исследованиями в Урянхайском крае, можно найти упоминания о роде *монгуш*, его подразделениях, а, самое главное, географическое расселение рода, как видим, совпадает с современным местом его проживания: Дзун-Хемчикский, Сут-Хольский, Чаа-Хольский, Улуг-Хемский кожууны Республики Тыва.

В одной из известных работ Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности», которую по праву называют энциклопедией тюркских народов, в разделе «Урянхайцы» в составе хемчикского хошуна (района) автор отметил род *монгуш* и *кара монгуш*. Далее он уточняет, что сведения о роде *монгуш* встречаются у ферганских *кара-киргизов* в виде названия особого поколения, отождествляя их с *мунгулдур*, т. е. с монголами [Аристов 1896: 349–351].

В «Этнографическом обзоре инородческого населения долины Южного Енисея» (1900 г.) Е. К. Яковлева также есть упоминания о том, что в составе кемчикского хошуна отмечены сумоны *моньгуш*, *кара моньгуш* [Яковлев 1900: 18].

В 1903 и 1914 гг. в Урянхайском крае проводил свои исследования Г. Е. Грумм-Гржимайло. Он не поддержал гипотезу Н. А. Аристова о позднейшем происхождении монгушской ветви киргизского народа, образовавшейся из числа джагатаидских монголов, осевших в Тянь-шаньских горах [Аристов 1896: 396] и происхождении *монгуш* от этнонима *монгол*. «Одновременное существование этого рода среди урянхайцев и киргизов (в отделе *а дыгине*) указывает на то, что прежде, чем проникнуть в Тянь-шань, монголы должны были слиться с киргизами (бурутами) уже в пределах Алтайско-Саянского нагорья» [Грумм-Гржимайло 1926: 14]. Родовую группу *монгуш* он располагал на территории Хемчикского хошуна, по рекам Джакуль, Джадана и Кем-

¹ *Ухерида* (*угер-даа*, *угур-да*) — чиновник I класса, II ранга, правитель хошуна, непосредственно подчинявшийся амбын-нойону; должность считалась выборной, с последующим утверждением цзянцзюнем.

² Многие дореволюционные ученые в своих исследованиях сумоны упоминали как «сум», «суму» в виду того, что на тувинском языке данный термин произносится «суму».

чику, *кара-монгуш* — по бассейну р. Ак-Су [Грумм-Гржимайло 1926: 15].

В рукописи Е. А. Адамова «Урянхайский вопрос при Царском и Временном правительствах», в разделе «Наличность сойотского населения» даны сведения о Даа-хошуне, в составе которого имелось 10 сумо (сумонов) (*Хомушку*, *Сая*, *Монгуш*, *Кара Монгуш*, *Ииты Оржсек*, *Орджсек*, *Ондар*, *Хабалык*, *Ирхыт*, *Хавалык*) (см.: [Собрание 2014: 229]).

В протоколе переговоров представителей двух Хемчикских хошунов с русской делегацией от 25–26 июня 1921 г. дан список присутствующих. В нем находим сведения, что *Даа-хошуун* представлял гун-нойон Буян-Бадыргы; кроме того, сумон *Монгуш* представляли Нимажап-чайгырчы, Бадыргы-чайгырчы, Нурсат-чайгырчы, Тойдук-чайгырчы, Седен-чайгырчы; *Кара-Монгуш сумон* — Байысылан-чайгырчы, Сундуй-чайгырчы, Ачида-мээрэн; *Кедээ Ооржак сумон* — Баян-чангы, Чамыян-чайгырчы; *Биче-Ховалыг сумон* — Самба-Сюрюн-чалан, Торжу-чалан, Торжу-чангы; *Ондар сумон* — Мижит хунду, Санчаа-чалан; *Хомушку сумон* — Чымба-хунду; *Улуг-Ховалыг сумон* — Седен-чангы; *Улуг-Ооржак сумон* — Назыты-чайгырчы, Самдан-чангы [Собрание 2014: 415].

Судя по вышеуказанному документу, в 2 сумонах скорее всего представлена элита родовой группы *монгуш*, которая могла принимать участие в акциях политического масштаба.

3. Советская эпоха

Глубокое и системное исследование истории происхождения тувинских родов продолжилось и в советское время. В 1926 г. была организована первая этнографо-антропологическая экспедиция в Туву, организованная Советом народных комиссаров СССР. В работе экспедиции под руководством В. В. Бунака принимали участие А. И. Ярхо, М. Г. Левин, А. П. Преображенский, В. И. Белкина, О. Ф. Амосова.

Материалы об этой экспедиции раскрыл в своей статье С. И. Вайнштейн и дал следующие сведения о делении тувинских хошунов после реформы 1923 г. «Хемчик хошун 2-ой состоял из сумонов: 1 — Улуг-Мон-

гуш, 2 — Монгуш, 3 — Хомыш, 4 — Ооржак, 5 — Бичи-Ооржак, 6 — Улуг-Ховалыг, 7 — Бичи-Ховалыг, 8 — Кара-Монгуш, 9 — Ондар, 10 — Иргит, 11 — Сая, 12 — Хайракан» [Вайнштейн 1982: 173].

В результате исследований антрополога А. И. Ярхо выявлено, что по родовым группам (сумо) исследованные хошуны распределяются следующим образом: *монтуш* (*ах-монтуш*, *кара-монтуш*, *улук-монтуш*) — 35 человек [Ярхо 1947: 19].

Историк, тувиновед В. И. Дулов в своих исследованиях предоставил сведения о дислокации, численности и происхождении некоторых тувинских родов. В отношении рода *монгуш* он приводит демографические данные 1916 г., где указано, что данная родовая группа наиболее многочисленная: «в Ак-Монгуш-сумоне числилось 815 юрт, а в Кара-Монгуш — 187 юрт» [Дулов 1956: 131].

В свою очередь В. П. Ермолаев во время своих полевых работ нашел в первом 694 юрты, а во втором — 244 [Дулов 1956: 131]. Кроме того, В. И. Дулов отмечал и такой немаловажный факт, как взаимопомощь, тесные связи между родами, проживавшими на разных административных территориях. Например, *монгуши* по Чадыну снабжали хлебом *монгушей*, живших за Танну-ола (на Салчжуре). В обмен на хлеб сородичи получали соль, а также мясо, особенно мясо *тарбагана* (суслика) [Дулов 1956: 149].

В работе В. И. Дулова встречается интересный пример относительно родовых прав *монгуш*. В 1876 г. правителем Хемчикского хошуна назначили чиновника Базыра из рода Хомушку. «Такое назначение шло вразрез с установившейся традицией управления этим хошуном родовыми правителями самого многочисленного в хошуне рода Монгуш» [Дулов 1956: 280]. Узнав о нарушении своих прав, *монгуши* повели борьбу против нового угер-даа, отказывались платить налоги и отбывать другие повинности. В результате выступления в 1878 г. цинская администрация выполнила требования *монгушей* — сменила хошунного правителя Базыра и назначила вместо него Монгуша Дугара [Дулов 1956: 286]. Несомненно, этот факт показал силу и влияние родоплеменной группы *монгуш*.

Большой вклад в изучение истории, этнографии и археологии Тувы внесли материалы экспедиций Института этнографии АН СССР под руководством Л. П. Потапова. В 1969 г. ученый опубликовал свой фундаментальный труд, посвященный этнографии и истории тувинцев [Потапов 1969]. На основании полевых материалов, собранных в местах проживания *монгуш*, он отмечал, что *ак-монгуш* еще в начале нашего столетия кочевали по р. Аянгаты (в бассейне правобережья верхнего течения Хемчика). По р. Тас-Булун (так называется рукав р. Ак в Сут-Хольском районе) находились *улуг-монгуш*, которые считали себя кровными родственниками с *ак-монгуш* и *кара-монгуш* [Потапов 1969: 75].

В начале 50-х г. XX в. на территории Тувы проводились полевые работы этнографического отряда комплексной Саяно-Алтайской экспедиции, начальником которого была назначена Е. Д. Прокофьева. В ходе такой комплексной работы материалы, собранные учеными, легли в основу монографии «Процесс национальной консолидации тувинцев», которая была издана лишь в 2011 г. [Прокофьева 2011].

В данной работе представлены интересные сведения о роде *монгуш*, которые мы не встречали у других авторов. Так, в одном комментарии о наименованиях хошунов Е. Д. Прокофьева отмечает, что Даа-хошун тувинцы называли «Алды» *хошун* (нижний) или *Монгуш хошун* [Прокофьева 2011: 56]. Кроме того, из экспедиционных материалов Е. Д. Прокофьевой узнаем, что тувинцы пожилого возраста рассказывали: сумон *Монгуш* был в Кемчикском хошуне (Да-хошуне) и считался «самым почетным». Из этого рода выбирали обычно чиновников [Прокофьева 2011: 115].

В 1968 г. на основе разработанной методики Н. А. Сердобова был проведен сбор материалов о родоплеменных группах практически во всех сельских советах Тувинской АССР. Эта кропотливая и трудная работа позволила рассмотреть процессы внутренней миграции носителей этнонимов, трансформации родоплеменных общностей

в советское время. Результаты анализа были опубликованы в статье Н. А. Сердобова «Современное расселение носителей тувинских этнонимов» [Сердобов 1970].

В 1971 г. итогом исследовательских работ Н. А. Сердобова послужил выпуск монографии «История формирования тувинской нации», в которой рассматривались вопросы формирования тувинской нации [Сердобов 1971].

Результаты исследований ученого показали, что из 24 449 обследованных семей самой большой по численности родоплеменной группой оказался род *монгуш*, который составил 3 667 семей [Сердобов 1970: 79]. При этом представители рода *монгуш* проживали в следующих районах: Дзун-Хемчикский (1 322 чел.), Барун-Хемчикский (955 чел.), Улуг-Хемский (716 чел.), Овюрский (305 чел.), т. е. это западная и частично центральная территории Тувы. В Бай-Тайгинском кожууне насчитывалось 67 хозяйств, в Тандинском — 107, Тес-Хемском — 21, Эрзинском — 6, Тоджинском — 9, Каа-Хемском — 26, Пий-Хемском — 42 и Шынаа — 4 [Сердобов 1970: 79–80]. Ученый пришел к выводу, что основным местом расселения рода *монгуш*, как в настоящее, так и в более отдаленные времена, является долина рек Хемчика и Ака (в одном Акском сельсовете Барун-Хемчикского района расселено 18 % всех рода *монгуш*) [Сердобов 1970: 80].

С. М. Биче-оол в 1974 г. защитила диссертацию по теме «Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве» [Биче-оол 1974]. Данный исследовательский труд в виде монографии вышел в свет в 2018 г. [Биче-оол 2018]. В ее работе рассматриваются традиционные формы брака и семьи у тувинцев, свадебная обрядность, термины родства, а также трансформация свадьбы в советское время. Для нас ценными сведениями являются собранные полевые материалы С. М. Биче-оол, раскрывающие экзогамию и эндогамию в родовых группах, в том числе и *монгуш*.

Родовая группа	Мужчины брали жен из следующих родов	Женщин выдавали замуж в следующие роды
Монгуш:		
а) Хондергейские монгуш	а) Монгуш, Ондар, Куулар	а) Монгуш, Ондар, Куулар
б) Улуг-Хондергейские монгуш	б) Аныяк-Хондергей, Чаш-Теректинские монгуш	б) Аныяк-Хондергейским и Чаш-Теректинским монгуш
в) Овюрские монгуш	в) Дзун-Хемчикских монгуш, Тюлюш, Сат, Кара-Саая	в) Дзун-Хемчикским монгуш, Кара-Сал
г) Аксы-Барлыкские монгуш	г) Хемчикских монгуш, Ондар, Куулар, Хертек	г) Ондар, Куулар, Хертек, Монгуш

Проведя сравнительный анализ по собранным материалам, относящимся к алтайцам и хакасам, С. М. Биче-оол приходит к выводу, что, возможно, параллельно бытованию экзогамных норм брака у тувинцев существовал и эндогамный брак в таких родовых группах, как *оюн*, *монгуш*, *кыргыз*, *ооржак*, *хертек*, которые в прошлом, видимо, были крупными племенными подразделениями [Биче-оол 2018: 18–19].

4. Современная эпоха

Тувинский историк и археолог М. Х. Маннай-оол в своей монографии «Тувинцы: Происхождение и формирование этноса» акцентировал на том, что родовая группа монгуш по численности всегда превышала другие группы [Маннай-оол 2004: 85]. Исследователь полагал, что ученые необоснованно связывают этноним *монгуш* с монголами [Маннай-оол 2004: 85].

Что касается работ, связанных с изучением происхождения этнонима *монгуш*, то здесь следует отметить статью Б. И. Татаринцева «Проблемы изучения тувинской этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения)» [Татаринцев 2009]. Так, он пишет, что в случае «*моңгуш* – *моңгол*» практически исключено монгольское заимствование, поскольку, в частности, переход [л] > [ш] для монголизмов тувинского языка не характерен, в нем *моңгол* вполне закономерно предстает в виде *моол*» [Татаринцев 2009: 180]. Считая, что данный этноним имеет тюркскую основу, Б. И. Татаринцев приводит в пример киргизский этноним *муңгуш*, являющийся названием племени, «ветви» правого крыла киргизских племен, а также название и одного из башкирских родов — *мунаш* [Татаринцев 2009: 180].

В 2022 г. была проведена комплексная экспедиция совместно с тувинскими

и киргизскими учеными на юге Республики Кыргызстан (в Ферганской долине, в Алайском районе Ошской области, где компактно проживают представители рода *мунгуш*) и западной Туве (в Дзун-Хемчикском и Сут-Хольском районах). Целью экспедиции являлось исследование родов, в том числе киргизского *мунгуш* и тувинского *монгуш*. В результате экспедиционных работ в Кыргызстане выяснилось, что, согласно легендам, киргизские *мунгуши* ведут свое начало от праотца киргизов Долон-бия, у которого было три сына и одна дочь. Старшим сыном был Адыгине, затем Тагай, младшим — Мунгуш, и дочь Наалы. У Мунгуша было два сына: Жагалмай и Кош-тамга, у которых было по шесть сыновей. Таким образом, племя *мунгуш* состояло из 12 родов. Каждый год аксакалы из аулов, где проживают мунгуши, собираются на курултае — *Муңгуш уруусунуң ын-тымак тою* ‘Церемония примирения племени Мунгуш’, являющемся очень важной формой сохранения родовой и племенной идентичности. Участники экспедиции удостоверились, что самое большое количество мунгушей проживают в Кыргызстане. Отметим, что как в Киргизии, так и в Туве информанты — представители рода *монгуш* и *мунгуш* — объясняли этимологию этнонимов с помощью терминов с одинаковым значением. По одной из версий киргизов, *мунгуш* происходит от *мун* ‘печаль’, или ‘тысяча птиц’, или ‘тысяча крыльев птиц’, и *куш* ‘птица-сокол, жагалмай-дербник’. По другой версии — *мунгуш* ‘тысяча’, возможно, «объединенная сила» или «единая сила». По версии тувинцев, *монгуш* происходит от слияния двух слов *мун* ‘тысяча’ и *куш* ‘птица’, или *мун* ‘тысяча / объединенная’ и *куч* ‘сила’, т. е. ‘объединенная сила’.

5. Заключение

Анализ имеющихся данных по данной теме источников и литературы показал, что родовая группа монгуш в своей этнической истории испокон веков имела родовые места проживания, ныне проживая в таких кожуунах Республики Тыва, как Дзун-Хемчикский, Сут-Хольский, Чаа-Хольский, Барун-Хемчикский и Овюрский. На современном этапе в каждом кожууне Тувы можно

встретить представителя рода монгуш. Судя по источникам, она считалась одной из самых больших по численности родоплеменных групп тувинцев. Внутри род монгуш имел свои подразделения, которые в свою очередь также делятся а) по цветовой символике как *ак* 'белый', *кара* 'черный'; б) по географическому месту проживания; в) по тотемному животному рода *ыт монгуш* (собака монгуш).

Литература

- Аристов 1896 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Императорского русского географического общества / под ред. В. И. Ламанского. Вып. III–IV. Год шестой. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1896. С. 277–456.
- Африканов 1890 — *Африканов А. М.* Урянхайская земля и ее обитатели // Известия Восточно-Сибирского Императорского русского географического общества. Т. XXI. № 5. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. С. 34–52.
- Биче-оол 1974 — *Биче-оол С. М.* Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 20 с.
- Биче-оол 2018 — *Биче-оол С. М.* Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан: Журналист, 2018. 128 с.
- Вайнштейн 1982 — *Вайнштейн С. И.* Первая советская этнографо-антропологическая экспедиция в Туву // Очерки истории русской этнографии, антропологии и фольклористики. Вып. 9 / отв. ред. Р. С. Липец. М.: Наука, 1982. С. 162–185.
- Грумм-Гржимайло 1926 — Западная Монголия и Урянхайский край / сост. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Т. 2. Антропологический и этнографический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Издание Государственного Русского Географического общества, 1926. 858 с.
- Дулов 1956 — *Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М.: АН СССР, 1956. 607 с.
- История Тувы 2001 — История Тувы: в 2 тт. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.
- Катанов 2011 — *Катанов Н. Ф.* Очерки Урянхайской земли: Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Журналист, 2011. 383 с.
- Кон 1936 — *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. 2-е изд. Т. 3–4 / отв. ред. М. Чечановский. М.: Сов. писатель, 1936. 356 с. [электронный ресурс] // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005139953#?page=1> (дата обращения: 20.07.2020).
- Собрание 2014 — Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем — Тувой (к 100-летию исторического события) / сост. Т. А. Бондаренко и др. Кызыл: ТИГИ, 2014. 479 с.
- Маннай-оол 2004 — *Маннай-оол М. Х.* Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Тип. В. Киришабаума, 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Этнический состав и расселение тувинцев в XIX и начале XX в. // Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. С. 43–78.
- Прокофьева 2011 — *Прокофьева Е. Д.* Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб.: Наука, 2011. 538 с.
- Сердобов 1970 — *Сердобов Н. А.* Современное расселение носителей тувинских этнонимов // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Кызыл: Тип. управления по печати при СМ ТувАССР, 1970. Вып. XIV. С. 66–107.
- Сердобов 1971 — *Сердобов Н. А.* История формирования тувинской нации / отв. ред.

- Л. П. Потапов. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1971. 482 с.
- Татаринцев 2009 — *Татаринцев Б. И.* Проблемы изучения тувинской этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения) // *Избранные научные труды*. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 169–192.
- Тюркские народы 2008 — *Тюркские народы Восточной Сибири* / отв. ред.: Д. А. Функ, Н. А. Алексеев; сост. Д. А. Функ. М.: Наука, 2008. 422 с.
- Ярхо 1947 — *Ярхо А. И.* Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан: Хакасское обл. нац. изд-во, 1947. 148 с.
- Яковлев 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.
- References**
- Afrikanov A. M. Uriankhai land and its inhabitants. 1890. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. XXI. No. 5. Pp. 34–52. (In Russ.)
- Aristov N. A. Notes on ethnic compositions of Turkic tribes and groups [supplemented] with their population numbers. *Zhivaya starina*. 1896. Vol. 6. No. 3–4. Pp. 277–456. (In Russ.)
- Biche-ool S. M. Traditional Matrimonial Relations of Tuvans and Their Transformation Driven by Socialist Reforms in Tuva. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Leningrad, 1974. 20 p. (In Russ.)
- Biche-ool S. M. Traditional Matrimonial Relations of Tuvans and Their Transformation during the Soviet Era. Abakan: Zhurnalists, 2018. 128 p. (In Russ.)
- Bondarenko T. A. et al. (comps.) Collected Archival Documents on Russia's Protectorate over Uriankhai Krai – Tuva (Celebrating the Centenary). Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute, 2014. 479 p. (In Russ.)
- Dulov V.I. Socioeconomic History of Tuva: 19th to Early 20th Century. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 607 p. (In Russ.)
- Funk D. A. (comp.) Turkic Peoples of Eastern Siberia. D. Funk, N. Alekseev (eds.). Moscow: Nauka, 2008. 422 p. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. Ye. (comp.) Western Mongolia and Uriankhai Krai. Vol. 2: Essay on the Anthropology and Ethnography of These Territories in Relation to Central Asian History. Leningrad: State Russian Geographical Society, 1926. 858 p. (In Russ.)
- Katanov N.F. Essays on Uriankhai Land: Diary of the Journey Undertaken in 1889 on Instructions from the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society. K. Bicheldey (ed.). Kyzyl: Zhurnalists, 2011. 383 p. (In Russ.)
- Kon F. Ya. Over the Fifty Years. 2nd ed. Vols. 3–4. M. Chechanovsky (ed.). Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1936. 356 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005139953#?page=1> (accessed: 20 July 2020). (In Russ.)
- Mannay-ool M. Kh. Tuvans: Origins and Ethnogenesis. Novosibirsk: Nauka, 2004. 166 p. (In Russ.)
- Potantin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: Outcomes of the Journey Undertaken in 1879 on Instructions from the Imperial Russian Geographical Society. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883. Vol. 4: Ethnographic Materials. 1026 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. Tuvans, 19th to early 20th century: Ethnic composition and inhabited areas. In: Potapov L. P. Essays on Household Life of Tuvans. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 43–78. (In Russ.)
- Prokofyeva E.D. Tuvans: The Process of Ethnic Consolidation. St. Petersburg: Nauka, 2011. 538 p. (In Russ.)
- Serdobov N. A. Bearers of Tuvan ethnonyms and their present-day [geographical] distribution. In: Scholarly Notes [Tuvan Institute of Language, History and Literature]. Kyzyl: Tuvan ASSR Council of Ministers (Print Media Dept.), 1970. Vol. 14. Pp. 66–107. (In Russ.)
- Serdobov N. A. The Shaping of the Tuvan Nation: A History. L. Potapov (ed.). Kyzyl: Tuva Book Publ., 1971. 482 p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Research problems in Tuvan ethnonymy: Analyzing some supposedly Mongolian-derived ethnonyms. In: Selected Scholarly Works. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2009. Pp. 169–192. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. First Soviet ethnographical and anthropological expedition to Tuva. In: Lipets R. S. (ed.) Ethnography, Anthropology and Folklore Studies in Russia: Historical Essays. Vol. 9. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 162–185. (In Russ.)
- Vainshtein S. I., Mannay-ool M. Kh. (eds.) History of Tuva. In 2 vols. Vol. 1. 2nd ed., rev. & suppl. Novosibirsk: Nauka, 2001. 367 p. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. Non-Russian Population of the Southern Yenisei Valley: An Ethnographic Review and the Museum's Explanatory Catalogue (Ethnography Dept.). Minusinsk: V. Kornakov, 1900. 357 p. (In Russ.)
- Yarkho A.I. Altai-Sayan Turks. An Anthropological Essay. Abakan: Khakass Oblast Publ. House, 1947. 148 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 3, Pp. 584–601, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 323.15

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-584-601

Социокультурная ситуация в селах Провиденского городского округа Чукотки глазами их жителей по полевым материалам 2021 г. Часть 1

Оксана Петровна Коломиец¹, Надежда Ивановна Вуквукай²

¹ Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения РАН (д. 15, ул. Энергетиков, 689000 Анадырь, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0027-7539. E-mail: [okkolo\[at\]mail.ru](mailto:okkolo[at]mail.ru)

² Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения РАН (д. 15, ул. Энергетиков, 689000 Анадырь, Российская Федерация)
старший инженер

 0009-0009-4057-079X. E-mail: [kerker\[at\]inbox.ru](mailto:kerker[at]inbox.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Коломиец О. П., Вуквукай Н. И., 2023

Аннотация. *Введение.* Чукотка была и остается особым регионом в силу отдаленности, малодоступности и этнокультурной самобытности. Помимо общих закономерностей политического, экономического, социального и культурного развития современного государства и его северных территорий, в Чукотском автономном округе сохраняется ярко выраженная региональная специфика, которая проявляется во всех сферах жизни. В настоящей работе представлена оценка современной социокультурной ситуации сельскими жителями Провиденского городского округа Чукотского автономного округа. *Цель* статьи — представление мнения населения о жизни в селах, о том, в каких сферах общественной жизни они видят дальнейшие перспективы для развития, какие проблемы, противоречия и угрозы обозначают. *Материалы и методы.* Основные источники работы — полевые материалы, собранные в п. г. т. Провидения, селах Энмелен, Нунлигран, Сиреники, Новое Чаплино, Янракинот в 2021 г., а также публикации, характеризующие социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Чукотки. В первой части статьи сделан обзор научной литературы по итогам экспедиций в Провиденский район, дано краткое описание традиционных занятий сельских жителей, охарактеризована социокультурная ситуация в селах Энмелен, Сиреники, Нунлигран. Во второй части статьи представлена социокультурная ситуация в селах Новое Чаплино и Янракинот. *Выводы.* Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2020 г., в Провиденском городском округе проживает 3 707 чел., из них городское население — 2 140 чел., сельское население — 1 567 чел. Около половины жителей района — чукчи (36,7 %) и эскимосы.

сы (19,1 %). За десять лет выросло население только в двух населенных пунктах: в п. г. т. Провиденция и селе Новое Чаплино. Основные причины оттока населения из сел: низкий уровень жизни; изношенность жилищного фонда; неразвитость сельской инфраструктуры; низкое качество образования, медицинских услуг; нехватка и отсутствие рабочих мест; низкий уровень заработной платы в селах; изолированность и, как следствие, невозможность проведения полноценного досуга. Все опрошенные жители отмечали важность существования морского зверобойного промысла как основы современной жизни в селах. Представители старшего поколения надеются на развитие оленеводства и сопутствующих отраслей хозяйства. Языковая ситуация характеризуется практически полным вытеснением родных языков из употребления в семье и в быту.

Ключевые слова: Чукотский автономный округ, Провиденский городской округ, коренные жители, социокультурная ситуация, сельское население, традиционное хозяйство, социальные проблемы

Благодарность. Работа выполнена при частичной поддержке НОЦ «Север: территория устойчивого развития» (технологический проект № 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России», подпроект «Коренные малочисленные народы Северо-Востока Российской Федерации в условиях глобальных вызовов XXI века: ГИС-технологии в оценке потенциала устойчивости системы жизнеобеспечения и этнических культур»).

Для цитирования: Коломиец О. П., Вуквукай Н. И. Социокультурная ситуация в селах Провиденского городского округа Чукотки глазами их жителей по полевым материалам 2021 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 584–601. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-584-601

Sociocultural Situation in Villages of Providensky Urban Okrug (Chukotka) through the Eyes of Their Residents: Analyzing Field Materials of 2021. Part One

Oksana P. Kolomiets¹, Nadezhda I. Vukvukai²

¹ Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of the RAS (15, Energetikov St, 689000 Anadyr, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-0027-7539. E-mail: okkolo[at]mail.ru

² Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of the RAS (15, Energetikov St, 689000 Anadyr, Russian Federation)

Senior Engineer

 0009-0009-4057-079X. E-mail: kerker[at]inbox.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Kolomiets O. P., Vukvukai N. I., 2023

Abstract. Introduction. Due to remoteness, limited accessibility and ethnocultural uniqueness, Chukotka used to be — and still is — a particular region of Russia. In Chukotka Autonomous Okrug, the nationwide and specifically ‘northern’ political, economic, social and cultural processes are paralleled by vivid local specifics manifested in all life spheres. The work introduces accounts of the current sociocultural situation articulated by rural residents of Providensky Urban Okrug. *Goals.* The paper aims to deliver native inhabitants’ opinions on village life, including which realms of social agenda they tend to view as promising, their actual challenges, controversies, and threats. *Materials and methods.* The study focuses on field materials collected in the town of Provideniya, villages of Enmelen, Nunligran, Sireniki, Novoye Chaplino, and Yanrakynnot in 2021. Special attention is paid to publications characterizing the socioeconomic situation of Chukotka’s indigenous peoples. Part One of the article reviews publications summarizing results of expeditions to Providensky District, briefly describes traditional occupations of rural dwellers, characterizes the sociocultural situation in

the villages of Enmelen, Sireniki and Nunligran. Part Two shall deal with the sociocultural situation in the villages of Novoye Chaplino and Yanrakynnot. *Conclusions.* According to the Russian Census of 2020, the population of Providensky Urban Okrug is 3,707 people, of which 2,140 live in urban areas and 1,567 — in rural ones. About half of the residents are ethnic Chukchis (36.7%) and Eskimos (Siberian Yupiks; 19,1 %). The last ten years have witnessed a minor population growth only in two settlements — town of Provideniya and village of Novoye Chaplino. The main reasons of rural depopulation are low living standards, deterioration of housing facilities, underdevelopment of rural infrastructure, poor educational and medical services, under- and unemployment, low wages, isolation and limited leisure time opportunities. All the interviewed residents stress the importance of sea-hunting industry as a basis of present-day life in the villages. Elders still hope for further development of reindeer breeding and related sectors. The language situation is characterized by a virtually complete displacement of native languages in family and everyday communicative practices.

Keywords: Chukotka Autonomous Okrug, Providensky District, native inhabitants, sociocultural situation, rural population, traditional economy, social problems

Acknowledgements. The reported study was co-funded by Research and Education Center ‘North: The Territory of Sustainable Development’ (technological project no. 9 ‘Technological Support for Social Stability of Multiethnic Communities in Russia’s Northeast’; subproject ‘Indigenous Peoples of Russia’s Northeast in the Context of Global 21st-Century Challenges: GIS Technologies to Assess Sustainability Potentials of the Life Support System and Ethnic Cultures’).

For citation: Kolomiets O. P., Vukvukai N. I. Sociocultural Situation in Villages of Providensky Urban Okrug (Chukotka) through the Eyes of Their Residents: Analyzing Field Materials of 2021. Part One. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 584–601. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-584-601

1. Введение

В статье рассмотрена и охарактеризована текущая социокультурная ситуация в Providensком городском округе (ГО) Чукотского автономного округа (ЧАО), дана оценка происходящих изменений самими жителями (преимущественно из числа коренных жителей Чукотки), представлено мнение населения о том, в каких сферах общественной жизни они видят дальнейшие перспективы для развития, какие проблемы, противоречия и угрозы отмечают. В первой части статьи приведен обзор научной литературы по итогам экспедиций в Providенский район, дано краткое описание традиционных занятий сельских жителей, охарактеризована социокультурная ситуация в селах Энмелен, Сиреники, Нунлигран. Во второй части будет представлена социокультурная ситуация в селах Новое Чаплино и Янракыннот.

Обозначенные в статье проблемы под разными ракурсами освещались этнографами, социологами и антропологами разных поколений. Особый интерес представляют опубликованные Институтом этнологии и антропологии РАН в 2004–2007 гг. доклад-

ные записки сотрудников, составленные по итогам этнографических экспедиций в период с 1954 по 1994 гг. В них содержались сведения о характере расселения коренного населения, о демографической картине, об экономическом состоянии колхозов, о материальном положении колхозников, включая их заработки, жилищные условия, питание, а также обеспеченность одеждой. В них были также описаны культура и быт, уровень образования и здравоохранения [Головнев, Данилова 2021: 134–136].

Несколько аналитических публикаций были подготовлены по итогам поездок на Чукотку, в том числе в Providенский район [Гурвич 2006б: 355–372; Гурвич 2006а: 116–118; Афанасьева и др. 2006: 22–68; Афанасьева, Симченко 2006: 69–104; Лебедев 2006а: 139–148; Лебедев 2006б: 205–219; Лебедев 2006в: 243–261].

Характеристика культурно-бытового уклада коренных жителей Providенского района в 70–80-х гг. XX в. представлена в статье И. С. Гурвича [Гурвич 1985: 146–147]. Этнодемографический анализ населения Нунлигрana и Энмелена дан в работе Ю. Б. Симченко и В. В. Лебедева [Симчен-

ко, Лебедев 1985: 171–174]; этнолингвистическая ситуация у азиатских эскимосов описана И. И. Крупником и М. А. Членовым [Крупник, Членов 1979]; динамика этнической структуры населения Провиденского района в 1959–1989 гг. изучена А. Н. Пилясовым [Пилясов 1992: 76, 85].

В 1990–2000-х гг. выходили работы ученых, в которых затрагивались отдельные аспекты современной жизнедеятельности коренных жителей Чукотки, освещались проблемы, с которыми сталкивалось население в новой политической и экономической реальности [Вахтин 1993; Основы 2007; Наши льды 2013; Нувано 2021; Давыдов, Давыдова 2021; Коломиец 2022]. Особо отметим публикации, освещающие проблемы сохранения и трансляции традиционных знаний и языка коренными жителями Восточной Чукотки [Север 2012; Опарин 2013; Яценко 2016; Прикладная этнология 2020].

2. Материалы и методы

Все вышеупомянутые работы являются источниками, «отправной точкой» для понимания и анализа текущей социокультурной ситуации в селах Провиденского ГО ЧАО.

В качестве объекта исследования выбраны села Провиденского ГО ЧАО. Основные источники работы — полевые материалы, собранные в п. г. т. Провидения, селах Энмелен, Нунлигран, Сиреники, Новое Чаплино, Янракинот в 2021 г., а также публикации, характеризующие социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Чукотки (КМНЧ).

Основные методы, используемые авторами при сборе материалов, — включенное наблюдение и интервьюирование. По обозначенной тематике авторами было собрано

24 интервью. При работе со статистическими материалами и литературой были применены общенаучные методы систематизации, синтеза и анализа.

3. Краткая характеристика сел Провиденского ГО

Провиденский район был образован указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 апреля 1957 г. путем выделения части территории из Чукотского района в составе Чукотского национального округа Магаданской области. Населенный пункт Провидения (до этого рабочий поселок) стал поселком городского типа. В состав Провиденского района из Чукотского были включены территории Провиденского поселкового совета, Энмеленского, Нунлигранского, Сирениковского, Чаплинского, Янракинотского сельсоветов, которые в настоящее время являются сельскими населенными пунктами (селами), входящими в состав Провиденского городского округа. К территории административного образования относится группа островов, лежащих у юго-восточного побережья Берингова моря: о. Аракамчечен, о. Итыгран, о. Нунэанган, о. Кынкай, о. Мернинкан и о. Ачинкинкан. Главной особенностью политико-географического положения Провиденского ГО является нахождение в непосредственной близости от территории США [Чукотка 2009: 450].

Согласно итогам Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020 г., в городском округе Провидения проживает 3 707 чел., из них городское население — 2 140 чел., сельское население — 1 567 чел. (см. табл. 1) [ВПН 2020]. Около половины населения Провиденского ГО — чукчи (36,7 %) и эскимосы (19,1 %).

Таблица 1. Численность населения городского округа Провидения по итогам ВПН 2010 и 2020 гг. *

[Table 1. Population numbers across the urban district of Provideniya according the Russian Censuses of 2010 and 2020]

Населенный пункт	Количество жителей, чел.		из них мужчин				из них женщин			
			2010 г.		2020 г.		2010 г.		2020 г.	
	2010 г.	2020 г.	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
пгт Провидения	1 970	2 140	958	48,6	1 027	48	1 012	51,4	1 113	52

* Сост. авторами по: [Основные итоги 2012: 11; Численность 2022: 22–23].

село Энмелен	367	281	188	51,2	138	49,1	179	48,8	143	50,9
село Нунлигран	360	295	191	53,1	145	49,2	169	46,9	150	50,8
село Сиреники	469	325	239	51	171	52,6	230	49	154	47,4
село Новое Чаплино	419	425	206	49,2	204	48	213	50,8	221	52
село Янракыннот	338	241	185	54,7	138	57,3	153	45,3	103	42,7

Из таблицы мы видим, что за десять лет выросло население только в двух населенных пунктах: в п. г. т. Провидения и селе Новое Чаплино. В целом количество жителей в Провиденском ГО сократилось с 3 923 чел. в 2010 г. до 3 707 чел. в 2020 г. К основным причинам оттока населения из сел относятся низкий общий уровень качества жизни, недостаточный уровень медицинской помощи и образовательных услуг, изношенность сельской инфраструктуры, нехватка или вовсе отсутствие рабочих мест; а также низкий уровень заработной платы в селах и невозможностью проведения полноценного досуга. Сельские жители из числа КМНЧ чаще всего переезжают либо в п. г. т. Провидения, либо в окружной центр — г. Анадырь, замещая приезжее население, как правило, выезжающее в центральные районы страны.

4. Основа современной экономики сел — оленеводство и морской зверобойный промысел

Важнейшие сельскохозяйственные отрасли на Чукотке — оленеводство и морской зверобойный промысел. Данные виды хозяйственной деятельности выполняют задачу сохранения и развития этнической культуры коренных народов Чукотки, в полной мере удовлетворяют потребности населения в традиционных продуктах питания.

В советский период в Провиденском районе выпасали стада 11 оленеводческих бригад совхозов «Заря коммунизма» (Янракыннот), «Ударник» (Сиреники), «Маяк коммунизма» (Нунлигран, Энмелен). Поголовье каждой бригады насчитывало 2–3 тыс. оленей. Численность общего стада колебалась в пределах 17–23 тыс. животных. За каждой бригадой был закреплен вездеход, перевалбаза, маршруты и балки на них. Регулярно завозились уголь, горюче-смазочные материалы (далее — ГСМ), стройматериалы.

В 1990-е гг. произошел развал системы оленеводства, и к 2000 г. в районе оста-

лась лишь одна бригада, которую сохранили заслуженные оленеводы В. Туккай и А. Тевлягиргин. В 2014 г. в сельскохозяйственном предприятии «Корат» действовали 2 оленеводческие бригады. Общее стадо насчитывало 3 000 оленей. В бригадах трудились 20 человек, 7 из которых были женщины-чумработницы. В 2017 г. поголовье оленей составляло 2 719 голов [Олени 2019: 342, 343, 372].

В последующие годы оленепоголовье также сокращалось: в 2019 г. — 2 347 оленей, в 2020 г. — 2 161, в 2022 г. — 1 923 [Информация 2021: 12; Состояние 2022: 2].

В настоящее время муниципальное сельскохозяйственное предприятие «Корат» занимает 11-е место из 14 в рейтинге оленеводческих предприятий по уровню эффективности производства [Состояние 2022: 7]. Сейчас на Чукотке в оленеводстве трудятся 602 чел. в 68 бригадах. По нормам нагрузки и по штатному расписанию этих бригад должно быть на 18 меньше. Количество оленеводов на Чукотке ежегодно сокращается в среднем на 2 %. Работники уходят на более высокооплачиваемую работу, покидают отрасль по здоровью и возрасту, а молодежь в профессию идет неохотно. При этом уровень государственного финансирования отрасли за последние семь лет вырос в 2 раза. В 2022 г. оленеводы получили поддержку в размере 1,2 млрд руб. Более 100 млн из них — это федеральные деньги, которые идут на закупку ГСМ и запчастей, спецодежды. Средняя зарплата оленеводов Чукотки за год выросла на 15 %, сейчас она составляет 69,7 тысяч рублей [Депсельхоз 2023].

Морской промысел был и остается одним из основополагающих элементов этнической экономики Чукотки. Жизнеобеспечение эскимосов и береговых чукчей неразрывно связано с охотой на китов, моржей и других морских млекопитающих. Именно из числа морских охотников было создано первое на Чукотке частное предприятие коренных жителей [Прибыль 2021: 27]. Сим-

волично, что возрождение традиционного китобойного промысла в начале 1990-х гг. связано с селами Провиденского района.

Прибрежные села Берингова и Чукотского моря являются местом, где ведется морской зверобойный промысел, которым занимаются 230 охотников, трудящихся в девяти общинах. Ежегодно добывается до 4,5 тыс. голов морских млекопитающих, с учетом выделяемой Международной китобойной комиссией квоты на добычу 135 серых и 5 гренландских китов. Произведенная охотниками продукция реализуется в 15 прибрежных селах округа. В 2021 г. на развитие морского зверобойного промысла в регионе было выделено значительное финансирование из бюджета — 326,4 млн руб., в 2022 г. поддержка составила в пределах 360 млн руб. Департамент сельского хозяйства и продовольствия ЧАО ожидает ответа от Минсельхоза РФ на предложение включить продукцию морского зверобойного промысла в перечень видов сельскохозяйственной продукции. Это позволит получить отрасли финансовую поддержку из федерального бюджета. Для включения в список были предложены следующие виды продукции морского промысла: мясо и субпродукты, жиры и масло, поделочные кости, эндокринно-ферментативное сырье и невыделанные шкуры животных.

Обеспечение деятельности общин осуществляется за счет региональных субсидий, выделяемых для оплаты труда охотников, приобретения ГСМ и боеприпасов. Вместе с тем необходимо дополнительное финансирование из федерального бюджета. Средства пойдут на развитие береговой инфраструктуры, повышение жизненного уровня промысловиков. Получение статуса сельскохозяйственной продукции позволит решить задачи приобретения техники для территориально-соседских общин (ТСО), в том числе тракторов, лебедок, лодок для морских охотников, развития перерабатывающих производств [Сибирякова 2022: 6].

В Провиденском ГО самое большое число ТСО — 6: ТСО КМНС «Нунлигран», ТСО КМНС «Сиреники», ТСО КМНС «Чаплино», ТСО КМНС «Энмелен», ТСО КМНС «Янракиннот», ТСО КМНС «Ан'кы» («Берег»). Коренные жители не только добывают моржей и других мелких ластоногих в

рамках квот, выделяемых общинам, но и занимаются этим в частном порядке, используя свои собственные ресурсы.

В последние годы общины стали продавать большую часть добытого моржа жителям села, чтобы компенсировать затраты на его добычу, раньше же оно распределялось безвозмездно. По этой причине многие местные жители стали предпочитать самостоятельную добычу животных, пусть даже и дешевому мясу общин. Наблюдения показывают, что доля бесплатно распределяемого моржового мяса составляет около 60 % от добытого в ТСО. Стоимость мяса морского зверя определяют сами общины. Но низкая покупательская способность сельского населения «держит» цену в пределах 70–150 руб. за кг [Прибыль 2021: 37–39]. Например, в прейскуранте возможных цен реализации продукции ТСО КМНС «Сиреники» мясо кита стоит 250 руб. за кг; мантак¹ — 200 руб. за кг; мясо морского зверя — 120–160 руб. за кг; кымгыт-юпальхен² — 150–180 руб. за кг; жир-сырец — 120 руб. за кг [Прейскурант 2021].

5. Характеристика социокультурной ситуации жителями сел

5.1. Энмелен

Самое удаленное от районного центра поселение — Энмелен (чук. *энымылъын* ‘скалистый’). В настоящее время в селе зарегистрированы 361 чел., фактически проживают 252 чел. (124 мужчины, 128 женщин, более 90 % — чукчи). Жители занимаются морским зверобойным промыслом (добычей моржа, серого кита, мелких ластоногих), рыболовством, собирательством. Оленеводство и клеточное звероводство в 1990-е гг. пришло в полный упадок.

Рассказывает житель с. Энмелен: «В селе бюджетные организации: школа, ДК, ФАП. В сфере торговли два магазина, один государственный, один филиал коммерческого магазина Провиденского предпринимателя Чуклинова Алексея, община территориальная соседская (23 человека), сфера услуг: Коммунхоз, ЖКХ (30 чел.). На учете безработных колеблется от 3 до 5–6 чел. Они

¹ Мантак (эск.) — традиционное блюдо эскимосской кухни, состоит из китовой кожи и сала.

² Кымгыт-юпалгын (чук.) — заквашенный рулет из моржового мяса.

же на учете стоят 6 месяцев, потом через полгода опять ставим на учет. По национальному составу специального учета не ведем. Если только надо уточнить, то спрашиваем лично. Бывают казусы: вроде был эскимосом, но резко стал русским. По переписи 2010 года спрашиваем: „Ты русский или эскимос?“. Выбирают национальность „эскимос“. Потому что знают: если русский, на вылов рыбы или на охоту надо покупать лицензию. На селе из традиционных видов промысла действует морпромысел. На охоту могут ходить все, у кого есть право на ношение оружия и охотничьи билеты. Они могут охотиться в разрешенные сроки. Это не только члены ТСО. Люди занимаются рыболовством и собирательством в частном порядке. На ластоногих специально не ходят, если только в сетку случайно попала нерпа. Может, это не афишируется, потому что надо специально делать заявку на добычу нерпы, лахтака¹. Нам, в принципе, хватает того, что охотники добывают. Шкуры нерпы, лахтака, моржа не заготавливаются.

По собирательству „Берингов пролив“ (ТЗП²) иногда организует прием ягод, в прошлом году это было. Население на этот призыв не откликнулось. У всех есть, где морозить продукцию, и необходимости сдавать свои заготовки не было. Собирательством занимаются в каждой семье, по потребностям. Если мне нужно заготовить *юн'эв*³, грибы, я иду в тундру. Собираем капусту морскую, мидии, крабов — все, что морем выкидывает. Собирают *рымавыт*⁴ на кашу, добавляют кровь морского зверя, оленьей крови уже нет. Очень сытные продукты. Нерпичье мясо я не люблю. Нерпу здесь не любят. Лахтакье мясо едим только весной, когда все закончилось.

Современная техника сейчас присутствует в каждой семье. Если мне удобно сесть на мотоцикл за грибами, я только так буду передвигаться. Собачьими упряжками давно не пользуемся, как и везде по Чукотке. Собаки теперь как друзья нам нужны.

Наиболее устойчивы у нас промыслы. Та же разделка кита у нас идет традици-

онно, пластами. Потом только трактор его подцепляет и вытягивает, охотники только подрезают. Кто-то, кроме кожи, кишки берет, сушат их. Язык разбирают. Если звено добыло моржа, то половину берут себе, остальное — населению. Если моржей несколько, то одного моржа забирает звено охотников. Всем хватает. На *кымгыт*⁵ не идет весь морж. На *кымгыт* делают осеннего моржа, начиная с августа. К изменениям в традиционной культуре приводит время. У нас все, как у всех» [ИМА 2021: Инф. 1].

Жители указывают, что в селе сейчас развиваются морской зверобойный промысел, рыболовство, собирательство. У моря собирают капусту, ракушки. Из растений собирают грибы, ягоды, корни, *чипъэт*⁶, *юн'эв*. Рыболовством занимаются и зимой, и летом все, кто может. На берегу стоит много рыбацких балков / избушек. Морским промыслом занимаются три звена на трех лодках. У каждого звена есть большая лодка и поменьше. Губернаторские лодки большие. На кита идут по 4–5 лодок. С апреля на легких лодках идут на лахтака и нерпу, это ближе к берегу. На моржей выходят подальше. Кита тоже добывают. В прошлом году трех добыли. Зимой охотятся на зайцев, весной — на гусей.

Люди вспоминают, что последних совхозных оленей забили в 1992 г. До этого в оленеводстве было 6 бригад, в том числе молодежная 5-я бригада. «Там оленей было больше, команда большая, ученики туда рвались. У них было 3 яранги. 1–3-я бригады были нунлигранские, 4–6-я были энмеленские. Отец моей жены был до последнего в бригаде. Хозяева яранги уходили на пенсию, переезжали в село, и бригады распадались. Дедушка Кымыно, отец библиотекаря Ирины Семеновны Рагтувье, до 1996 г. работал в тундре, пока были силы. Осел в Энмелене, получили жилье в 1997 г. Молодежь сейчас ориентирована на более комфортные условия работы. В селе продолжает развиваться морской промысел, и без него население не может существовать. На продукции морпромысла сформировалось питание. Можно выделить основные блюда, перечень блюд, рецепты составить

⁵ *Кымгыт* (чук.) — рулет из моржового мяса и жира.

⁶ *Чипъэт* (чук.) — камнеломка Нельсона, многолетнее травянистое растение.

¹ Лахтак (или морской заяц) — вид ластоногих из семейства тюленей.

² ТЗП — торгово-заготовительный пункт.

³ *Юн'эв* (чук.) — золотой корень, родиола розовая.

⁴ *Рымавыт* (чук.) — дикий щавель.

основные, особенности каждой семьи» [ПМА 2021: Инф. 2].

«У нас в основном работают в образовании и морском промысле; есть магазин, больница. Уже лет 10 звероводства нет, оленеводства лет 15 нет. Оленей забили, песцов забили, все переломали. Нунлигран держался, все заколотили, в надежде потом расконсервировать. У нас на руководящих должностях приезжие были, наверно, поэтому все растащили. Освободившиеся люди подались на работу в школу, интернат, пошивочная была, в сторожа, швеи. Потом пошивочная тоже закрылась. В ЖКХ могли работать. Выпускникам провиденского техникума негде было устроиться на работу. Сварщик на сварщике, трактористы и — ни одного трактора, штукатуры-маляры ни одного дня не работали. Трудоустроить их некуда. Если и строят здесь, то приезжают со своими строителями. Местных брали на подхват: принеси то, принеси это. Сидят дома. У нас есть безработные, в основном за пьянку увольняют. Остальные, как могут, устраиваются, хотя бы на полставки. Когда нужен работник, то смотрят: пьешь — не пьешь. Сейчас больше молодых женщин безработных. Они рожают и сидят по уходу за детьми. У них нет профессии. Для того чтобы куда-то ехать учиться, нужны деньги, а у родителей этих денег нет. Замкнутый круг. Сколько охотник получает? Иногда ругаюсь с охотниками: „Вы сидите у государства, как болячки на здоровом теле“. Они целый год получают зарплату от государства. Зимой же они не работают, а получают 25 тыс. Раньше они зимой охотились на пушнину, добывали зайцев и торговали ими. На Неране добывали нерпу и лахтак-ков. Сейчас они сидят дома. Они работают только сезон с мая по октябрь. В этом году они вовремя не получили патроны, начали охоту только в июле. Остальное время они бездельничают, но з/п получают... Охотников одевает государство. На них из своего только трусы, все остальное им выдают: перчатки, обувь, шапки, спецодежда. Очень обидно нам. К ним нетрудно устроиться. Если есть ставка, то принимают. Главное — иметь право на оружие. Из всех видов традиционной деятельности осталась охота на морского зверя. Изготовление традиционной одежды тоже исчезло. Оленей не стало, нет сырья. А кто нам будет шкуры во-

зить? Может, кто-то и шил бы» [ПМА 2021: Инф. 3].

Говоря о традиционном хозяйстве, жители прежде всего отмечают, что остались морской промысел, собирательство и рыбалка: «Собираем растения, рыбу ловим. Рыбу морозим и солим. При желании можно морское¹ взять в ТСО. Когда рефрижератор работал, то и мяса больше заготавливали. Остальное можно в магазине приобрести. Правда, населению не хватает „свежестей“. Я бы не сказал, что молодежь может сохранить традиционные промыслы, они все в интернете сидят и ничем не интересуются. Дети выросли, выучились. Я был бы не против, если бы они уехали из села, закрепились бы где-то. Они молодые, перед ними весь мир. Нет, возвращаются к нам, в село. Хотя здесь негде работать» [ПМА 2021: Инф. 4].

Люди с ностальгией вспоминают времена, когда хозяйства и села развивались: «Раньше Провиденский район был на слуху, 1970–1980 годы. Наше хозяйство было миллионером. У нас тут было 8 бригад, 8 вельботов. Даже пароход пассажирский купили, „Ломоносов“. Было два катера китобойных. А сейчас все, старики ушли. Я тоже был морзверобоем. Населения становится меньше. Много людей умирает, молодежь уходит. Вроде рожают немало» [ПМА 2021: Инф. 5].

Старожилы отмечают, что в настоящее время коллектив морских охотников помолодел и изменились условия труда в этом виде промысла. Если бы они оставались прежними, как 20–30 лет назад, то нынешней молодежи было бы тяжело, хотя их обеспечивают обмундированием и всем необходимым: «Тем не менее я не считаю, что молодежь стремится быть охотниками. Обычно стремятся получить какое-то образование, поступить в вуз, специальность нужна для устройства на работу. Если по специальности нет рабочих мест, то ищут альтернативу. В селе есть династии охотников, у кого предки этим занимались. Для них нет вопроса, что такое — «охотник на морского зверя», они впитали это с молоком матери. Отец, дед этим занимались и учили его всю жизнь. Конечно, учат и всех

¹ Имеется в виду продукция морского промысла — мясо китовое, моржати́на, жир, кожа кита.

желающих, приобщают к деятельности. Круглый год рацион питания основывается на продукции морпромысла. Мясо кита популярно, все население им запасается. У нас даже приезжие приобщаются к национальной кухне. Охотники привозят добычу, и все население выходит на берег, набирают мяса. Если перестанут добывать, население начнет голодать. И когда наши дети выезжают на учебу за пределы села, то страдают от нехватки своей пищи. Я 8 лет живу в Хатырке и до сих пор страдаю от нехватки морской пищи. Мой организм требует ее. И когда я приезжаю в Энмелен, первым делом открываю морозилку, достаю *итгилгын*¹, *юн'эв* и ем. В течение недели я насыщаю свой организм любимыми блюдами» [ПМА 2021: Инф. 6].

«У нас всегда самым главным был морской промысел. От него зависело звероводство. В Энмелене кормовая база хорошая. За мысом Чирикова лежбище, и всегда были моржи. К нам приходили с Сиреников, с Янракиннота и Чаплино вельботы за добычей. Были плохие годы — с других хозяйств приезжали, брали мясо для своих звероферм. Население брали весь ливер, на звероферму его не брали. Выполняли план по пушнине. Был жирцех, где топили жир. С 5 по 7 класс девчонки работали. Приходили катера и забирали бочки с жиром. Он был востребован в косметологии. Жир не пах и был прозрачен, как растительное масло. Расценки по киту: 100 руб. — мясо, 200 руб. — кожа. Ливер не берут. С кишками надо много возиться. У моржа расценки разные, что по мясу, что по ливеру. У нас все платят за мясо, никому нет скидки, тем же пенсионерам. Раньше пенсионерам давали бесплатно 20 кг мяса моржа и кита. Мы договаривались с охотниками. Пенсионеров-то было трое» [ПМА 2021: Инф. 3].

«Весьма ограничен доступ населения к основным социальным услугам. Энмеленцы раньше могли все медицинские услуги получить в сельской больнице, теперь же их вывозят из Энмелена в Провидения. На сегодня в селе нет врача, нет учителя русского языка и информатики. Нет возможности обмениваться опытом между культработниками. Информанты вспоминают, что раньше самодеятельные ансамбли выезжали на

районные, окружные смотры, участвовали в конкурсах» [ПМА 2021: Инф. 2].

В селе остро стоит проблема с продажей спиртного. Так, в Энмелене легально продают алкоголь 1 раз в неделю, 3 бутылки в руки. В Нунлигране — 2 раза в неделю 5 бутылок в руки. И народ «не просыхает». В беседе одна молодая девушка высказала предположение, что если бы была свободная продажа, народ бы не пил так безудержно. Но в Янракинноте, где нет никаких ограничений, наблюдается полная деградация местного населения [ПМА 2021: Инф. 6].

«Раньше было много народу. С приходом «Рояля» (спирт. — прим. авт.) столько народу ушло! Рожденные в 1990-х гг. почти все ушли. Суицид, отравились, замерзли. Возраст 30–35 — ушли. Кто младше меня, ушли. Это целое поколение наших земляков. Самое обидное — начали пить те, кто не пил. 5–6 лет пьянки, и ушли семьями. Это не от безысходности. Все стали пить, и эти начали. Общий пример подействовал. Они же если пьют, то из одной кружки. Так и туберкулез распространялся, 5 лет ничего не можем сделать. Почему-то выявляем открытую форму. Вроде и проверяем людей, но неожиданно выявляется. Откуда? Государство идет навстречу людям, на этом фоне иждивенчество породили. На детях паразитируют пьяницы. Пенсия небольшая, люди ее зарабатывали всей своей жизнью. И на их фоне мамаша-пьяница, тунеядка такие же деньги получает. Очень обидно» [ПМА 2021: Инф. 3].

«Дети у нас брошенные из-за пьянства родителей. Они же друг другу водку продают! Покупают водку в магазине днем, а ночью за 2 500 р. продают алкоголикам. Бражку варят. Столько дрожжей завозится в магазин! Заказывают заранее дрожжи. Пришел генгруз, целый контейнер спиртного! У нас идет планомерное уничтожение коренного населения. Спиртное завозится в первую очередь, и в неограниченном количестве! Все дети, кто выпускается у нас, потом спиваются. Если в райцентр местный попал, то он там застрянет, начинают пить все. Райцентр стал настоящим бомжатником» [ПМА 2021: Инф. 8].

Весьма интересны мнения жителей о проблеме сохранения родных языков: «Родной язык в Энмелене чукотский, се-

¹ *Итгилгын* (чук.) — китовое сало.

ло-то чукотское, и его преподают в школе до 8 класса. Эскимосского нет. Я понимаю язык, но не говорю. Мои родители — чукчи, разговаривали на родном. Но мы фактически дома не были, все в школе-интернате. В селе еще можно встретить говорящих на родном языке, в некоторых семьях пытаются его сохранить, со своими внуками стараются разговаривать. Вопросами сохранения родного языка занимаются только в школе. В клубе язык может звучать в песнях, танцах. Дети воспринимают все это как знания и ощущают свою принадлежность к культуре коренных народов Чукотки. Таким образом, формируются базовые знания. У кого-то нет необходимости выезжать из села, или, получив среднее специальное образование, они возвращаются обратно. Кто-то едет дальше получать высшее образование, и он сам решает, возвращаться ему в село или нет.

Поддержка государства в развитии села, сохранении традиционной культуры есть. Есть программы по сохранению родного языка, например. Раньше на съездах коренных народов много вопросов поднимали, и казалось, что ничего не делается. Сейчас — наоборот. Начало все меняться. И слышать стали, и помощь ощущается. Для поддержания сел, культуры, многих вопросов — все это делается» [ПМА 2021: Инф. 1].

«Для того чтобы язык ожил, языку надо обучать. Сейчас даже дедушки и бабушки не знают язык. Надо учить родителей, а они будут учить детей. Переводить классику, конечно, надо, но для начала надо знать язык. Например, перевод сказки Пушкина «О попе и его работнике Балде». Невозможно читать без смеха эти переводы. В нашем языке нет аналога словам: «поп, Толоконный лоб». Я бы не сказала, что государство поддерживает коренное население в деле сохранения традиционной культуры. Вы видели наш ДК? Само здание поменяло четвертого хозяина. Культуре достается по остаточному принципу. Здание непригодное. Была контора колхоза, потом пошивочная мастерская. Что бы мы ни попросили у государства, ни на что нет денег. Чем дальше, тем меньше средств на сохранение культуры. Нашему директору ДК надо учиться быть руководителем» [ПМА 2021: Инф. 3].

5.2. Сиреники

Сиреники — единственное на Чукотке эскимосское село, которое сохраняет свое местоположение на протяжении не менее 2–2,5 тыс. лет. Возможно, название восходит к эскимосскому слову *сиг'ынык* ‘рога оленя’. До конца 1950-х гг. Сиреники были практически полностью эскимосским. В 1958–1959 гг. во время кампании перевода кочевников-оленьеводов на оседлый образ жизни в село переселили значительную группу чукчей из долины реки Курупкан. В настоящее время село Сиреники имеет смешанное эскимосско-чукотское население. По сведениям сельской администрации, в 2021 г. в селе было зарегистрировано 434 чел, фактически проживали 393 чел. (222 эскимоса и 171 чукча). Население старше 70 лет — 3 чел. Морские охотники села Сиреники являются носителями древне-эскимосской культуры китобойного промысла. В селе до настоящего времени сохранялись традиции строительства и использования традиционной кожаной промысловой лодки-байдары. Именно сирениковцы в начале 1990-х гг. учили промысловиков из села Лорино (Чукотский район) строить байдары. Основной вид деятельности сельчан — морской зверобойный промысел.

«Основные предприятия, где люди трудозаняты: Коммунхоз, МП „Север“, ТСО КМНС „Сиреники“, школа-сад, ФАП, нацпарк „Берингия“. Все ездят на машинах, а говорят, что плохо живут.

Мы ворчим, что ТСО у нас плохо оснащено техникой. Трактор еще в СССР работал. Постоянно чиним, ездим по селам — запчасти ищем, покупаем. Недавно в Энмелене какую-то запчасть купил. В планы развития записали приобретение трактора.

Здесь в Сирениках в основном сами бросают пить. Можно много имен перечислить, кто бросил пить. Пьют одни и те же. Им хоть что говори. Многих держит страх потерять работу. Здесь работать негде. Кочегары получают 60–80 тыс. на руки. А когда еще 13-я! В этом году как дали 13-ю! Я ругала руководителя: „Не мог дать по частям в течение года?“. Кочегары все ушли в запой. Лет 5 не получали премию, для них это были лишние деньги. Могли бы чего купить. У нас народ хорошо живет. У всех телевизоры во всех комнатах. Кто уже собирается менять телевизор на плоский» [ПМА 2021: Инф. 9].

5.3. Нунлигран

К востоку от села Энмелен расположено чукотское село Нунлигран (эскимос. *нуналык* 'имеющий поселок', чук. *рэн/ран* 'жилье'). В селе зарегистрировано 330 чел., но фактически проживают 233 чел. (291 — чукчи, 9 эскимосов, 20 русских). В советское время село Нунлигран было широко известно продуктами своей зверофермы — шкурами голубого песка. Здесь велась активная селекционная работа, пытались выводить новые породы животных, например енотовидную собаку. Сейчас основные занятия местных жителей — оленеводство и морской промысел.

По мнению жителей, из традиционных видов промысла в селе функционирует морской зверобойный промысел, рыбалка, собирательство. Раньше многие занимались рукоделием, декоративно-прикладным искусством. Но мастерицам сейчас негде собираться, хотя есть материал, есть рукодельницы. Отсутствие ДК в селе создает множество проблем. Кроме морского промысла, в советское время занимались оленеводством, звероводством. В конце 1990-х гг. все пришло в упадок. В 2021 г. в селе образовали новое ТСО «Уненен», и теперь общинники на Аччоне будут возобновлять вылов рыбы, отстраиваться, создавать промысловую базу.

Говоря о населении, жители отмечают отток проживающих. Особенно это наблюдается после ЧС¹: «Многие наши проживают в Энмелене, Провидения, даже в с. Усть-Белая Анадырского района. В основном молодежь — где учились, там и осели, а у нас не выписались: Анадырь, Хабаровск, Петербург. Стариков у нас меньше, чем в Энмелене, мало их. У нас высокая смертность молодых, которые еще на пенсию не вышли. Миша, охотник 82 г. р., умер. Четверо детей осталось. В прошлом году жена его умерла. Отравилась алкоголем. Из 233 человек 107 детей до 18 лет. В селе много безработных. Не хватает рабочих мест. 28 чел. на учете по безработице. У нас в селе основные места занимают наши, коренные жители. В этом наше преимущество. Насчет

¹ В феврале 2021 г. власти Чукотки ввели режим чрезвычайной ситуации (ЧС) в селе Нунлигран, так как почти все жители из-за аварии остались без тепла в 20-градусный мороз.

молодежи села. В селе остались только те, кто с раннего детства охотились с родителями в море. На сегодня в селе работают 2 звена охотников. И те не ахти, как работают. Мясо морзверя востребовано населением. Радуюсь, когда кита добудут... У нас был ледник, но он обрушился. За ним же уход нужен. Был рефрижератор, но там полетел моноблок. Купили лари» [ПМА 2021: Инф. 10].

В ТСО работают 12 охотников, 2 кладовщика, 1 юнга (два звена по 6 человек). Все получают стабильную зарплату. Ремонтом вынуждены заниматься самостоятельно, используя имеющиеся ресурсы. Общинники жалуются, что у них нет возможностей получать прибыль от своей деятельности. Даже добытое мясо население мало берет, много должников: «Мясо и мантак кита у нас в одну цену — 200 рублей. У нас есть льготники, пенсионеры, безработные, им выделяется мясо по сниженной цене. Пенсионеры берут свое мясо. Их в поселке мало. Охотники тоже покупают мясо. Два года назад стоял вопрос закрытия ТСО в Нунлигране. Мы пытаемся с колен встать, тяжело получается. Клык моржа мы никуда не сдаем. У нас за два последних года клыки лежат. Я заказал 2 лодки, и, если средств хватать не будет, будем расплачиваться сырьем. 1 кг сырца стоит примерно 12 тыс. руб., нет точки сбыта сырья» [ПМА 2021: Инф. 10].

«У оленеводов были обычаи, и, если бы их соблюдали, оленеводство не развалилось бы, как у нас. В Конергино в голод, в 1990-е гг. сохранили оленей. Нутенкеу Сергей в ВОВ молодым работал в оленеводстве. А в 90-е было тяжело. Оружие не доставляли, боеприпасов не хватало. Волки разгоняли стада. Бедствовали, в итоге все развалилось» [ПМА 2021: Инф. 11].

«Сейчас нет возможности вести охоту, можно добывать рыбу. Но вовремя не оформили документы, и теперь не можем этим заниматься. Я могу делать заявку только на следующий год. В этом году я отказался от получения боеприпасов. Обращаться к соседним общинам за помощью в промысле наши отказались. Здесь два старика остались, но они пример молодежи не подают. Я об этом говорил на собрании. Они утверждают, что с сирениковцами они не будут

контактировать. У нунлигранцев свои методы охоты, у сирениковцев — свои, и вместе они не могут вести добычу. Я могу обратиться с личной инициативой к соседям. Но у нас община, и решать мы должны сообща. На примере китов. У нас нет китов, а план на добычу есть. Можно было бы сирениковцам загнать в нашу сторону кита, и мы бы его перехватили, но наша община против помощи. У нас еще одна проблема: нет места хранения добычи. Квоту выделили, и мы можем это добыть, но где хранить все это, не знаем, рефрижератор не работает. *Ѓопалгын*¹ мы заготовим, есть куда складывать, а остальное куда девать? Выкидывать? Поселок толком не берет мясо. Мы взяли кита, люди купили по кусочку или бесплатно получили, тридцать человек от силы взяли мясо, а остальное куда девать? Хорошо, ларь у нас есть, по контейнерам распихали, на тот момент были заморозки. Через 2 дня взяли 2-го кита. Из села никто не пришел за мясом. Пока было морозно, в контейнерах держали мясо, снегом присыпали, как могли. На сегодня только в ларь можно складывать. Но у нас только три ларя небольших. Вот приходится собак кормить. Затраты идут, а выхода никакого.

На этот сезон у меня только 12 пачек патронов осталось. Весной ставил вопрос по боеприпасам. Мне рекомендовали своим ходом добираться до Чукотского района. Только там можно взять боеприпасы. Заговоздка в том, что патроны нельзя воздушным транспортом перевозить. Энмеленцы заняли у сирениковцев, я не хочу у них брать. Потому что как встанет у них вопрос нехватки, а нам нечем будет отдавать. За патронами может поехать только председатель общины. Преемника я еще не выбрал. Есть на примете человек, но он не в ТСО работает. Беда местного населения — это алкоголь. Среди охотников нет трезвенников. На все село может набраться 10 человек непьющих. Я держусь линии, что в ТСО работает одна команда охотников. Но они все равно делятся на 2 звена. Держатся обособленно друг от друга. В первом звене был капитаном Михаил Кычи. Недавно его не стало. Сейчас на 2 лодки у меня 5 человек. На кита в таком составе не выйдешь. Не

хватает людей. Вчера могли кита добыть, но касатки помешали. У нас маленьких лодок нет. Две большие лодки. Нерпу, лахтака добываем. Как приходит приказ, мы выходим на охоту. У нас есть льготники, пенсионеры, безработные, им выделяется мясо по сниженной цене. Пенсионеры берут свое мясо. Их в поселке мало. Охотники тоже покупают мясо. Во втором звене звеньевой Андрей Эттувье. В первое звено переведу сторожа. Он опытный мальчик, Вова Кычи из потомственных морских охотников. Есть Сергей Кайкай. Они с детства в морском промысле» [ПМА 2021: Инф. 12].

Жители отмечают, что профессия промыслового охотника весьма престижна. «Многие просятся в охотники из-за стабильной зарплаты, хорошего коллектива и интересной работы. Зимой дома сидят, и когда сезон охоты начинается, видно, как они соскучились по работе. Стоит немного поработать на промысле, потом невозможно отказаться. Раньше с детства приучали к морю, с малых лет брали с собой в море, и они уже не могут без него жить. Потомственные охотники Кычи, Туринкеу тоже не одно поколение работают в море, Кайкай Сергей — из потомственных. Охота на ластоногих, нерпу и лахтака начинается с весны. И очень важно, чтобы приказ на открытие промысла к этому времени уже был. Несколько лет квоты выделялись вовремя, и охотники выполняли планы. Сейчас опять начались проблемы с выделением квот, приказы приходят не вовремя. Сирениковцы жаловались на то, что гренландский кит проходит, а разрешения на его добычу еще нет. В этом году охотники остались без боеприпасов. Охотятся с тем, что осталось с прошлого года. В этом году много организационных вопросов тяжело решается. Раньше могли решать вопросы общиной о реализации сырья морского промысла. Но недавно департамент сельского хозяйства прислал расценки на клык моржа, и теперь стало невозможно его продать, никак не могут найти покупателя. Цены подняли с 2 тыс. до 10 тыс. за кг. Все равно общины выкручиваются с клыком» [ПМА 2021: Инф. 13].

В Сирениках пенсионерам все мясо выделяют бесплатно. В Нунлигране пенсионерам до 1950 г. р. — 10 кг мяса бесплатно

¹ *Ѓопалгын* (чук.) — моржовое квашеное мясо.

каждый месяц, пенсионерам других годов — 5 кг, матерям-одиночкам и малоимущим — 5 кг ежемесячно. Все это решается протоколом собрания и оформляется приказом: 100 руб. мясо морзверя и 200 руб. — мясо кита [ПМА 2021: Инф. 13].

Жители внимательно наблюдают за изменениями, происходящими в селах. Так, положительно оценивают молодежную инициативу по организации ТСО; подачу заявки и победу гранта на строительство спортивной площадки. Особо отмечают, что в Нунлигране люди заняты делом и сами генерируют идеи: «всего 6 современных коттеджей, дома аварийные, но дух у людей сильный. В Янракиноте, наоборот, все село застроено новыми домами, а люди не хотят жить достойно» [ПМА 2021: Инф. 7].

«Раньше самое страшное — одинокая женщина с детьми. А сейчас вот все равно помогают как-нибудь. А раньше — нет. Видишь, как мы жили, — нищими. Постоянно этот труд женский, а сейчас мужчины почти все ленивые стали и злые. Чуть что скажешь — сразу руку поднимает. Раньше сдержаннее были. Вообще женщины спокойные были, потому что не пьющие. Одни старики только пили, и то очень редко. Даже старики все время работали, в рабочее время не пили. Сейчас совсем другая жизнь стала! Не знаю, как дальше будут жить? Если наставников нет хороших. Не знаю, как пастухи? И пошивцев раньше был, шили одежды пастухам, если не успевают тундровики-женщины. И здесь же получали одежду. Очень хорошо шили, штаны нерпичьи, торбаза¹, кухлянку². Охотники ведь тоже в меховой одежде охотились. Спецодежды, как сейчас, не было. И самая лучшая одежда — меховая. Если даже когда промокнет, то держит тепло. Мех греет внутри. А спецодежда промокнет, и — все. Уже холодная становится. Сейчас никто не хочет меходежду брать. Не знаю, почему так» [ПМА 2021: Инф. 14].

Проблему исчезновения языковой среды люди видят в том, что родители перестали общаться с детьми дома на родном

языке. «Родной язык изучать надо, я так думаю. Чукотский язык в начальных классах ведется как предмет, в старших классах — как факультатив. Когда моя мама была жива, то она со мной говорила на родном языке. Я сама не говорила, но ее понимала. Тогда многие его знали. Нынешние учителя родного языка и дома-то не говорят со своими детьми на языке предков. Может, было бы хорошо сделать видеоуроки, любой человек мог бы по желанию включить урок и позаниматься. Доступность к языку нужна шаговая. В садике, начальных классах включили видеоурок и позанимались. У нас же молодые воспитатели, учителя не разговаривают на родном языке, знают только счет и обиходные слова. А телевизор включил, и вот тебе полный урок. И включать надо ежедневно, а не по программе 2 раза в неделю. В Энмелене был лингафонный кабинет. Вот такой надо и для родного языка сделать» [ПМА 2021: Инф. 10].

6. Заключение

Основными формами экономической деятельности в селах продолжают оставаться традиционные виды хозяйства: оленеводство и морской зверобойный промысел, собирательство и рыболовство. Вместе с тем часть традиционного хозяйственного уклада безвозвратно теряется: например, ездовое собаководство, пушная охота, ремесло по изготовлению нарт, упряжи и т. п.

Жители скептически относятся к современным приемам хозяйствования в традиционных видах деятельности (убыточность МУПов, ТСО, невостребованность промысловой продукции на местах, отсутствие рынков сбыта, непопулярность профессий оленевода и морзверобоя у молодежи). В частности, морзверобой недооснащены современными техническими средствами: автотехникой, лодками, рефрижераторами, вакууматорами.

В селах наблюдается экономическая депрессия, следствием которой являются социальные проблемы. В селах они приобретают достаточно острые формы: это отток молодежи в районные центры и города, сокращение и старение поселков, пьянство и алкоголизм, социальное иждивенчество, безразличие к собственной судьбе и судьбе своего народа.

¹ Торбаза (торбаса) — мягкие сапоги из шкуры оленя, нерпы.

² Кухлянка — верхняя меховая одежда глухого типа.

Все опрошенные жители отмечали важность существования морского зверобойного промысла как основы современной жизни в селах. Представители старшего поколения надеются на развитие оленеводства и сопутствующих отраслей хозяйства. Языковая ситуация характеризуется практиче-

ски полным вытеснением родных языков из употребления в семье и в быту.

Проблемы социокультурного развития сел Новое Чаплино и Янракиннот будут представлены во второй части статьи, планируемой к публикации в одном из следующих номеров.

Полевые материалы авторов

ПМА 2021: Инф. 1 — информант А., житель с. Энмелен.
ПМА 2021: Инф. 2 — информант К., житель с. Энмелен.
ПМА 2021: Инф. 3 — информант Г., житель с. Энмелен.
ПМА 2021: Инф. 4 — информант А. И., житель с. Энмелен.
ПМА 2021: Инф. 5 — информант В., житель с. Энмелен.
ПМА 2021: Инф. 6 — информант А., род. в с. Энмелен, проживает в с. Хатырка.
ПМА 2021: Инф. 7 — информант Н., житель г. Анадыря.

ПМА 2021: Инф. 8 — информант Н., житель с. Энмелен.
ПМА 2021: Инф. 9 — информант Н., житель с. Сиреники.
ПМА 2021: Инф. 10 — информант М., житель с. Нунлигран.
ПМА 2021: Инф. 11 — информант С., житель с. Нунлигран.
ПМА 2021: Инф. 12 — информант И., житель с. Нунлигран.
ПМА 2021: Инф. 13 — информант Л. С., житель с. Нунлигран.
ПМА 2021: Инф. 14 — информант Л., житель с. Нунлигран.

Author's Field Data

Informant 1: A., resident of Enmelen (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 2: K., resident of Enmelen (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 3: G., resident of Enmelen (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 4: A. I., resident of Enmelen (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 5: V., resident of Enmelen (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 6: A., native of Enmelen, resident of Khatyrka (Anadyrsky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 7: N., resident of Anadyr (Anadyrsky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)

Informant 8: N., resident of Enmelen (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 9: N., resident of Sireniki (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 10: M., resident of Nunligran (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 11: S., resident of Nunligran (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 12: I., resident of Nunligran (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 13: L. S., resident of Nunligran (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 14: L., resident of Nunligran (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)

Источники

Информация 2021 — Информация об итогах работы оленеводческих хозяйств Чукотского автономного округа за январь-декабрь 2020 г. Анадырь, 2021. 12 с.
Прейскурант 2021 — Прейскурант возможных цен реализации продукции ТСО КМНС

«Сиреники» от 1 мая 2021 г.
Состояние 2022 — Состояние и перспективы развития домашнего северного оленеводства в Чукотском АО: доклад Департамента сельского хозяйства и продовольствия Чукотского автономного округа. Анадырь, 2022. 18 с.

Sources

- Reindeer Farms of Chukotka Autonomous Okrug, January-December 2020: Progress Report. Anadyr, 2021. 12 p. (In Russ.)
- Sireniki Neighborhood Community (Indigenous Small-Numbered Peoples of the North): A Sched-

- ule of Possible Prices as of 1 May 2021. (In Russ.)
- Status and Development Prospects of Reindeer Households in Chukotka Autonomous Okrug: A Report by Agriculture and Food Department of Chukotka Autonomous Okrug. Anadyr, 2022. 18 p. (In Russ.)

Литература

- Афанасьева, Симченко 2006 — *Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б.* Энмеленские чукчи // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 69–104.
- Афанасьева и др. 2006 — *Афанасьева Г. М., Калашников С. В., Симченко Ю. Б., Харитонов Е. И.* Нунлигранские чукчи // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 22–68.
- Вахтин 1993 — *Вахтин Н. Б.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.; Париж: Изд-во Европейского Дома, 1993. 96 с.
- Венстен 2018 — *Венстен Ш.* Чукотско-французско-англо-русский словарь. 2-е изд. Анадырь; СПб.: Лема, 2018. Т. 3. 734 с.
- ВПН 2020 — Всероссийская перепись населения 2020. Т. 1: Численность и размещение населения. Таблица 5. Численность населения России, федеральных округов, субъектов РФ, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более [электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_porol (дата обращения: 10.02.2023).
- Головнев, Данилова 2021 — *Головнев А. В., Данилова Е. Н.* Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1(52). С. 132–143.
- Гурвич 2006а — *Гурвич И. С.* Докладная записка в Главрыбвод // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 116–118.
- Гурвич 2006б — *Гурвич И. С.* Некоторые вопросы экономического и культурного развития коренного населения Чукотского и Корякского автономного округов. 1980 г. // уле of Possible Prices as of 1 May 2021. (In Russ.)
- Гурвич 1985 — *Гурвич И. С.* Некоторые черты современного этнического развития чукчей и коряков (изменения в этнической и социально-профессиональной структуре) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1985. С. 144–158.
- Давыдов, Давыдова 2021 — *Давыдов В. Н., Давыдова Е. А.* Проекты развития инфраструктуры на Чукотке: использование ресурсов жителями национальных сел // Этнография. 2021. 1(11). С. 25–49.
- Депсельхоз 2023 — Депсельхоз: Оленеводы Чукотки работают на пределе возможностей [электронный ресурс] // ИА «Чукотка». 23.01.2023. URL: https://prochukotka.ru/news/selskoe_khozyaystvo/depselkhoz_olenevody_chukotki_rabotayut_na_predele_vozmozhnostey/ (дата обращения: 20.02.2023).
- Численность 2022 — Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по Чукотскому автономному округу. Статистический сборник. Хабаровск: Хабаровскстат, 2022. 35 с.
- Коломиец 2022 — *Коломиец О. П.* На дальних рубежах: современные реалии жизни чукотского села Мейныпильгыно // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 4(28). С. 76–90.
- Крупник, Членов 1979 — *Крупник И. И., Членов М. А.* Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов // Советская этнография. 1979. № 2. С. 19–29.
- Лебедев 2006а — *Лебедев В. В.* Коренное население Тавайваамского сельского совета Чукотского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 139–148.
- Лебедев 2006б — *Лебедев В. В.* Коренное население Энурминского сельского совета Чукотского района Чукотского автономного

- округа Магаданской области // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 205–2019.
- Лебедев 2006в — *Лебедев В. В.* Некоторые вопросы современного состояния хозяйства, культуры и быта коренного населения Лоринского сельского совета Чукотского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 243–261.
- Наши льды 2013 — Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / сост. Л. С. Богословская, И. И. Крупник. М.: Институт наследия, 2013. 360 с.
- Нувано 2021 — *Нувано В. Н.* Традиционный хозяйственный цикл ваежских оленеводов: 1980-е – начало 2000-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 2(30). С. 145–154.
- Олени 2019 — Олени ждали меня. История чукотского оленеводства / под ред. А. А. Носкова. Анадырь: Дума Чукотского АО, 2019. 503 с.
- Основные итоги 2012 — Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (в 11 томах). Т. 11. Анадырь: Чукотстат, 2012. 81 с.
- Основы 2007 — Основы морского зверобойного промысла: науч.-метод. пособ. / Л. Богословская, И. Слугин, И. Загребин, И. Крупник. М.: Институт Наследия, 2007. 480 с.
- Опарин 2013 — *Опарин Д. А.* Поминальный обряд азиатских эскимосов и современное ритуальное пространство Нового Чаплина и Сиреников // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 53–69.
- Пилясов 1992 — *Пилясов А. Н.* Динамика демографических процессов в Магаданской области и Чукотском автономном округе. Магадан: СВКНИИ; Облстатуправление, 1992. 95 с.
- Прибыль 2021 — Прибыль не ради прибыли? Экономические практики коренных народов Севера России в условиях рынка / отв. ред. Е. А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 408 с.
- Прикладная этнология 2020 — Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (к 125-летию поездки Н. Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году) / под ред. О. П. Коломиец, И. И. Крупника. М.: PressPass, 2020. 468 с.
- Север 2012 — Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М.: ИЭА РАН, 2012. 288 с.
- Сибирякова 2022 — *Сибирякова А.* От Минсельхоза ждут ясного ответа // Крайний Север. 2022. 11 ноября. № 44. С. 6.
- Симченко, Лебедев 1985 — *Симченко Ю. Б., Лебедев В. В.* Смешанные браки у южных и восточных чукчей // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1985. С. 158–175.
- Чукотка 2009 — Чукотка в прошлом и настоящем / гл. ред. А. М. Тарумов. М.: НИИЦ, 2009. 592 с. (Серия «Наследие народов Российской Федерации»).
- Яценко 2016 — *Яценко О. Е.* «Смотри и учись»: молодые чукотские и эскимосские морские охотники сел Лорино и Сиреники 2010 г. // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / ред., сост. И. И. Крупник. М.: Тип. Август Борг, 2016. С. 191–213.

References

- 2010 Russian Census: Key Outcomes. In 11 vols. Vol. 11. Anadyr: Chukotstat, 2012. 81 p. (In Russ.)
- 2020 [2021] Russian Census in Chukotka Autonomous Okrug: Population Numbers and Inhabited Areas. Statistical digest. Khabarovsk: Khabarovskstat, 2022. 35 p. (In Russ.)
- 2020 [2021] Russian Census. Vol. 1: Population Numbers and Inhabited Areas. Table 5. Population numbers across Russia, federal districts, federal subjects, urban districts, etc. On: Federal State Statistics Service of Russia (Rosstat; website). Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed: 10 February 2023). (In Russ.)
- Afanasyeva G. M., Kalashnikov S. V., Simchenko Yu. B., Kharitonov E. I. Nunligran Chukchis. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 22–68. (In Russ.)
- Afanasyeva G. M., Simchenko Yu. B. Enmelen Chukchis. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 69–104. (In Russ.)

- Agriculture and Food Department: Reindeer breeders of Chukotka work at their limits. On: Chukotka news agency. Posted on 23 January 2023. Available at: https://prochukotku.ru/news/selskoe_khozyaystvo/depsekhhoz_olenevody_chukotki_rabotayut_na_predele_vozmozhnostey/ (accessed: 20 February 2023). (In Russ.)
- Bogoslovskaya L. S., Krupnik I. I. (comps.) *Our Ice, Snow and Winds: Folk and Scientific Knowledge on Ice Landscapes and Climate of East Chukotka*. Moscow: Russian Heritage Institute, 2013. 360 p. (In Russ.)
- Bogoslovskaya L., Slugin I., Zagrebin I., Krupnik I. *Fundamentals of Sea Hunting: An Instructional Guide*. Moscow: Russian Heritage Institute, 2007. 480 p. (In Russ.)
- Davydov V. N., Davydova E. A. Infrastructure development projects in Chukotka: The use of resources by the dwellers of the national villages. *Etnografiya*. 2021. No. 1(11). Pp. 25–49. (In Russ.)
- Golovnev A. V., Danilova E. N. Soviet version of ethno-expertise: Reports of Northern ethnographers of 1950s–1990s. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2021. No. 1(52). Pp. 132–143. (In Russ.)
- Gurvich I. S. Glimpses of present-day ethnic development among the Chukchi and the Koryak: Changes in ethnic and socioprofessional structures. In: Gurvich I. S. (ed.) *Ethnocultural Processes among Peoples of Siberia and Russia's North*. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 144–158. (In Russ.)
- Gurvich I. S. Indigenous peoples of Chukotka and Koryak autonomous okrugs: Some issues of economic and cultural development (1980). In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) *Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 355–372. (In Russ.)
- Gurvich I. S. Reporting notice to Glavrybvod. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) *Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 116–118. (In Russ.)
- Kolomiets O. P. On the far frontiers: The modern realities of life in the Chukchi village of Meynypilgyno. *Journal of Frontier Studies*. 2022. Vol. 7. No. 4(28). Pp. 76–90. (In Russ.)
- Kolomiets O. P., Krupnik I. I. (eds.) *Applied Ethnology of Chukotka: Folk Knowledge, Museums, Cultural Heritage (Celebrating the 125th Anniversary of N. Gondatti's Travel to the Chukotka Peninsula [Undertaken in] 1895)*. Moscow: PressPass, 2020. 468 p. (In Russ.)
- Krupnik I. I., Chlenov M. A. Siberian Yupiks: Ethnolinguistic dynamics. *Sovetskaya etnografiya*. 1979. No. 2. Pp. 19–29. (In Russ.)
- Lebedev V. V. Indigenous population of Enurmino (Chukotka Autonomous Okrug, Magadan Oblast). In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) *Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 205–209. (In Russ.)
- Lebedev V. V. Indigenous population of Lorino (Chukotka Autonomous Okrug): Revisiting some issues of present-day economy, culture and household life. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) *Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 243–261. (In Russ.)
- Lebedev V. V. Indigenous population of Tavayvaam (Chukotka Autonomous Okrug). In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) *Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 139–148. (In Russ.)
- Noskov A. A. (ed.) *Reindeer Were Waiting for Me: A History of Reindeer Breeding in Chukotka*. Anadyr: Duma of Chukotka Autonomous Okrug, 2019. 503 p. (In Russ.)
- Novikova N. I., Funk D. A. (eds.) *North and Northerners: Present-Day [Life] Conditions of Peoples Inhabiting Russia's North, Siberia and Far East*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2012. 288 p. (In Russ.)
- Nuvano V. N. Traditional economic cycle of Vaegi reindeer herders: 1980s – beginning of 2000s. *Herald of Omsk University. Series 'Historical Studies'*. 2021. Vol. 8. No. 2(30). Pp. 145–154. (In Russ.)
- Oparin D. A. Commemoration of the dead among Asiatic Yupik and the contemporary ritual space of Novoye Chaplino and Sireniki. *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)*. 2013. No. 2. Pp. 53–69. (In Russ.)
- Pilyasov A. N. Magadan Oblast and Chukotka Autonomous Okrug: Demographic Dynamics. Magadan: Northeastern Institute for Comprehensive Research, Magadan Oblast Statistics Dept., 1992. 95 p. (In Russ.)
- Pivneva E. A. (ed.) *Not-for-Profit Businesses: Economic Practices of Russia's Northern Peoples in the Market Economy Era*. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 408 p. (In Russ.)

- Sibiryakova A. Ministry of Agriculture expected to deliver categorical answer. *Krayniy Sever*. 2022, 11 November. No. 44. Pp. 6. (In Russ.)
- Simchenko Yu. B., Lebedev V. V. Interethnic marriages among the Southern and Eastern Chukchi. In: Gurvich I. S. (ed.) *Ethnocultural Processes among Peoples of Siberia and Russia's North*. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 158–175. (In Russ.)
- Tarunov A. M. (ed.) *Chukotka in the Past and Present*. Series 'Heritage of Russia's Peoples'. Moscow: Center Research Institute, 2009. 592 p. (In Russ.)
- Vakhtin N. B. *Indigenous Peoples of Russia's Far North*. St. Petersburg, Paris: Evropeyskiy Dom, 1993. 96 p. (In Russ.)
- Weinstein Ch. *Chukchi-French-English-Russian Dictionary*. 2nd ed. Anadyr, St. Petersburg: Lema, 2018. Vol. 3. 734 p. (In Chuk., Fr., Eng. and Russ.)
- Yashchenko O. E. 'Watch to learn': Young Chukchi and Eskimo sea hunters from Lorino and Sireniki, 2010. In: Krupnik I. I. (comp., ed.) *Facing the Sea: In Memoriam Lyudmila Bogoslovskaya*. Moscow: Avgust Borg, 2016. Pp. 191–213. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 3, Pp. 602–615, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-602-615

**О порядке рассмотрения наградных материалов
за оспопрививание в дореволюционной Калмыкии XIX в.
(на примере архивного дела № 141 фонда И-2
«Комиссии калмыцких дел» Национального архива
Республики Калмыкия)**

Лариса Бадмаевна Манджикова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: [0862larisa\[at\]gmail.com](mailto:0862larisa[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Манджикова Л. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* В первой половине XIX в. в Калмыцкой степи происходили изменения в системе управления калмыцким народом, которые способствовали вливанию Калмыкии в единую систему административно-территориального устройства России. Первым органом власти, осуществлявшим административные функции и решавшим вопросы, связанные с жизнедеятельностью калмыцкого народа, стала Комиссия калмыцких дел. Документы, созданные в период ее деятельности, вошли в состав архивного фонда И-2 с одноименным названием «Комиссия калмыцких дел» (1825–1836 гг.) Национального архива Республики Калмыкия. *Цель исследования* — провести анализ видового состава документов, изучить порядок организации работы с ними и выяснить соответствие ведения делопроизводства и документооборота калмыцкого органа управления с общероссийскими нормами. Анализ проведен на примере рассмотрения вопроса о награждении эмчи-гелюнга Джалова медалью «За привитие оспы». *Результаты.* Документы Комиссии калмыцких дел являются уникальными письменными источниками по изучению организации ведения делопроизводства и документооборота в дореволюционной Калмыкии. Исследованные архивные документы, введенные в научный оборот, могут стать источником для дальнейшего изучения темы становления и развития системы здравоохранения в дореволюционной Калмыкии.

Ключевые слова: Правила 1825 г., Комиссия калмыцких дел, архивные документы, делопроизводство, документооборот, оспопрививание, калмыцкие улусы, медаль «За привитие оспы», Вольное экономическое общество

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. О порядке рассмотрения наградных материалов за оспопрививание в дореволюционной Калмыкии XIX в. (на примере архивного дела № 141 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия) // *Oriental Studies*. Т. 16. № 3. С. 602–615. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-602-615

Medal Awarding Procedures for Smallpox Vaccination in Nineteenth-Century Kalmykia: Analyzing File No. 141 of Collection И-2 ‘Kalmyk Affairs Commission’ at the National Archive of Kalmykia

Larisa B. Mandzhikova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation).

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Mandzhikova L. B., 2023

Abstract. *Introduction.* The early-to-mid 19th-century Kalmyk Steppe witnessed certain changes in the system of governing the Kalmyk people that were to introduce the region into the unified agenda of Russia’s administrative and territorial structures. And it was Kalmyk Affairs Commission that became the first agency to have implemented such administrative functions and solved issues related to the life of Kalmyks. Documents containing evidence of its activities were included in Collection-2 (similarly referred to as ‘Kalmyk Affairs Commission’, 1825–1836) of Kalmykia’s National Archive. *Goals.* The study attempts an analysis of the documents’ composition, investigates paperwork procedures adopted by the Commission, and explores whether (and to what extent) the latter actually complied with the then general nationwide norms of records keeping and management. These shall be achieved through an insight into the consideration of a petition insisting Emchi Gelyung Dzhlov be awarded a medal ‘For Smallpox Vaccination’. *Results.* Documents of Kalmyk Affairs Commission are unique written sources for the study of records keeping and management practices in pre-revolutionary Kalmykia. The examined archival materials hereby introduced into scientific circulation can also become a source for further research into the formation and development of pre-revolutionary Kalmykia’s healthcare system.

Keywords: Rules of 1825, Kalmyk Affairs Commission, archival documents, records keeping, document management, smallpox vaccination, Kalmyk uluses, medal ‘For Smallpox Vaccination’, Free Economic Society

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119090590086-0 ‘National Information Resources in Scientific and Cultural Space’.

For citation: Mandzhikova L. B. Medal Awarding Procedures for Smallpox Vaccination in Nineteenth-Century Kalmykia: Analyzing File No. 141 of Collection И-2 ‘Kalmyk Affairs Commission’ at the National Archive of Kalmykia. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 602–615. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-602-615

1. Введение

В настоящей статье автором продолжено исследование влияния проводимой в первой половине XIX в. реформы в российской системе по регулированию взаимоотношений императорской власти с органами власти по управлению инородцами, в том числе калмыками. Именно в эти годы в стране устанавливались единые требования к ведению делопроизводства во всех государственных учреждениях. Первым законодательным актом, регламентирующим деятельность верховных органов, стал закон от 25 июня 1811 г. «Общее учреждение министерств». В развитие данного закона и в целях регламентирования деятельности Комиссии калмыцких дел и других организаций были утверждены «Правила для управления калмыцким народом» от 10 марта 1825 г. [Правила 1825: 155–161; Государственное строительство 2009: 154–162].

Кроме того, данным нормативным документом регулировался порядок работы с документами. Исследование вопросов ведения делопроизводства в одном из регионов Российской империи в первой половине XIX в. является актуальной темой, так как в этот период в центральных государственных органах проводилась реформа делопроизводства, и возникает вопрос: каким же образом реформа повлияла на развитие делопроизводственных процессов в органах власти на местном уровне?

О данной проблеме писали в своих научных работах В. С. Емельянова, Е. В. Шушунова, С. А. Глотова, Ю. Н. Красникова [Емельянова 2012; Шушунова 2012; Глотова 2014; Красникова 2022].

Изучение вопросов ведения делопроизводства и документооборота в центральных и местных органах власти тесно связано с историей государственных учреждений в России, и поэтому представляют интерес научные труды Н. П. Ерошкина, Л. Е. Шепелева [Ерошкин 1968; Ерошкин 2008; Шепелев 2007].

В калмыцкой историографии тема ведения делопроизводства и документооборота в органах управления калмыцким народом является недостаточно исследованной. В

научных трудах ученых Калмыкии освещены лишь некоторые аспекты данной темы [Бурчинова 1980; Сусеева 2009; Гедеева 2018; Гедеева 2019; Лиджиева, Когданова 2018].

Исследование вопросов ведения делопроизводства и документооборота в органах власти по управлению калмыцким народом, появления новых видов документов, определения их функционального и целевого назначения в системе делопроизводства дореволюционной Калмыкии в первой половине XIX в., состава и содержания документов архивного фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» [НА РК. Ф. И-2] проведены Л. Б. Манджиковой [Манджикова 2022а; Манджикова 2022б].

В исследованных архивных документах фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» выявлено, что данный орган по управлению калмыцким народом курировал различные направления деятельности, в том числе вопросы, связанные с защитой здоровья калмыцкого народа.

Становлению и развитию системы здравоохранения, противоэпидемической деятельности и проведению вакцинации в Калмыцкой степи посвящены работы: [Душан 1925а; Душан 1925б; Душан 1926; Душан 2016; Бадугинова 2011; Бадугинова 2014; Авлиев 2014; Команджаев, Бадмаева 2021; Команджаев, Команджаев, Мийманбаева 2021; Команджаев, Команджаев, Амаева 2021].

А. А. Лебединский исследовал проблему высокой смертности калмыков и меры по борьбе с опасными заболеваниями [Лебединский 1927].

В исследовании темы борьбы с заразными заболеваниями особое место занимает вопрос об оспопрививании в калмыцких улусах. По данной теме написана научная статья В. Н. Авлиева и А. В. Манджиевой «Организация здравоохранения в Калмыцкой степи Астраханской губернии в первой половине XIX в.». Авторы статьи считают, что появление европейской медицины в Калмыцкой степи связано с оспопрививанием населения в 1811 г. [Авлиев, Манджиева 2015: 8].

В трехтомном издании «История Калмыкия с древнейших времен до наших дней» [История Калмыкии 2009], в диссертационных работах Л. В. Наминова [Наминов 1968] и М. В. Бадугиновой [Бадугинова 2018] имеются некоторые сведения об оспопрививании в Калмыцкой степи.

В статье И. В. Лиджиевой «Оспопрививание как направление деятельности инородческого управления» исследовано проведение в калмыцких улусах профилактических мероприятий по борьбе с натуральной оспой, а также вклад чиновников и калмыцких владельцев в проведении вакцинации [Лиджиева 2022: 32–38].

Представляет особый интерес статья японского ученого Такэхико Иноуэ «О разработке „Положения об оспопрививании в Калмыцких улусах (1839 г.)“» [Иноуэ 2013: 191–196], в которой он рассматривает проведение вакцинации от оспы в Калмыцкой степи, роль буддийских монахов в оспопрививании [Иноуэ 2013: 196].

В архивном деле рассматривается вопрос о награждении отличившихся в оспопрививании серебряной медалью «За привитие оспы» и о вкладе Вольного экономического общества в борьбе с оспой. Информация о данной медали имеется в энциклопедическом издании наградных медалей Российского государства, где указываются металл, из которого чеканилась та или иная медаль, размеры, предназначение, орденские ленты, правила ношения и сведения о награжденных. Кроме того, дается графическое изображение и краткая справка с изложением исторического события, в честь которого медали были учреждены [Чепурнов 2000: 292].

В калмыцкой историографии имеется немало научных исследований о государственном устройстве Калмыкии, деятельности органов власти по управлению калмыцким народом и принимаемых ими решениях, в том числе в сфере здравоохранения. В то же время мало изучены вопросы ведения делопроизводства и документооборота: порядка создания различных видов документов и их назначения; прохождения документов и принятия решения по ним. Данная тема не была предметом специального изучения и требует дальнейшего исследования. На примере рассмотре-

ния документов о награждении эмчи Джалова ставилась задача — исследовать регламент внесения на рассмотрение ходатайства о награждении, прохождения документов и церемонии вручения серебряной медали.

2. Материалы и методы

В процессе изучения состава и содержания архивного фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» применялись исторические методы исследования. Объектом исследования стало дело № 141 «О награждении Эркетенева улуса Эмчи Гелюнга Джалова за оспопрививание». Применение сравнительно-исторического метода позволило исследовать вопрос о вкладе калмыцких эмчи (врачевателей) и гелюнгов (священнослужителей) в борьбе с оспой и о порядке прохождения документов, содержащих сведения о награждении особо отличившегося эмчи-гелюнга Джалова серебряной медалью «За прививание оспы».

3. Краткие сведения о медали «За прививание оспы»

Известно, что государственной наградой Российской империи за успехи в борьбе с оспой стала медаль, которая так и называлась: «За прививание оспы» или «За оспопрививание». История появления данной медали описана в преамбуле закона № 153 от 16 февраля 1826 г. «О представл[ении] на Выс[очайшее] утвержд[ение] о награжд[ении] золотыми и сереб[рянными] медалями отличившихся по губерниям прививальщиков предохранительной оспы, для нош[ения] в петлице на зеленой ленте [Закон 1830а: 361].

Из текста документа следует, что на заседании Комитета министров от 23 января 1826 г. была заслушана докладная записка президента Вольного экономического общества (далее — ВЭО) адмирала Н. С. Мордвинова о награждении «Общества в награду тем из обученных в Губерниях прививальщиков предохранительной оспы, которые наиболее оказывали усердие в сем благородном деле» [Закон 1830а: 361]. Также были рассмотрены представленные образцы золотой и серебряной медалей «За прививание оспы». В своем обращении президент ВЭО просил «дозволения раздавать сии медали для ношения на зеленой ленте». При подписании журнала

начальник Главного штаба Его Императорского Величества И. И. Дибич представил особое мнение о том, что он «совершенно согласен» с предложением ВЭО, решениями Комитета министров и повелением Николая I. В то же время он считал, что «ношение медалей в петлицах означает знак отличия, жалование коего зависит от Высочайшей власти» [Закон 1830а: 361], и поэтому только император имеет право принимать решение о награждении отличившихся. Кроме того, Николай I дал указание, чтобы «чекан сих медалей был улучшен» [Закон 1830а: 361].

Позже, примерно через полтора года указом императора Николая I от 27 декабря 1827 г. № 1655 было высочайше утверждено положение Комитета министров «О дозволении чиновникам и Священникам давать за распространение оспопрививания¹ медалей без лент, а простолюдинам на том основании, как даются медали за спасение утопших и тому подобные случаи» [Закон 1830б: 1112–1114].

В соответствии с действовавшими общероссийскими нормативными требованиями по оформлению документов в первой половине XIX в. закон начинается с описания содержания обращения Вольного Экономического общества об исполнении «монаршего соизволения» организовать переписку со всеми Губернскими Оспенными комитетами, Гражданскими губернаторами и Дворянскими Представителями о распространении повсеместно прививания оспы. Общество сообщало, что ими одновременно было разослано в некоторые губернии по 13 500 руб. Также на протяжении двух лет направляли «на разных языках наставления, ланцеты, прививательные иглы и стекла с оспенною материей для безденежной раздачи и употребления по всем городам, селениям и домам» [Закон 1830б: 1113].

В документе также указывались сведения об успехах оспопрививания. ВЭО получало от «начальствующих лиц» рекомендации о награждении священников, чиновников, врачей и людей «низшего состояния разных званий», которые «усердствуя бескорыстно в благом и всеполезном деле оспопрививания, потрудились в оном с отличным успехом» [Закон 1830б: 1113].

На протяжении двух лет ВЭО собирало сведения об отличившихся оспопрививателях и составило два списка. В первый список вошли данные о 10 священниках, 5 чиновниках и 1 воспитаннике Санкт-Петербургского Воспитательного Дома, рекомендованных к награждению золотыми медалями. Во втором списке указано 105 человек разного звания, рекомендованных к «высочайшему утверждению тех списков» и к награждению серебряными медалями. Одновременно с медалью Общество предлагало вручать «особые листы» — удостоверения «об отличном прилежании и успехах», при этом предложило образец оформления удостоверения и порядок ношения данной медали [Закон 1830б: 1113].

Николай I, рассмотрев обращение ВЭО и мнения по данному вопросу, принял «высочайшее повеление»: священников и чиновников можно награждать без лент, а простолудинов «же можно дозволить на том основании как даются медали за спасение утопающих». Имеется в виду — в соответствии с порядком награждения медалью «За спасение утопавших», утвержденной Николаем I в 1827 г. Эту медаль можно было носить «в петлице или на ленте на шее» [Описание... 1908: 225].

Необходимо подчеркнуть, что в данном документе решение императора называется не «повеление», как в указе за 1826 г., а «резолюция, всеподданнейшая записка» о награждении разных лиц медалями за прививание предохранительной оспы [Закон 1830б: 1112].

Предложения ВЭО, получившие одобрение, стали внедряться в практику работы самого Общества и других органов, отвечавших за его исполнение как в центре, так и на окраинах России.

Общество образовало специальный оспопрививательный капитал из средств, выделяемых казной, ежегодных взносов приказов общественного призрения и частных пожертвований [Егорышева, Гончарова 2013: 47], рассылало по всей стране оспенную материю, инструменты, вело подготовку опытных оспопрививателей, распространяло инструкции (наставления) по оспопрививанию на русском и иностранных языках.

¹ Так в документе. — Л. М.

4. Архивное дело № 141 «О награждении Эркетенева улуса Эмчи Гелюнга Джалова за оспопрививание» как исторический источник

В архивном фонде И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия выявлены документы, в которых имеются сведения о деятельности органов управления калмыцким народом по борьбе с оспой, об успехах оспопрививания в калмыцких улусах и о награждении отличившихся. Для исследователей особый интерес представляет архивное дело № 141 «О награждении Эркетенева улуса Эмчи Гелюнга Джалова за оспопрививание» как по оформлению, так и по содержанию документов.

Обложка дела потускневшего горчичного цвета, посередине наклеена когда-то белая бумага, ныне бледно-бежевого цвета. В верхней части обложки имеется запись «Управление калмыцким народом», указывающая на принадлежность документа; по центру — заголовок дела. Дело датируется 30 сентября 1832 г. Также указано количество листов в деле, их подшито 64 листа. Кроме того, на обложке проставлено 3 архивных штампа. Первый штамп располагается в верхнем левом углу обложки. На штампе имеются следующие записи: на 1-й строке — Калм[ыцкий] Центрархив; на 2-й строке — Фонд № _; на 3-й — № 141. С правой стороны написаны две заглавные буквы «И» и «А», имеется в виду «Исторический архив». Штамп перечеркнут. Ниже расположен второй штамп: на 1-й строке — Астраханский; на 2-й строке — областной архив; на 3-й — Опись № 1. Штамп также перечеркнут. И третий штамп содержит следующие сведения: на 1-й строке — Центральный Госархив; на 2-й строке — Фонд № 2; на 3-й строке — Опись 1. Ед. хр. 141. Справа написано «Истархив». Наискось через весь лист обложки графитовым карандашом от руки написано: «Угасающие тексты».

При изучении состава документов выявлено, что в деле подшиты подлинники входящих документов, написанные на старокалмыцкой письменности *тодо бичиг* («ясное письмо»), и их переводы.

Первый документ, вошедший в дело № 141, начинается с указания адресата: «В Астраханскую Комиссию калмыцких

дел». Ниже написан адресант: «Казенного Эркетеновского улуса от Эмчи Гелюнга Джалова». В верхнем левом углу написано «Перевод», и далее идет текст письма-прошения, из которого следует, что «по воле Высшего Правительства в 1827 году было предписано избрать от улуса нашего сведущего в медицинской науке для обучения оспопрививанию, почему и вследствие того представления, улусом нашим и был таковым избран я, обучен русским казенным лекарем и в опытном иметь одного чрез прививание многим людям, снабжен от того Лекаря аттестатом, отпущен обратно в улусы» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 141. Л. 1].

Далее эмчи Джалов аргументирует свое прошение о награждении. Он пишет, что за год «мною сей предохранительной оспой привито 1 408 человек, которые без изъясна благополучно излечились, коим составил Ведомости, имею честь при сем представить и покорнейше просить Комиссию калмыцких дел о сделанной мною по сему оспопрививанию успехах, возможных¹ на меня по воле Вашего Правительства, представить на уважение кому будет следовать. У сего оспопрививателя Эмчи Гелюнга Джалов, руку и печать приложил».

Письмо заканчивается словами «Перевел хорунжий Андреев». В левом нижнем углу имеется запись: «30 сентября 1832 года по калмыцкому исчислению». На обороте листа находится само письмо эмчи-гелюнга Джалова, написанное на *тодо бичиг*, и поставлена сургучная печать темно-красного цвета.

Данное письмо представляет интерес тем, что в порядке по представлению к награждению медалью «За привитие оспы» не предусматривалось самовыдвижение, но эмчи Джалов сам написал письмо-прошение с просьбой о поощрении его за успехи в оспопрививании. Кроме того, из документа следует, что эмчи-гелюнг Джалов был избран, обучен, и он приобрел практические навыки по привитию оспы, получил аттестат, подтверждающий его навыки. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Калмыцкой степи принимались меры по борьбе с опасным заболеванием, и проводились они в соответствии с политикой российского государства, деятельностью

¹ Так в документе. — Л. М.

оспенного комитета и Вольного экономического общества, губернскими органами власти, Комиссией калмыцких дел.

4.1. О ходе рассмотрения донесения эмчи-гелюнга Джалова о награждении его медалью «За прививание оспы»

Исследование состава и содержания документов архивного дела № 141 позволило изучить порядок прохождения документов, их виды, а также изучить их назначение в процессе ведения делопроизводства.

На примере протокола заседания Астраханской Комиссии калмыцких дел от 18 февраля 1833 г. можно проследить рассмотрение донесения (в предыдущем документе письмо эмчи-гелюнга Джалова называлось прошение), о «представлении на уважение» за успехи в оспопрививании.

Протокол составлен в соответствии с действовавшими нормативными требованиями. В первой части раскрывается суть обращения эмчи-гелюнга Джалова и прохождения документа. Из протокола следует, что г. Главному Приставу было донесено о прошении эмчи-гелюнга Джалова с приложением ведомости о количестве привитых калмыков «предопределятельной» оспой и оказанной эмчи Джаловым пользы [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 32–32об.].

Комиссия калмыцких дел положила, т. е. приняла следующие решения: 1) «истребовать списки калмыков, коим привита в 1832 г. оспа» и представить «на благоуважение господину Министру внутренних дел через исправляющего должность Астраханского губернатора»; 2) «истребовать от правителей Эркетеновского улуса сведений, является ли эмчи опытным человеком, какого поведения»; 3) истребовать аттестат [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 141. Л. 27–27об.].

В соответствии с решением Комиссии в адрес правителя Эркетеновского улуса было направлено письмо (исх. № 36 от 14 марта 1833 г.) и затребованы интересующие Комиссию сведения [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 28].

Требуемые списки были представлены в Комиссию, и тому подтверждение — подшитые в деле № 141 листы синего цвета с номера 3 по 14. Текст написан на *тодо бичиг* чернилами черного цвета. Последующие листы с номера 15 по 26 — это перевод списка

калмыков Цитанова¹ рода, привитых оспой, с указанием фамилии, имени и возраста.

17 июня 1833 г. состоялось очередное заседание Астраханской Комиссии калмыцких дел, на котором во второй раз рассматривался вопрос «Об исходатайствовании Эркетенева улуса Эмчи Гелюнга Джалова о награждении [за] заслуги» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 32–33об.]. В протоколе зафиксированы сведения о рассмотрении прошения эмчи Джалова Министром внутренних дел и подписании им списка и предписания 17 февраля 1833 г. Данные документы в Комиссию внес 21 марта 1833 г. управляющий губернией — вице-губернатор. Он предложил немедленно составить записку и внести ее на рассмотрение Комиссии. Но Комиссия калмыцких дел, ссылаясь на решение от 18 февраля 1833 г., записанное в журнале, положила: «прежде чем Комиссия приступит к решительному заключению истребовать от правителей Эркетеновского улуса сведений — действительно ли проситель Джалов в искусстве оспопрививания есть опытный человек, какого поведения и каких лет», а от эмчи Джалова — представить аттестат. Также Комиссия приняла решение о направлении в Канцелярию военного губернатора «с сего журнала список» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 33об.].

Во исполнение решения Комиссии в адрес правителя Эркетеновского улуса было направлено письмо, в котором говорилось: «строго предписываю вам требуемые сведения и аттестат немедленно в Комиссию доставить, в противном случае взыскаю с вас по законам» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 34].

Справка о том, что эмчи-гелюнг Джалов является опытным оспопрививателем, была представлена. Ее подписали «правители Джамбра Церен Убуши и Церен Доржи, Самтан гелюнг Зюнгурова рода, гелюнг Шибеши, гелюнг Шебинерова рода Очир Ижириин Хомерпетова рода, Галдан Ибасанг» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 32].

О дальнейшем прохождении данного вопроса можно узнать из следующей группы документов, касающихся рассмотрения других двух вопросов, также прошедших первоначальное рассмотрение.

¹ Так в документе. — Л. М.

4.2. О завершающем этапе рассмотрения прошения эмчи-гелюнга Джалова и других просителей

Прошло около года с даты представления в Комиссию всех требуемых документов для принятия решения по прошению эмчи-гелюнга Джалова. Из письма Управления Астраханского военного губернатора по части гражданской от 27 марта 1834 г. в адрес «исправляющего должность» Главного калмыцкого пристава мы узнаем, что Главный пристав должен был представить сведения по трем прошениям, ранее направленных господину камергеру Муранову¹ и рассмотренных Комиссией калмыцких дел. В документе не была указана тематика обращений. Данные сведения должны были быть предоставлены Министру внутренних дел. Военный губернатор И. С. Тимирязев отмечал, что «доселе вами означенное требование не исполнено, и потому я подтверждаю о представлении означенных сведений ко мне» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 35–35об.]. Из следующего документа, датированного 27-м июня 1834 г., понятно, что Главный пристав так и не представил требуемые сведения [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 36].

В ходе проводимого исследования впервые встретился документ, в котором указывается его вид — «предложение». В данном письме-предложении от 29 ноября 1834 г., написанном И. С. Тимирязевым в адрес Комиссии, имелись разъяснения по темам обращения трех просителей: 1-я — от бывшего депутата Малодербетовского улуса Бакши Джамбо Гомонга «о дозволении ему выстроить молитвенный дом на земле того улуса»; 2-я — от калмыка эмчи Джалова об исходатайствовании ему награждения за распространение между калмыками оспопрививания; 3-я — от владелицы Надмите «о прибавке годового содержания к произведенной ей из доходов Яндыковского улуса».

Решение по первому вопросу было принято в октябре 1833 г.; по второму вопросу — «как видно из другого постановления от 17 июня 1833 г., требующих от правителей Эркетеневского улуса сведений, как в отношении искусства его в науке оспопрививания, так и в рассуждении поведения его» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141.

Л. 37об.]; по третьему вопросу — распоряжение, «которое сделано по сему предмету» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 37об.], еще не доставлено в Канцелярию.

Именно в этом документе мы находим мнение И. С. Тимирязева на прошение эмчи Джалова и владелицы Надмите. Он просит обратить внимание «на приведение в исполнение просьбы калмыка эмчи Джалова и владелицы Надмите, и о заключении, какое по нему следует доставить в Канцелярию мою сведения» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 37–38]. Таким образом, И. С. Тимирязев дал положительное заключение на их обращения.

Далее предпринимаются следующие действия. Комиссия калмыцких дел протокольным решением от 11 декабря 1834 г. затребовала от владельцев Эркетеневского улуса исполнения предписаний, строжайше подтвердить их и присовокупить [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 41–42]. В данном документе текст плохо читаем.

Во исполнение решения Комиссии правитель Эркетеневского улуса Уту Насунов представил справку о том, что эмчи-гелюнг Джалов «значится почетным поведением хорошего и при том он же хорошо умеет прививать оспу» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 43]. Письмо написано на *тодо бичиг* и переведено «за переводчика» Павловским. Это была вторая по счету справка, подтверждающая опыт оспопрививания эмчи Джалова. Первая была представлена владельцами, гелюнгами еще в 1833 г. [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 32]. Также повторно были запрошены аттестат, данный эмчи Джалову русским лекарем [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 45], и список калмыков, привитых оспой [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 53–54].

Когда все документы были представлены, Комиссия решила: «исходатайствовать о личном вознаграждении эмчи-гелюнга Джалова за усердие его в оспопрививании» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 49–51], и встал вопрос: «какой награды...заслуживает Джалов?» [НА РК. Ф. И- 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 52об.].

4.3. О награждении эмчи Джалова и Богдана Минганова (Манганова) серебряными медалями «За привитие оспы»

О дальнейшей судьбе вопроса о награждении эмчи-гелюнга Джалова можно

¹ Инициалы неизвестны.

узнать из документа «Список в Журнал Совета Калмыцкого управления, составленный 8 июня 1834 г.» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 141. Л. 55–55об.].

1 июня 1834 г. в Совет Калмыцкого управления поступило отношение Астраханского губернского оспенного комитета от 8 мая 1834 г. № 20, в котором сообщалось следующее. Императорское Вольное экономическое общество признает в числе прочих заслуги оспопрививателей гелюнга Богдана Минганова, подвластного владельцу Церен Арше, и эркетеневского эмчи Джалова, о которых ходатайствовала Астраханская Комиссия калмыцких дел. ВЭО считало представленные кандидатуры достойными награждения серебряными медалями для ношения в петлице на зеленой ленте. Общество направило в Астраханский губернский оспенный комитет две серебряные медали и свидетельства (удостоверение) на них. Совет решил отослать награды попечителям Яндыко-Икицохуровского и Эркетеневского улусов с тем, чтобы они в присутствии Улусного суда выдали им медали и свидетельства и получили расписки. Данные расписки должны были поступить в Совет «для отсылки» в Астраханский губернский оспенный комитет. Переписку по решению данного вопроса «из числа нерешенных исключить по получении от попечителей расписки» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 141. Л. 55об.].

Рапорт исправляющего должность попечителя Эркетеневского улуса был представлен в Совет Астраханского Калмыцкого управления 15 июля 1834 г. Он рапортовал: «Вследствие предписания Совета Калмыцкого управления от 14 июня № 2155 присланное свидетельство и серебряная медаль с навесной лентой в присутствии Улусного суда из калмыцких оспопрививателей эмчи-гелюнгу Джалову с распиской для ношения в петлице выдал, ... донести честь имею с приложением взятой с него расписки, ведомости улусного попечителя» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 141. Л. 54].

Последний документ, вошедший в дело № 141, — это письмо Совета Калмыцкого управления в адрес Астраханского оспенного комитета от 22 июля 1834 г. № 2574, в котором Совет извещал, что «имеет честь препроводить расписку, данную оспопрививателем эмчи Джаловым о получении пожалованной ему за оспопрививание се-

ребряной медали» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 141. Л. 58об.].

О том, что эмчи-гелюнг Джалов и гелюнг Богдан Минганов получили государственную награду, необходимо было уведомить Ламайское Духовное правление, всех калмыцких владельцев и правителей казенных улусов. Так завершилось рассмотрение прошения эмчи-гелюнга Джалова «представить на уважение» его успехи в оспопрививании в Эркетеневском улусе.

5. Заключение

Из вышеизложенного следует, что архивное дело № 141 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» является историческим источником по изучению вопросов здравоохранения, в части вакцинации населения на одной из окраин России. Дело представляет интерес тем, что, изучив виды документов, их оформления, можно исследовать порядок ведения делопроизводства и документооборота, выявить общие характерные черты и особенности в организации работы с документами в Калмыкии в первой половине XIX в., а также изучить новые виды документов, вошедшие в делопроизводственный процесс вследствие проведенной реформы в системе управления российского государства.

Из документов можно узнать о деятельности Вольного экономического общества, взаимоотношении Общества с верховной властью и местными органами управления.

Архивные источники свидетельствуют о вкладе калмыцких эмчей и гелюнгов в оспопрививание в калмыцких улусах. Особый интерес представляют документы, в которых описывается порядок вручения медалей «За привитие оспы», и свидетельства о награждении за особые заслуги в борьбе с оспой. О значимости столь высокой награды свидетельствуют документы, содержащие сведения о вкладе эмчи-гелюнга Джалова в оспопрививание и информацию об их повторном представлении в Комиссию калмыцких дел. Калмыцкие архивные документы подтверждают факт того, что серебряными медалями награждались лица любых сословий. Можно констатировать, что порядок внесения наградных документов, принятия решения и вручение заслуженных наград полностью соответствует общероссийским требованиям.

Необходимо отметить, что период рассмотрения прошения эмчи Джалова с 30 сентября 1833 г. по 15 июля 1834 г. составляет 9 месяцев, что для того времени является оптимальным сроком рассмотрения документа. В делопроизводстве (как для центральных органов управления, так и для учреждений по управлению калмыцким народом) была актуальна проблема излишней бюрократизации, вызванной порядком постоянного согласования решений, которая выражалась в медлительном прохождении документов [Красникова 2022: 455].

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия

Закон 1830а — Закон от 16 февраля 1826 г. № 153 «О представлении на Высочайшее утверждение о награждении золотыми и серебряными медалями отличающихся по губерниям прививальщиков предохранительной оспы, для ношения в петлице на зеленой ленте // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 1 (12 декабря 1825 – 1826). СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. С. 213.

Закон 1830б — Закон от 27 декабря 1827 г. № 1655 об утверждении положения Коми-

тета Министров «О дозволении чиновникам и Священникам давать за распространение оспопрививания медалей без лент, а простолюдинам на том основании, как даются медали за спасение утопших, и тому подобные случаи» // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 2 (1827). СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. С. 1112–1114.

Правила 1825 — Правила для управления калмыцкого народа. 10 марта 1825 г. (№ 30290) // Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). Собр. I. Т. 40 (1825). СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. С. 155–161.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Governing Rules for the Kalmyk People of 10 March 1825 no. 30290. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 1649–1825. Coll. 1. Vol. 40 (1825). St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1830. Pp. 155–161. (In Russ.)

Law of 16 February 1826 no. 153 on Singling out Smallpox Vaccinators for Gold and Silver Medal Rewards to Be Imperially Approved and Worn on the Colored (Green) Patch. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. 1: 12 December 1825 – 1826. St.

Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1830. P. 213. (In Russ.)

Law of 27 December 1827 no. 1655 on Approving the Regulations [Developed] by the Committee of Ministers Affording That Officials and Priests May Receive Medals without Colored Patches for Smallpox Vaccination Efforts, Given That Commoners Be Granted the Latter Just Like in Cases of Lifesaving and Similar. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. 2: 1827. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1830. Pp. 1112–1114. (In Russ.)

Литература

Авлиев 2014 — Авлиев В. Н. История эпидемии натуральной оспы у калмыков в условиях кочевого образа жизни (начало XIX в.) [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15994> (дата обращения: 07.05.2023).

Авлиев, Манджиева 2015 — Авлиев В. Н., Манджиева А. В. Организация здравоохранения в Калмыцкой степи Астраханской губернии в первой половине XIX в. // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 4(28). С. 4–8.

Бадугинова 2011 — Бадугинова М. В. Борьба с эпидемиями в Калмыцкой степи в XIX – на-

- чале XX вв. // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. Ч. II. С. 178–182.
- Бадугинова 2014 — *Бадугинова М. В.* Экспедиция П. Ю. Берлина в Калмыкию (1925 г.) и ее значение в развитии здравоохранения республики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 3. С. 30–36.
- Бадугинова 2018 — *Бадугинова М. В.* Здравоохранение Калмыкии в конце XIX – первой половине XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Грозный, 2018. 29 с.
- Бурчинова 1980 — *Бурчинова Л. С.* Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.) / отв. ред. Б. Г. Литвак. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.
- Гедеева 2018 — *Гедеева Д. Б.* О слове *biçiq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв. // Oriental Studies. 2018. № 5. С. 145–150. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-145-151
- Гедеева 2019 — *Гедеева Д. Б.* Архивные письма XVIII в. как памятники калмыцкой деловой письменности // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 октября 2019 г.) / отв. ред. А. В. Псянчин. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2019. С. 107–109.
- Глотова 2014 — *Глотова С. А.* Возникновение и тенденции развития распорядительной документации в России в дореволюционный период // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Документалистика. Документоведение. Архивоведение». 2014. № 2(124). С. 70–77.
- Государственное строительство 2009 — Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв. Сб. док-тов и мат-лов / сост.: А. В. Цюрюмов, Л. П. Коженбаева, Е. Н. Убушаев, Л. Б. Шалданова. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 399 с.
- Душан 1925а — *Душан У. Д.* Общий обзор медико-санитарного дела в Калмыцкой степи // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 50–75.
- Душан 1925б — *Душан У. Д.* Общий обзор медико-санитарного дела в Калмыцкой степи // Калмыцкая область. 1925. № 3. С. 30–51.
- Душан 1926 — *Душан У. Д.* Общий обзор медико-санитарного дела в Калмыцкой степи // Калмыцкая область. 1926. № 1(4). С. 78–94.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Егорышева, Гончарова 2013 — *Егорышева И. В., Гончарова С. Г.* Вклад вольного экономического общества в изучение проблемы детской смертности [электронный ресурс] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 4. С. 47–48.
- Емельянова 2012 — *Емельянова В. С.* Делопр-изводство в России как элемент системы государственного управления: историко-правовой анализ // Право и безопасность. 2012. № 3–4(43). С. 129–134.
- Ерошкин 1968 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
- Ерошкин 2008 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
- Иноуэ 2013 — *Иноуэ Такехико.* О разработке «Положения об оспопрививании в калмыцких улусах» (1839): по материалам переписки И. С. Тимирязева и П. Д. Киселева) // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. Астрахань: Сорокин Р. В., 2013. Вып. 5. С. 191–195.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Команджаев, Бадмаева 2021 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е.* Эпидемические заболевания в Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX – начале XX в. // Oriental Studies. 2021. № 1. С. 43–55. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55
- Команджаев, Команджаев, Мийманбаева 2021 — *Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., Мийманбаева Ф. Н.* Система здравоохранения в Калмыцкой степи в начале XX в. // Oriental Studies. 2021. № 5. С. 919–928. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-919-928.
- Команджаев, Команджаев, Амаева 2021 — *Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., Амаева Д. В.* Становление системы здравоохранения Калмыкии во второй половине XIX в. // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 4(52). С. 16–23. DOI: 10.53315/1995-0713-2021-52-4-16-23.
- Красникова 2022 — *Красникова Ю. Н.* Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамен-

- та уделов) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 451–469. DOI: 10.24224/22271295-2022-11-4-451-469
- Лебединский 1927 — *Лебединский А. А.* К вопросу о вымирании калмыков. Астрахань: Калмоблиздат, 1927. 45 с.
- Лиджиева, Когданова 2018 — *Лиджиева И. В., Когданова Б. В.* Делопроизводственная практика управления калмыцким народом // *Oriental Studies*. 2018. № 2. С. 29–37. DOI 10.22162/2075-7794-2018-362-29-37
- Лиджиева 2022 — *Лиджиева И. В.* Оспори-вание как направление деятельности инородческого управления // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. № 2(71). С. 32–38. DOI: 10.54398/1818510X_2022_2_32
- Манджикова 2022a — *Манджикова Л. Б.* Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2022. № 2. С. 70–87. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-70-87.
- Манджикова 2022b — *Манджикова Л. Б.* Документы Комиссии калмыцких дел как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в XIX в. (на примере рассмотрения прошения калмыцкого владельца Э. Ц. Кичикова о дозволении носить бронзовую медаль) // *Oriental Studies*. 2022. № 5. С. 1126–1135. DOI: 10.22162/2619-09902022-63-5-1126-1135.
- Наминов 1968 — *Наминов Л. В.* История организации здравоохранения и лечебной помощи в Калмыцкой АССР: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Ростов н/Д, 1968. 18 с.
- Описание... 1908 — Описание русских медалей / сост. В. П. Смирнов. СПб.: Изд-е С.-Петербургского Монетного двора, 1908. 752 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов и их современников (1713–1771 гг.). Избранное / сост.: Л. Б. Шалданова, Г. С. Санджиева. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 992 с.
- Чепурнов 2000 — *Чепурнов Н. И.* Наградные медали Государства Российского. М.: Русский мир, 2000. 768 с.
- Шепелев 2007 — *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 461 с.
- Шушунова 2012 — *Шушунова Е. В.* Реформа министерского делопроизводства в первой половине XIX столетия // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России*. 2012. № 2(18). С. 55–59.

References

- Avliev V. N. History of epidemic variola Kalmyks under nomadic way of life (Early XIX c.). *Modern Problems of Science and Education*. 2014. No. 6. Pp. 1485–1485. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15994> (accessed: 7 May 2023). (In Russ.)
- Avliev V. N., Mandzhieva A. V. The development of health care system in the Kalmyk Steppe of Astrakhan Region in the early XIX-th century). *Bulletin of Kalmyk University*. 2015. No. 4(28). Pp. 4–8. (In Russ.)
- Baduginova M. V. Combating epidemics across Kalmyk Steppe in the 19th and early 20th centuries. In: *Humanities in South Russia. International and Interregional Cooperation. Conference proceedings* (Elista, 20–23 September 2011). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. Pt. 2. Pp. 178–182. (In Russ.)
- Baduginova M. V. Kalmykia's Health Service: Late 19th to Mid-20th Centuries. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Grozny, 2018. 29 p. (In Russ.)
- Baduginova M. V. P.Y. Berlin's expedition to Kalmykia in 1925 and its significance for developing the republic's health service. *Oriental Studies*. 2014. No. 3. Pp. 30–36. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Issues of Source Studies and Historical Research of Kalmykia: Mid-to-Late 19th Century. B. Litvak (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 118 p. (In Russ.)
- Chepurnov N. I. Tsardom of Russia and Its Medals. Moscow: Russkiy Mir, 2000. 768 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Health affairs in Kalmyk Steppe: A general review. *Health affairs in Kalmyk Steppe: A general review*. 1925. No. 3. Pp. 30–51. (In Russ.)
- Dushan U. D. Health affairs in Kalmyk Steppe: A general review. *Kalmytskaya oblast'*. 1925. No. 2. Pp. 50–75. (In Russ.)
- Dushan U. D. Health affairs in Kalmyk Steppe: A general review. *Kalmytskaya oblast'*. 1926. No. 1(4). Pp. 78–94. (In Russ.)
- Dushan U. D. Selected Works. V. Batyrov, T. Shar-aeva (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)

- Emel'yanova V. S. Clerical work in Russia as an element of the system of state management: Historical and legal analysis. *Pravo i bezopasnost'*. 2012. No. 3–4(43). Pp. 129–134. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Archival letters of the 18th century as monuments of Kalmyk business writing. In: Psyanchin A. V. (ed.) *Bashkir Language and Literature in the Context of Globalization and a Multi-Ethnic Environment: Experience and Prospect*. Conference proceedings (Ufa, 22–25 October 2019). Ufa: Institute of History, Language and Literature (UFRS RAS), 2019. Pp. 107–109. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. The word *bičiq* in the language of official Kalmyk writing: 18th–19th centuries. *Oriental Studies*. 2018. No. 5. Pp. 145–150. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-145-151
- Glotova S. A. The appearance and tendencies of development of administrative documentation in Russia in pre-revolutionary period. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Records Management. Archives Administration*. 2014. No. 2(124). Pp. 70–77. (In Russ.)
- Inoue T. How the Regulations for Smallpox Vaccination in Kalmyk Uluses (1839) were formulated: Evidence from the correspondence between I. Timiryazev and P. Kiselev. In: [Public] Readings in Astrakhan History. Collected papers. Astrakhan: R. Sorokin, 2013. Vol. 5. Pp. 191–195. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Epidemic diseases, late 19th – early 20th centuries. *Oriental Studies*. 2021. No. 1. Pp. 43–55. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55
- Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Amaeva D. V. The development of the system of healthcare in Kalmykia in the second half of the XIX century. *Bulletin of Kalmyk University*. 2021. No. 4(52). Pp. 16–23. (In Russ.) DOI: 10.53315/1995-0713-2021-52-4-16-23.
- Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Miymanbaeva F. N. Public healthcare system in early 20th century Kalmyk Steppe. *Oriental Studies*. 2021. No. 5. Pp. 919–928. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-919-928.
- Krasnikova Yu. N. Evolution of office work in state institutions of Russian Empire in first half of 19th century (On example of Department of Appanages). *Nauchnyi dialog*. 2022. Vol. 11. No. 4. Pp. 451–469. (In Russ.) DOI: 10.24224/22271295-2022-11-4-451-469.
- Lebedinsky A. A. Kalmyk Depopulation Revisited. Astrakhan: Kalmyk Oblast Publ. House, 1927. 45 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. Smallpox as an activity of the foreign management. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2022. No. 2(71). Pp. 32–38. (In Russ.) DOI: 10.54398/1818510Kh_2022_2_32
- Lidzhieva I. V., Kogdanova B. V. The Administrative Office of the Kalmyk People: Records management practices. *Oriental Studies*. 2018. No. 2. Pp. 29–37. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2018-362-29-37
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Collection II-2 'Kalmyk Affairs Commission, 1825–1836' (National Archive, Elista) as a source in the history of government agencies and pre-revolutionary Kalmykia: Some issues of records management revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 2. Pp. 70–87. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-70-87.
- Mandzhikova L. B. Documents of the Kalmyk Affairs Commission as a source for the study of 19th-century Kalmykia's records keeping and management procedures: One petition by the Kalmyk nobleman E. Ts. Kichikov requesting a permission to wear the bronze medal analyzed. *Oriental Studies*. 2022. No. 5. Pp. 1126–1135. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135.
- Medal for Lifesaving. On: Wikipedia. The Free Encyclopedia. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Medal'_«Za_spasenie_utopavshikh» (accessed: 3 July 2023). (In Russ.)
- Naminov L. V. Public Health and Medical Assistance in the Kalmyk ASSR: A History. Cand. Sc. (medicine) thesis abstract. Rostov-on-Don, 1968. 18 p. (In Russ.)
- Shepelev L. E. Russian Governments under Alexander I and Nicholas I. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB, 2007. 461 p. (In Russ.)
- Shushunova E. V. The reform of ministerial office work in the first half of the XIX century. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. No. 2(18). Pp. 55–59. (In Russ.)
- Smirnov V. P. (comp.) Descriptions of Russian Medals. St. Petersburg: St. Petersburg Mint, 1908. 752 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries: 1713–1771. Selected texts. L. Shaldanova, G. Sandzhieva (comps.). Elista: Dzhangar, 2009. 992 p. (In Russ.)

- Tsyuryumov A. V. (comp., ed.) State-Building in Kalmykia: 17th to 21st Centuries. Collected documents and materials. Elista: Dzhangar, 2009. 399 p. (In Russ.)
- Yegorysheva I. V., Gontcharova S. G. The input of the Free Economic Society in study of issues of children mortality. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2013. No. 4. Pp. 47–48. Available at: [https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-volnogo-eko-](https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-volnogo-ekonomicheskogo-obschestva-v-izuchenie-problemy-detskoy-smernosti/viewer)
- [nomicheskogo-obschestva-v-izuchenie-problemy-detskoy-smernosti/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-volnogo-ekonomicheskogo-obschestva-v-izuchenie-problemy-detskoy-smernosti/viewer) (accessed: 3 May 2023). (In Russ.)
- Yeroshkin N. P. Government Agencies in Pre-Revolutionary Russia: A History. Moscow: Vysshaya Shkola, 1968. 368 p. (In Russ.)
- Yeroshkin N. P. Government Agencies in Pre-Revolutionary Russia: A History. Moscow: RSUH, 2008. 710 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 3, Pp. 616–646, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-616-646

Рукопись на *тодо бичиг* «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči хуγāngγu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание») из Научного архива Калмыцкого научного центра РАН: проблемы археографического описания, транслитерации и перевода

Деляш Николаевна Музраева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-8619-9369. E-mail: [deliash\[at\]mail.ru](mailto:deliash[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Музраева Д. Н., 2023

Аннотация. *Введение.* Проблема установления первоисточников рукописных сборников и подборок текстов на *тодо бичиг*, сохранившихся у калмыков, выявление их составляющих компонентов, установление их первоисточника на тибетском языке продолжает оставаться актуальным направлением ойратоведения и монголоведения в целом. *Цель* исследования — выполнить археографическое описание, транслитерацию и перевод, тем самым ввести в научный оборот образец ойратского рукописного сборника, сохранившегося у калмыков и отражающего культ почитания Будды Амиабхи и его Чистой земли. *Материалом* исследования послужил текст рукописного сборника под названием «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči хуγāngγu» из Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (Фонд О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи)). *Результаты.* Рукопись представляет собой образец текстов, составленных на поздних этапах использования *тодо бичиг* среди калмыков. Для нее характерны ошибочные написания графем, слов, отсутствие пунктуационных знаков, что усложняет выполнение транслитерации и перевода. Особый интерес представляют имеющиеся в колофоне сведения об авторе тибетского первоисточника, взятого за основу перевода на ойратский язык и включенного в сборник, — известном тибетском буддийском проповеднике конца XIII – середины XIV в. Дёлпопа Шераб Гьелцене. Данный текст является свидетельством того, что калмыцкие священнослужители создавали краткие подборки сочинений, предназначенные для совершения различных культов и практик, в том числе культа почитания Будды Амиабхи, его Чистой земли, а также практики принятия обета о получении рождения в этой райской области Сукхавати.

Ключевые слова: буддизм, письменные источники, *тодо бичиг* («ясное письмо»), рукопись, археографическое описание, Амиабха, Сукхавати, благопожелание

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Музраева Д. Н. Рукопись на *тодо бичиг* «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание») из Научного архива Калмыцкого научного центра РАН: проблемы археографического описания, транслитерации и перевода // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 616–646. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-616-646

***Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu* ('A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes'): Archaeographic Description, Transliteration and Translation of the Clear Script Manuscript Stored at Kalmyk Scientific Center of the RAS**

*Delia N. Muzraeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-8619-9369. E-mail: delia[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Muzraeva D. N., 2023

Abstract. Introduction. The issues of identifying primary sources for handwritten Oirat-language (Clear Script) collections and selections of texts preserved by Kalmyks, delineating their constituent elements, finding correspondences between the former and Tibetan-language works still constitute a topical area of Oirat and Mongolian studies at large. **Goals.** The study aims to perform an archaeographic description, transliterate, and translate the text under consideration to introduce into scientific circulation this Oirat-language handwritten collection attesting to that the cult of Buddha Amitabha and his pure land has existed among Kalmyks. **Materials.** The work investigates the handwritten collection titled 'Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu' from scientific archives of Kalmyk Scientific Center RAS (O. Dordzhiev / Rev. Tugmyud Gavji Collection). **Results.** The manuscript comprises texts compiled at later stages of Clear Script's dissemination among Kalmyks. It is characterized by erroneous spellings of graphemes, words, lack of punctuation marks, which complicates transliteration and translation efforts. It is the colophon that contains most interesting data about the author of the original Tibetan-language text which served as a basis for the Oirat translation included in the collection — Dolpopa Sherab Gyaltzen, a renowned Tibetan Buddhist preacher (late 13th – mid-14th cc.). This text is evidence that Kalmyk clerics did create short collections of compositions to perform various cults and practices, including those aimed at worshipping Buddha Amitabha, his pure land, and taking vows for rebirth in heavenly realms of Sukhavati.

Keywords: Buddhism, written sources, *todo bičiq* (Clear Script), manuscript, archaeographic description, Amitabha, Sukhavati, auspiciousness

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Muzraeva D. N. *Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu* ('A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes'): Archaeographic Description, Transliteration and Translation of the Clear Script Manuscript Stored at Kalmyk Scientific Center of the RAS. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 616–646. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-616-646

1. Введение. О сборниках и подборках текстов в буддийских коллекциях Калмыкии (тематика текстов, причина составления и бытования в среде верующих)

Одной из актуальных задач историко-этнографического исследования письменных памятников на ойратском «ясном письме» (*тодо бичиг*), сохранившихся у калмыков к началу XX в., продолжает оставаться проблема установления их первоисточников, их сопоставление с известными буддийскими сочинениями. Эта задача усложняется в случае объединения двух или нескольких сочинений в один сборник или подборку текстов. При этом надо отметить, что в подобные сборники тексты могли включаться не в полном объеме, а в сокращенном виде. Все зависело от воли составителя-переписчика, задачи, которую он ставил перед собой, обстоятельств и периода времени составления той или иной рукописи (рукописного сборника).

Из востоковедной литературы, содержащей описание коллекций буддийских письменных источников, имевших хождение среди калмыков, бурят и тувинцев, хорошо известен тибетский сборник «Сундуй» (от тиб. *gzungs 'dus*), включающий сочинения разных жанров и отраслей знания, которые применялись в ежедневной практике рецитации, проведении различных религиозных обрядов, служившие своего рода символом всего многообразия буддийского собрания священных текстов [Зорин, Сизова 2013]. В фондах Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (далее — НА КалмНЦ РАН) представлены два ксилографических издания этого сборника: однотомный [Музраева 2018] и состоящий из двух томов [Музраева 2019].

Нельзя не отметить, что, помимо таких сборников, как указанный выше, в коллекциях буддийских памятников часто можно обнаружить подборки текстов, объединенных по тематике, принадлежности определенной специализации, по которой проходил обучение в буддийских академиях тот или иной священнослужитель, обращенности к определенным божествам буддийского пантеона.

Последнее является свидетельством распространения тех или иных культов божеств среди верующих.

Одним из таких сборников является рукописный сборник, записанный на ойратском *тодо бичиг* («ясном письме») из коллекции Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева), именуемый «*Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči хугāngγu*» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати¹ и благопожелание (благожелание)») [SOB]. Он включен в описание ойратских и монгольских письменных источников Научного архива КалмНЦ РАН [Орлова 2002: 25].

Общая характеристика структуры и содержания этой рукописи была дана нами в одной из предыдущих публикаций [Музраева 2023]. Предварительный анализ ее содержания показал, что тематически в нем можно выделить три структурных составляющих: 1) описание страны Сукхавати; 2) описание культа почитания Амиабхи и 3) благопожелание о получении рождения в стране Сукхавати.

В данной публикации мы представляем археографическое описание рукописного сборника, а также его транслитерацию и комментированный перевод (далее см. факсимиле рукописи «*Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči хугāngγu*» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», лл. 1а–9а).

2. Археографическое описание рукописи

В исследуемой рукописи присутствуют все те характеристики, которые свойственны образцам текстов, составленным на поздних этапах использования *тодо бичиг* среди калмыков, а именно: ошибки в написании графем, слов, в расстановке пунктуа-

¹ Сукхавати (санскр. *sukhāvātī*, тиб. *bde ba can* ‘благословенный; радостный, довольный; название рая Амиабхи’; встречается в сочетании: тиб. *bde ba can gyi zhing bkod*; *bde ba can gyi zhing khams* ‘область рая Сукхавати, сфера Амиабхи’ [Перих 1985: 265]); ‘благословенный; обладающий блаженством; небесная страна счастья; название рая Будды Амиабхи’ [Андросов 2011: 345].

ционных знаков и проч. К сожалению, в ней нет никаких датировок, поэтому, основываясь на характеристиках бумаги, материалов письма, можно предположить, что данный список мог быть составлен не позднее первой трети XX в.

Текст рукописи записан на русской бумаге, пером, черной тушью ровным почерком (окончания графем тонкие, графемы с закругленными штрихами в финали слегка размашисты, для основной вертикальной черты характерны тонкие линии, диакритические знаки примыкают к ней довольно близко). Элементы скорописи отсутствуют. На каждой стороне листа текст обрамлен тонкой рамкой, выполненной черной тушью. На листе насчитывается 17 строк, которые располагаются параллельно короткой стороне листа, интервалы между строк ровные, их наполнение равномерное, без больших пропусков в конце строк.

Среди особенностей графического оформления настоящей рукописи можно указать на ошибочные написания отдельных графем, подмена одних графем другими (либо это связано с кодировкой, принятой самим переписчиком-составителем), в отдельных случаях отсутствие диакритического знака в виде точки, характерного для написания согласной *n*, нарушение принципа сингармонизма. Повсеместно в тексте представлены лишние штрихи в виде коротких зубцов влево от основной вертикальной черты, который соответствует гласной *a* в медиальной позиции. Обращает на себя внимание и постановка знака долготы в виде короткого зубца вправо от основной вертикальной черты: иногда он бывает излишним, иногда опускается.

В тексте рукописи можно отметить частое отсутствие пунктуационных знаков в виде двух точек в конце предложений и одной точки — при перечислении.

В завершение анализа археографических особенностей ойратской рукописи отметим, что в работах, затрагивающих вопрос о причине ошибочного написания в ойратских текстах, все встречающиеся ошибки подразделяются на графические, орфографические, пунктуационные, стилистические и просто пропуски слов. Объясняются они расхождениями, которые существуют между устной и письменной формами ойратского (калмыцкого) языка.

Большой интерес к разночтениям в на-

писании гласных в текстах на монгольской письменности и *тодо бичиг* в свое время проявляли классики монголистики (К. Ф. Голстунский, А. А. Бобровников, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, Г. Д. Санжеев). Г. Д. Санжеев писал, что разночтения в ойратском письменном языке можно сгруппировать по формам смещения гласных (например, *a~u* после *у*, *уу* предыдущего слога; *e~u* после *e* предыдущего слога; *e~и* во втором слоге) [Санжеев 1977: 78–133]. Раскрывая причину подобных явлений, Г. Д. Санжеев указывал, что она кроется в стремлении писцов найти компромисс между реальным звучанием гласных в ойратских диалектах и традицией орфографии старописьменного монгольского языка [Санжеев 1977: 78].

В дополнение к сказанному мы можем добавить, что одна из причин состоит в том, что, возможно, тексты не просто переписывались, а могли быть воспроизведены (восстановлены) писцом по памяти.

3. Сведения об авторе, содержащиеся в колофоне ойратской рукописи

В послесловии ойратской рукописи приводится имя автора-составителя без указания полного названия сочинения. Имя записано с отходом от классического написания тибетских имен в ойратских текстах (ойр. *adol bā po: šešaru rgyal maqcaan*, что является передачей тиб. *dol po pa shes rab rgyal mtshan*). Им является Дёлпопа Шераб Гьелцен¹ (1292–1361). Сведения о нем, его трудах можно почерпнуть в материалах электронных ресурсов тибетских буддийских текстов. Он является одним из известных буддийских учителей Тибета. Его деятельность была связана в начале пути с традицией Сакья, от учителей которой он получил посвящение и стал экспертом в традиции Калачакры, в дальнейшем стал главной фигурой традиции Джонанг [Stearns 1999]. Одним из прославленных учителей последней из перечисленных традиций является Таранатха (1575–1634).

Сочинение, которое посвящено Блаженной чистой земле Амиабхи, имеет титул «*Rang gzhan bde ba can du skye ba'i thabs mchog ces bya ba bde ba can gyi mdo'i spyi*

¹ Монголизированное произношение этого имени может быть представлено как Долпоба Шераб Джалцан. Первая часть имени указывает на регион Дёлпо, где он родился (в настоящее время — территория современного Непала).

don» («Общий смысл „Сукхавати сутры“¹ под названием „Совершенный для себя и для других метод получения рождения в Блаженной чистой земле“») [*Thabs mchog*]. Оно входит в состав сумбума (собрания сочинений) Дёлпопа Шераб Гьелцена.

Среди сочинений этого автора, имеющих отношение к западному раю Будды Амитабхи, упоминаются: «Молитва о получении рождения в Сукхавати» (тиб. *bde ba can du skye ba 'dzin pa'i smon lam* или *dol po shes rab rgyal mtshan gyi bde smon*), «Молитва-пранидхана о перерождении в Сукхавати, составленная Великим всеведущим» (тиб. *kun mkhyen chen pos mdzad pa'i bde ba can gyi zhing gi bstod smon*). Выяснение вопроса, какое из сочинений тибетского автора, какие фрагменты из них были взяты за основу ойратского рукописного сборника, требует привлечения соответствующих текстов и проведения сопоставительного текстологического анализа.

4. Пояснения к транслитерации и переводу ойратского текста

Транслитерация и перевод представлены в виде таблицы. В первом столбце указаны интервалы фрагментов текста: в квадратных скобках номер листа с указанием его лицевой [2a] и оборотной стороны [2b], в круглых скобках — нумерация строк от (1) до (17). Во втором столбце в тексте транслитерации границы строк указаны косой чертой (/). Если границы строк проходят внутри слова, мы проставляем косую черту без пробелов (например, *xong/xo*, *del/keyin*), если на границе словоизменяемых морфем (аффиксов), то после косой черты вставляется дефис (например, *oron/-du*, *čimeq/-yēr*). Две косые чер-

ты в транслитерации проставлены на границе листов.

В круглых скобках со знаком равенства мы приводим написания слов, принятые в классическом ойратском языке. Все ошибочные написания графем (букв), отличающиеся от написания слов в классическом ойратском языке, выделены подчеркиванием. Так, к примеру, лишние штрихи в виде короткого зубца обозначаем в транслитерации как *a*, но отмечаем подчеркиванием в силу ошибочного написания (*abaxü-du*, *čulaḡān-nuḡüüd*, *arilaḡan*, *oračilang*). В тех случаях, когда в мягкорядном слове требуется написание *ii* или *ö*, мы наблюдаем их подмену гласной твердого ряда *u* (*tuḡ* вместо *töb*, *zuqtü* вместо *züqtü*).

Случаи ошибочной постановки знака долготы отмечаем подчеркиванием (*kilēncē*, *uzesakēleng-tei*, *tüñi*), в то же время есть примеры отсутствия знака долготы там, где это необходимо (*dere* вместе *dēre*, *suji* вместо *sūji* или *soḡji*).

В отдельных случаях в квадратных скобках приводятся восстановленные графемы (слоги), пропущенные в словах, а также, за редким исключением, восстановленные знаки пунктуации. Поскольку текст отличается отсутствием большинства этих знаков, при переводе мы руководствовались общим смыслом, логикой подачи материала и его тематикой.

В русском переводе, размещенном в третьем столбце таблицы, используются круглые скобки, в которых приводятся варианты переводов некоторых слов (терминов, словосочетаний), в квадратных скобках представлены дополнительные слова, поясняющие русский перевод.

Транслитерация и перевод ойратского рукописного сборника

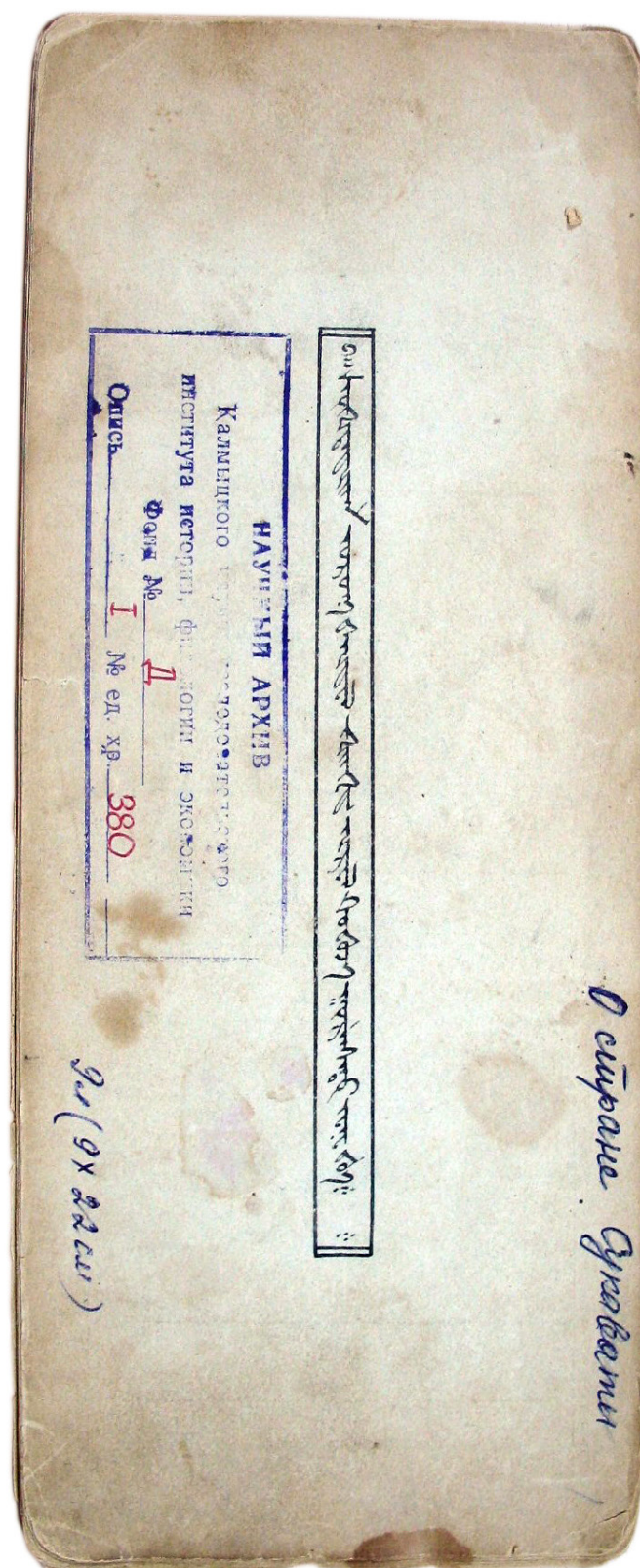
	Ойр.	Рус. перевод
Тит. л.	Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel² tobči xyrāngyū [SOB]	Краткий сборник, [включающий] описание³ страны Сукхавати и благопожелание⁴
[1b (1)]	Namo guru Mañju go ха уā:	«Поклоняюсь Манджугоше!»
(2–4)	Sukhvadiyīn oroni bayidal / keyigēd irel (=yöröl) tobči xyrāngyū / ene bui:	Это краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благожелание (благопожелание).

¹ Или «Сутры о Море блаженства».

² В титуле и далее в тексте написание данного слова со значением «благожелание; пожелание» отличается от написания в классическом *тодо бичиг*: должно быть *yöröl* (см. [Позднеев 1911: 278]).

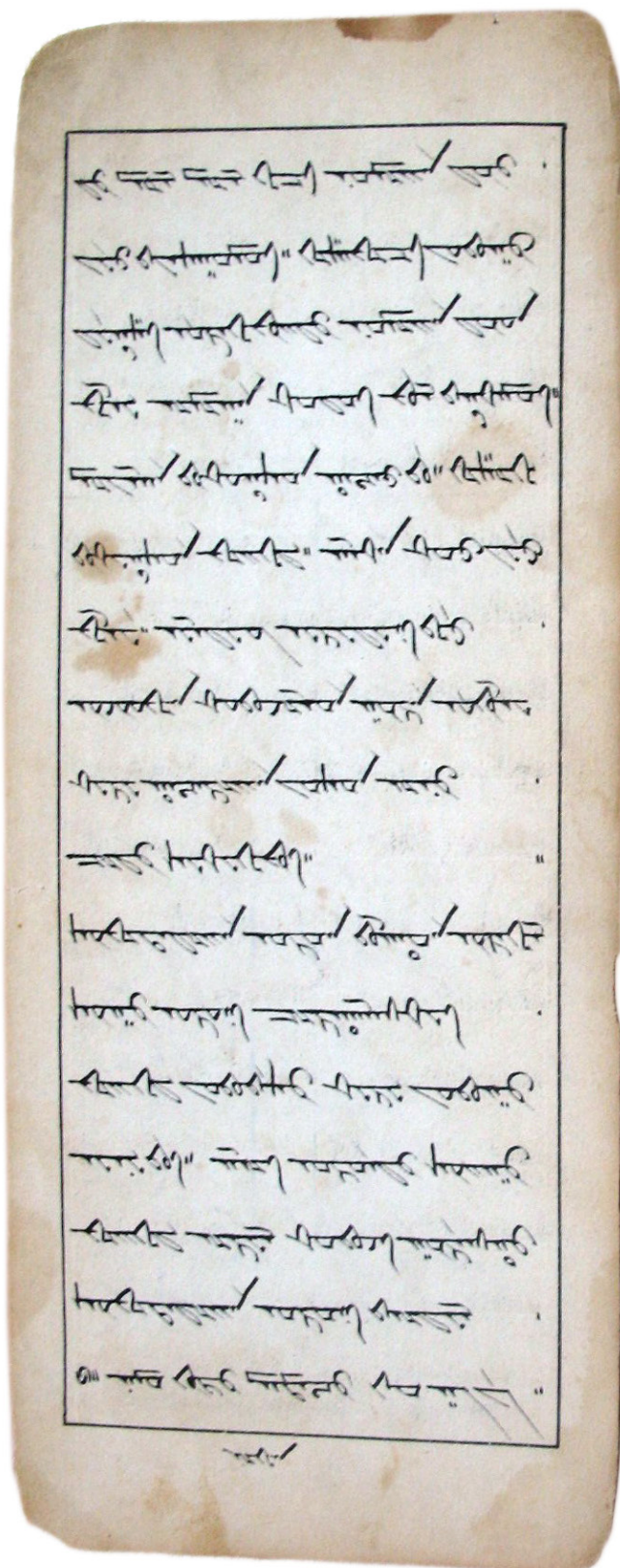
³ Букв. 'состояние'.

⁴ В переводах начала XX в. это слово чаще передается как 'благожелание'.

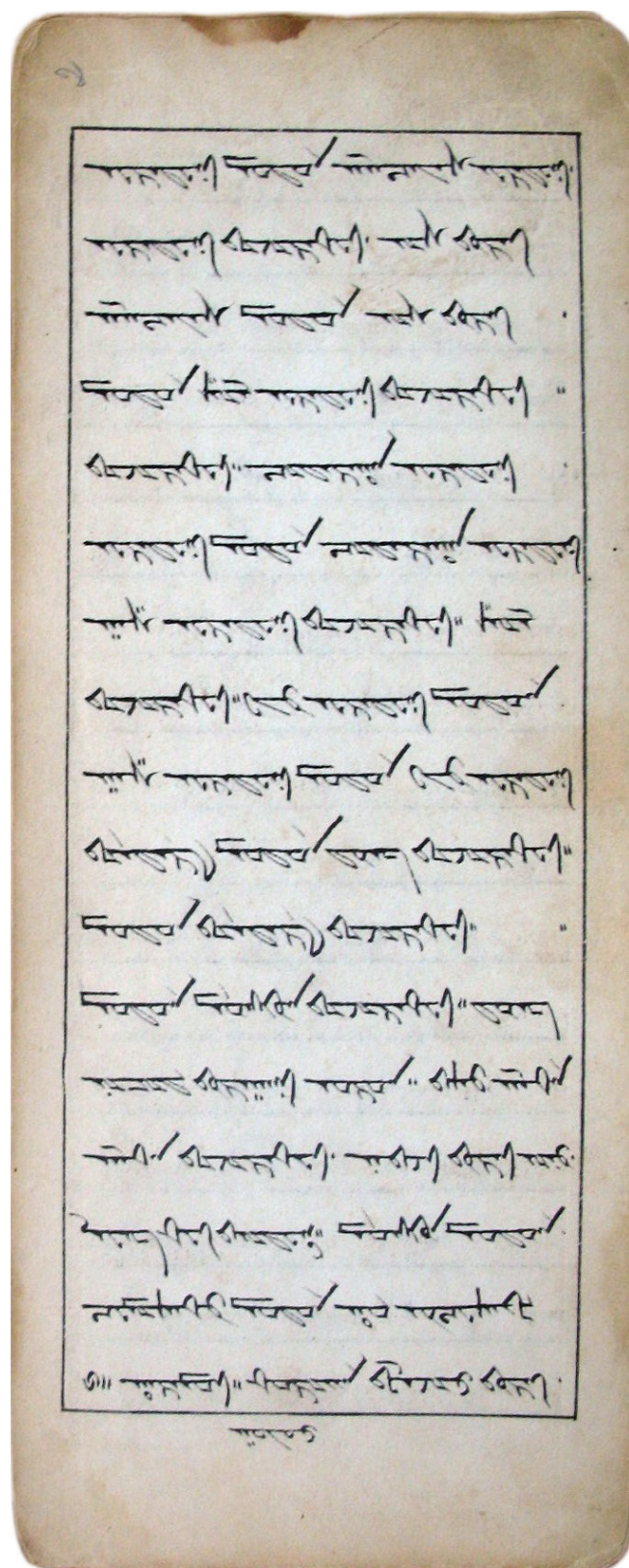
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči хурāngγu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)»), титульный лист

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngγu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), title page]

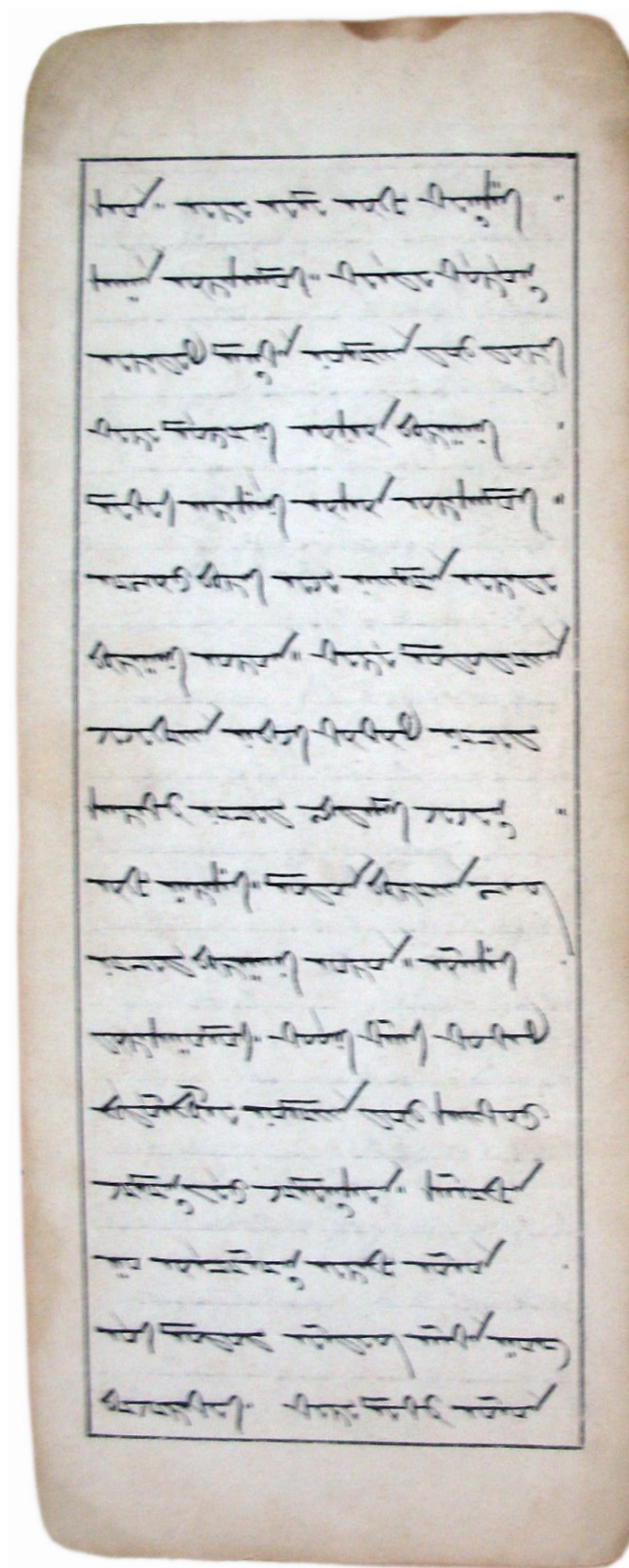
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyiged irel tobči xyrāngγu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 1b

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyiged Irel Tobči Xyrāngγu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 1b]

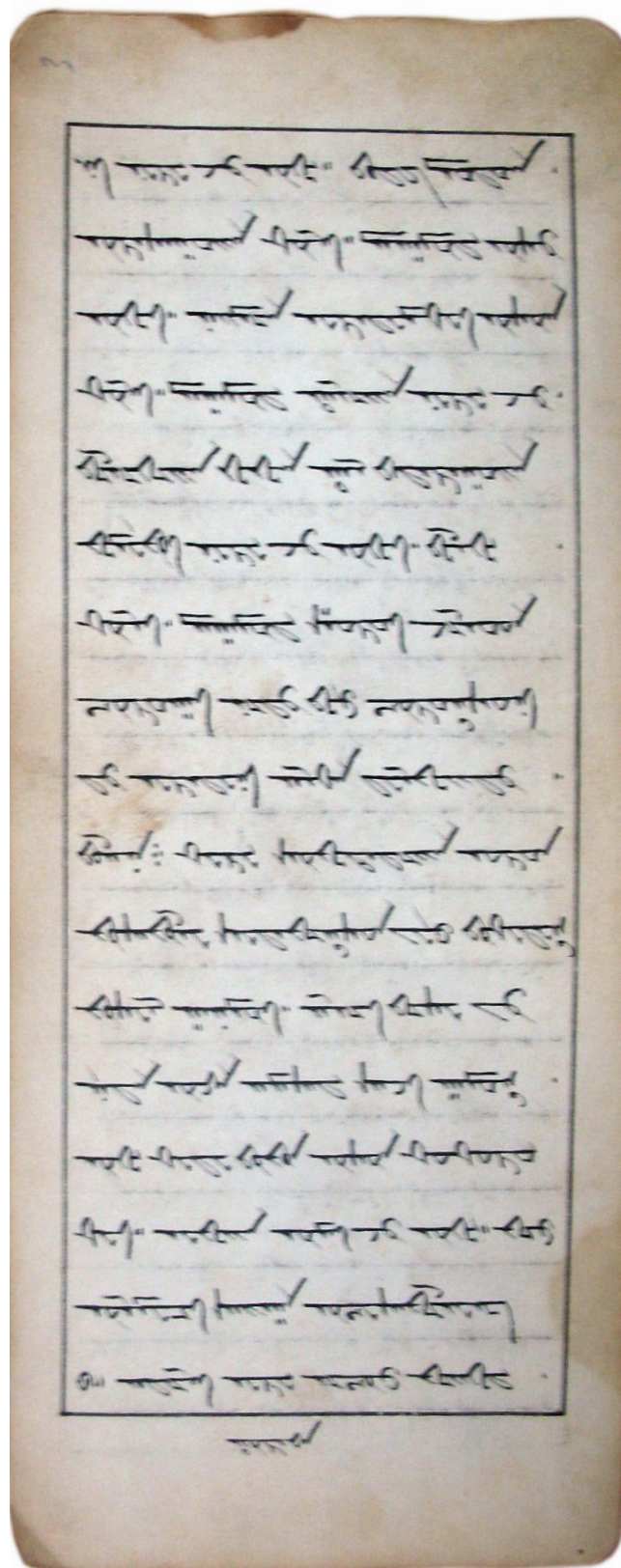
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 2а

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 2a]

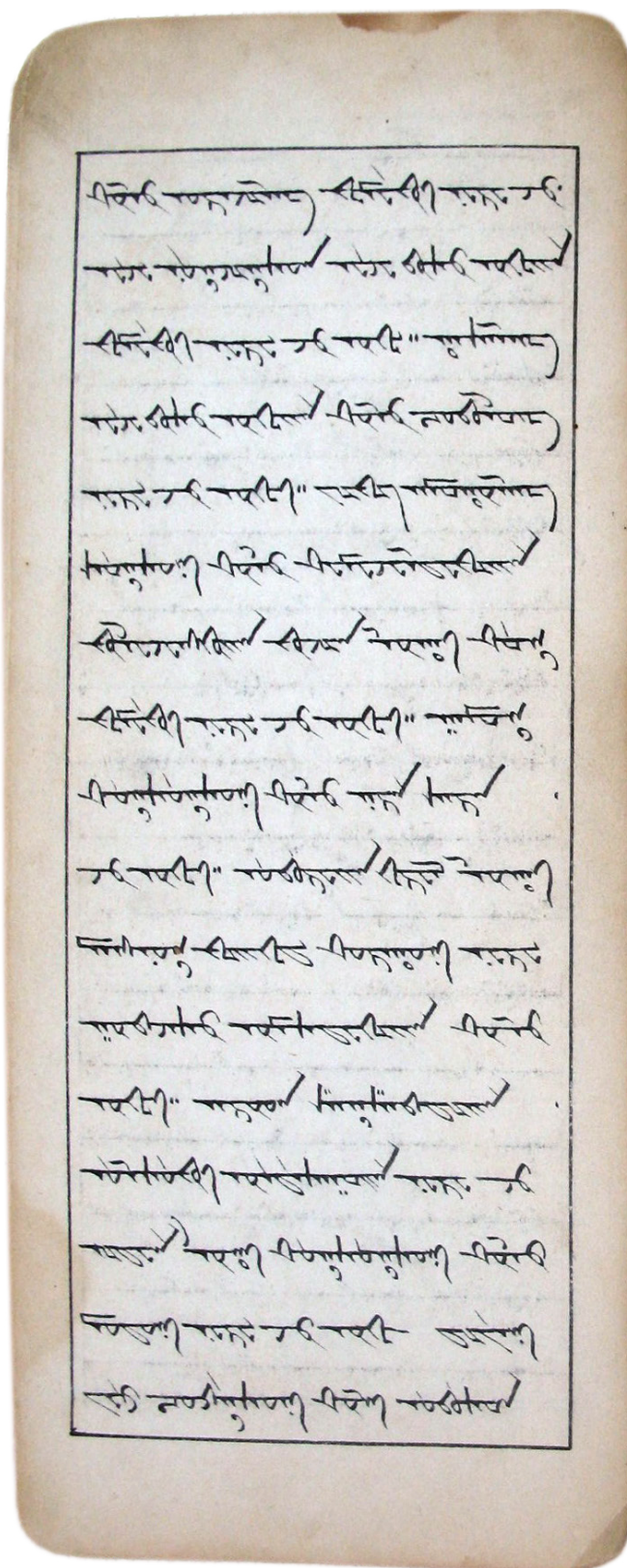
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngγu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 2b

[*Facs.* Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngγu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 2b]

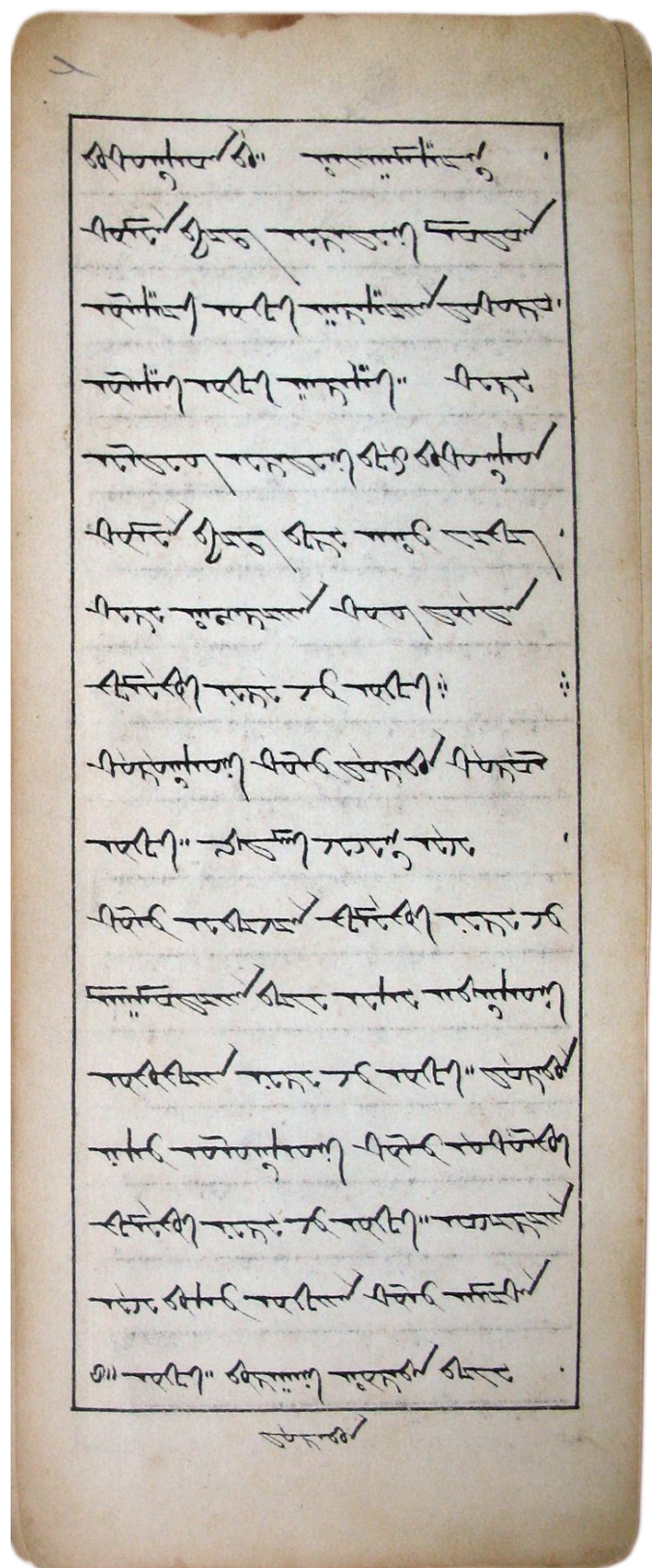
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngγu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 3а

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngγu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 3a]

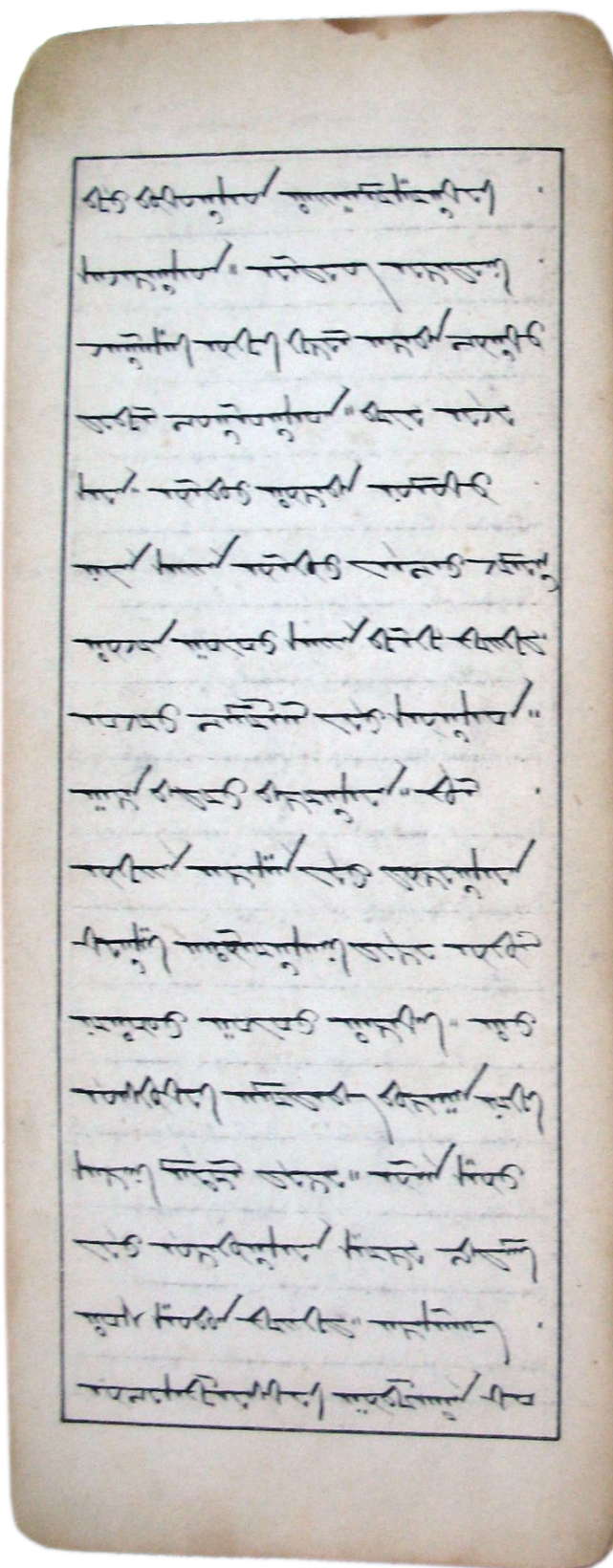
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 3b

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 3b]

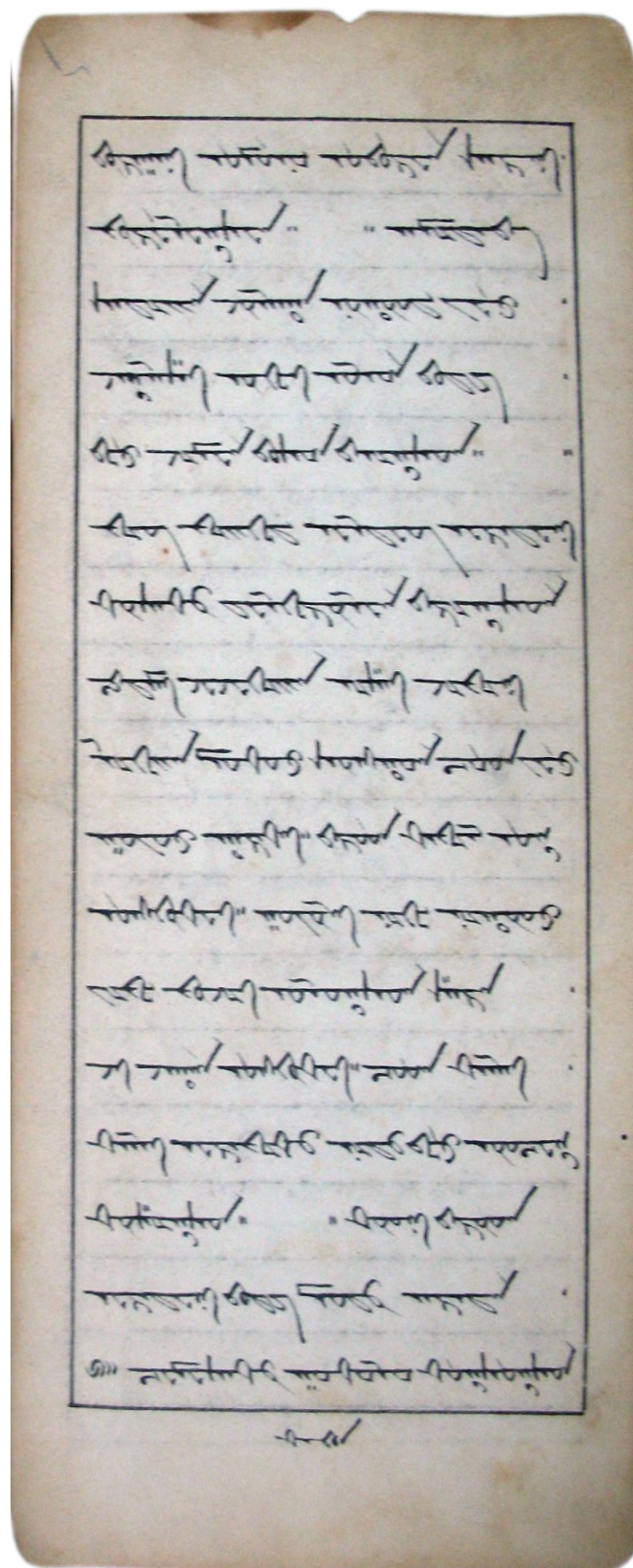
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 4а

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 4a]

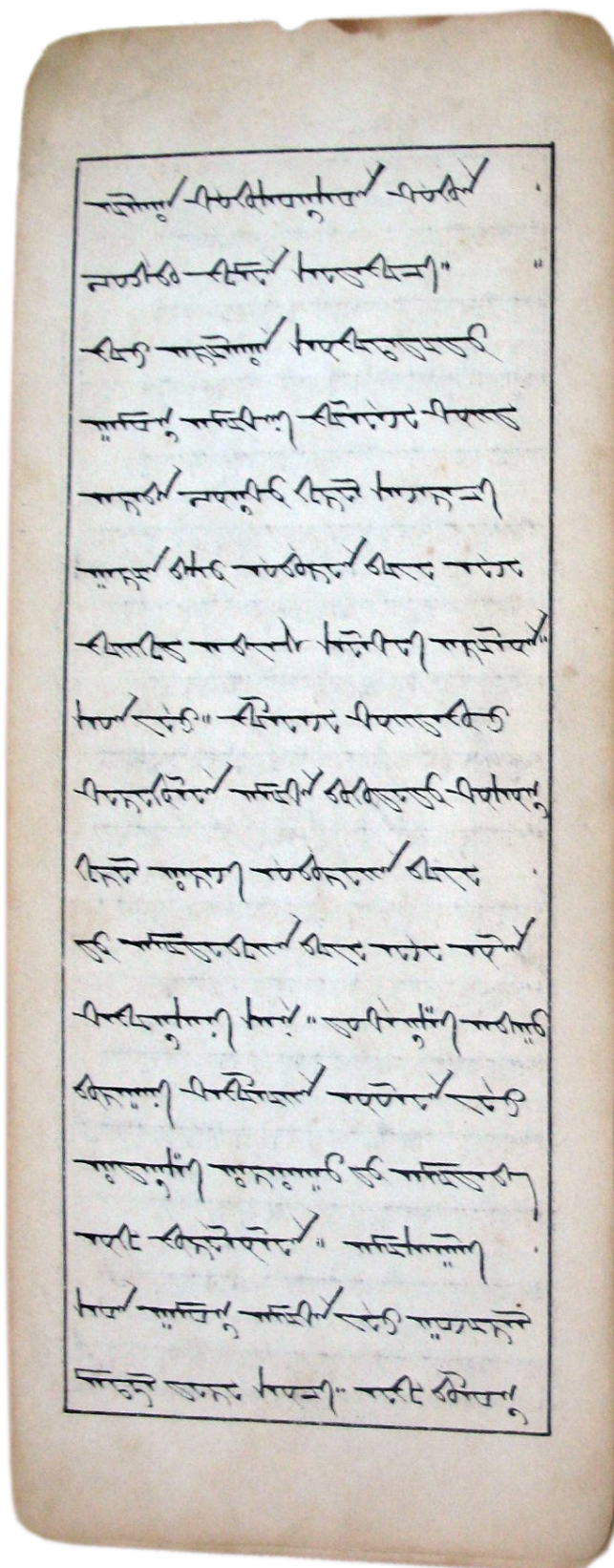
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngγu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 4b

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngγu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 4b]

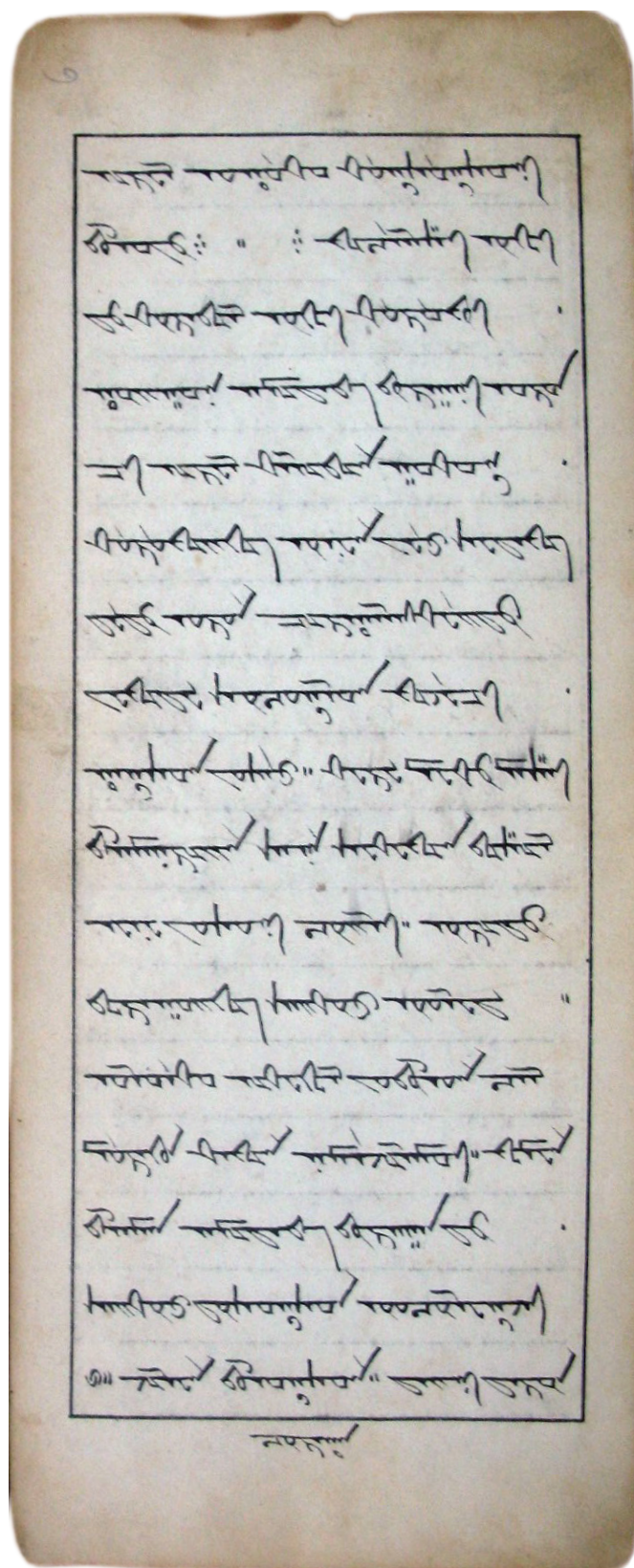
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 5а

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 5a]

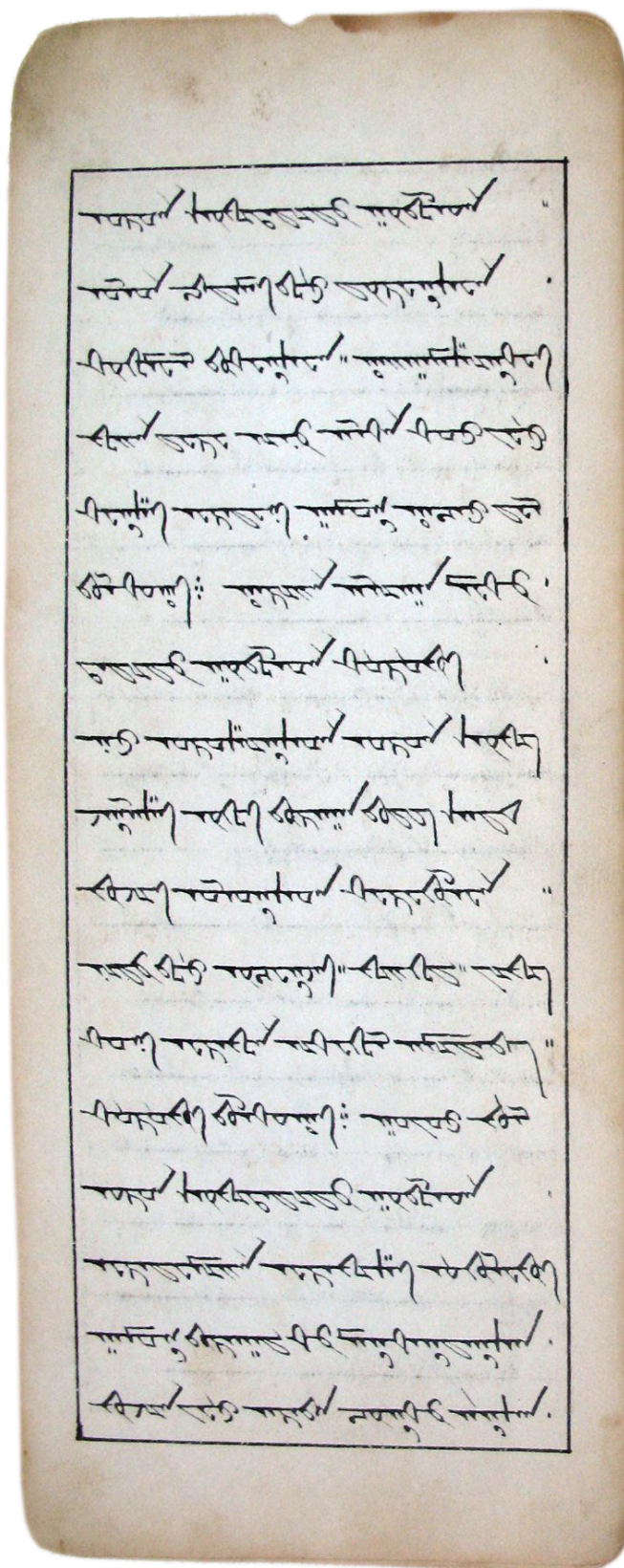
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 5b

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 5b]

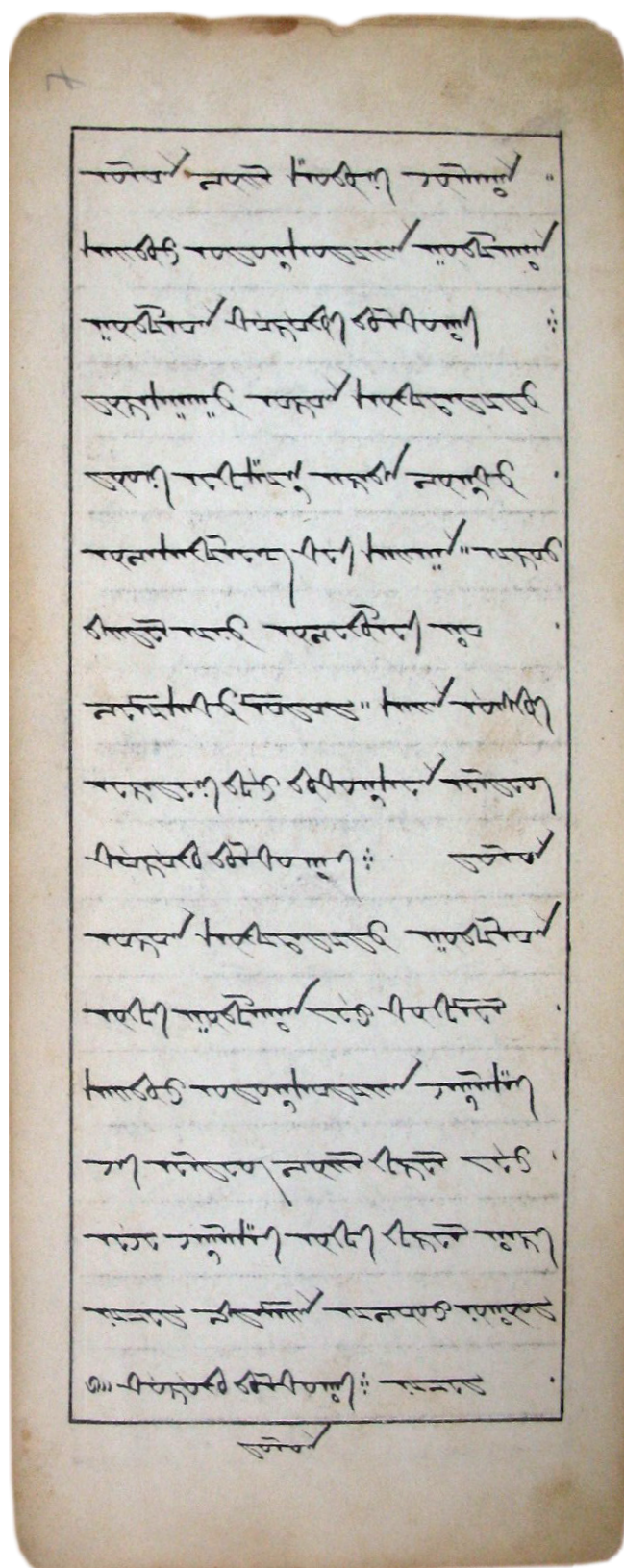
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 6а

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 6a]

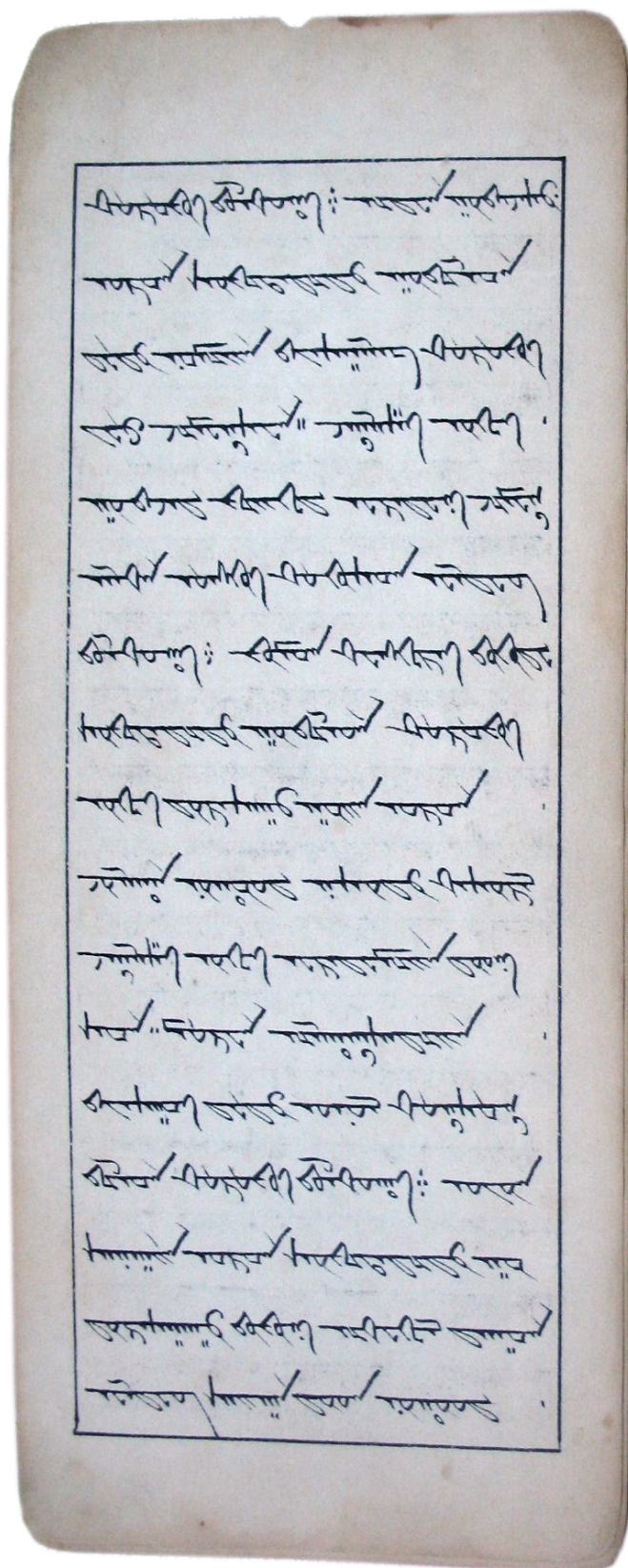
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 6b

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 6b]

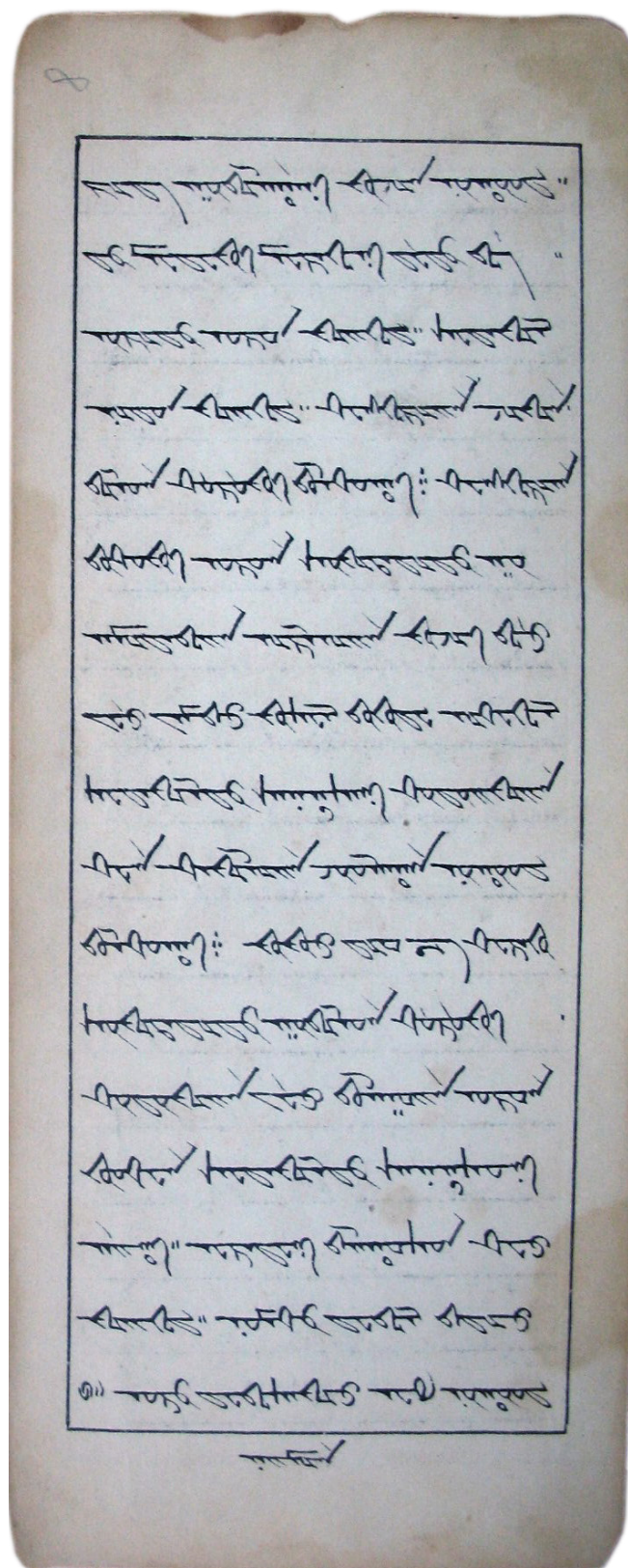
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 7a

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 7a]

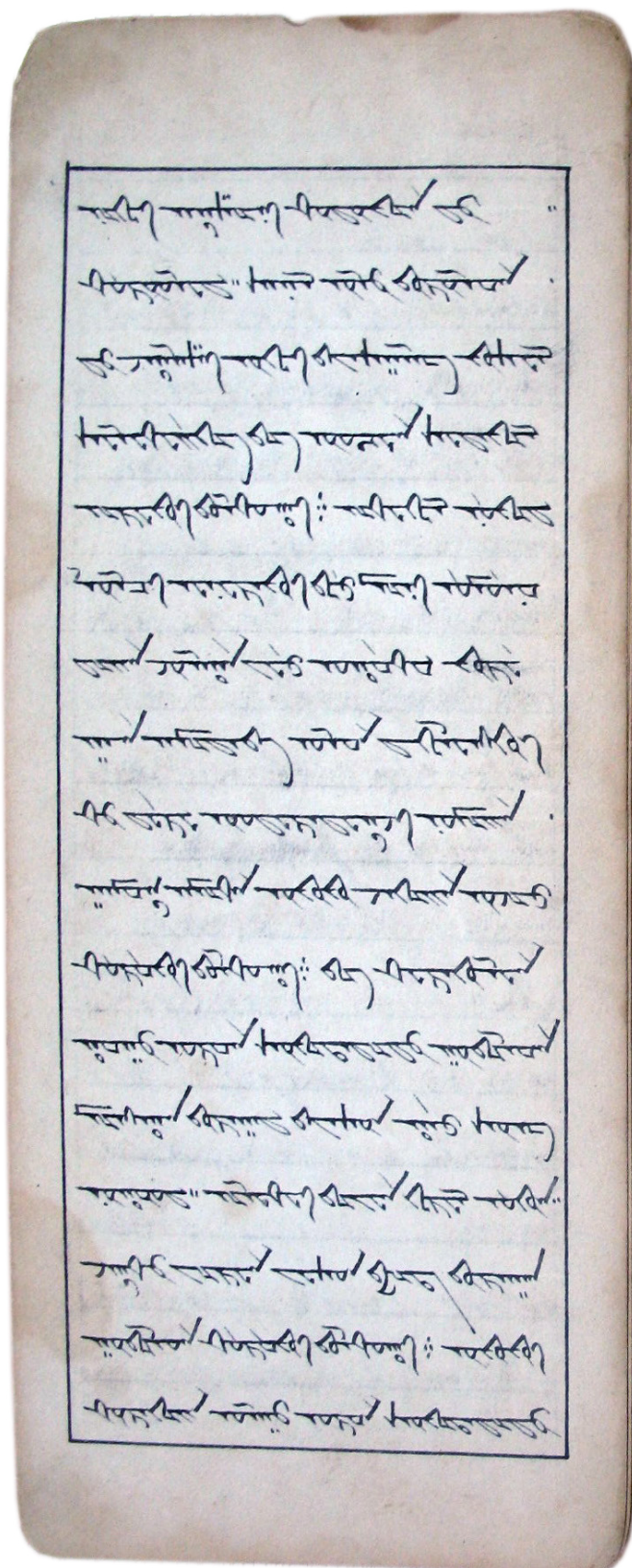
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 7b

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 7b]

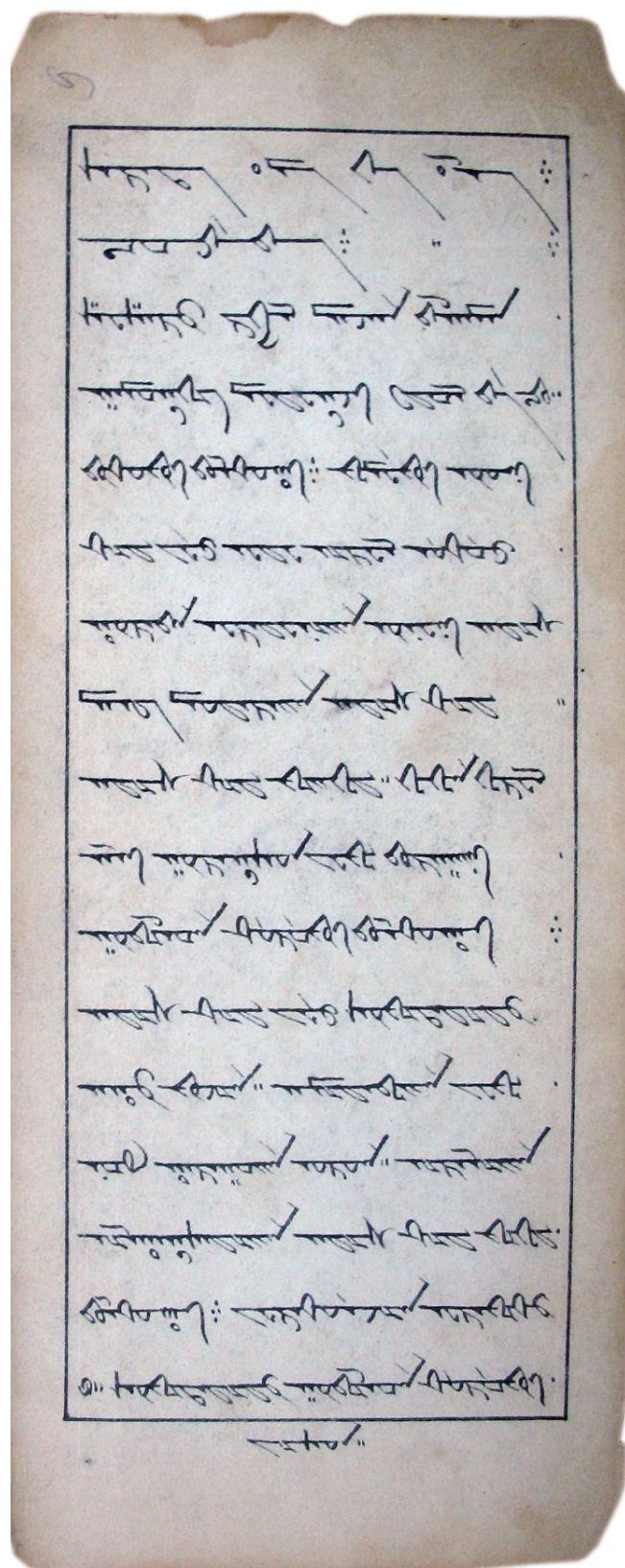
Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči хыгāngγu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 8a

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyṙāngγu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 8a]

Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngyu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 8b

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngyu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 8b]

Факсимиле. Рукопись «Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xyrāngγu» («Краткий сборник, [включающий] описание страны Сукхавати и благопожелание (благожелание)», л. 9а

[Facs. Sukhvadiyin Oroni Bayidal Keyigēd Irel Tobči Xyrāngγu
(‘A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes’), f. 9a]

(4–8)	aliy orōndū suyixu / kiyiged yobobāsu (=yabubasu) tere yobuxu / suxu (=suūxu) oroni jīryalangtai / Sukhvadiyin oroan bolyōn ūragel/jīdu setegeküi: :	В какой бы стране ни жил и где бы ни находился в движении, постоянно думай о той стране, в которой живешь и находишься в движении, как о стране Сукхавати ¹ .
(9–13)	tere yazariyīn yoson inu / uūūken tobočilōn xurān ōgule/kele: eldeb eredeni-bēr / būteqsōn kiyigēd: altan tor-yēr / maiylān ² būtūqson yazār bō:	Если вкратце обобщить, собрать и пересказать (изложить) закон той земли, то [это] земля, созданная из множества драгоценностей, а также исполненная по краю (по периметру) золотой сетью.
(13–14)	gišige/kele imixān (?) todoi (=tōdōi) köl baqtamoi:	Когда ступаешь (делаешь шаг), тотчас же <...> ступаешь (наступаешь) ногой ³ .
(15–16)	dēqši ōragekuyidu nomiyin duūn/-yēr bayasxomoi:	По мере того, как поднимаешься выше, радует звуками [проповеди] учения.
[1b (17)–2a (1)]	gišakīji yoboxu/-du mayil mayil geji nomiyin doū // yaramoi:	Когда ступаешь, раздаются (издаются, доносятся) звуки учения «майл-майл».
(1–3)	toriīn belčir burai / zemisatu modōn γō uzesakē/leng-tei baideq:	Вокруг на всех лугах растут прекрасные плодовые деревья.
(3–7)	mōnggūn modon / altan bičiratei ₁ nabači burai inu: / niīd buraxani oron: basu altān / modon mōngguan bičiratei: dung ⁴ / modon bīadarya ⁵ bičiratei: :	Серебряные деревья с золотыми ветвями, каждый из листьев — это страна одного из будд. Есть также золотые деревья с серебряными ветвями, перламутровые деревья с лазуритовыми ветвями,
(8–14)	/ bīadarya modon dung bičiratei: / xaš eradeni modon byu ⁶ eradeni / bičiratei: byu eradeni modon / xaš eradeni bičiratei: šil ⁷ / eradeni modon jidarayan ⁸ eradeni / bičiratei: jidarayan eradeni / modon šil eradeni bičiratei:	лазуритовые деревья с перламутровыми ветвями; деревья из драгоценной яшмы с коралловыми ветвями, деревья из драгоценного коралла с драгоценными яшмовыми ветвями, деревья из драгоценного хрусталя с ветвями из драгоценного камня, деревья из драгоценного хрусталя.
[2a (15)–2b (1)]	alājayas ⁹ modon is burai (=būri). / eradeni bičiratei. is burai / eradeni modon alājayas eradeni. // bičiratei:	Ствол каждого <...> дерева с драгоценными ветвями, ствол каждого драгоценного дерева с ветвями из драгоценного <...>.

¹ Т. е. ‘представляя ее страной Сукхавати’.

² Данное слово, возможно, является производной формой слова mayila ‘край’ [Ковалевский 1849: 1969].

³ Букв. ‘так, что нога входит, помещается’.

⁴ dung имеет значение ‘раковина (как музыкальный инструмент)’ [Позднеев 1911: 223]; в данном контексте может быть переведено как ‘перламутровый’.

⁵ Так передано санскритское vaiḍūrya ‘ляпис-лазурь; кошачий глаз’ [Кочергина 1987: 622]; в тибетских текстах встречается как sprin chen *поэт.* ‘ляпис-лазурь’ [Перих 1985: 301], но чаще всего может передаваться как bēdūrya, что является фонетической передачей тибетскими буквами исходного санскритского слова со значениями ‘ляпис-лазурь; малахит; кошачий глаз’ [Перих 1986: 197].

⁶ byu — данное слово является калькой тибетского byu gu ‘коралл’ [Перих 1986: 228].

⁷ Слово šil имеет значения ‘хрусталь, стекло’ [Позднеев 1911: 170], применительно к данному буддийскому тексту это слово следует переводить как «хрусталь, хрустальный», поскольку именно хрусталь является одним из семи драгоценностей.

⁸ jidarayan — так передано название драгоценного камня, идентифицировать который представляется затруднительным. В монгольских словарях встречается созвучное čidar čilayun со значением ‘камень для катапульты’ [Ковалевский 1849: 2157]. Скорее всего, под jidarayan подразумевается драгоценный камень, отличающийся прочностью и тяжелый по весу.

⁹ Данное слово может быть прочитано как alazayas, установить его значение представляется затруднительным.

(1–4)	tere metu olon / öi modod eldeb altan xong/xo unjiliq ¹ ereke olon / čimeq-yēr čimeqsen:	Подобно тому, множество лесных деревьев украшено многочисленными золотыми колокольчиками, подвесными четками, множеством украшений.
(4–6)	saliken / ködölküle nomiyin duū sayitur / durasxomoi:	Когда поднимается ветер, отчетливо ² навевает ³ звуки дхармы (учения).
(6–7)	tūūni talai tutam / niĵed buraxani oron: ulaši / ugē ⁴ xaraši:	На каждой из его (их) сторон — по стране одного из будд. Несравненный дворец.
(8–11)	modon buriyin zab / saratu niĵed padamai ceceq / cecegiyin nabči tutum niĵed / burxani oron:	Между деревьев по одному лунному лотосу, в каждом лепестке цветка — по стране одного из будд.
(11–13)	terē modūdiyin / izur būri-ece erde[ni] / metei arašāni usun urasamui:	С вершины (макушки) каждого из тех деревьев стекает вода аршана (нектара), подобная драгоценности.
(14–16)	tere mōrini usun burxani / erdem maqtan nomiyin doū durai/saxan urasamui:	Воды той реки несут свои потоки, издавая звуки дхармы, прославляя знания (таланты) Будды.
[2b (16) –3a (3)]	tende törōq/sōn: ere eme uge teqši // adili ere izur keyiged / ūlmeĵi sayixan ūzeskileng/tei:	Рожденные там не разделяются на мужчин и женщин, равны, одного мужского рода, а также обладают наипрекраснейшей внешностью.
(3)	ekeyin umai ču ugē:	Нет представления о материнской матке.
(3–6)	kir / uge tede būkün usun tūtūro (=dotoro) / nādan ukān amasād sači xamuq / küsel xanamui:	Все они беспорочны, когда играют, омываются в водах, стоит только попробовать [ee] на вкус, как исполняются все желания.
(6–8)	aliy bise yu / küseküle sedekiqsün-yēr būtedeq / bolana::	О чем бы ни помечтали, все исполняется согласно желаемому.
(8–12)	tere Sukhvadiyīn oron/-du eradeni altan delkeyidu / zuroxai ⁵ nidu-bēr zuroqsūni / tulī (=tula): maxamūd šoroi čiloūn / kemēkūi nere ču ugei:	Поскольку в той стране Сукхавати на драгоценной золотой поверхности [все] изображено искусным (отточенным) глазом (взором), то нет ничего, что именуется стихиями, землей (пылью), камнями.
(12–15)	belge / biligiyn gegēn ȳal badaraxuyin / tulī: maxamud ȳaliyin nere ču / ugei:	Поскольку вспыхивает пламя света примет (признаков) и мудрости, нет и понятия стихии огня.
(15–17)	nayimīn erademtei usun / urasaxoyin tulī: maxamud usu / ni nere ču uge:	Поскольку проистекает вода, обладающая восемью качествами ⁶ , нет и понятия стихии воды.
[3a (17) –3b (2)]	bodhā modon/-yēr zokāqsoni tulī öböson / modoni nerē ču uge[:]	Поскольку создана из дерева бодхи, то нет представления о деревьях и траве.

¹ Монг. unjiliq ‘висячий, висящий, привешенный’ [Ковалевский 1844: 350].

² Здесь букв. ‘наилучшим образом’.

³ Здесь речь о том, что дуновение ветра побуждает одновременно и вспоминать (припоминать), и произносить звуки дхармы.

⁴ ulaši ugei (от монг. ölikü ‘сравнивать, уподоблять’ [Ковалевский 1844: 527]. Здесь ‘несравненный, несравнимый’.

⁵ zuroxai — данное слово может быть искаженным написанием слова ziguxi ‘графить, линовать, рисовать, чертить’ [Позднеев 1911: 272].

⁶ nayimīn erademtei usun — ‘вода, обладающая восемью качествами’, которые в буддийских текстах определяются как: 1) прохладная; 2) освежающая; 3) вкусная; 4) гладкая; 5) чистая; 6) лишенная неприятного запаха; 7) освежающая горло; 8) не приносящая вреда желудку.

(2–5)	diyāni / idēn-lūyī tōqsōqsūni tulu / ōlsōkui undāsxoγīn nere ču / ugei:	Поскольку преисполнена пищей созерцания (дияны), то нет и представления о голоде и жажде.
(5–8)	aruūan (=ariun) šaqšabadiyin / xubcasu umsdegiyin tulu / maangnüq kiyiged torayūni nerē / ču ugei:	Поскольку облачаются в одеяния святого религиозного обета, то нет и понятия парчи, а также шелков.
(8–10)	öböreyin gerel-luyai / tōqsōqsūni tulu nara sara / kemēkui nere ču ugei:	Поскольку преисполнены собственным сиянием, то нет понятий солнца и луны.
(10–13)	xamoq / kulecengguyin kučin-luyai tōq/sōqsūni tulu temeceldekiyin / nere ču ugei:	Поскольку преисполнены силой всемерного ¹ терпения, то нет и понятия состязательности.
(13–15)	yiki amoyulang/-ēce busu ugeyin tulu zobolong / kemēkui nere ču ugē:	Поскольку нет ничего другого, кроме великого спокойствия (благоденствия), то нет и того, что именуется страданиями.
[3b (15) – 4a (1)]	yasalang/-ēce nōqčiqsūn-ēce busu ugeyin / tulu oračilang kemēkui nere // ču ugei:	Поскольку нет ничего, кроме того, что избавились от страданий, то нет представления о сансаре ² .
(1–3)	buraxani yuraban biye/-ēce busu ugeyin tulu amitan / kemēkui nere ču ugei:	Поскольку нет ничего другого, кроме трех тел Будды, то нет и того, что именуется живым существом.
(3–5)	očiriyin / nasu oloqsoni tulu ötölkui / ukukiyin nere ču ugē:	Поскольку обрели возраст алмаза ³ , то нет и понятия старения и смерти.
(5–8)	dörbön / maxamodiyin biye abaqsoni / tulu ebečin kemēkui nere ču / ugei:	Поскольку обрели тела четырех стихий, то нет и того, что именуется болезнями.
(8–11)	padmai ceceq-ēce / töröqsūni tulu dörbün töröl / kemēkui nere ču ugei:: ::	Поскольку рождены из цветка лотоса, то нет и понятия четырех [видов] рождения.
(11–14)	tere yazariyin tub (=töb) dunda / tumen jiva ⁴ bere ⁵ ayu yiki / eldeb eradeni-bēr butüqson / ulaši ugei ⁶ xaraši:	В самом центре той земли [возвышается] неимоверных размеров в десять миллионов десять тысяч йоджан ⁷ несравненный дворец, исполненный многочисленными драгоценностями.
(14–17)	terē / ulaši ugei xarašiyin dotoro. / tumēn jiva eradeni modon / butüqson bö:	Внутри того несравненного дворца сотворены десять миллионов десять тысяч драгоценных деревьев.

¹ Здесь *букв.* ‘всех видов терпения’.

² Т. е. нет понятия сансары — мира бесконечных перерождений.

³ Возраст алмазов может быть от 100 млн до 2,5 млрд лет.

⁴ jiva (как и монг. jiba, jiva) — калькированное заимствование тиб. *bye ba* (санскр. *koṭaḥ*) ‘десять миллионов’ (см. [Ковалевский 1847: 1126; Перих 1986: 231]).

⁵ bere — значение данного слова приводится не во всех ойратских словарях. Например, Дж. Крюгер приводит лаконичные ‘миля, лига; парасанг’ [Krueger 1984: 342]; более информативны монгольские словари, например, у О. М. Ковалевского приводится такой перевод ber-e как ‘миля в 4 000 саженьей’ и его эквиваленты на других языках: *санскр.* yodjana, *тиб.* drag tshad [Ковалевский 1847: 1126]; в тибетских лексикографических трудах drag tshad разъясняется как ‘йоджана (мера расстояния, приблизительно в 14,5 км)’ [Перих 1985: 209]. Существуют разные определения соответствия йоджаны современным мерам длины.

⁶ ulaši ugei, см. прим. 4 на стр. 624.

⁷ йоджана, см. прим. 5 про bere.

[4b (17) – 5a (3)]	γayixamšiq // üzeskülengeti xubilayan to/γos šobun kiyiged: arsalang/-yēr öraguqsen širē padmai / sarnai mandal dēre: ulān šur / önggütei Amidaba buraxan nigei / niyuür xoyor γaratai: ayü / teqši ayulıqsani¹ dēre ukul / ugeyin arašan-yēr düreqsen / xara badir bariqsen: köl / oçir zamilal-yēr suqson: / γuçin xoyor sayin belge kiyigēd. / nayan sayin ulgur yanzar čimeq/sen ul[a] bur γuraban nomotu / debel zoqloqson: biye-ēce / caqlaši ugei gerel araban zuqtü / sacaraqson: eldeb eradeni/-bēr bytüqsün γayixamšiqtei // zemestu xotolo töqsösün / erideni bodha modu aradan / tušiqson: :	На удивительном прекрасном престоле, поддерживаемом воплощенными птицей павлином и львом, на лotosовой лунной мандале Будда Амитабха цвета красного коралла, с одним ликом и двумя руками, помимо того, что он пребывал в состоянии созерцания, держа черную патру², наполненную бессмертным нектаром, восседал в позе ваджры, украшенный 32 благоприятными признаками, а также 80 благоприятными качествами, облаченный в три религиозных одеяния красноватого [цвета], от тела которого распространялось в десяти направлениях неимоверное сияние, который спиной³ опирался на драгоценное дерево бодхи, сплошь усыпанное⁴ удивительными плодами, преисполненными драгоценностями.
(3–16)	tuüni baruün / talai erakitü Nidü-bēr uüzeq/çi cayān önggutei: zün talai / yike küçiy oloqson šara / önggutei: xoyuli nige niyuür / xoyor γaratai: baroün takil öq/ligeyin müdür songyon zoün-yēr / padmai cecegiyin işai čikini / tusatai delgerulen bariqson / kib kiyiged eldeb eradeni/-bēr čimen boson bayiqson: / caqlaši ugei olon bodha/sadiyin čulayan-niyüüd-yēr / küreleqsen:.	Справа от него стояли прямо могущественный Всевидающий оком⁵ белого цвета⁶, слева — Обретший великую силу⁷ желтого цвета⁸, оба с одним ликом и двумя руками; правая рука, которой [делают] подношения и милостыню, свободна, а левой держали стебли цветка лотоса, расправив [их чашечки] на уровне уха, украшенные шелками и множеством драгоценностей, окруженные собранием неисчислимого количества бодхисаттв.
[5a (16) – 5b (6)]	Amidaba / buraxani ömönö öbörēn sarnai // mandal dēre suji: eke boloq/soan xamoq amitān-yēr xoçiraal / uge kürelülēn: amisaxali / γadaqši γaryaxü-du Amidaba / buraxani takiliyin uülen-yēr / takiqsani sanā:	Воссев перед Буддой Амитабхой на лунной мандале, окружив себя всеми без исключения живыми существами, становившимися матерью, когда делаешь выдох⁹, думай (памятуй) о совершении¹⁰ деяний подношений Будде Амитабхе.

¹ teqši ayüülxu — ‘пребывать в ровном состоянии, предаваться созерцанию’ [Позднеев 1911: 191].

² От санскр. pātra ‘жертвенная чаша, чаша (для подаяния)’.

³ Здесь букв. ‘сзади, позади’.

⁴ Досл. ‘преисполненное’.

⁵ Т. е. Авалокитешвара.

⁶ Букв. ‘обладающий белым цветом’.

⁷ В буддийских текстах так описывается Ваджрапани.

⁸ Букв. ‘обладающий желтым цветом’.

⁹ Букв. ‘выводишь дыхание наружу’.

¹⁰ Здесь досл. ‘о совершенных деяниях’.

[5b (6) – 6a (4)]	dotāqši abaxū/-du Amidebeyin beye- ēce ulān / genel yaraçi öböreyin beye / teregülen amitān bugudedu tusuq/son- yēr: kilence tūyidakur / kiyiged abayas (=abiyas) ¹ seltei arilūn: / xarin basu öbörēn biye-ēce / araban zuqtu (=züqtü) genel sacaraji / xamoq amitani kilēncē tuyid/ kir arilağan Sukivadidu / zokābo kemēn sedakiĵi: / ilayan tögusoqson tögun//çilēn boloqsōn: dayini darun / sayitur dusoqson ² uüzuleqçai / blamağan Amidaba buraxan- du / möragün takīn namānçilamoi:	Когда делаешь вдох, из тела Амиабхи исходит (испускается) красный свет и, когда коснется он всех живых существ во главе со своим соб- ственным телом, то, очистившись от грехов, препон (препятствий), а также всех наклон- ностей (страстей к чему-л.); помимо этого, из собственного тела испустив сияние в десяти направлениях, очистив живые существа от все грехов и препон, подумав «Создал [стра- ну] Сукхавати», склонившись перед Бхагаван- ом, Татхагатой, архатом, наисовершенным, наставляющим учителем Буддой Амиабхой, совершая подношение, возношу молитву, —
(4–16)	kemēn / olōnto itegel yobulon zaal/ beraxoyigi sayitur uülēd / ene yosoni zuyili: uridu / blamanariyin sanān setekin bişil/yaqson yosār: terē metu maşai / yekidē suzüqlon kiçēji / dēdu orōn ĵiryalangtēyidu / törökiyigi ünēn-yēr sedakiĵi irel (=yöröl) talibīn qotoq (=xutuq) / yuyixona Amidaba buraxani oron/-du turabial ugei töröküi / boloyu: : ::	произнеся так много раз, приняв прибежище, наилучшим образом вознеси молитву. Это пра- вило в соответствии с тем, как обдумывали и предавались созерцанию предшествующие учителя, подобно тому, стараясь проявить ве- личайшее благоговение, искренне думая о том, чтобы получить рождение в высшей стране счастья, произнеся благожелание (благопоже- лание), стоит только испросить святости, как без промедления возродиться в стране Будды Амиабхи.
[6a (16) – 6b (5)]	kizālaşi ugei / irel oĵōto töqsöqsoni // küçin-yēr araban zuqtu aqsan. / xamoq buraxad-tu maqtaqdaqson. / eradəmiyin erakişi ögulekui / oron Sukivadidu xubilūn / törökui boltūyai::	В силу того, что всецело преисполнился неиз- меримым благожеланием (благопожеланием), пусть получу рождение в стране Сукхавати, которой возносят хвалу, о силе свойств кото- рой говорят все будды, пребывающие в десяти странах света (направлениях).
(5–12)	xoyor köl/tōni erāken itegel Amidaba: / nidu-bēr üzeqçi: kiyiged: yiki / küçiy oloqson teregülen: / caqlaşi ugei buraxan bodha sadv/-nar oroşiqson oron Suki/ vadidu xubilon töröküi / boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати, в которой пребывает во главе с верховным при- бежищем двуногих ³ Амиабхой, Всевидящим оком и Наделенным великой силой неисчисли- мое количество будд и бодхисаттв.
[6b (12) – 7a (1)]	ĵariyin alixan metu (13) teqşi erādeni xamoq ĵazar del/keyin dere inu altan tor- yēr / tugemel büteqsen: ĵayixamşıqtei / olon padamai-bēr düreqsen / oron Sukivadidu xubilon // törökü boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати, преисполненной повсеместно золотой сетью поверх всей поверхности из драгоценностей размером с ладонь, наполненной множеством лотосов.
(1–8)	nijēd / nijēd padamayin izuür-nuüüd/-ēce caqlaşi ugei genel ĵari/ĵai eldeb zuyil genel- yēr / sayibur odoqsodiyin ⁴ caqlaşi / ugei xubilyan-yēr tugemel / oron Sukivadidu xubilōn / törökü boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати, в которой с кончика каждого лотоса испускается неизмеримое сияние, которая наполнена не- имоверным количеством воплощений (эмана- ций) сугат.

¹ Калька от санскр. abhyāsa ‘наклонность, страсть к чему-л.’ [Позднеев 1911: 3].

² sayitur dusoqson букв. ‘наисовершенный’ — здесь один из эпитетов Будды, который соответ-
ствует тиб. dag par rdzogs pa, санскр. sam-buddha, т. е. ‘будда’.

³ Т. е. людей. В ойратских текстах, помимо приводимого здесь эпитета Будды Амиабхи «при-
бежище двуногих», встречается эпитет «владыка двуногих» (ойр. xoyor költōni erkin) (см. [Яхонтова
2010: 97]).

⁴ sayibur odoqsod — форма мн. ч. от ойр. sayibēr oduqsan ‘хорошо ушедший’, что является пере-
водом санскр. sugata (см. [Яхонтова 2010: 101]).

(8–15)	dolōn / erādeni-bēr butūqsēn eldeb / zemisātu modod: sayin önggui / bayidel inu uzekulei γo / uzasakileng-tei sayixān: iruū/-duūni egešiq araban zuqtu / durasxaxu oron Sukivadidu / xubilon törökui boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати, в которой, когда видишь ¹ преисполненные семью видами драгоценностей деревья со всевозможными плодами, то [понимаешь,] насколько они прекрасны, в которой прекрасные звуки мелодии разносятся в десяти направлениях.
[7a (16) – 7b (4)]	sayibur odoqsodiyin xubilyān / olōn zuyil šobuni čulayan // eldeb sayixān duūn-nūyuūd / durasxaxu büküni itegel daxon / sanaxayin orōn Sukivadidu xu/bilōn törökui boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати, в которой множество собраний разных видов птиц-воплощений сугаты, всякий раз, когда издают прекрасные звуки, побуждают задуматься о следовании прибежищу.
(4–11)	ūyun (=oyun) / bayasxoi dēdu onol töqsöq/sōn: mōrēn ilayaqsadiyīn / caqlaši ugei erademiyin duūni / čulayān-nūyuūd nasudu tasural / ugei durasaxū xoyina orōn / Sukhavadidu xubilōn törökui / boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати после того, как на протяжении всей жизни буду непрерывно памятовать (помнить) о собрании звуков неизмеримого знания Победоносных, о реке, преисполненной высшей теории, радующей ум.
(11–17)	kūmon tenggerai bugude / altān önggui tōguson eldeb / xubcād kiyiged erādeni čimeq/-yēr čimeqsēn: caqlaši ugei. / dēdu nomiyīn bayasxalang törökui / oron Sukhavadidu xu/bilon törökui boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати, в которой все люди и небожители (тенгрии) преисполнены золотым цветом, украшены всевозможными одеяниями и драгоценностями ² , [в которой] зарождается радость возвышенного учения.
[7b (17) – 8a (6)]	idēn xubacasu // ūru (=oru) debesakir em-nūyuūd / kiyigēd: nomtu debel badir / āiyi: erādeni balyosūn ter/guūten sedākildu sanaqsūni / tudukiyīn-yēr bolxoyīn orōn / Sukhavadidu xu/bilōn törökui / boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати, в которой пища, одежда, постельные принадлежности, лекарства, а также религиозные одеяния, патры — все, что является драгоценностью, появляются тотчас же, стоит только подумать о них.
(6–12)	kukur dho-ja ³ terigu/tēn takiliyīn čuūlayān-nūyuūd / sedākildu sanaqsani tuduyikiyīn/-yēr yambar kusel bugude itegel / Amidabeyin irlaiyīn (=yörōliyin) kūčiy-bēr / butükui orōn Sukhavadidu xu/bilōn törökui boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати, в которой собрания мест (объектов) поклонения во главе с Кукур дувадза, в силу благожелания прибежища Амитабхи, исполняют все желания, которые держишь в мыслях, стоит только подумать [о них].
[8a (12) – 8b (2)]	tenggeriyīn / nidūn kiyigēd: tenggeriyīn čikīn / uridu oron kiyigēd: sedākil/-du medekui merageni dēdu be/rid xubilyāni kūčīn-nūyuūd: // turagiyyīn (=törōgiyin) ūlxū (=olxu) orōn Sukhavadidu / xubilōn törökui boltūyai::	Пусть получу рождение в стране Сукхавати, в которой обретишь взор небожителя, а также слух небожителя, прежние места (страны), а также высшую мудрость, которую познал мысленно, силу перерождения биридом.
(2–7)	ükükui / caqtu yiren yesün jīva buraxan/-nūyuūd: iletei biyēn gerel ögün: / mingyan buraxad bayasun γar sung/γuxu oron Sukivadidu xubilon / törökui boltūyai::	В час смерти пусть получу рождение в стране Сукхавати, где 990 миллионов будд испустят из своих тел явное сияние, а тысяча будд возрадуется и протянет руку.

¹ Здесь *досл.* ‘когда видишь хорошее состояние’.

² Здесь *досл.* ‘драгоценными украшениями’.

³ Вторая часть данного словосочетания, записанного в три слога, возможно, является ошибочным написанием слова дувадза, кальки санскр. dhvaja ‘1) знамя; флаг; 2) знак; признак’ [Кочергина 1987: 310].

(7–13)	bi teragulēn / xamoq amitān ukuku (=ükükü) cagiyn učir/-tu dēre uūderideqči nomiyn / xaan Amidaba olōn dgelengui/diyīn čulγān-yēr oγōto kürē/lulji enerakui-bēr mini ömöno / irekui boltūyai::	Пусть в случае смертного часа всех живых существ во главе со мной передо мной милостиво (в силу сострадания) явится высший предводитель, хан учения Амиабха, со всех сторон ¹ окруженный множеством гелонов (монахов).
[8b (13)–9a (2)]	itegel nökd / seletēyigi bi uūzēn sedakil/-du caqlaši ugei bayasxalng küseal / törüülēd: sanal ulu burulōn / nigei aqšini tudukīn-du // Sukhvididu xubilōn törökui. / bultūyai::	Когда я вижу прибежище вместе со сподвижниками, в моих мыслях пробуждается желание неизмеримой радости, [и тогда] не ослабляя намерения, в одно мгновение пусть получу рождение в стране Сукхавати.
(2–4)	yeratūnciy[i]n erakitu / ilyaqsadiyīn adis-tid kigēd. / nom γaraxoyīn oron: iraliyīn / ayu kučīn: Amidabeyīn yekē / adis-tid-yēr Sukhvididu / xubilōn törökui boltūyai::	С благословения могущественных победоносных мира материального, с великого благословения Амиабхи — места зарождения учения (дхармы), великой силы благожелания пусть получу рождение в стране Сукхавати.
(5–10)	ali xuraqson yekē buraxani. / adis-tid kiyigēd: gegēn gerel / maada müdariyīn ² adis-tid / γurabān eradeniyīn ünēni adis-tid-yēr ede irel ötör / butükui boltūyai::	В силу благословения всех собравшихся великих будд, а также с благословения сиятельной махамудры, истинного благословения Трех драгоценностей ³ пусть это благожелание исполнится скорейшим образом!» —
(10–13)	kemēküi uūni / xamoqgi medeqči adol bā po: / šešaru rgyal maacaan ⁴ blaman / zokāba: : ::	сказанное так сочинил (составил) всеведущий лама (учитель) Долбапо Шераб Джалцан (Гьялцен).
(14)	sarva mang ga lam::	Сарва мангалам.

5. Выводы

Рассмотренный текст рукописного сборника на ойратском «ясном письме» является свидетельством того, как калмыцкие священнослужители создавали краткие подборки сочинений, предназначенные для совершения различных культов и практик. Тексты из данного сборника посвящены культу почитания Будды Амиабхи, его Чистой земли, а также практике принятия обета о получении рождения в этой райской области Сукхавати.

Сведения, содержащиеся в колофоне и указывающие на имя автора, известного тибетского проповедника конца XIII – середины XIV в. Дёлпопа Шераб Гьелцена, позволяют расширить диапазон ойратоведческих исследований, проследить преемственность в передаче учения в разных школах и традициях тибетского буддизма, расширить источниковую базу, дополнить историю распространений буддизма среди ойратов и калмыков с опорой на письменные памятники.

¹ Здесь *досл.* ‘полностью окруженный’.

² Это написание слова *махамудра* (в переводе с санскрита ‘великая печать’), свода учений, который присутствует во многих школах тибетского буддизма и включает методы подлинного постижения природы ума, ведущие к просветлению [Берзин 2003].

³ Т. е. в силу благословения Будды, его учения (дхармы) и монашеской общины (сангхи).

⁴ *adol bā po šešaru rgyal maacaan* — так в колофоне передано тибетское имя автора-составителя Дёлпопа Шераб Гьелцена (тиб. *dol po pa shes rab rgyal mtshan*).

Источники

- SOB — Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xurāngyu (‘Краткий сборник из описания страны Сукхавати и благопожелания’): рукопись на ойратском языке // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. ФД-15 (Фонд О. М. Дорджиева, Тугмюд-гавджи). Оп. I. Ед. хр. 380. 9 л.
- Thabs mchog — Rang gzhan bde ba can du skye ba'i thabs mchog ces bya ba bde ba can gyi mdo'i spyi don (‘Общий смысл «Сукхавати сутры» (=«Сутры о Мире блаженства»), под названием «Совершенный для себя и для других метод перерождения в Блаженной чистой земле») [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: https://library.bdrc.io/show/bdr:MW23727_99DEF8 (дата обращения: 21.02.2023).

Литература

- Андросов 2011 — Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- Берзин 2003 — Берзин А. Махамудра (Лекция в Boise Idaho, 26 апреля 2003 г.) [электронный ресурс] // Эл. библиотека books-all.ru. URL: <https://books-all.ru/read/192044-mahamudra.html> (дата обращения: 21.02.2023).
- Зорин, Сизова 2013 — Зорин А. В., Сизова А. А. Первые пекинские издания сборника «Сундуй» на тибетском и монгольском языках // Mongolica XI: сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 37–44.
- Ковалевский 1844 — Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1. Казань: Тип. Казанского университета, 1844. 594 с.
- Ковалевский 1847 — Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Т. 2. Казань: Тип. Казанского университета, 1847. С. 595–1545 с.
- Ковалевский 1849 — Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Т. 3. Казань: Тип. Казанского университета, 1849. С. 1546–2690.
- Кочергина 1987 — Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь: Около 30 000 слов / под ред. В. И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А. А. Зализняка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1987. 944 с.
- Музраева 2018 — Музраева Д. Н. Из истории бытования сборника буддийских текстов «Сундуй» у калмыков (на материале коллекции Э. Б. Убушиева, хранящейся в Научном архиве КалмНЦ РАН) // Oriental Studies.

Sources

- A Short Compilation from the Description of the Land of Sukhavati and Well Wishes (Oir. *Sukhvadiyin oroni bayidal keyigēd irel tobči xurāngyu*). Manuscript. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. ФД-15 (O. Dordzhiev/Tugmyud Gavji Collection). Cat. 1. Item 380. 9 p. (In Oir.)
- The General Meaning of Sukhavati Sutra Titled ‘The Method Perfect for Self and for Others to Gain Rebirth in the Blissful Pure Land’ (Tib. *Rang gzhan bde ba can du skye ba'i thabs mchog ces bya ba bde ba can gyi mdo'i spyi don*). On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: https://library.bdrc.io/show/bdr:MW23727_99DEF8 (accessed: 21 February 2023). (In Tib.)

2018. № 3. С. 68–94. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-68-94
- Музраева 2019 — Музраева Д. Н. Из истории комплектования и описания Фонда 8 Научного архива КалмНЦ РАН (по описи В. О. Поляева) // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 450–459. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-450-459
- Музраева 2023 — Музраева Д. Н. Представления о стране блаженства Сукхавати (по ойратской рукописи из Научного архива КалмНЦ РАН) // Новый филологический вестник. 2023. № 2(65). С. 192–200. DOI: 10.54770/20729316-2023-2-192
- Орлова 2002 — Орлова К. В. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: ИВ РАН; КИГИ РАН, 2002. 85 с.
- Позднеев 1911 — Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 306 с.
- Рерих 1985 — Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. I–XI. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1993. Вып. IV. 1985. 374 с.
- Рерих 1986 — Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. I–XI. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1993. Вып. VI. 1986. 372 с.
- Санжеев 1977 — Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ: БИОН, 1977. 161 с.
- Яхонтова 2010 — Яхонтова Н. С. Ойратский словарь поэтических выражений. Факси-

- миле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения / редкол.: Г. М. Бонгард-Левин (пред.) и др. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.
- Krueger 1984 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Part II. Bloomington: Indiana University, 1984. Pp. 205–464 p.
- Stearns 1999 — *Stearns S.* Dolpopa Sherab Gyaltsen [электронный ресурс] // Jonang Foundation. Early Masters. URL: https://jonangfoundation.org/jonang_master/dolpopa-sherab-gyaltsen/ (дата обращения: 21.02.2023).
- ### References
- Androsova V. P. Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary. Monograph. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Berzin A. Mahamudra: A lecture delivered in Boise (Idaho, US) on 26 April 2003. On: Books-all.ru (online library). Available at: <https://books-all.ru/read/192044-mahamudra.html> (accessed: 21 February 2023). (In Russ.)
- Kochergina V. A. Sanskrit-Russian Dictionary. Ca. 30,000 entries. V. Kalyanov (ed.). Suppl. with A Grammatical Sketch of Sanskrit by A. Zaliznyak. 2nd ed., rev. & suppl. Moscow: Russkiy Yazyk, 1987. 944 p. (In Skt. and Russ.)
- Kowalewski O. Dictionnaire mongol-russe-français. Vol. 1. Kazan: Imperial Kazan University, 1844. 594 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. Dictionnaire mongol-russe-français. Vol. 2. Kazan: Imperial Kazan University, 1847. Pp. 595–1545. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. Dictionnaire mongol-russe-français. Vol. 3. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. Pp. 1546–2690. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Pt. II. Bloomington: Indiana University, 1984. Pp. 205–464 p. (In Eng.)
- Muzraeva D. N. Fond 8 of the Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center (RAS): Excerpts from the history of its formation and description (An insight into V. O. Polyaev's inventory list). *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 450–459. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-450-459
- Muzraeva D. N. Representations of the land of bliss of Sukhavati (According to the Oirat manuscript from the Scientific Archive of the Kalmyk SC of the RAS). *The New Philological Bulletin*. 2023. No. 2(65). Pp. 192–200. (In Russ.) DOI: 10.54770/20729316-2023-2-192
- Muzraeva D. N. The gZung 'dus Buddhist texts collection: Excerpts from the history of its existence among the Kalmyks (A case study of E. B. Ubushiev's Collection from the Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS). *Oriental Studies*. 2018. No. 3. Pp. 68–94. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-68-94
- Orlova K. V. Description of Mongolian [-Language] Manuscripts and Xylographs Stored at Kalmykia's Repositories (Bulletin of the Society of Orientalists 5). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2002. 85 p. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. Kalmyk-Russian Dictionary. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Russ.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Is. 4. Moscow: Nauka — GRVL, 1985. 374 p. (In Tib., Russ., Eng. and Skt.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Is. 6. Moscow: Nauka — GRVL, 1986. 372 p. (In Tib., Russ., Eng. and Skt.)
- Sanzheev G. D. Investigating the History of Mongolian Writing Systems: A Linguistic Introduction. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences, 1977. 161 p. (In Russ.)
- Stearns S. Dolpopa Sherab Gyaltsen. On: Jonang Foundation. Early Masters. Available at: https://jonangfoundation.org/jonang_master/dolpopa-sherab-gyaltsen/ (accessed: 21 February 2023). (In Eng.)
- Yakhontova N. S. Oirat Poetic Expressions: A Dictionary. Facsimile of the manuscript, transliteration, etc. G. Bongard-Levin et al. (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 615 p. (In Oir. and Russ.)
- Zorin A. V., Sizova A. A. The first Beijing editions of the *Gzungs 'dus* collection in Tibetan and Mongolian. *Mongolica*. 2013. Vol. XI. Pp. 37–44. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 3, Pp. 647–659, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.221

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-647-659

Функции шаманов в бурятской эпической традиции

Наталья Никитична Николаева¹, Людмила Санжибоевна Дампилова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-4903-7387. E-mail: [natanika80\[at\]mail.ru](mailto:natanika80[at]mail.ru)

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник

 0000-0003-0917-5432. E-mail: [dampilova_luda\[at\]rambler.ru](mailto:dampilova_luda[at]rambler.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Николаева Н. Н., Дампилова Л. С., 2023

Аннотация. Введение. Актуальным представляется выявление отличительных особенностей эпических традиций в отдельной этнической среде для представления общей эпической картины народов Центральной Азии. Доказанным является факт, что шаманизм является источником различных эпических и поэтических жанров. В шаманских и эпических текстах монгольских народов отмечена идентичность мифологической модели мироустройства, единство пантеона божеств, связь и синонимичность многих представлений и понятий. *Цель исследования.* Отсюда значимым является выявление роли шамана / шаманки в сюжетах бурятских эпических произведений, определение их положения и статуса в персонажной системе. Исходя из этого, следует решить следующие *задачи*: проанализировать эпические тексты, относящиеся к разным локальным традициям предбайкальских бурят; выделить образы шаманов и шаманок и рассмотреть их в сравнительном аспекте с привлечением этнографического материала. *Методы.* Используются сравнительно-исторический и сопоставительный методы анализа. *Материалом* исследования послужили бурятские эпические тексты — как изданные, так и хранящиеся в архиве Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). *Результаты.* Авторы приходят к выводу, что в бурятской эпической традиции шаманы и шаманки могут считаться традиционными персонажами, восходящими к архаичным истокам верования, но круг их функций в улигерах носит ограниченный и довольно однотипный характер. Отмечено гендерное разделение на разных уровнях мироздания: небожители-божества высших сфер также могут быть шаманами, и это всегда мужчины. В среднем мире, т. е. на Земле, действуют только шаманки. Функции божеств-шаманов номинальны и не значимы для сюжета. Статус шаманки в вариантах и версиях унгин-

ской Гэсэриады довольно высок. Несмотря на эпизодическое появление, она выполняет функции связующего звена между средним и верхним мирами, защитницы, помощницы и советницы героев, ясновидицы и прорицательницы, что можно трактовать как классическую роль шаманов в обществе. В текстах, записанных от сказителей-шаманов или известных знатоков шаманских традиций, нередко шаманка играет более значимую роль в развитии сюжета, нежели в текстах, записанных от простых сказителей. В улигерах, не относящихся к Гэсэриаде, выявлена иная интерпретация образа шаманки. Исполняя те же функции ясновидицы, прорицательницы и советницы, она противопоставлена главному герою и выступает на стороне его оппонентов. Нередко в улигерах реализуется мотив физического устранения шаманки. Таким образом, в бурятских улигерах шаманы являются пассивными номинальными персонажами, тогда как более активную роль играют шаманки. Статус и положение шаманок в эпосе не совсем коррелируют с существовавшим традиционно высоким статусом шаманов и шаманок у предбайкальских бурят-шаманистов.

Ключевые слова: бурятский фольклор, героический эпос, мифология, улигеры, Гэсэриада, эхирит-булагатская версия, унгинская версия, шаманизм, шаманы, шаманки

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации: 121031000259-6).

Для цитирования: Николаева Н. Н., Дампилова Л. С. Функции шаманов в бурятской эпической традиции // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 647–659. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-647-659

Functions of Shamans in the Buryat Epic Tradition

Natalia N. Nikolaeva¹, Liudmila S. Dampilova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-4903-7387. E-mail: natanika80[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Nikolaeva N. N., Dampilova L. S., 2023

Abstract. Introduction. It is urgent enough to reveal original features of epic traditions in certain ethnic environments to draw a general epic picture of Central Asian peoples. As is evident, shamanism has given rise to diverse epic and poetic genres. Shamanic and epic texts of Mongols are characterized by identical mythological patterns of world order, unified heavenly pantheons, coherent and synonymous ideas and concepts. **Goals.** The article aims to identify the functions of a shaman/shamaness in plots of Buryat epic narratives, determine the former's position and status in the system of images. So, the paper shall analyze epic texts clustering with different local traditions of Cis-Baikal Buryats, delineate images of shamans and shamanesses to consider them in a comparative perspective with the involvement of ethnographic material. **Materials and methods.** The study employs comparative-historical and contrastive methods as key tools of analysis. It examines Buryat epic texts — both published ones and those contained in archives of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBTS SB RAS). **Results.** The paper suggests that in the Buryat epic tradition shamans and shamanesses can be viewed as traditional characters traced back to most archaic beliefs, though their functions in uligers are essentially limited and monotypic. There is a gender division at different levels of the universe: celestial deities of upper realms are represented by male shamans, while only

shamanesses exhibit activity in the Middle World (i.e., on the Earth). The functions of male shaman deities are nominal and not that significant for the plot. The status of a shamaness in variants and versions of the Unga Geseriad is quite high: she serves as mediator between Heaven and Earth, defender, assistant and adviser to the main characters, clairvoyant and soothsayer — and performs the classical role of shamans in society. Narratives recorded from shaman tale-tellers or individuals with extensive expertise in shamanic traditions tend to entrust shamanesses with larger plot development impacts rather than those delivered by mere narrators. However, in other uligers (not included in Geseriad) the shamaness — though endowed with the same functions of a clairvoyant, soothsayer and adviser — is opposed to the main character and supports his enemies. So, such uligers often contain the motif of her physical elimination. As can be seen from the above, in Buryat uligers male shamans are rather passive and nominal characters, while shamanesses do play most active roles. In general, the status of shamanesses in the epic tradition does not quite correlate with the traditionally high status of shamans and shamanesses among Cis-Baikal Buryats.

Keywords: Buryat folklore, heroic epic, mythology, uligers, Geseriad, Ekhirit-Bulagat version, Unga version, shamanism, shamans, shamanesses

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 ‘Peoples of the Baikal: Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts’.

For citation: Nikolaeva N. N., Dampilova L. S. Functions of Shamans in the Buryat Epic Tradition. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 647–659. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-647-659

1. Введение

Эпос предбайкальских бурят, репрезентируя персонажей-небожителей как шаманских божеств, пронизан шаманским мировоззрением. Доказанным является факт, что «шаманизм — источник различных эпических и поэтических жанров» [Ревуненкова 1984: 36].

Связь бурятского эпоса с шаманством подчеркивал Н. Н. Поппе, отмечая единый персонажный ряд небожителей [Поппе 1940: 7].

В шаманских и эпических текстах монгольских народов, бурят в том числе, отмечена идентичность мифологической модели мироустройства, единство пантеона божеств, связь и синонимичность многих представлений и понятий. Поэтому значимым является выявление роли шамана / шаманки в сюжетах бурятских эпических произведений, определение их положения и статуса в персонажной системе. Авторами решались следующие задачи: анализ эпических текстов, относящихся к разным локальным традициям предбайкальских бурят; выделение образов шаманов и шаманок, рассмотрение их в сравнительном аспекте с привлечением этнографического материала.

Несмотря на общую шаманскую мифологию, в эпических текстах не так часто

встречаются персонажи, определяемые как шаманы и выполняющие именно шаманские действия. Так, упоминаются шаманствующие тэнгрии (*бөөлүүр тэнгэри*), шаманы-тэнгрии (*бөө тэнгэри*), шаманки среднего мира (*одёгон*). Эпосовед А. И. Уланов отмечал, что в проанализированных им текстах почти сотни улигеров обнаружено около десяти персонажей шаманок и ни одного персонажа шамана [Абай Гэсэр 1960: 301] (тэнгриев-шаманов ученый, очевидно, не учитывал ввиду их почти полного бездействия).

Рассматривая бурятский эпос для определения функции шаманов и шаманок, в первую очередь следует обратить внимание на многочисленные версии и варианты Гэсэриады, поскольку именно в их прологах, как лаконичных, так и развернутых представлена мифологическая картина мироздания с многочисленными шаманскими божествами, выступающими в различных связях и отношениях как между собой, так и с главным героем Гэсэром.

2. Шаманы и шаманки в бурятском «Гэсэре»

Пролог эхирит-булагатской версии «Абай Гэсэр-хубун» [Абай Гэсэр-хубун 1961: 12–21] отличается краткостью и ди-

намичным развертыванием событий по сравнению с прологами разных вариантов унгинской версии. В нем упоминаются небожители более раннего периода, и в целом развитие сюжета подчинено основной идее — спуску сына Неба, небесного богатыря, в срединный мир и его миссии уничтожения чудовищ и защиты простых людей. Отметим, что в небольшом пантеоне небожителей этой версии нет тэнгриев-шаманов, кроме того, не упоминаются и служители культа на Земле. И это можно назвать одной из характерных особенностей не только эхирит-булагатского «Гэсэра», но и всех эхирит-булагатских улигеров в целом.

В мифологической картине мира унгинской Гэсэриады о функциях шаманов-тэнгри можно догадываться по кодовым символам. В варианте сказителя Пёохона Петрова, считающемся наиболее полным и основным среди унгинских вариантов, у тэнгрия-прародителя Эсэгэ Малана было 9 шаманствующих тэнгриев (*юхэн бөөлүүр тэнгэри*), и эти же тэнгрии представлены как дяди по материнской линии Хана Хирмаса (*Юхэн бөөлүүр тэнгэри нагаса*), у которых он пирует во время разгорающейся войны небожителей [Абай Гэсэр 1960: 16, 24]. В варианте улигершина Парамона Дмитриева жена Хана Хурмаса — Дэрэ Сэсэн хатан имеет 9 шаманствующих отцов, 9 поющих матерей (*Юхэн бөөлүүр баабайтай*, / *Юхэн дуунуур ибиитэй*). Именно к ним едет Хан Хурмас с женой в гости и там, загулявшись, забывает о сроке сражения с Атай Уланом [Гэсэр 1953: 10, 16].

В прозаическом пересказе «Гэсэра», записанном М. Н. Хангаловым у Петкоба Тушемилова и Николая Хангалова, у Хана Тюрмаса имеется 33 белых шаманствующих тэнгри (33 *Болур-Саган-Тэнгэрина*) [Хангалов 1959: 230]. В эпосе, записанном от сказителя и шамана (по другим данным, лекаря-костоправа, великолепно знавшего всю шаманскую мифологию, пантеон божеств, призывания, обряды и т. д.) Папы Тушемилова, у Хана Хюрмаса также 33 белых шаманствующих тэнгри (*Гушан гурбан* / *Бөөлүүр сагаан тэнгэртэй*).

В варианте улигера Н. Т. Иванова и Б. Б. Болдонова у Атай Улана есть Шаманствующие Черные тэнгрии (*Бөөлүүр Хара тэнгэришүүл*), они участвуют в войне небожителей, «идут, камлая-шаманя; кружась

и вертясь; раскачиваясь и приплясывая» [Бурчина 1990: 271]. Однако они называют другом-побратимом Белодонного тэнгрия (*Оёор Сагаан тэнгэри*, олицетворение синего неба с белыми облаками), который обычно причисляется к добрым светлым тэнгриям, и именно во владения Белодонного тэнгрия их сбрасывает во время схватки Белый тэнгрий Будургуй [Бурчина 1990: 271–272].

Кроме того, в этом варианте реализуется редкий мотив покровительства тэнгриев, которые заступаются за своих подопечных, спустившись на Землю. Обычно вектор обращения за помощью направлен вверх: герой или его антипод просят помощи (обращаются напрямую, устраивают тайлганы с жертвоприношением) и получают ее в виде стихийных проявлений природы (кровавый дождь и каменный град, гром и молнии, вихри, туманы), спускающихся коней, вооружения, предметов и т. д. Либо они сами поднимаются на небеса и получают советы, чудесные вещи и пр. непосредственно от своих покровителей. Здесь же Гэсэр, выбравшись из моря, т. е. владений своего тестя Ухан Лобсон хана, уничтожает Старшего Желтого беса (*Еха Шара шулма*). После этого появляется целый сонм темных тэнгриев, прибывших, очевидно, заступиться за одного из своих подопечных и уничтожить Гэсэра на Земле, и среди них тэнгрий Черный Шаман (*Бөө Хара тэнгэри*) с девятью черными сыновьями на угольно-черных конях с серебряными саблями в руках. Конфликт, однако, не получает ни развития, ни разрешения, Гэсэр едет домой [Бурчина 1990: 284–285].

Безусловно, наиболее развернутая и полная картина мифологического мироустройства представлена в сводном варианте Альфора (Александра Васильева). Если главный унгинский вариант Пёохона Петрова отличается чеканная лаконичность слога и лапидарность сюжета, то вариант Альфора можно назвать в какой-то степени противоположным ему по красочности и выразительности эпических формул, разнообразию сюжетных ходов и богатству персонажей. Именно в этом варианте шаманы-тэнгрии не просто упомянуты и поименованы, а охарактеризованы. Так, тэнгрий Черный Шаман (*Бөө Хара тэнгэри*) представлен одним из тринадцати сыновей прародительницы злых темных небожителей Маяс Хара [Абай

Гэсэр Богдо 1995: 32] либо старшим сыном Черного Асарангуйского тэнгрия [Абай Гэсэр Богдо 1995: 41], либо причислен к 7 Хашарангуйским тэнгрям в войне небожителей [Абай Гэсэр Богдо 1995: 69]. Сказитель дает ему характеристику: *Бөө Хара тэнгэри / Зондо алдарт айнажа, / Зоболондо туһатай бөө, / Алахын үбшэндэ болоболин / Абартай айнажа гүүлэжэ, / Үхэхын үбшэндэ болоболин / Үнэтэй бөө гүүлэжэ, / Сууда орожо ошобо ло, / Сойда хатаран тунгирбала* ‘Тэнгрий Черный Шаман / [Был] у народа известным айнажи (покровителем), / В страданиях помощь оказывающим шаманом, / При наступлении губительных болезней / Говорили о нем как о спасительном айнажи, / При наступлении смертельных болезней / Говорили о нем как о бесценном шамане, / [Так] он прославился, / [Такая] о нем слава разошлась’ [Абай Гэсэр Богдо 1995: 34]¹.

Здесь перечислены наиболее важные функции, выполняемые шаманом в обществе, когда он выступал как целитель и покровитель детей. Но этот тэнгрий выполняет не только шаманские функции, в сюжете он еще и борется с Хан Хурмустой на пиру небожителей. Описание борьбы дает яркую картину двух могучих борцов, чьи действия приобретают гиперболизированный масштаб [Абай Гэсэр Богдо 1995: 41].

В главе о войне небожителей после гибели Атай Улана этот тэнгрий объединяется с тэнгрием Сайр Саганом против Алтан Шара тэнгрия [Абай Гэсэр Богдо 1995: 62]. Судя по номинации, Сайр Саган тэнгрий (букв. ‘Ярко-белый тэнгрий’) принадлежит к числу светлых небожителей, тогда как принадлежность Алтан Шара тэнгрия (букв. ‘Золотисто-желтый тэнгрий’) точно не понятна, так как желтый цвет имел амбивалентную символику. Он символизировал солнце, солнечное тепло, употреблялся в эпитетике значимых и несущих однозначно положительное начало предметов и явлений (в улигерах это Желтая книга судеб, желтый бухарский лук богатыря, желтое молоко матери, Изначальное желтое древо, Материнское желтое озеро и т. д.). В то же время желтый цвет маркировал болезни, несчастья, нечто враждебное, опасное, входил в состав имен многих чудовищ-врагов в улигерах.

В сводном тексте «Абай Гэсэр Богдо хаан» также упоминается *Бөөлүүр Сагаан тэнгэри* (‘букв. Шаманствующий белый тэнгрий’), которого скидывает во владения Белодонного тэнгрия Будургуй Хара тэнгрий [Абай Гэсэр Богдо 1995: 61]. Теонимы варианта Альфора противоположны варианту Иванова и Болдонова, в котором Черного шаманствующего тэнгрия сбрасывает Будургуй Саган тэнгрий.

В каждом из этих текстов подчеркиваются роль и цветовая, числовая символика шаманов-небожителей: оппозиция белый / черный и сакральные числа (семь, девять, тринадцать, тридцать три), согласно мифологической картине мира. Упоминания о родственных отношениях, роль в военных событиях шаманов-небожителей показывают их встроенность в основной пантеон богов.

Кроме шаманов-тэнгриев, в Гэсэриаде упоминается и действует шаманка среднего мира, хотя ее роль в большинстве вариантов текстов однотипна и ограничена. Она часто именуется Шархан, Шарахан, Шарагшахан, очевидно, от *шара* ‘желтый; русский, рыжий’, обозначающего цвет волос шаманки. Возможно, необычный рыжий или русский цвет кодирует особенность персонажа. Не исключено, что здесь нашла отражение и упомянутая выше амбивалентная символика желтого цвета. Однако нередко имена шаманки звучат по-иному: Шаархан (возможно, от *шаара* ‘чаинки, подонки, остатки; перен. отребье, отродье’); Шарнайхан (от *шарнайха* ‘быть курносый с широкими ноздрями (о носе)’); Шодойхон или Шодогуйхан (может быть связано с *шодойхо* ‘быть тонким и коротким, торчать (о хвосте)’, *шодогор* ‘тонкий и короткий (о хвосте)’); Шорнойхон (от *шорногор* ‘остролицый, остромордый’); Аршанайхан (либо от *аршам* ‘аршин’, либо от *аршалха* ‘спасать, защищать; покровительствовать, опекать’). Под этими именами шаманка встречается в числе персонажей не только «Гэсэра», но и во многих других эхирит-булагатских и унгинских улигерах.

Часто описание шаманки сопровождается формульным выражением ‘безошибочно чующая запах жареного мяса’ (*шархан мяха андахобой*) или ‘жареного мяса не упускающая’ (*шархан мяха алдахобой*) с дополнением ‘От сочной кровяной колбасы не отка-

¹ Перевод наш. — Н. Н., Д. Л.

зывающаяся' (*шүхэтэ шабай хойгохобэй*). Можно предположить, что запах жареного мяса связан с шаманским обрядом кровавых жертвоприношений, когда в дар богам сжигали мясо барана. Это выражение варьируется в виде *шорото мяхабарихагуй* или *шорото юмэ алдахагуй*, которое у исследователей трактуется по-разному. Так, Д. А. Бурчина *шорото юмэ алдахагуй* переводит как 'не упускающая беды и несчастья', возводя *шорото* к *шоро* 'несчастье, беда' [Бурчина 1990: 172, 275].

У М. П. Хомонова *шорто мяхабарихагуй* переводится как 'не принимающая мясо оскверненное' или 'не кушала мясо оскверненное' [Айдурай Мэргэн 1979: 47–48, 58–59, 101, 112]. Здесь семантика *шорто* / *шорото*, связанная с *мяхан* 'мясо', не совсем ясна и не понятно, почему исследователь и переводчик трактует как 'оскверненное мясо', так как у *шорто* / *шорото*, очевидно, восходящих к *шоро*, не зафиксировано значения 'оскверненный'.

Общеизвестное деление на черных и белых шаманов нашло отражение и в эпосе. Тэнгрии-шаманы четко делятся на белых, выступающих на стороне добрых светлых небожителей, и на черных, принадлежащих к враждебной стороне. Иначе дело обстоит с земными шаманками. Они могут быть и белыми (*сагаан одёгон*), т. е. имеющими происхождение от светлых тэнгриев, и черными (*хара одёгон*), поклоняющимися темным богам, нередко с сопутствующим эпитетом *ехэ* 'великая, старшая'. Однако ни в одном тексте не отмечено разделение их полномочий согласно цветовой семантике. Черная шаманка без особых ограничений делает подношение светлым богам, прося о помощи. Границы между черной и белой шаманкой размыты и неопределенны, для сюжета имеет значение лишь ее функция медиатора между небом и землей.

Шаман является избранником небес, особым даром его наделяют небесные предки или небожители. В первую очередь шаманы выполняют функцию связующего звена между мирами. Практически во всех унгинских версиях эпоса о Гэсэре расписывается обряд подношения (*сасали бариха*), который делают земные люди после небесной войны, низвержения главы темных тэнгриев и вследствие этого распространения на Земле болезней и несчастья.

Обряд *сасали бариха* либо инициирует, либо проводит шаманка. У Н. Т. Иванова и Б. Б. Болдонова: шаманка Шаархан начинает камлать, собирает бедствующий народ. Велит одноруким, одноногим и одноглазым калекам совершить обряд *сасали бариха* из крови и гноя больных. Это подношение падает на стену дворца Хана Тюрмаса [Бурчина 1990: 275]. У П. Петрова: шаманка Шарагшахан собрала слюны лежащих и стоящих людей, т. е. больных и здоровых людей, в разбитые и сломанные чаши, поднялась на гору Песчаную, усадила правдивого парня и чистую девушку у *тургэ* (на место камлания), слюнями-соплями сделала подношение *сасали* светлым богам [Абай Гэсэр 1960: 30]. По шаманской традиции невинные девять девушек и парней участвовали в ходе обрядового события, придавая шаману больше сил для связи с верхним миром.

У П. Дмитриева: шаманка Шарахан, которую народ заставляет камлать, на третий и девятый день новолуния бросает чаши со слюнями лежащих и стоящих людей ко дворцу Хана Хурмаса. Третья чаша с мокротами больных, брошенная в пятнадцатый день новолуния, может погубить (очевидно, осквернить) Хана Хурмаса, и, уstraшенный этим, он стремится уехать подальше [Бурчина 1990: 343].

У Папы Тушемилова в записи И. Н. Мадасона этот обряд проводит черная шаманка Шарнайхан. Она собирает в сломанный черпак все болезни людей и воздвигает возвышение из лиственниц. Камлает, применяя новое волшебство (*шэнэхэн абаа гаргажа*), держит в руках черпак, смотрит немигающими черными глазами в северо-восточную сторону, не переминаясь ногами и ударяя в бубен и барабан. Затем кидает вверх черпак с заклинанием. Черпак падает на золотой престол бабушки Манзан Гурмэ [Бурчина 1990: 172].

У него же в записи Т. М. Болдоновой: шаманка Шархан Саган наполняет кривые ковши слюнями (или слезами) больных людей, чаши и чарки слюнями (слезами) здоровых людей, бьет на каждом шагу своей изукрашенной тростью, совершает обряд, войдя в измененное сознание (*онго оруулжа захалба*), и кидает все вверх, прямо к дверному косяку прародительницы Манзан Гурмэ бабушки [Абай Гэсэр 2000: 39].

Вариант Папы Тушемилова в двух разновременных записях (запись 1940 г. И. Н. Мадасона и 1947 г. — Т. М. Болдоновой) наглядно демонстрирует вариативность традиции и сказительскую импровизацию, когда каждый сказитель, согласно своим каноническим традициям и историческим составляющим, сокращает, добавляет или трансформирует элементы, мотивы и главы в свой вариант улигера. В одном эпизоде Папа Тушемилов в разное время меняет практически все: имя шаманки, ее принадлежность к черным / белым силам, место, атрибуты и способ проведения обряда, место, куда упало подношение. В сухом остатке остается лишь «скелет» мотива — шаманка делает подношение высшим силам. Папа Тушемилов был племянником и учеником Петкоба Тушемилова, поэтому их варианты сама собирательница Т. М. Болдонова считала максимально близкими и фактически разновременными записями одного текста [Абай Гэсэр 2000: 11, 13–14]. В случае со столь одаренным мастером слова, как Папа Тушемилов, очевидно, можно говорить лишь о близости по сюжету.

У Н. Хангалова и Петкоба Тушемилова: сначала собрали слезы и слюни больных людей в разбитые поварешки, потом пригласили шаманку Шархан, безошибочно чующую запах жареного мяса, и она проводит обряд. Этот текст, изложенный в прозе М. Н. Хангаловым, сводный и сборный. Собиратель указывает, что дополнения и имена персонажей он записывал у нескольких информантов. Поэтому в примечаниях к тексту нередко даются вариации того или иного эпизода. Так, в эпизоде подношения вариации приобретают этиологический характер. Собирают слюни и слезы не просто людей, а жестоко избитых вдовы и мальчика-сироты, отчего пошло поверье, что слезы сирот и вдов «ядовиты», и очень грешно обижать их и заставлять плакать. Сам обряд *сасали бариха* считается распространенным у бурят именно с этого первого обряда [Бурчина 1990: 78]. Таким образом, шаманка выступает не только медиатором и посланником божеств, но и основоположницей обрядовых действ.

Как было сказано выше, в эпических вариантах шаманка может относиться и к черным, темным, и к белым, светлым силам, но ее роль в данном обрядовом собы-

тии идентична вне зависимости от цветовой символики. И этот ее обряд является поворотным в развитии сюжета повествования. Нельзя не обратить внимания, что в шаманской традиции в обрядах подношения шаманы обычно даруют божествам белую пищу в цельной посуде. В эпосе же обрядность маргинализирована: шаманка отправляет в разбитой чаше слюни (слезы, сопلي, мокроту, гной, кровь) либо больных, либо калек, либо сирот и вдов, т. е. людей низкого социального статуса, чтобы связаться с небожителями и показать состояние людей среднего мира. Вдобавок к этому в бытовой шаманской практике для избавления от болезней практиковалось обращение к темным божествам и заянам, так как они считались хозяевами различных болезней, посылающими их на людей. В эпосе обращение только к светлым божествам, причем фигурируют три имени: прародительница всех светлых добрых тэнгриев бабушка Манзан Гурмэ, прародитель и в некоторых случаях верховный небожитель Эсэгэ Малан и практически всегда объявляемый виновником происходящих бедствий предводитель светлых тэнгриев Хан Хурмас.

В развитии сюжета особую роль играет функция шаманки как ясновидицы, всевидящей, и эта ее способность проявлять высшие знания связана с ее умением войти в измененное состояние сознания во время камлания. У Папы Тушемилова в записи Т. М. Болдоновой у шаманки Шархан не только функция проведения обряда *сасали бариха* — ее роль немного шире. Она совершает обряд подношения верхним божествам и от них узнает имя земных родителей главного героя. Сказитель красочно описывает характер, атрибуты шаманки, ход обряда камлания: *Шарахан мяха андахобой — / Шархан сагаан одигон / Холбогото хулхан хорьбоёо / Гартаа барижа ябажа / Хон-хон сохижо / Бөөлөжө захалба гэхэ*. ‘Белая шаманка Шархан, / Жареного мяса не упускающая, / Камышовой тростью изукрашенной / На каждом шагу постукивая, / Шаманить-камлать начала, / Приходить в экстаз начала, говорят’ [Абай Гэсэр 2000: 42]. В состоянии транса шаманка на вершине дацана видит жаворонка (примечательная контаминация шаманских и буддийских мотивов), которого следует осквернить стрелой, и тут же получает ответ на вопрос о том, кто может это сделать.

Нередко шаманка начинает камлать по требованию или просьбе народа, желавшего узнать причину бедствий-страданий, после этого она излагает способ обращения к небожителям. В варианте Н. Т. Иванова и Б. Б. Болдонова описывается типичный бытовой случай обращения к шаманке: Белая ханша-богатырша, жена Гэсэра, видит плохой сон и обращается к шаманке Шорнойхон. Та камлат и говорит, что из края Зугэ пришел со злыми намерениями чудовище Зулман Ехэ шулма [Бурчина 1990: 284].

Особо следует выделить эпические тексты, записанные от шаманов, отличающиеся как семантической составляющей, так и архитектурной текстом. В варианте «Гэсэра», записанного от знаменитого обусинского шамана Морхоноя Шобонова, функции шаманки намного шире и имеют сюжетообразующее значение. В данной статье по объективным причинам рассматривается неполный текст рукописи из Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН на 50 листов на кириллице [Гэсэр (вариант) № 1791: 4].

Полная версия улигера на классическом старомонгольском письме хранится в коллекции Института восточных рукописей РАН под названием «Geser qaγan-u nom yagaqu-yin tuqai...» («Предыстория Гэсэра») [Носов 2022].

Главный герой повествования Тэгэлтэр Мэргэн не может спуститься на землю с вершины горы Сумбэр, и сказитель уточняет, что шаманка имеет задание от 55 небесных божеств выполнять связующие функции в среднем мире: *Тишбэшье, дородихи зэбиин 55 тэнгэрихээ заяабаритай амитан тэрэнаали Шарагшан одигон бэлээ / дээдэ зэбиихэ заяабрь бурэдэнэй узэхэбэ гэжэ Шарагшан одигон хэллэ* [Гэсэр (вариант) № 1791: 4].

Если она от 55 западных божеств, то она белая шаманка с добрыми функциями. Завязка эпоса полностью отличается от остальных схожих версий «Гэсэра» развернутой красочной картиной: шаманка велит переселить к морю красную девицу и туда пригнать 70 красных коров с 70 красными телятами, 70 рыжих козлов с 70 рыжими козами. Рядом с красивой девушкой надо поселить мудрую бабушку, также необхо-

димо туда отправить хороших девушек. На берегу моря построили дом с восемью стенами (т. е. восьмистенную юрту *булгааһан*) и поселили там всех. В развитии сюжета присутствуют очевидные сказочные волшебные мотивы.

Шаманка как главная помощница создает условия для рождения героя в среднем мире, сама становится повитухой. Сказитель подробно описывает все действия шаманки, проводимый ею обряд, посвященный 55 небожителям, со всеми цветовыми и цифровыми кодами. На протяжении всего повествования неполной версии шаманка присутствует наравне с матерью и мудрой бабушкой героя, играя не номинальную, а определяющую ход событий действующую роль.

Намечая следующий поворот сюжета, она своим камланием и пророчеством объявляет о наступлении врагов на их владения: *Шарагшан одигон төөдэн баруун тэнье узууртэ бодоод байба, бочиш байжа бөөлөөд, холбоо мунгэн хорьбоёо тулажа байжа бөөлэбэ, онго төргөн дээрээ ажагалба, зуун хойто тубиһи хонин хотой урам дээрэхээ Гал Долма хан ерээжэ ябана гэжэ хэлэбэ* [Гэсэр (вариант) № 1791: 33]. Войдя в транс, она перечисляет всех, кто нападёт на их землю. Только шаманка может, владея волшебным даром видения, определить дальнейший ход событий. Поскольку в нашем распоряжении имеется только вариант с прерванной сюжетной линией, рассмотрена половина повествования, но, думается, ее роль прописана во всем движении сюжета. Эпос «Гэсэр» в исполнении шамана с девятью посвящениями М. Шобонова выделяется в семантическом плане: у шаманки тесная связь с верхним миром, у нее движущая роль в сюжете — по заданию Неба ей предначертано предвидеть, прорицать, помогать, защищать небесного богатыря.

3. Статус и роль шаманок в других улигерах бурят

Унгинская Гэсэриада во всех своих вариантах дает довольно устоявшийся образ шаманки с определенным набором функций: она выступает как медиатор между Небом и Землей, между божествами и людьми, как прорицательница и ясновидица, распорядительница и учредительница обрядов,

помощница героя. Безусловно, она выступает как положительный персонаж. Однако в массе текстов, не относящихся к «Гэсэру», можно встретить совершенно иное отношение к шаманке, варьирующееся от нейтрального к негативному. Имя шаманки чаще всего остается в пределах вариаций Шархан, Шорнойхон и т. д., но ее функции еще более суживаются и предстают довольно однотипными. Практически исключается ее роль медиатора между Небом и Землей, не упоминается о ее связи с высшими божествами, но акцентируется ее функция гадалки-ясновидицы. Например, в улигере идинских (боханских) бурят «Ездящий на сивом коне парень Хухэлдэй мэргэн» (*Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хубуун*) два дяди главного героя Хухэлдэй Мэргэна хотят убить племянника, а для того, чтобы узнать, когда он вернется домой, обращаются к шаманке: *Шарахан мяха алдахабэй / Шарнайхан одигондо / Гүйлгэн-харайлган ошобод. / Шарнайхан Шара одигон / Түлгэ хаяжи үзээд, / Иимиимайе хэлэбэ: / Аша мэргэн хубуунтнай / Ехэ олзотой-омогтойма, / Халуунаа ожирээд, / Мэнэ байсаратнай ерэхэ!* 'К жареного мяса не упускающей / Шаманке Шарнайхан / Быстро побежали. / Рыжая шаманка Шарнайхан, / Поворожив, / Вот что сказала: / Племянник-мэргэн ваш / С богатой добычей / Живо-невредимый возвратится' [*Бурятский героический эпос 2022: 134–135*]. Здесь шаманка не камлает, а именно ворожит, кидая кости: *«түлгэ* 'гадание, жребий', *түлгэдэхэ* 'гадать на чем-либо, бросать жребий', *түлгэлхэ* 'предугадывать, предсказывать; ворожить'. Способ гадания может быть связан с киданием костей животного, на что указывает глагол *хаяха* 'кидать, бросать'» [*Бурятский героический эпос 2022: 301*].

Крайне примечательно, что функция ясновидицы, всезнающей, видящей то, что не могут узреть простые люди, вступает в конфронтацию с целью главного героя эпоса. В эхирит-булагатских улигерах типичным и частым является сюжет, в котором главный герой-богатырь погибает в самом начале повествования — в схватке с чудовищем-мангадхаем, от рук злокозненных родственников, и тогда на первый план выходит его сестра-богатырка. Она под именем брата в мужском образе отправляется в путь за невестой-воскресительницей, преодоле-

вает все дорожные препятствия, побеждает чудовищ, приобретает чудесных помощников или побратимов, выполняет все условия тестя-хана, побеждает в брачных состязаниях. Те же мотивы, но реже встречаются и в унгинских улигерах. И эпос практически всегда вводит волнительный момент угрозы разоблачения. При хане, отце невесты, находится шаманка, которая, увидев прибывшего лже-жениха, начинает камлать: *Аришам утаараа болхогүй / Аришанайхан одёгон, / Далай Баян хаанай-ла / Анда танил одёгон, / Одёголожу уналай, / Галтар хэлтэр мухарьлай: / «Далай Баян ханхамнай / Басаганишье хүүндэ-лэ / Басагаа үхүүё байнал-даа. / Мэхэлээшэндээ мэхлүүлхэн, / Гохолоошиндоо / гохолуулхан!». / Тишэн яахан хойно-ло / Энэшье басаганай / Баруун гарын долёобор / Хургабишида шинэхэ юүмэл! / Зүүнхэнье нюдүниин / Зүүнэй хүбэдэ шинэхэ юүмэл!». / Мэнэн хүүрээ хэлэжи / Галтар хэлтэр / Одёголожу байбал-даа / 'Маленькая шаманка, / Ростом меньше аршина, / Близкая к дому / Далай Баян-Хана, / Стала шаманить, упав на землю, / Забилась, задергалась, [так говоря]: / «Наш Далай Баян-хан / Дочь собирается / Отдать замуж за девицу, / Обманщики собрались обмануть его, / Хитрецы хотят обхитрить его!». / Потом сказала: / «У этого „жениха“ / Указательный палец на правой руке / От наперстка истерся! / Левый глаз от ушка игольного / Ослабел, притупился!». / Заветное слово сказав, / Забегала, затряслась, / В исступленьи шаманя»* [*Аламжи Мэргэн 1991: 220–221*]. После этих слов либо после прямого совета шаманки проверить «жениха», хан-отец обычно дает задания, чтобы испытать мужскую удаль и силу жениха, либо удостовериться в его истинном поле. Разоблачения шаманки, согласно числовой символике, могут повторяться трижды. После всех испытаний разгневанный «жених» наказывает шаманку за ее слова. Устойчивым является мотив утопления шаманки в кадке с курунгой¹ либо еще живой (она захлебывается), либо с перебитым хребтом. Далее часто разворачивается эпизод обнаружения шаманки, имеющий крайне редкий в эпическом контексте комический или даже иронический оттенок. «Жених» говорит, что его томит жажда, подходит к кадке с ку-

¹ Кисломочный напиток.

рунгой и, фальшиво изумившись ханскому быту: мол, у хана не обычные деревянные мешалки для курунги, а человеческие, размешивает курунгу, ухватив шаманку за ноги: *Хүрүнгүйеын инеэжи / Аршанайхан одёгони / Хоёр хулиин барижи / Хүрвэсэрэ, нэрвэсэрэ / Бэлүүрдэжи байбал-даа. / «Хаанхан хүүни танай / Бүлүүр гээши байнал-даа, / Хүүнхэн бүлүүр байнал-даа. / Хараса хүүнэй бэлүүрдаа / Модон бэлүүр байгши бэлэйл!»* 'Открыл он кадушку, / Схватил за обе ноги / Маленькую шаманку, / Стал взбалтывать [курунгу] — / Клокотала-бурлила она. / «Знать, у ханских особ / И мутноватая особенная — / Из человека сделанная. / У всех же простых людей / Она из дерева сделана»' [Аламжи Мэргэн 1991: 235].

Реакция хана — удивление и испуг. Например, в улигере качугских бурят «Эржэн Мэргэн хубун» хан боится мести семи сыновей-баторов шаманки Шорнойхон, а «жених» ловко уклоняется от их справедливого гнева — подстраивает так, что они думают, что сами стали причиной смерти матери [Эржэн Мэргэн № 233].

В эпосе «Аламжи Мэргэн Молодой и его сестрица Агуй Гохон» хан велит выбросить шаманку вон [Аламжи Мэргэн 1991: 235].

Другие варианты наказаний также связаны с физическим устранением шаманки. В «Айдурай Мэргэне» «жених», пока все гуляют на свадебном пиру, прибавляет шаманку Шодогуйхан четырьмя гвоздями к развесистой лиственнице на Алтае [Айдурай Мэргэн 1979: 58–59, 112].

В унгинском улигере «Богдони Хубшэ Мэргэн и [его] младшая сестра Бойлон Гохон» шаманка Шархан трижды говорит небожителю Эсэгу Малану, что прибывший свататься к его трем дочерям жених не мужчина, а девица: пальцы ее истерлись о наперсток, шея — об ожерелье, запястья — о браслеты. Она — сестра Богдони Хубшэ батора, девица Бойлон Гохон. Шаманка не унимается и после свадьбы. Когда Бойлон Гохон уезжает с тремя девицами домой, на рассвете следующего дня на ночевке прилетает желтая сорока и стрекочет: четыре девицы вышли замуж друг за друга. Бойлон Гохон стреляет в сороку, которая, падая, превращается в шаманку Шархан [Бурчина 2007: 178–180].

Таким образом, разворачивается парадоксальная ситуация: шаманка видит то, о

чем не догадываются ни хан, ни его народ, говорит правду, но эта правда противоречит миссии главного эпического героя. И тогда шаманку устраняют, причем ее смерть часто обставлена в комическом ключе. Комический оттенок этого эпизода может быть связан с сохранившимися в архаическом эпосе чертами мифологического героя-трикстера, который выходит из конфликтных ситуаций благодаря хитрости и уловкам, обманывая врагов. Например, тот же Гэсэр несет в себе черты плута-трикстера, что хорошо заметно и в эхирит-булагатской, и в унгинской версиях эпоса.

Заметим, что мотив пренебрежительного отношения к шаманке и ее устранения более распространен в эхирит-булагатских улигерах и совершенно не соответствует реальной ситуации. У предбайкальских бурят-шаманистов статус служителей культа был высок: их уважали, почитали, а после смерти нередко относили к хозяевам местности, устраивали обряды, просили помощи и покровительства. Хотя, безусловно, судя по свидетельству собирателей, отмечалось разное отношение к шаманам, принадлежавшим к известным шаманским родам, превосходно знавшим божеств, призывания и всю обрядность, не отказывавшим верующим, и к шаманам, которые в силу разных причин плохо знали призывания, сокращали или изменяли этапы обряда и т. д.

В унгинском эпосе, в котором тема лже-жениха, представленного сестрой, теряет актуальность и не так часто, роль шаманки заметно ослаблена. Но и в них шаманка всегда находится при хане и выполняет функцию советницы. В улигере «Эрэ Тохолэй батор» безошибочно чующая запах жареного (*шархаа андаха бээ*) шаманка Шархан, когда к Шажи Ломан хану прибывает свататься Стопятиголовый мангадхай, говорит хану, что его дочь Шара Сэсэк абхай уже нашла себе мужа Эрэ Тохолэй батора [Бурчина 2007: 49]. В «Алтан Шагай и Мунгэн Шагай» Алаша-хан раздает трем дочерям три пуда крупчатки. Дочери выпекают фигурки людей. Хан созывает своих нойонов, чтобы разгадать. Шаманка Шархан, не упускающая запаха жареного мяса (*шараханмяха андаха үбэй Шарахан одигон*), приходит и спрашивает: можно ли ей слово сказать? Объясняет, что дочери хана хотят выйти замуж, просят найти им суженых [Бурчина 2007: 361].

В Гэсэриаде эта функция также отражена: *Шархан мяха андахай / Шархан сагаан одигойо / Өөр тээшээ асарба. / Шүүбрэ ихээр нураба. Дүрбүүлэн нуужа зүбшүжэ, Шархан одигонийн хэлнэ: / — Сэгэндэй үбгүмнэй хаанам? / Наран-Гоохон абхайе / Сэгэндэй үбгүнтэй гэрлүүлэл, / Гэжэ хэлэн байна ха. / Тишжэ яажа хэлсэжэ / Түрэ юугаа бүтээнэ* 'К себе пригласили / Белую шаманку Шархан, / Жареного мясца не упускающую / Просят у нее совета, / Судят-рядят вчетвером. / Шаманка Шархан говорит: / Где наш старик Сэгэндэй? / Надо выдать за него / [Красавицу] Наран-Гоохон абхай. / На том и порешили: / Начали свадьбу готовить' [Абай Гэсэр 2000: 45].

В улигере «Эрхэ Нюдэн хубун» именно шаманка Шархан сообщает Хухэ Дулан хану, что герой похитил его дочь Хумниг Сэсэн девицу. Далее она советует не отбивать девушку силой, а принудить ее вернуться по доброй воле, а для этого следует приготовить ядовитое зелье (*хорон эдеэн*) из семидесяти различных цветов, растущих на земле, прокипятив [настояв] их на арзе. Шаманка с ханшей собирают цветы; капают отвар из цветов одного вида (*нэгэ зүйлээн сэсэг*) на дерево — оно превращается в золото; капают зельем из цветов другого вида — оно истлевает. На настое этих ядовитых цветов (*тэрэ хоро сэсэгээ уһан шуһээр*) выпекают хлеб, и хан с ханшей отправляются вызволять дочь [Бурчина 2007: 349]. Здесь, очевидно, отражены целительские функции шаманов, вера в знание ими различных целебных и ядовитых трав.

4. Заключение

Функция шаманки как советницы и в эхирит-булагатском, и в унгинском эпосе тесно связана с мотивом сватовства и заключения брака. Именно в брачных вопросах земные герои не могут обойтись без совета шаманки. Шаманка всегда представляет сторону-оппонента, т. е. чужой род,

с точки зрения жениха, эпического героя. Примечательно, что у самого жениха-богатыря никогда не бывает своих шаманок. Его советниками могут быть сестра, жена брата, чудесный конь. Свои просьбы и прошения он всегда адресует непосредственно божествам, не прибегая к услугам посредника. Он устраивает тайлганы, делает жертвоприношения и в случае необходимости способен сам подняться на небеса, чтобы получить чудесную вещь или попросить о помощи. То есть фактически он сам себе шаман, его возможности практически не ограничены, и между ним и его небесными покровителями и создателями не требуется переводчик-медиатор.

Безусловно, в бурятской эпической традиции шаманы и шаманки могут считаться традиционными персонажами, восходящими к архаичным истокам верования. Шаманы присутствуют в верхней и средней сферах вселенной, однако отмечено гендерное разделение: шаманы-небожители всегда мужчины, на Земле же действуют только женщины-шаманки. Функции небожителей-шаманов высшего ранга практически сведены к нулю, они присутствуют в текстах чаще всего номинально, без участия в развитии сюжета. Земные шаманки в основных вариантах унгинской Гэсэриады и в сюжетах остального массива эпических текстов практически никогда не являются персонажами, играющими более или менее заметную роль в сюжете. Их функции скудны, а появление в сюжете ограничено и носит эпизодический характер. От сказителя-шамана М. Шобонова был записан единственный и в своем роде уникальный вариант «Гэсэра», в котором шаманка играет значимую сюжетообразующую роль. Можно определить функции шаманки как связующего звена между средним и верхним мирами, защитницы, помощницы и советницы героев, ясновидицы и прорицательницы.

Источники

Гэсэр (вариант) № 1791 — Гэсэр (вариант): записан Т. К. Гахановой-Алексеевой у шамана Шобонова Морхоноя Алсагаровича, 70 лет, улус Онгой-Кутанка, август 1946 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Общий фонд. № 1791.

Эржэн Мэргэн № 233 — Эржэн Мэргэн хүбүүн (улигер ленских бурят), запись С. П. Балдаева // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 233.

Sources

Geser (version): [Narrative] Recorded by T. K. Gakhanova-Alekseeva from the Seventy-Year-Old Shaman Morkhonoy A. Shobonov in Ongoy-Kutanka (Osinsky District, Irkutsk Oblast, Russia), August 1946. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (RAS), Center of Oriental Manuscripts and

Xylographs. General collection. File no. 1791. (In Bur.)

Erzhen Mergen Khübüün: [Narrative] Recorded by S. P. Baldaev (An Uliger of the Lena Buryats). At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. Coll. 36. Cat. 1. Call no. 233. (In Bur.)

Литература

Абай Гэсэр 1960 — Абай Гэсэр / вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.

Абай Гэсэр 2000 — Абай Гэсэр / науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступ. ст. и послесл. С. Ш. Чагдурова. Улан-Удэ: БГУ, 2000. 256 с.

Абай Гэсэр-хубун 1961 — Абай Гэсэр-хубун: Эпопея (эхирит-булагатский вариант). Ч. 1 / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хоконова; отв. ред. И. А. Ким. Улан-Удэ: АН СССР, Сиб. отд-ние; БКНИИ, 1961. 231 с.

Абай Гэсэр Богдо 1995 — Абай Гэсэр Богдо хаан. Бурядай морин ульгэр / сост. текста С. П. Балдаев, подгот. текста и вступ. ст. М. И. Тулохонова, Д. Д. Гомбоина; науч. ред. А. И. Уланов. Улан-Удэ: [б. и.], 1995. 521 с.

Айдурай Мэргэн 1979 — Айдурай Мэргэн / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хоконова. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1979. 128 с.

Аламжи Мэргэн 1991 — Бурятский героический эпос: Аламжи Мэргэн Молодой и его сестрица Агуй Гохон / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Бурчина 1990 — Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 449 с.

Бурчина 2007 — Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.

Бурятский героический эпос 2022 — Бурятский героический эпос «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн». «Хүхэрдэй Мэргэн» / науч. пер., предисл., коммент., примеч., словарь непереведенных слов Н. Н. Николаевой, корректура бурят. текста, редакция перевода Б.-Х. Б. Цыбиковой. Улан-Удэ: АО «Республиканская типография», 2022. 360 с.

Гэсэр 1953 — Гэсэр / подгот. к печати: А. Уланов, К. Черемисов; под общ. ред. П. И. Хадалова, А. И. Уланова. Улан-Удэ: Тип. отдела изд-в и полиграф. промышл. Минкультуры БМ АССР, 1953. 163 с.

Носов 2022 — Носов Д. А. Рукопись Mong. E 289 из коллекции ИВР РАН: «лаборатория» собирателя бурятского фольклора // Мир Центральной Азии – V: сб. науч. ст. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 356–357.

Поппе 1940 — Понне Н. Н. Некоторые проблемы бурят-монгольского эпоса // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 2. С. 3–11.

Ревуненкова 1984 — Ревуненкова Е. В. О некоторых истоках поэтического творчества Индонезии (шаман – певец – сказитель) // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: сб. науч. тр. / под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1984. С. 35–41.

Хангалов 1959 — Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 тт. Т. 2. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1959. 444 с.

References

Abai Geser Bogdo Khaan: A Buryat Epic. S. Baldaev (comp.); M. Tulokhonov, D. Gomboin (text, foreword); A. Ulanov (ed.). Ulan-Ude, 1995. 521 p. (In Bur.)

Abai Geser. A. Ulanov (foreword, transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat Institute for Comprehensive Research (SB USSR Acad. Sc.), 1960. 314 p. (In Bur. and Russ.)

Abai Geser. T. Boldonova (rec.); S. Chagdurov (foreword, transl., etc.). Ulan-Ude: Banzarov

Buryat State University, 2000. 256 p. (In Bur. and Russ.)

Abai Geser-Khubun: Epic (Ekhirit-Bulagat Version). Pt. 1. M. Khomonov (text, transl., etc.); I. Kim (ed.). Ulan-Ude: Buryat Institute for Comprehensive Research (SB USSR Acad. Sc.), 1961. 231 p. (In Bur. and Russ.)

Aidurai Mergen. M. Khomonov (text, transl., etc.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1979. 128 p. (In Bur. and Russ.)

Alamzhi Mergen [the Young and His Sister Agui

- Gokhon]: A Buryat Heroic Epic. M. Tulokhonov (comp.). Novosibirsk: Nauka, 1991. 312 p. (In Bur. and Russ.)
- Burchina D. A. Heroic Epic of the Unga Buryats: A Guide to Narratives and Their Versions. Novosibirsk: Nauka, 2007. 544 p. (In Russ.)
- Burchina D. A. The Geseriad of Western Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1990. 449 p. (In Russ.)
- Geser. A. Ulanov, K. Cheremisov (text); P. Khad-
alov, A. Ulanov (eds.). Ulan-Ude: Buryat-Mon-
gol ASSR Ministry of Culture, 1953. 163 p. (In
Bur.)
- Khangalov M. N. Complete Works. In 3 vols. Vol. 2.
Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 444 p.
(In Russ.)
- Khüylen Khükhe Mortoi Khükheldei Mergen
Khübüün. Khükherdei Mergen: Buryat Heroic
Epics. N. Nikolaeva (transl., foreword, etc.),
B.-Kh. Tsybikova (text, ed.). Ulan-Ude: Re-
spublikanskaya Tipografiya, 2022. 360 p. (In
Bur. and Russ.)
- Nosov D. A. Manuscript Mong. E 289 from the
collection of IOM RAS: "Laboratory" of the
collector of Buryat folklore. In: Derevyan-
ko A. P., Bazarov B. V. (eds.) The World of
Central Asia–V. Collected scholarly papers.
Novosibirsk: SB RAS, 2022. Pp. 356–357. (In
Russ.)
- Poppe N. N. Epic of Buryat-Mongols: Some prob-
lems revisited. Izvestiya Akademii nauk SSSR.
Otdelenie literatury i yazyka. 1940. No. 2.
Pp. 3–11. (In Russ.)
- Revunenkov E. V. Shaman – singer – taleteller: An
insight into beginnings of Indonesia's poetry.
In: Putilov B. N. (ed.) Folklore and Ethnogra-
phy: At Ethnographic Roots of Folklore Plots
and Images. Collected scholarly papers. Lenin-
grad: Nauka, 1984. Pp. 35–41. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 3, Pp. 660–672, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.21

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-660-672

Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 508 «Благодарный мертвец»

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-9386-653X. E-mail: [baira.goryaewa\[at\]yandex.ru](mailto:baira.goryaewa[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Горяева Б. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Сюжетный тип 508 «Благодарный мертвец» в калмыцкой сказочной традиции развивается на мотиве чудесного помощника. Анализ показывает, что герой, отдав долг умершего, приобретает помощника. *Цель* исследования — рассмотреть мотив помощника в калмыцких волшебных сказках на сюжетный тип АТ 508 «Благодарный мертвец». *Материалом* исследования выступили тексты опубликованных сказок на «ясном письме» (*тодо бичиг*), в транскрипции на латинице, а также в современной калмыцкой орфографии на кириллице в сборниках калмыцких сказок. *Результаты.* Перед отправкой в дальний путь герой проводит испытание своего работника, предлагая отведать еды. Отказ спутника от яств мира людей указывает на принадлежность миру духов. Чудесность помощника героя проявляется также через его сверхскорость и способность понимать язык животных. Благодаря этому дару помощник, услышав разговор кошки и собаки, подсказывает юноше средство для излечения дочери хана. Желчь кошки выступает лекарством во всех вариантах сказок на сюжетный тип «Благодарный мертвец» в калмыцкой сказочной традиции. А. Н. Афанасьев отмечает желчь как лекарство для воскрешения и восстановления зрения в русской сказке «Еруслан Лазаревич», подчеркивая «лингвистическую и мифическую связь» сияния солнца, блеска золота и желтого цвета желчи. Благодарный мертвец, зная о беде, защищает своего спасителя и его супругу от яда змеи. При обвинении в посягательстве на жизнь он признается во всех своих благих деяниях (расправе над семьей мусами-людоедами, их дочерьми, женами, матерью-старухой) и собирается в мир мертвых во владения Эрлик Номин хана. Герой решает не расставаться со своим помощником и следует за ним в ад. Особенность калмыцких сказок сюжетного типа «Благодарный мертвец» заключается в описании испытаний, которые проходят герой со своим помощником в мире мертвых. Владения Эрлик Номин хана, повелителя мертвых, рисуются в сказках на основе представлений о буддийском аде, отраженных в письменных памятниках ойратской литературы, таких, как «История Чойджид-дагини», «Повесть о Молон-тойне», «Повесть о Гусю-ламе», «Повесть о Нарану Герел» и др. Именно благодаря описанию буддийского ада международный сюжетный тип «Благодарный мертвец» в калмыцкой устной традиции приобрел свою особенность в реализации мотива чудесного помощника. *Выводы.* Мотив помощника в рассмотренных сказках разработан на основе традиционных представлений с заменой более ранних воззрений — поздними буддийскими.

Ключевые слова: калмыки, волшебная сказка, сюжет, благодарный мертвец, мотив, чудесный помощник

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 508 «Благодарный мертвец» // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 660–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-660-672

The Grateful Dead: Motif of Assistant in Kalmyk Folktales of AT Type 508

Baira B. Goryaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Goryaeva B. B., 2023

Abstract. Introduction. In the Kalmyk folktale tradition, AT type 508 (The Grateful Dead) develops through the motif of miraculous helper. The analysis shows that the main character pays some debt of the deceased one — to acquire an assistant. **Goals.** The study examines the motif of assistant in Kalmyk folktales clustering with AT type 508 (The Grateful Dead). **Materials.** The paper analyzes folktale texts published in Clear Script (Kalm. *todo bičiq*), Roman characters, and modern Kalmyk Cyrillic. **Results.** Before a long journey, the hero offers his servant to partake of some food which is a test for the latter: any refusal from the viands of humans shall indicate the companion belongs to the spirit world. The magic nature of the hero's assistant is also manifested through his abilities to move at extremely high speed and understand the language of animals. And it is due to the latter gift that the assistant hears a dog and a cat's conversation — to prompt the young man a remedy for the Khan's daughter. Cat bile acts as medicine in all versions of Kalmyk folktales related to the type 'Grateful Dead'. A. Afanasyev notes bile serves as medicine for the resurrection and eyesight recovery in the Russian fairy tale 'Yerusan Lazarevich', emphasizing the 'linguistic and mythical connection' between — sunshine, glitter of gold, and the yellow color of bile. Being aware of the trouble, the grateful dead person protects his savior and the latter's spouse from the snake venom. When accused of encroachments, he confesses all his good deeds (massacre of seven cannibal demons, their daughters, wives, and the former's old mother) and sets out towards the world of the dead ruled by Erlik Nomin Khan. The hero decides not to leave his assistant and follows him up to hell. Kalmyk folktales of the mentioned type are distinguished by description of trials experienced by the main character and his assistant in the realms of the dead. Possessions of Erlik Nomin Khan — the lord of the dead — are depicted in accordance with ideas of Buddhist hell traced in Oirat written monuments, such as The Story of Chojid-Dagini, The Tale of Molon-Toyin, The Tale of the Goose-Lama, The Tale of Naranu Gerel etc. It is the descriptions of Buddhist hell that distinguish the international type 'Grateful Dead' in the Kalmyk oral tradition through the motif of miraculous helper. **Conclusions.** The motif of helper in the considered folktales unfolds on the basis of traditional ideas with that earlier views were replaced by later Buddhist ones.

Keywords: Kalmyks, magic folktale, plot, grateful dead, motif, magic helper

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Goryaeva B. B. The Grateful Dead: Motif of Assistant in Kalmyk Folktales of AT Type 508. *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 660–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-660-672

1. Введение

Различные мотивы устной традиции калмыков становились объектами исследований ученых. Анализ архаических мотивов происхождения героя привел А. Ш. Кичикова к реконструкции тууль-улигера — эпического сказания, которое стадийно предшествовало калмыцкому героическому эпосу «Джангар» и рассказывало о подвигах богатыря [Кичиков 1994: 10–18]. В разное время на материале калмыцкого эпоса изучались отдельные мотивы, типология версий эпоса «Джангар» в фольклоре монгольских народов [Овалов 1982; Овалов 2004].

В ряде работ описаны архаические мотивы Багацохуровского [Убушиева 2006; Убушиева 2009; Убушиева 2010; Убушиева 2018] и Малодербетовского циклов калмыцкого эпоса «Джангар» [Манджиева 2012; Манджиева 2022: 169–240]. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ мотивов калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса [Селеева 2007; Селеева 2008], а также богатырской сказки и эпоса [Манджиева 2016]. Изучено эпическое повествование на уровне мотива состязаний за руку ханской дочери [Хабунова 2018; Хабунова, Санжаа, Убушиева 2018], роста богатыря [Хабунова и др. 2019]. В сравнительном аспекте рассмотрены мотивы сюжетов о сватовстве [Дампилова и др. 2019].

Становились объектом исследования и мотив чудесного рождения героя эпоса и сказки [Мутляева 1982; Убушиева 2020; Горяева, Убушиева 2022], мотивы богатырских сказок [Борджанова 1985; Сарангов 2015; Хабунова, Геджин 2019]. Мотив чудесного помощника изучен на материале калмыцкой волшебной сказки [Надбитова 2005; Надбитова 2011: 139–140; Горяева 2017; Горяева 2018; Горяева 2022].

В настоящей статье нами рассмотрен мотив волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжет АТУ 508 «Благодарный мертвец».

2. Материал исследования

Материалом для статьи выступили опубликованные на «ясном письме», в транс-

крипции на латинице и в современной калмыцкой орфографии на кириллице тексты: сказка «Алтн Өргчк хаани нутгт бээдг Мөңгн Өргчк байна көвүн Манжин Зэрлг ялч көвүн хойрин тууль» («Сказка о Манджин Зарлике сыне богача Менген Оргечику, живущем в нутке хана Алтан Оргечику, и юноше-работнике») издана на ойратском «ясном письме» *тодо бичиг* [Позднеев 1888–1889: 307–347]; текст из сборника сказок в записи Г. Й. Рамстедта в транскрипции на латинице [Kalmückische Sprachproben 1909: 74–104]; «Алтн Өргч хаана нутгин Мөңгн Өргчк гидг өвгн» («Старик Менген Оргечик из нутка хана Алтан Оргечи») [Хальмг фольклор 1941: 197–205; Хальмг туульс 1961: 121–127]; «Арсмч хаана көвүн Өөс Темн Мергн хойр» («Сын Арсамчи хана и Ээс Темен Мерген») [Хальмг туульс 1968: 12–16].

Сказка «Алтн Өргчк хаани нутгт бээдг Мөңгн Өргчк байна көвүн Манжин Зэрлг ялч көвүн хойрин тууль» зафиксирована А. М. Позднеевым в 1884 г. в калмыцких степях [Позднеев 1888–1889: 307–347]. Текст «Алтн Өргч хаана нутгин Мөңгн Өргчк гидг өвгн» опубликован на основе фольклорных записей учителей 1936 г. [Хальмг фольклор 1941: 197–205]. Сказка «Арсмч хаана көвүн Өөс Темн Мергн хойр» записана от сказителя Санджи Манджикова уже во второй половине XX в. [Хальмг туульс 1968: 12–16].

Эти три текста начинаются с подробного описания многочисленного скота четырех видов. Зачин сказки повествует о престарелых бездетных супругах, которым некому передать эти богатства. Таким образом, действие сказки начинается с того, что старик отправляется к своему гению-хранителю с просьбой ниспослать ему наследника.

3. Рождение героя

Рождению героя в сказках на рассматриваемый сюжет предшествует картина богатств престарелых мифологического возраста супругов. Многочисленный скот некому унаследовать, поэтому старик отправляется в путь. Хотя табуны бесчисленны, старик уходит просить сына пеш-

ком в железных девятислойных башмаках с девятисаженным железным посохом [Хальмг туульс 1961: 121]. В. Я. Проппом было выявлено, что покойники для пути в иной мир обеспечивались обувью, посохом и хлебом, обозначавшимися позднее железными. В калмыцкой сказке путь изображается устойчивыми формулами [Позднеев 1888–1889: 308]. Идет старик до границ кочевий сорок девять дней: согласно представлениям калмыков, за это время душа достигает иного мира. Отправившись к своему гению-хранителю, старик получает ответ на свой запрос от мальчика-послушника в буддийском храме [Позднеев 1888–1889: 315].

В другом тексте мальчик-послушник советует старику накормить нищих своего аймака и отока, подать милостыню, построить девятиэтажный золотой субурган [Хальмг туульс 1961: 122]. После выполнения указаний послушника у старика появляется наследник. Текст в записи А. М. Позднеева 1884 г. описывает чудесно рожденного героя золотогрудым [Позднеев 1888–1889: 315]. В более поздних сказках чудесно рожденный уже не обладает «золотистостью», которую, по мнению В. Я. Проппа, имеют боги, умершие и посвященные [Пропп 2000: 256].

Как видим, герой сказок на рассматриваемый сюжетный тип является чудесно рожденным. Необычность героя также отмечается его быстрым ростом: *Усн, бал, цаһан тосар тежэгснд, көвүнэ өслтд түргл болад, өңгн сээхн, ухан тоңһлг болад, һунн нас күрсн цагтан генткн нег өдр көвүн эцктэн келв*: «Аав, нанд нег цөн мөңгн ас. Хаана базрт оч, арсм кенэв»¹ 'На молоке, меде, сливочном масле растили, поэтому мальчик быстро рос внешне красивым, с ясным умом, когда он достиг возраста трех лет, однажды сын сказал отцу: «Отец, дайте мне немного денег. Пойду торговать на ханском базаре»»² [Позднеев 1888–1889: 316].

4. Выкуп мертвеца — обретение волшебного помощника

Зачастую развитие действия волшебной сказки связано с отправкой представителей младшего поколения старшими.

¹ Здесь и далее примеры из текста в записи А. М. Позднеева даются в современной калмыцкой орфографии, а не на «ясном письме» (*тодо бичиг*), как в источнике.

² Здесь и далее перевод автора статьи.

Мотивировкой для отправления в путь детей служат различные обстоятельства. В сказках на рассматриваемый сюжет герой сам изъявляет желание отправиться в путь.

В сказке «Алтн Өргчк хаани нутгт бээдг Мөңгн Өргчк байна көвүн Манжин Зэрлг ялч көвүн хойрин тууль» в записи А. М. Позднеева отец отговаривает героя торговать на ханском базаре: *Өвгн: «Арсм кех кергго. Арсм эс кев чигн, чамд зөв мал мөңгн теңер хээрлсн бээнэ», — гиснд эмгн келв: «Мал мөңгн бээв чигн, куукна дурн хэрүл уга, нег цөн мөңгн өгит»* 'Старик ответил: «Торговать нет надобности. Даже без торговли небо пожаловало тебе достаточно скота и денег», на это старуха сказала: «Хоть скот и деньги имеются, не отбивая охоту у ребенка, дайте немного денег»» [Позднеев 1888–1889: 316].

При поддержке матери герой получает мешок золота и отправляется в путь, взвалив его на спину. В пути мальчику попадает человек, который стегает плетью мертвеца, подвешенного на дереве. Все свое золото он отдает в счет долга умершего [Позднеев 1888–1889: 317].

В сказке, записанной от сказителя Санджи Манджикова, родители умирают, и мальчик решает отправиться торговать: *Тиигэд, цаг цаглад нас бийгн эдлэд, хан хатн хойр өңгрв. Көвүн үлдв. Көвүн ухалад, санад бээһэд, эңгиннь йовж йовсн кергэр барш кехэд бээхэр санжана* 'Так, время проходило, прожив свой век, хан и ханша умерли. Сын их остался. Сын их думал-думал, надумал получать прибыль, решая дела своего рода' [Хальмг туульс 1968: 12].

В сказке «Арсмч хаана көвүн Өөс Мергн Темн хойр» из репертуара Санджи Манджикова герой отправляется в город, чтобы нанять работника, и в пути встречает человека, который, сев верхом на мертвеца, избивал его. Из разговора с этим незнакомцем юноша узнает, что умерший задолжал лопату золота. Отдав долг, герой вызволяет мертвеца [Хальмг туульс 1968: 12].

В сказке, зафиксированной Г. Й. Рамстедтом, герою, мальчику-калмыку, который попал от черкесов к татарину, помогает девушка, дочь татарина. Она вызволяет его из плена, бежит с ним, выходит за него замуж. С супругом они отправляются к хану, чтобы он занес имя героя в списки подданных. Специально для этого с подношения-

ми они едут к хану. Затем супруга советует обновить деньги в Китае, чтобы они не пропали. На это желание герой получает отказ от отца: *Өвгн келжэнэ: «Зуурк дээсн ик юмн, тунугар яһжэ йовнач? Бичгэ йов, үкжэ однач», — гижэ өвгн келнэ!* [Kalmückische Sprachproben 1909: 86]. Когда сын во второй раз говорит, что поедет, старик молчит. *«Хаанасн одад бичгэ авч иртн, хаалһин бичгэ, йовтн!» — гижэнэ баавһань. Хаана талан залу һарад йовв, хаанаднь күрэд ирв. «Ю хээвч?» — гижэ хан келжэнэ. «Иигэд-иигэд мөңгэн шинрүлхэр бээнэв, танас бичгэ авхар ирв», — гижэнэ. «Тер чини чик сөв». Һар бичгэн хээрлжэнэ. Һар бичгэн авад күрч ирнэ* ‘Привезите от хана грамоту, дорожную грамоту, езжайте!’ — говорит жена его. К хану отправился муж, к хану приехал. «Что ты хотел?» — говорит хан. «Так и так, хочу обновить деньги, от Вас грамоту получить приехал», — говорит. «Это правильное твое решение». Пожаловал грамоту со своей подписью. Получив грамоту с подписью, вернулся домой’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 87].

В третий раз герой объявляет отцу, что готов уехать и получил грамоту от хана. Отец после ханского соизволения дает добро, и юноша отправляется в путь.

До этого момента текст представляет вполне реалистичные события. Дальнейшее повествование приобретает уже сказочный характер:

Нег үксн күүг нег күн үснэснэ татад гөвдэд бээдг болна.

— Ода үкжэ одсн күүг гөвдэд бээх яһсн му хөвтэ күнвч?

— *Үүлэ далн тавн арслэ өртэ билэв, «эндр өгнэв», «маһндур өгнэв», гинэ(д) бээжэ үкжэ одв. Өшиһэн авч бээнэв.*

— *Эн күүг нүкнднь дарчк, би мөңгичн өгсв!* — *гинэ.*

Далн тавн арслэ мөңгэн авад саак күүг нүкнд даржана.

‘Один человек умершего человека за волосы таскает и бьет.

— Какой несчастный ты человек, что избиваешь уже умершего человека?

— Он должен был мне семьдесят пять рублей, «сегодня отдам», «завтра отдам», — говорил и умер. Я мщу.

¹ Здесь и далее примеры из текста в записи Г. Й. Рамстедта даются в современной калмыцкой орфографии, а не в фонетической транскрипции на латинице, как в источнике.

— Этого человека в могиле захорони, я верну тебе деньги! — говорит.

Семьдесят пять рублей денег получив, того человека в могиле закопал’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 89].

Во всех рассмотренных текстах герой, находясь в пути, отдает долг усопшего, таким образом восстанавливает нарушенный порядок.

Умерший обретает покой после того, как герой заплатил за него долг. В сказке ранней записи кредитор, получив свой долг, перестает стегать плетью мертвеца, снимает его с петли и бросает на землю [Позднеев 1888–1889: 317]. В варианте сказки на рассматриваемый сюжет, опубликованный в 1968 г., также отмечается, что после получения денег умерший оставляется в покое. Два текста (в записи Г. Й. Рамстедта 1903 г. и в записи 1936 г.) отмечают, что мертвеца надо закопать, другие тексты сказок не указывают на то, что умершего следует захоронить. Таким образом, калмыцкая волшебная сказка отражает как ранние представления, когда умерших не предавали земле, так и поздние, когда усопших стали хоронить.

5. Испытание помощника

Выплатив долг умершего и потратив все золото, герой возвращается домой за деньгами и отправляется на поиски работника.

Текст ранней записи А. М. Позднеева наиболее подробно описывает испытание помощника. Герой ходит по ханскому базару в поисках работника. Когда приходит юноша по возрасту чуть старше героя, он дает ему сварить баранью ножку. После того как помощник сел и поел вместе с хозяином, он был отправлен с остатками мяса как неугодный. Новые поиски работника привели к юноше, который был в более истрепанной одежде, чем прежний. Сварив ножку барана, помощник накормил хозяина, но сам не поел [Позднеев 1888–1889: 319].

Следует отметить одну деталь, которая указывается при описании юношей, нанимающихся в работники к герою, — это их одежда. Первый претендент на роль помощника — юноша, примерно одного возраста с героем, в рваной одежде — *салврха хувцта*. Следующим вызвался помогать герою парень, который был в более истрепанной одежде, чем прежний — *урдк көвүнэс эрвэж уга элдкн му салврха хувцта көвүн* [Позднеев 1888–1889: 318].

Этот момент можно соотнести с часто встречающимся в устной традиции случаем перемены облика через переодевание героя, обмен одеждой, связанным с пребыванием в ином мире. В. Я. Проппом отмечалось на материале одной сказки М. М. Коргуева, что платье у героя было другое, «как у выходца из того свету» [Пропп 2000: 111].

Таким образом, текст калмыцкой сказки в записи 1884 г. показывает, что рваная одежда юноши — признак его принадлежности иному миру. Эта связь позволяет пройти ему испытание и стать помощником героя.

Юноша же, который разделил трапезу с героем, не прошел отбор. В работники был выбран мальчик, не ставший есть с героем: «Уга, та бид хойр нег савас идх йосн уга. Та нойн йосар йовх, би ялч йосар йовх. Би үлдл хэлэх йоста. Үлдхн иднэв. Эс үлдхн, хоосн чигн йовад йовнав», — гиснд нойн көвүн тер махан ялчдан хормаднь кезж өгэд. «Тер өмнк тергн деер сууһад, тер ик замар йов», — гихэд зааж йовулад, бийнь дунд тергнд суув» ‘«Нет, по закону мы с вами не можем есть из одной посуды. Вы по обычаям нойна должны вести себя, я по обычаям работника должен вести себя. Я должен на остатки смотреть. Поем то, что останется. Если не останется, то и голодным похожу», — ответил [мальчик], юноша-нойн мясо то положил в подол ему. «Садись на первую телегу и езжай по тому широкому тракту», — сказал, отправил, сам сел на телегу посередине» [Позднеев 1888–1889: 319].

В сказке, записанной Г. Й. Рамстедтом, герой дает каждому претенденту по бараньей ножке и наблюдает за их действиями. Два человека не смогли пройти испытание, третьим вызвался болезненный бледный мальчик-послушник. Он сварил мясо, но отказался есть вместе с юношей, объясняя это следующим: «Хэр отгт одхла, хамдан сууһад идэд бээхлэ, таниг эзн гихм, намаг эзн гихм?» — гижээнэ ‘«Если будем в чужом отоке вместе садиться и есть, то Вас хозяином называть или меня хозяином называть?» — сказал» [Kalmückische Sprachproben 1909: 90]. Таким образом, волшебный мертвец, пройдя испытание едой, стал помощником героя в его путешествии.

Сказка из репертуара Санджи Манджикова испытание слуги представляет по-иному. Герой берет в помощники юношу,

который дожидается хозяина, и делит вместе с ним еду.

Исследования В. Я. Проппа показали, что для представителей «иноного» мира запах человека «в высшей степени противен», в свою очередь еда «иноного» мира запретна для живых [Пропп 2001: 47–51].

В рассматриваемых калмыцких сказках герой, предлагая помощнику отведать еды живых, испытывает его на принадлежность миру духов, которые не могут вкусить яств мира людей. Но при этом следует отметить, что умершему, перешагнувшему «порог сего мира, прежде всего следует есть и пить» [Пропп 2001: 51].

6. Благодарный мертвец — защитник героя

Пройдя испытание героя, благодарный мертвец в образе мальчика-работника сопровождает героя в дальнем пути. Он управляет обозом, готовит еду, распрягает лошадей, устраивает ночлег. Перед отправлением в дорогу отец героя советует постараться днем проехать мимо большого кургана, пересечь солончаки и пески. Этот наказ волшебный помощник помнит, но по приказу героя указанные локусы они проезжают ночью, останавливаются они тогда, когда лошади начинают мочиться кровью и отказываются идти.

В полночь, когда обходит обоз, помощник натывается на старика-муса, который приглашает путников на «огонек» в свой дом. Работник, дав согласие, следует за стариком-людоедом и поочередно убивает семь мусов (мангасов), срубая им головы. В доме стариков-мусов слева и справа мясо людей развешено, напротив двери золото-серебро, драгоценности, ткани грудой лежат. Стариков-мусов по кусочкам порезав, помощник спалил их вместе с домом, все добро закопал. Вытерев кровь с меча героя, работник возвращает меч хозяину. Таким же образом помощник расправляется со старухами, женами мусов, и их дочерьями, которые живут в песках и солончаках [Позднеев 1888–1889: 321–329].

Благодарный мертвец помогает герою, отправившемуся торговать, избежать в пути неминуемой гибели. Текст сказки в записи 1884 г. дает наиболее полную картину расправы над антагонистами — хтоническими существами, хотя и имеющими антропоморфные черты.

В сказке, записанной в 1904 г. Г. Й. Рамстедтом, помощник героя расправляется сперва у высокого кургана с семью старухами-шулмусками, далее — стариками-шулмусами, которые никого не пропустили живым между калмыцкой землей и Китаем [*Kalmückische Sprachproben* 1909: 92–95].

В сказке, записанной от Санджи Манджикова, помощник героя расправляется с шестью мужчинами-мангасами, которые жили в овраге. Далее, когда встречаются три кургана, помощник убивает старика и старуху, отца и мать мангасов-людоедов, живших в этом месте [*Хальмг туульс* 1968: 12–13].

Анализ сказок на рассматриваемый сюжетный тип показывает, что благодарный мертвец расправляется с хтоническими существами, незаметно для своего хозяина его же мечом или оружием, которое он находит в жилище мусов (мангасов). Ранние записи сказок более полно раскрывают архаические представления народа, отражающие чудесную способность хтонических существ срастаться при определенных условиях. Поэтому герой рубит врагов на мелкие куски, а потом предаёт их огню. Локусы проживания семейства мусов — это границы миров. Принадлежность их иному миру атрибутируется, в частности, несметными сокровищами, находящимися в их доме, так как, согласно исследованиям В. Я. Проппа, иной мир — это страна изобилия [*Пропп* 2000: 251–252].

Помощник расправляется с большим семейством мусов(мангасов)-людоедов по одиночке, поджидая их у входа в жилище. Таким образом, можно заключить, что помощник не обладает сверхсилой, но имеет сверхскорость: «Мальчик-послушник, в одиночку пятьсот телег смазав дегтем, в одиночку поставил их друг за дружкой в ряд. Когда поставил их в ряд и пришел, то хозяин еще не поел мяса, такой быстрый, тот манджик» [*Kalmückische Sprachproben* 1909: 91].

Принадлежность чудесного помощника героя к иному миру проявляется также через его способность понимать язык животных. Благодаря этому дару помощник подсказывает юноше средство для излечения дочери хана.

7. Исцеление ханской дочери

Понимание языка животных позволяет помощнику героя узнать о средстве, благодаря которому можно вернуть к жизни ханскую дочь. У хана Кегшин Буурал сын и дочь, которой все равно, что нет. Она больна и при смерти. Уже три года, как врачи отчаялись исцелить ее: *Угала адл. Уксн амдин зааг хучта. Хурвн жсилэс нааран эмчир эмнэж ядад, цокрэд бээсн юмнэж* [*Позднеев* 1888–1889: 331].

Когда торговля подходила к концу, благодарный помощник героя слышит разговор своей собаки с желтой ханской кошкой. Из разговора животных работник узнает, что желчь кошки является лекарством от болезни ханской дочери. Требуя мяса, кошка грозит собаке, что навредит ее хозяину во время первой брачной ночи, превратившись в ядовитую змею [*Позднеев* 1888–1889: 331], через неделю после свадьбы [*Kalmückische Sprachproben* 1909: 95–96].

Сказка в записи Г. Й. Рамстедта описывает диалог кошки и щенка в момент, когда забивают овцу. Кошка предстает в текстах размером с собаку, имеет пестро-желтый окрас (*нохан кир шар цоохр мис*) [*Позднеев* 1888–1889: 331]; желтый (*шар куушка*) [*Хальмг туульс* 1968: 15].

Лекарством названа желчь кошки, которую помощник добывает и засушивает: *Хоиад, хорвад дусал цөс устаһар нишлүд өгэд, хойр хонг өгэд, хорв хонг өгэд күүкән эдгәһэд авчкв. Күүкн эдгэд, сәәхн күүкн болад бээв* ‘По две-три капли желчи добавлял в воду и давал, два дня подавал, три дня дал и вылечил девушку. Девушка выздоровела, стала красавицей’ [*Хальмг туульс* 1968: 14].

Желчь кошки выступает лекарством в текстах всех сказок на рассматриваемый сюжет. В сказке о Манджин Зарлике в записи А. М. Позднеева помощник исцеляет дочь хана следующим образом: семь дней читает молитву-тарни и дует на ханскую дочь, натошак по утрам три раза дает лизнуть желчь кошки, после чего девушка стала есть и пить, съеденное полностью усваивалось, и она полностью излечилась [*Позднеев* 1888–1889: 333].

В традиционной калмыцкой медицине желчь разных животных часто применялась в лечении многих болезней [*Шантаев* 2005: 341]. Высушенная на солнце желчь волка использовалась при лечении туберкулеза.

При этом желчный пузырь, по демонологическим представлениям калмыков, место, в котором находится злой дух, способный вселяться в человека. В связи с этим следует трижды плюнуть на вырезанный желчный пузырь и выбросить его через левое плечо [Шараева 2008: 168].

Желчь как лекарство для воскрешения и восстановления зрения упоминается также в русской сказке «Еруслан Лазаревич». А. Н. Афанасьев отмечает при рассмотрении данного текста, что «Сияние солнца и блеск золота производят то же впечатление желтого цвета, как и желчь, и это послужило основанием их лингвистической и мифической связи» [Афанасьев 1985: 359]. Проанализировав сказание о Еруслане, А. Н. Афанасьев отмечает, что «под желчью, дающей зрение, надо понимать именно солнечный свет, без которого нельзя ничего видеть, ибо тогда все скрывается во мраке» [Афанасьев 1985: 359].

8. «Туда» и «обратно»

Кошка, желчь которой стала лекарством для больной дочери хана, грозит навредить герою и его жене: *Намаг алад, минэн цөсэр куукн эдкклэ, эн куукн кургнд мордх, кургндэн одад бээһэд бээһлэ, би хортан хо һалзн моһа болжс иржс, тотхар орад куукнэ кургнэ хойраһиннь толһа таслжс авхува* 'Если убьют меня и излечат ханскую дочь, то она выйдет замуж за юношу, после ее замужества я превращусь в змею с полоской на лбу, заползу по косяку двери и оторву головы жене и мужу' [Хальмг туульс 1968: 14].

Хан выдает замуж свою возвращенную к жизни дочь за спасителя, в придачу подарив половину своих подданных. Добравшись до своего кочевья, герой не подозревает о надвигающейся опасности. Помощник героя, зная о беде, сторожит своего хозяина и его супругу. Ночью слуга бдит, дожидается ядовитой желто-пестрой змеи и разрубает ее на части. Испугавшись, что змеиный яд мог попасть на лицо, чудесный помощник осветил лицо девушки, увидел каплю на ее щеке и вытер. Жена героя обвиняет слугу в злом умысле. В результате чего раскрывается вся правда о работнике.

Волшебный помощник говорит, что он защитил от гибели Манджин Зарлика [Позднеев 1888–1889: 343; Kalmückische

Sprachproben 1909: 101; Хальмг туульс 1961: 124–125; Хальмг туульс 1968: 14]. Богатства антагонистов — ткани, драгоценности; пятьсот телег с товаром; золото, серебро, товарищи забрали на обратном пути, возвращаясь домой.

Рассказ помощника о том, как он узнал средство исцеления для дочери хана, закончился тем, что благодарный мертвец зарубил зловредную змею и решил посмотреть, не попал ли яд на лицо новобрачным. Признавшись в своих деяниях, чудесный работник стал собираться в путь для возвращения в мир мертвых во владения Эрлик Номин хана.

В сказке, записанной А. М. Позднеевым, умерший на две недели просрочил отпущенное ему время и готовился испытывать страдания за это: *Ода би Номин хаанас эржс авсн болзгасн давад хойр дола хонв би. Ода би тер һазрт курхларн ик хээснд чанулжс, ик зовлң эдлх болта* 'Уже две недели прошло с того момента, как закончился мой срок, на который я отпрашивался у [Эрлик] Номин хана. Теперь, когда я доберусь до той земли, большие страдания испытаю — будут в большом котле меня варить' [Позднеев 1888–1889: 343].

Манджин Зарлик, узнав о том, что благодарный мертвец спас его от многих смертей, решает сопровождать своего помощника и разделить с ним его участь. Манджин Зарлик устремляется вслед за ним и попадает на суд строгого властелина страны мертвых.

Эрлик Номин хан заставляет товарищей пройти по натянутой над пропастью проволоке. Друзья, доказав свою искреннюю дружбу, побратались и в качестве вознаграждения были возвращены в мир людей [Позднеев 1888–1889: 344–346].

Сказка в записи Г. Й. Рамстедта описывает путешествие героя с его благодарным помощником в ад, который представляется на основе народных верований калмыков, сложившихся под воздействием буддийской картины мира [Kalmückische Sprachproben 1909: 102–103].

Таким образом, особенность рассмотренных калмыцких сказок состоит в описании событий, происходящих в ином мире. Описание мира мертвых в рассмотренных сказочных сюжетах строится на буддийских представлениях.

Описание буддийского ада в калмыцких сказках на международный сюжетный тип «Благодарный мертвец» представляет особенность реализации мотива помощника в этих текстах.

9. Заключение

В сказках на сюжетный тип 508 «Благодарный мертвец» в калмыцкой сказочной традиции герой приобретает чудесного помощника, отдав его долг. В. Я. Пропп отмечает, благодарный мертвец «может выполнять ту же функцию», что и загробные дарители — яга, умершие родители и голова. Яга как властительница природных сил, связанная с миром мертвых, с развитием земледелия, появлением собственности и ее преемственности по мужской линии заменяется предком. С забвением культа предков умерший предок-отец заменяется мертвецом как таковым.

В рассмотренных нами сказках герой приобретает в качестве помощника благодарного мертвеца, выплатив его долг и даровав умершему покой, в поздних записях, предав тело земле, то есть «совершив все те действия, которые ему, как мертвецу, нужны» [Пропп 2000: 127].

Калмыцкий материал показал, что услуга захоронения мертвеца появляется в волшебной сказке стадиально позже, когда произошли изменения в похоронно-погребальной обрядности народа. Две сказки поздней фиксации четко указывают на то, что умершего следует захоронить. Сказка в записи 1884 г. показывает, что герой приобретает волшебного помощника, заплатив его огромный долг золотом, при этом по-

койника оставляют на земле, согласно обычаям.

В рассмотренных калмыцких сказках герой испытывает будущего помощника, предлагая отведать еды. Отказ спутника от яств мира людей указывает на принадлежность миру духов. Но при этом следует отметить, что умершему, перешагнувшему «порог сего мира, прежде всего следует есть и пить» [Пропп 2001: 51].

Чудесность помощника героя показывается также через его сверхскорость и способность понимать язык животных. Благодаря этому дару работник, услышав разговор кошки и собаки, подсказывает хозяину средство для излечения дочери хана, а затем спасает их от кошки, обратившейся в змею.

Благодарный мертвец, зная о беде, защищает своего спасителя и его супругу от яда змеи. При обвинении в посягательстве на жизнь он признается во всех своих благих деяниях и собирается в мир мертвых во владения Эрлик Номин хана. Герой решает не расставаться со своим помощником и следует за ним в ад.

Таким образом, отличие калмыцких сказок на сюжет «Благодарный мертвец» состоит в тех испытаниях, которые герои с достоинством проходят в нижнем мире. Владения Эрлик Номин хана, повелителя мертвых, рисуются в сказках на основе представлений о буддийском аде.

Именно благодаря описанию буддийского ада международный сюжетный тип АТ 508 в сказочной традиции калмыков приобрел свою особенность в реализации мотива чудесного помощника.

Источники

- Позднеев 1888–1889 — Позднеев А. Калмыцкие сказки. Сказка про сына богача Маньчжинь зарлика и его мальчика работника // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества / под ред. В. Р. Розена. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1888–1889. Т. III. С. 307–347.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 х.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. II-гч боть / запись и сост. Бембеевой А. Ц. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1968. 267 х.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор / Барт белдснь Лежнэ Церн, Шалвра Һэрэ (сост.: Ц. О. Леджинов, Г. М. Шалбууров). Элст: Калмгосиздат, 1941. 466 х.
- Kalmückische Sprachproben 1909 — Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s. (In Kalm. and in Germ.)

Sources

- Bembееva A. (comp.) Kalmyk Folktales. Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 267 p. (In Kalm.)
- Ledzhinov Ts. O., Shalburov G. M. (comps.) Kalmyk Folklore. Elista: Kalmykia Book Publ., 1941. 466 p. (In Kalm.)
- Pozdneeв A. Kalmyk folktales. The Tale of Landlord Manjiin Zarliq and His Child Worker. Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. 1888–1889. Vol. 3. Pp. 307–347. (In Oir. and Russ.)
- Ramstedt G. J. (comp., ed.) Kalmückische Sprachproben [Kalmyk Language Materials]. Part One: Kalmyk Folktales. Helsinki: Finnougric Society, 1909. 154 p. (In Kalm. and in Germ.)
- Sangadzhieva B., Sangaev L. (comps.) Kalmyk Folktales. Vol. 1. U. Ochirov (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1961. 220 p. (In Kalm.)

Литература

- Адоньева 2011 — Адоньева С. Б. Символический порядок. СПб.: Пропповский центр: Амфора, 2011. 167 с.: илл. (Серия «Первичные знаки, или Прагмемы»). URL: <http://www.pragmema.ru/ru/chapter-symb-order-kult-mertvyh> (дата обращения: 25.03.2023).
- Афанасьев 1985 — Заметка Афанасьева о сказке «Еруслан Лазаревич» // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. Т. III. Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. С. 356–362.
- Баянова 2014 — Баянова А. Т. Особенности иллюстрирования монгольской рукописной книги (на примере «Сутры о том, как Молон-тойн освободил свою мать из ада») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2(39). С. 23–27.
- Борджанова 1985 — Борджанова Т. Г. Мифологические мотивы в калмыцких богатырских сказках // Фольклор народов РСФСР: межэтнические фольклорные связи: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Т. М. Акимова. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1985. С. 72–76.
- Горяева 2017 — Горяева Б. Б. Орнитоморфные помощники героя в калмыцкой волшебной сказке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9(122). С. 134–141.
- Горяева 2018 — Горяева Б. Б. Мотив волшебного помощника в калмыцкой сказке // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. № 5. С. 76–85.
- Горяева 2022 — Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжет ATU 513 The Extraordinary Companions // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 106–118.
- Горяева, Убушиева 2022 — Горяева Б. Б., Убушиева Д. В. Мотив рождения героя в сказочно-эпической традиции калмыков // Новый филологический вестник. 2022. № 1(60). С. 385–399.
- Дампилова и др. 2019 — Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Николаева Н. Н., Чулуун З. Традиционные мотивы в сюжете о сватовстве в эпосе монгольских народов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 4. С. 72–78.
- Кичиков 1994 — Кичиков А. III. Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное. М.: Наука, 1994. 320 с.
- Манджиева 2012 — Манджиева Б. Б. К вопросу изучения мотивов калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: в 2 ч. Ч. 2. Горно-Алтайск: Медиа Принт, 2012. С. 120–123.
- Манджиева 2016 — Манджиева Б. Б. Проблема изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Амосова. Сер.: Эпосоведение. 2016. № 1(01). С. 44–58.
- Манджиева 2022 — Манджиева Б. Б. Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 416 с.
- Мутляева 1982 — Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов (Исследования по эпосу). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 43–49.
- Надбитова 2005 — Надбитова И. С. Типы героев калмыцкой волшебной сказки // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Мат-лы II межрегион. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 231–236.
- Надбитова 2011 — Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких вол-

- шебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Овалов 1982 — *Овалов Э. Б.* Мотив «помощник героя» в версиях эпоса «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 50–56.
- Овалов 2004 — *Овалов Э. Б.* Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов. Элиста: АПП «Джангар». 2004. 184 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
- Сазыкин 2004 — Видения буддийского ада / предислов., пер., транслит., примеч. и глоссарий А. Г. Сазыкина; отв. ред. А. А. Тереньтьев. СПб.: St.-Petersburg, 2004. 256 с.
- Сарангов 2015 — *Сарангов В. Т.* Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 108 с.
- Селеева 2007 — *Селеева Ц. Б.* Мотив ультиматума и его формульная реализация в синьцзян-ойратской и калмыцкой версиях «Джангара» // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 13–14 сентября 2006 г.). Ч. I. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 80–86.
- Селеева 2008 — *Селеева Ц. Б.* Мотив пира в структуре эпического сюжета (на примере калмыцкой и синьцзян-ойратской версий «Джангара») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 52–54.
- Убушиева 2006 — *Убушиева Д. В.* О семантике архаического мотива «поглощения и выхаркивания» в эпосе «Джангар» (на материале песен Багацхуровского цикла) // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 144–146.
- Убушиева 2009 — *Убушиева Д. В.* Багацхуровский цикл «Джангара» в записях XIX века: сюжетика и сохранность эпического текста: дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2009. 150 с.
- Убушиева 2010 — *Убушиева Д. В.* Мотивный фонд Багацхуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангара» // Oriental Studies. 2010. № 3. С. 63–68.
- Убушиева 2018 — *Убушиева Д. В.* Космические мотивы в прологе эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2018. № 3(46). С. 35–45.
- Убушиева 2020 — *Убушиева Д. В.* Мотив чудесного рождения в ранних циклах эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2020. № 3(54). С. 310–321.
- Хабунова 2018 — *Хабунова Е. Э.* Мотив брачных состязаний в национальных версиях эпоса «Джангар»: диапазон варьирования // Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия. Мат-лы II Междунар. науч. форума (г. Элиста, 29 ноября – 1 декабря 2018 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. С. 44–47.
- Хабунова, Санжаа, Убушиева 2018 — *Хабунова Е. Э., Санжаа Б., Убушиева Б. Э.* Мотивный ряд матримониальной модели эпического повествования в монгольском героическом эпосе // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4 (40). С. 104–111.
- Хабунова и др. 2019 — *Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Николаева Н. Н., Убушиева Б. Э., Эльбикова Б. В.* Стремительный рост богатыря в эпосе «Джангар»: движение мотива от архаики к героике // Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма: сб. науч. трудов II Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Х. И. Ибрагимова. Томск: СибИздатСервис, 2019. Т. 3. С. 593–597.
- Хабунова, Геджин 2019 — *Хабунова Е. Э., Геджин Ч.* Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов // Oriental Studies. 2019. № 5. С. 1026–1033.
- Шантаев 2005 — *Шантаев Б. А.* Рецепты народной медицины у калмыков // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения. Материалы I-х Бертагаевских чтений / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 341–344.
- Шараева 2008 — *Шараева Т. И.* Субпродукты в мясном рационе у калмыков: традиции охотников и скотоводов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. / отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 164–171.

References

- Adonyeva S. B. Symbolic Order. St. Petersburg: Vladimir Propp Center, Amfora, 2011. 167 p. Available at: <http://www.pragmema.ru/ru/chapter-symb-order-kult-mertvyh> (accessed: 25 March 2023). (In Russ.)
- Afanasyev A. N. The Tale of Yeruslan Lazarevich: A note by A. Afanasyev. In: Barag L. G., Novikov N. V. (comps.) Russian Folktales Collected by A. N. Afanasyev. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 356–362. (In Russ.)
- Bayanova A. T. Peculiarities of Mongol handwritten book illustration (By example of Sutra on How Molon-Toyin Released His Mother from Hell). Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 2014. No. 1(39). Pt. 2. Pp. 23–27. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Mythological motifs in Kalmyk heroic tales. In: Akimova T. M. (ed.) Folklore of Soviet Russia: Interethnic Folklore Ties. Collected scholarly papers. Ufa: Bashkir State University, 1985. Pp. 72–76. (In Russ.)
- Dampilova L. S., Khabunova Ye. E., Nikolaeva N. N., Chuluun Z. Traditional motives of the courtship plot in the epos of the Mongolic-speaking peoples. Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka (The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language). 2019. Vol. 78. No. 4. Pp. 72–78. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. ATU 513 ‘The Extraordinary Companions’: The motif of magic assistant in Kalmyk folktales revisited. Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2022. No. 1. Pp. 106–118. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. Ornithomorphic assistants of a character in the Kalmyk fairy tale. Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2017. No. 9(122). Pp. 134–141. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. The motif of magic assistant in Kalmyk folktales. In: Issues of Ethnic History and Culture of Turko-Mongols. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. Vol. 5. Pp. 76–85. (In Russ.)
- Goryaeva B. B., Ubushieva D. V. The motif of the hero’s birth in the fairy tale and epic tradition of the Kalmyks. The New Philological Bulletin. 2022. No. 1(60). Pp. 385–399. (In Russ.)
- Khabunova E. E. The motif of marriage contests in ethnic versions of the Jangar: A range of varieties. In: Saliev B. K. et al. (eds.) Networking in Oriental Studies: Oral and Written Traditions in the Context of Cross-Cultural Interaction. Forum proceedings (Elista, 29 November – 1 December 2018). Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2018. Pp. 44–47. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Dampilova L. S., Nikolaeva N. N., Ubushieva B. E., Elbikova B. V. Quick growth of a hero in the Jangar epic: The motif’s evolution from the archaic era to the heroic one. In: Social and Cultural Transformations in Current Globalization Contexts. Jubilee conference proceedings. Tomsk: Siblzdatservis, 2019. Vol. 3. Pp. 593–597. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Gejin Ch. Fairy-tale tradition of the Turko-Mongols: Motives for the expulsion of a bear-born hero. Oriental Studies. 2019. No. 5. Pp. 1026–1033. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Sanjaa B., Ubushieva B. E. The matrimonial model in Mongolian archaic epic. Bulletin of Kalmyk University. 2018. No. 4(40). Pp. 104–111. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Study in Comparative Typology. 2nd ed., reprint. Moscow: Nauka, 1994. 320 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Baga Dorbet Cycle of the Jangar: Textual Analysis and Poetics in the Context of the Kalmyk Epic Tradition. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2022. 416 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Kalmyk heroic epic of Jangar: The study of motifs revisited. In: Yekeeva N. M. et al. (eds.) Altaic Studies in the Changing Worldview Paradigms: Key Development Trends. In 2 parts. Pt. 2. Gorno-Altaysk: Media Print, 2012. Pp. 120–123. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The issue of studying the motives of the Kalmyk heroic tale and the heroic epos “Jangar”. Vestnik of North-Eastern Federal University. Series «Epic Studies». 2016. No. 1(01). Pp. 44–58. (In Russ.)
- Mutlyaeva B. E. Magic epics of Mongols and the Kalmyk Jangar: [Analyzing] the motif of the hero’s miraculous birth. In: Epic Poetry of Mongols. Epic Studies. Elista: Kalmykia Book Publ., 1982. Pp. 43–49. (In Russ.)
- Nadbitova I. S. Kalmyk magic folktale: Types of characters. In: The Youth in Science. Challenges, Endeavors, Prospects. Conference proceedings. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2005. Pp. 231–236. (In Russ.)
- Nadbitova I. S. Kalmyk Magic Folktales: Plots, Images, and Traditions of Style. Elista: Dzhangar, 2011. 260 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Epic of Mongols: A Typology of Motifs and Plots. Elista: Dzhangar. 2004. 184 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. The motif of a hero’s assistant in different versions of the Jangar. In: Epic Poetry of Mongols. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 50–56. (In Russ.)

- Propp V. Ya. Historical Roots of the Magic Tale. I. Peshkov (ed., comment.). Moscow: Labirint, 2000. 336 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Morphology of the Magic Folktale. I. Peshkov (ed., comment.). Moscow: Labirint, 2001. 144 p. (In Russ.)
- Sarangov V. T. Kalmyk Heroic Tale: Poetics and Style. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2015. 108 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. The motif of feast in epic plot structures: A case study of the Kalmyk and Xinjiang Oirat versions of the Jangar. *Oriental Studies*. 2008. No. 3. Pp. 52–54. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Xinjiang Oirat and Kalmyks versions of the Jangar: [Examining] the motif ultimatum and its formulas. In: *Russia and Central Asia. Historical and Cultural Heritage, Development Prospects. Conference proceedings* (Elista, 13–14 September 2006). Pt. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2007. Pp. 80–86. (In Russ.)
- Shantaev B. A. Practices of Kalmyk folk medicine. In: Ochirova N. G. (ed.) Trofim A. Bertagaev: Celebrating the 100th Birthday. First Bertagaev Readings. Proceedings. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2005. Pp. 341–344. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Offal in the meat-based diet of Kalmyks: Traditions of hunters and live-stock breeders. In: Bakaeva E. P. (ed.) *Turko-Mongols: Issues of Ethnogenesis and Ethnic Culture*. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2008. Pp. 164–171. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. ‘Swallowing and vomiting’: Revisiting semantics of one archaic motif in the epic of Jangar (A case study of the Baga Tsokhor Cycle). *Scientific Thought of Caucasus*. 2006. No. 3. Pp. 144–146. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Baga Tsokhor Cycle of the Jangar in 19th-Century Records: Plots and Integrity of Epic Text. Cand. Sc. (philology) thesis. Elista, 2009. 150 p. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Baga Tsokhor Cycle of the Jangar: Collected motifs. *Oriental Studies*. 2010. No. 2. Pp. 63–68. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Cosmogonic motives in the prologue of the epos “Dzhangar”. *The New Philological Bulletin*. 2018. No. 3(46). Pp. 35–45. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. The motif of the miraculous birth of the hero in the early cycles the Jangar epic. *The New Philological Bulletin*. 2020. No. 3(54). Pp. 310–321. (In Russ.)
- Visions of the Buddhist Hell. A. Sazykin (foreword, transl., etc.); A. Terentyev (ed.). St. Petersburg: Narthang, 2004. 256 p. (In Mong. and Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 3, Pp. 673–681, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.2: 821.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-673-681

Шаманские лечебные обряды западных бурят

Людмила Санжибоевна Дампилова^{1,2}, Евдокия Эрендженовна Хабунова³,
 Бальзира Вячеславовна Эльбикова⁴

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, приглашенный исследователь

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-
 Удэ, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova[at]mail.ru

⁴ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, специалист
 0000-0002-1491-9961. E-mail: elbikova91[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Эльбикова Б. В., 2023

Аннотация. Введение. В бурятской традиции лечение больных являлось одной из распростра-
 ненных функций шаманов. Основной прагматический аспект лечения зависит от семиотиче-
 ского составляющего обряда, где знаковым является коммуникативная связь с иным миром.
 Особенностью лечебной практики шаманов в тюрко-монгольском мире было проведение об-
 рядов с заговорами и заклинаниями с целью умиловления или нейтрализации духов болез-
 ни, с которыми в ходе ритуала необходимо наладить связь. Данное исследование *нацелено* на
 анализ архивного вербального материала в контексте шаманского обрядового действия запад-
 ных бурят по лечению больных. В таком аспекте шаманская практика бурят еще не рассматри-
 валась. *Материалы и методы.* Исследование проводится с учетом научно-методического опы-
 та ученых, изучавших основные проблемы традиционной медицины монгольских народов с
 исторической, этнографической точек зрения. В нашей работе лечебная практика монгольских
 народов рассматривается в контексте религиозно-мифологических представлений. Основным

методом является семантико-герменевтический анализ вербального материала. *Результаты.* Шаманская лечебная практика бурят представляет собой ритуально-магическую деятельность по умилостивлению и задабриванию мифологического духа болезни. Шаман / шаманка не проводят никаких лечебных мероприятий, они только актуализируют магические функции, направленные на устранение причин болезни. *Выводы.* Семиотические ритуалы являются основными элементами обрядового действия; обрядовая основа лечебной практики бурятских шаманов однотипна, она базируется на вере в магическую силу слова и ритуала; виды обрядов, проводимые при лечении, соответствуют основным обрядам календарного и жизненного цикла. В ритуале лечения используются рудименты и фрагменты более ранних методов лечения, сохранившихся в народной традиции бурят.

Ключевые слова: народная медицина, западные буряты, обряд, лечебная практика, магия слова, заклинание, заговор

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного гранта № 23-28-00336 «Фольклор монгольских народов — источник эмпирических знаний о здоровье человека и традиционно-медицинской практике».

Для цитирования: Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Эльбикова Б. В. Шаманские лечебные обряды западных бурят // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 673–681. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-673-681

Shamanic Healing Rituals of Western Buryats

Liudmila S. Dampilova^{1,2}, Evdokia E. Khabunova³, Balzira V. Elbikova⁴

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, St. Pushkin, 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Visiting Researcher

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate
 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, St. Pushkin, 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor
 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova[at]mail.ru

⁴ Gorodovikov Kalmyk State University (11, St. Pushkin, 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Researcher
 0000-0002-1491-9961. E-mail: elbikova91[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Dampilova L. S., Khabunova E. E., Elbikova B. V., 2023

Abstract. Introduction. In the Buryat tradition, healing was a most common function attributed to shamans. The main pragmatic aspect of healing depends on the semiotic component of a ritual, communicative connection with the other world being a key indicative. Healing practices of Turko-Mongolian shamans were distinguished by that rituals were accompanied by spells aimed at propitiating or neutralizing spirits of disease to be communicated with during the ritual. Goals. The study seeks to analyze archival shamanic verbal materials of Western Buryats once articulated in the course of utilitarian pragmatic ritual efforts supposed to treat the sick. The Buryat shamanic practices have not yet been considered in this perspective. *Materials and methods.* The work involves scientific and methodological experiences of scientists who had investigated main issues of traditional Mongolian medicines from historical and ethnographic perspectives. The paper approaches medical practices of Mongols in the context of religious and mythological ideas. The main research method is the semantic-hermeneutical analysis of verbal material. *Results.* Shamanic healing practices of Buryats are ritual and magical activities serving to propitiate and appease the mythological spirit of

disease. The shaman/shamaness implement no therapeutic measures, they only somewhat actualize some magical functions aimed at eliminating causes of the disease. *Conclusions.* Semiotic rituals are main elements of a ritual performance; the ritual basis of Buryat shamanic healing practices is essentially monotypic, and rests on belief in magical powers of word and ritual; the actual types of rituals implemented during treatment correspond to main calendar and life-cycle rituals. The healing ritual uses rudiments and fragments of earlier healing methods preserved in the folk tradition.

Keywords: folk medicine, Western Buryats, ritual, healing practice, word magic, spell

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00336 'Folklore of the Mongolian Peoples as a Source of Empirical Knowledge on Human Health and Traditional Medical Practices'.

For citation: Dampilova L. S., Khabunova E. E., Elbikova B. V. Shamanic Healing Rituals of Western Buryats. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 673–681. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-673-681

1. Введение

В последние годы основные проблемы традиционной медицины монгольских народов достаточно освещены с исторической, этнографической точек зрения в монографиях и статьях В. Ю. Башкуева, Т. Т. Бадашкеевой, С. М. Баторовой, Б. З. Нанзатова, М. М. Содномпиловой и др. [Башкуев 2014; Башкуев 2016; Бадашкеева 2000; Бадашкеева 2003; Баторова 2011; Нанзатов 2014; Нанзатов, Содномпилова 2016; Содномпилова 2017; Содномпилова, Башкуев, Нанзатов 2021].

В данной работе впервые предпринимается анализ архивного вербального материала западных бурят, связанного с шаманскими утилитарными обрядами, направленными на лечение больных.

В бурятской традиции лечение больных являлось одной из распространенных функций шаманов. Основной прагматический аспект лечения зависит от семиотического составляющего обряда, где знаковым является коммуникативная связь с иным миром. Особенностью лечебной практики шаманов в тюрко-монгольском мире было проведение обрядов с заговорами и заклинаниями с целью умиловления или нейтрализации духов болезни, с которыми в ходе ритуала необходимо наладить связь. В обрядовом событии мифологическое мышление или сознание является главенствующим представлением. «Знакомство с живой устной традицией демонстрирует неоднородность комплекса религиозно-мифологических представлений, как бы разделенного на ряд

относительно обособленных семантических пространств, каждая из которых имеет свой круг персонажей и разные трактовки мифологических тем» [Неклюдов 2010: 339]. С точки зрения семантического пространства духи болезни в практике бурятских шаманов относятся к области «низшей мифологии», имеют индивидуальный локальный характер.

Окказиональные ритуалы по случаю болезни нуждаются в привлечении шаманов-специалистов, как бы владеющих знаниями о причинах болезней. В магической практике, связанной с лечением больных, в ходе обрядового действия особое значение имеет вербальное сопровождение.

2. Источники

Источником данного исследования является архивный фонд, не введенный в научный оборот с точки зрения прагматики. В архиве Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН хранится фонд Т. К. Алексеевой с шаманскими материалами, записанными от знаменитого шамана М. А. Шобонова с девятью посвящениями (*ёдоото бөө*), проводившего частные и общественные обряды [Алексеева 1945: 1]. Материалы данного фонда ценны тем, что сопровождаются комментариями шамана о виде и причине обряда, признаках болезни, какие требуются жертвоприношения и каким духам.

В «Кратком отчете об экспедиции к западным бурят-монголам Иркутской обла-

сти» Т. К. Алексеевой отмечается, что «за время экспедиции в Осинский и Боханский аймаки Иркутской области собраны <...> образцы шаманских текстов, <...> названия лекарственных трав и способы лечения ими. Собраны и привезены образцы трав против болезней. 6/X 1943 г. Т. Алексеева» [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. № 3. Ед. хр. № 27. Л. 25]. Из отчета видно, что собиратель намеренно искала материалы по народной медицине.

3. Обряды лечения детей

Акцентирование внимания Т. К. Алексеевой на изучение лечебных практик также указывают ее комментарии, в которых уточняется в лечебных или других целях проводится обряд. В обрядах лечения отдельно выделяются ритуалы для детей разных возрастов. В бурятской традиции зачастую после рождения ребенок имел своего покровителя шамана-*найжа*, который следил за его здоровьем, проводил религиозные обряды инициации по истечении определенного возрастного периода. Например, обряд «*набалга*» проводят на утренней заре для трехмесячного ребенка, а обряд «*Наада албан*» — для ребенка трех лет [Алексеева 1945: 19, 22]. Эти обряды связаны с переходом в новую возрастную категорию, возможно, при переходе в следующий этап ребенок болеет, и обряд проводится как для лечения ребенка, так и для очищения и укрепления его жизненных позиций.

Название «*набалга*» можно расшифровать как существительное от глагола *набаха* «бить, стегать, ударять, стегать прутиком» [БРС 1973: 661].

В шаманских обрядах до сих пор обязательным является ритуал очищения пациента или любого участника действия путем легкого битья прутиком, намоченным в освященной воде с можжевельником. Обычно обряд «*набалга*» проводили для защиты детей до пятнадцатилетнего возраста, но причиной проведения ритуала может стать и болезнь, как в данном случае плач, холодный пот ребенка. Считается, что он достиг того возраста, чтобы ему провели обряд очищения, и поэтому могут быть причины для его беспокойства.

Семантика лечебного ритуального действия расшифровывается текстом, сопровождающим обряд. В первую очередь определяем вид коммуникативной связи, в данном

случае нет индивидуализированного духа болезни, ребенку проводят ритуал инициации при достижении трехмесячного возраста с очищением и дальнейшей защитой. Шаман обращается к локальным духам, хозяевам местности: *Хадаһаан хайр гуйбаб, / Хара хүлэнэ хаахы гуйбаб, /Боро хүлэнэ боохи гуйбаб* ‘С духов гор милости прошу, / Черный пот закрыть прошу, / Серый пот запереть прошу’ [Алексеева 1945: 19]. Призывание духов начинается с озвучивания причины болезни и просьбы о помощи.

Если шаман обращается к духу-хозяину горы с конкретной просьбой по исцелению ребенка, то у духов-хозяев воды, роши просит общее благоденствие и долгую жизнь ребенку: *Юһэн булаа ехэн угаалга / Ехэ бутайн хэнхуул набалга, / Урши байһан уһанаһаа / Юһэн тагша утхаад асархыма, / Асархадаа 20 мүнгэ уһанда хаяхыма, / Ута наһайн гуйхыма, / Удаан яргал гуйхыма* ‘Большое омовение с девяти родников, / Битье прутиком с большой роши, / С текущей воды / Девять чашек, зачерпнув, принесем, / Взяв, 20 копеек в воду бросим, / Долгую жизнь просить будем, / Долгое счастье испрашивать будем’ [Алексеева 1945: 19].

Этот эпизод интересен тем, что конкретно относится к процессу обряда: откуда берутся сакральные растения и чистая вода; у природы ничего нельзя брать без возврата, поэтому в воду бросают деньги.

Обычно шаманский обряд завершается заклинанием: «„Эм дом болог! (досл. „Пусть будет эликсиром жизни!“) — магические слова шаманистов, которыми сопровождали применение целебных средств, состоявших из сочетания воды, огня, земли и различных трав» [Манжигеев 1978: 104]. Перевод А. И. Манжигеева как «эликсир жизни» кажется не совсем точным образным выражением, слово *эм* переводится как «лекарство» в широком значении, *дом* (*хара дом, сагаан дом*) — лечение по-черному или по-белому, парное слово к *эм* имеет отношение больше к магическим лечебным средствам. Заклинание дословно переводится: «Пусть будет лекарством и магическим средством!». У калмыков имеется такая же формула *Эм дом болг!* ‘Пусть будет лекарством и магическим средством!’, которая активно используется в народной лечебной практике — как при приеме лекарства, так и в процессе других лечебных процедур.

В ходе ритуального действия цветовой код оговаривается обязательно: «Белую и черную шерсть в нить сплести, потом, соединив, переплести в одну нить. Этой нитью обвязать ноги, руки ребенка, на шею надеть эту же сплетенную нить. В красной чаше белую пищу поставить» [Алексеева 1945: 20]. Общеизвестно, что у калмыков в качестве оберега ребенку надевают белые шерстяные носочки с черными полосками.

Нити бинарных цветов из шерсти магически должны всесторонне охранять ребенка. После омовения ребенка родниковой водой с можжевельником и чабрецом, в завершение обряда делают символическую защиту — изгородь из камней: *Юһэн шулуун хүрээ барибаб, / Хара шулуун хаалга барибаб* ‘Из девяти камней ограду я поставил, / Из черного камня прикрытие я сделал’ [Алексеева 1945: 19]. В подобных магических действиях не менее значимы и числовые коды, к ногам ребенка кладут три камешка, а в изголовье — шесть камешков, всего должно быть сакральное число «девять». Символические цифры также увеличивают защитную функцию ритуала.

Данный обряд почти повторяет обряд, проводимый для новорожденных детей и называемый «Уһан будляа» ‘Водное омовение’, где тоже присутствуют девять камней и, уточнено, еще девять шелковых ниток. «Пучком травы, намоченным в теплой воде, хлестали младенца, окруженного девятью черными камнями, со словами: „Пусть черные камни будут тебе дверью, а коричневые камни — оградой, чтобы ты не плакал и не болел, рос быстрее“» [Манжигеев 1978: 77]. Если выше рассмотрено заклинание с лечебной целью, то здесь — с защитной функцией.

Обряд наполнен глубоким мифологическим содержанием: ребенок очищается от зловредных действий враждебного мира, смывается чистой водой связь с иным миром. Прутиком изгоняются злые духи, приносящие болезни. Камнем, нитью символически выстраивается защитная сила. В ритуале как символическом действе «конструируется особого рода реальность — семиотический двойник того, что было „в первый раз“ и что подтвердило свою высшую целесообразность уже самим фактом существования и продолжения жизни» [Байбурин 1993: 15].

Итак, обряд по исцелению ребенка без определенных признаков болезни становится обрядом магической защиты от злых духов. Шаман проводит обряд очищения, и это становится основным методом лечения больного.

Обряд «Наада албан» («Ближняя подать») имеет определенную причину проведения: ребенок болен, щеки краснеют. Хотя слово *албан* переводится как подать, повинность, но в данном случае имеются в виду «шаманские обряды жертвоприношения духам — покровителям мальчиков различных возрастов с целью ограждения их от болезней. Албан проводились сразу после рождения мальчика, затем в трехлетнем, девятилетнем и юношеском возрастах» [Манжигеев 1978: 41].

Для трехлетнего ребенка обряд называется «Ближняя подать», также есть запись текста «Саада албан» («Дальняя подать») — для более взрослой возрастной группы [Алексеева 1945: 26–30].

Можно сделать вывод, что виды обрядов для детей меняются от его возраста, учитывая характер заболевания. Коммуникативную связь в данном случае налаживают с определенным духом, посылающим подобные признаки болезни. В вербальной части обряда «Ближняя подать» перечисляется вся родословная «прекрасной Толен бабушки», откуда выясняется, что она была большой шаманкой и сейчас как дух требует жертвоприношения. Особо подчеркиваются ее волшебные способности и умение перевоплощаться: *Нара гарха дэргэндэ / Алтан зэргэ боложо, ялаганлайш* ‘При восходе солнца, / Став золотым миражом, светилась’; *Хуһан сагаан шэбэртэ ороходоо / Инзагата хуурай бололойш* ‘В березовую рощу войдя, / В косулю превратилась’ [Алексеева 1945: 22, 23]. Множественные способности перевоплощений духа подчеркивают силу и умение бабушки Толен беспрепятственно проникать в разные пространства.

Коммуникативная связь между мирами, связь шамана с духом, вылечивающим от болезни, проходит через несколько этапов. Сначала, срубив в лесу дерево, водружают его на месте проведения обряда и на нем развешивают цветные ленточки (*залма*). Это значит, что проводится ритуал соединения двух миров через дерево и сакральные ленточки. Далее посвящают бабушке Толен

зайчика: думается, что на дерево вешается изображение зайца. Возможно, символика зайца связана с ее метаморфозами волшебного духа. Затем угощают Хан Толен, хатан Толен молочной водкой из одного котла, но в двух посудах. Обряд завершается кровавым жертвоприношением: подготовив мясо барана, отделив от костей, кости барана разделить, на четырех маленьких кострах сжечь и мясо, и кости [Алексеева 1945: 24]. Ритуал прагматического характера по излечению и защите ребенка выполняет магическую функцию задабривания духа болезни.

4. Обряд «Саада албан» («Дальняя подать»)

Обряд «Саада албан» («Дальняя подать») [Алексеева 1945: 26–30] также проводится для исцеления больных, в данном случае анализируется вербальная часть. Обряд посвящается бабушке с двойным именем Хан *хайхан Агаажа төөдэй*, Хатан *хайхан Галууха төөдэй*. Родословная призываемой шаманки из рода *шарайд* связана с *Шара Хасар тэнгэри* ‘Небожителем с желтыми щеками’, к нему на небо она может залетать на желтой птице-сове. Из-за рода *шарайд* («желтоватый») актуализируется символика желтого цвета. На небесах она объединяется с *Гэмэй эзэн / Гэмтэлгэн ноёнтой бэлэйи* ‘Хозяином вины / Обвиняющим нойоном’, также соединяется с *Санхын эзэн Сахир сагаан ноёноор / Зүхэн бээг нэгдэдэ бэлэйи* ‘Хозяином болезни расстройства желудка’ [Алексеева 1945: 27]. Очевидно, столь витиеватое описание ее путешествия на небо указывает, от какой болезни она лечит. Слово *санха* конкретно обозначает расстройство желудка после употребления жирной пищи, значит — дух шаманки лечит не только детей, но и взрослых.

При интерпретации обряда лечения вербальный текст зачастую не понятен без описания обряда, а этот материал отличается информацией о болезни и указанием лечебных способностей духа: *Эрхыгээр дарама / Эмтэ соохор төөдэй бэлэйи, / Долёобор дарама / Домто соохор төөдэй бэлэйи* ‘Большим пальцем подавляющая, / С лекарством пестрая бабушка, / Указательным пальцем подавляющая, / С магическими способностями бабушка’ [Алексеева 1945: 27–28].

Итак, по тексту понятно, что дух шаманки связан с недугами от расстройства же-

лудка и может своей магической силой лечить больного. Зачастую вербальная часть обряда завершается подробным описанием жертвоприношения, но в данном тексте этот вариант эпилога упущен. Содержательным ядром обоих обрядов, связанных с податью / повинностями, является тема исцеления больных, поэтому можно предполагать, что проводится идентичный обряд жертвоприношений.

Интересно отдельно дополнить вербальную часть обряда комментариями шамана. Хотя в тексте говорится о болезни желудка, причиной болезни указываются пестрые пятна на теле, что предполагает корь или оспу. В этом обряде с семиотической точки зрения особо значимым является приготовление специального рисунка, похожего на бурятские *онгоны*-обереги. *Онгон*, являясь символом защиты, обычно представлял собой маску, шкурки зверей, рисунки на материи, дереве, жести. В данном случае из двух разных тканей шьется полотно, левая половина из шелковой ткани олицетворяет физическое тело больного, правая часть из хлопчатобумажной ткани — его духовное потустороннее тело. По всему полотну сверху рисуется небо со звездами, а внизу водное пространство, разделенное на три части: змея, ящерица и лягушка. Под ними пришивается хвост, с левой стороны сверху — перо птицы, а сбоку — образ луны на нити, нить тянется к священной веревке *залма*, с правой стороны также сверху прикреплено перо птицы, а сбоку пришит рисунок солнца на нити, тянущейся к *залма*. В итоге все это сооружение через дымоход юрты вывешивается для защиты и излечения больного. Кровавое жертвоприношение подносится овцой. Хотя рисунки на данном полотне особо не отличаются от других *онгонов*, хранящихся для защиты семьи, детей, скота, стоит обратить внимание на символическое изображение тела человека, состоящего из физической и духовной части, которые отличаются, и необходимо оберегать обе части.

5. Обряды усмирения обиженных духов болезни

В шаманской практике, выявляя истоки болезни, шаманы в основном проводят обряды усмирения обиженных духов, которые предположительно могли нанести вред ре-

бенку или взрослому. Развернутая авантюрная история шаманки с ее реальными и волшебными похождениями под названием «*Абзайн басаган Хүмэ*» (Дочь Абзая Хумэ) [Алексеева 1945: 53–61] сопровождается описанием болезни, при которой проводятся два вида обряда: брызгание / капание духам (*хаялга*) и обряд по требованию духа (*эһүүлхэ*). Слово переведено по контексту, возможно, глагол *эһэхэ*, близкое к слову *нэхэхэ* в узко локальной шаманской терминологии переводится как ‘настойчиво требовать’.

«Хомо, называемая *Хамхари хугшэн* ‘Хамхарская бабушка’ или *Бортогони хугшэн* ‘Бортогойская бабушка’, является уважаемой заянкой балаганских бурят... В Балаганске ее убили, забив камнями, и бросили в лесу Бортогоно» [Хангалов 2004: 401].

В шаманских историях убитые за свою веру и страдания шаманки, превратившись в злых духов, постоянно возвращались в средний мир, чтобы нанести вред живым — за непризнание их способностей в том числе.

Признаками болезни для обряда являются *бээ бадайрдаг*, что означает «цепенеть, деревенеть, терять чувствительность» [Толковый словарь 2022: 195], помимо этого — боли в животе, горячие глаза, глазницы, руки, ноги, тело.

Первый обряд капания проводят молочной водкой, полученной из двух перегонных котлов, собранной в одну деревянную посуду, а при втором большом обряде из деревянной посуды разливают молочную водку в две пиалы. Возможно, из-за серьезных признаков болезни проводится кровавый обряд жертвоприношения жеребенком, в данном случае еще и овцой особо гневному духу. Помимо этого, готовится большой стол с саламатом, отдельно масло из саламата ставится, кусок хлеба именно с коркой на передний край стола положить, мясо, чай, водку. По тексту понятно, что балаганская бабушка любила выпить, поэтому водка — необходимый продукт жертвоприношения. Также надо кору дерева смешать с табаком и преподнести духу в подарок. Необходимые компоненты преподносимых даров, скорее всего, являются порождением многовековой традиции, включая житейскую логику шамана, с устоявшимися символическими составляющими. Как известно, невыполнение правил ритуала ведет к худшим последствиям.

В этом же архиве особый интерес представляет большой текст песнопения, посвященный гневным духам «Улейским девушкам». «Улезэ олон (досл. «Улейское множество») — группа из нескольких сотен духов... Согласно преданию улейских бурят, группа духов «Улейское множество» появилась в начале XIX в. после коллективного самоубийства 17 девушек во главе с насильно выданной замуж прославленной красавицей Буржухайн дуухэй» [Манжигеев 1978: 79–80]. Как и героиня предыдущего песнопения Сумэ, Духэй является мученицей за шаманскую веру с той же трафаретной функцией гневного, наказывающего духа. Как выясняется из вербального материала, данные духи являются локальными, их история связана с реальными событиями с мифологическими вставками.

Для предотвращения суицида, признаками которого является психологическое расстройство девушек (больная пляшет, играет, невпопад смеется, кашляет, бежит туда-сюда и непроизвольно двигает руками и ногами), проводят обряд [Алексеева 1945: 160]. По описанию действия больного похожи на признаки шаманской болезни, когда он входит в измененное состояние сознания. Шаман проводит обряд *хаялга* (капание), *остоолдо* (ставить стол) и *шүүһээрэн үгэдэг* (перевод приблизительно по смыслу: возможно, подносят кровавое жертвоприношение). Чем не понятнее и опаснее признаки болезни, тем ритуальные продукты и ход обряда обходятся дороже. В обряде капания используется молочная водка, перегоняемая с девяти котлов. Стол готовится такой же, как описывали в предыдущем случае. Предкам рода девицы Духэй кровавый обряд проводится кобылицей. В соответствии с традиционными представлениями кулинарный код в основном состоял из общепринятых для бурят продуктов питания.

Судя по материалам, собранным Т. К. Алексеевой, для западных бурят актуальна тема смерти шаманов не по своей воле и история их мифологического мщения за свои обиды. Знаменательно, что собиратель так подробно смогла записать процесс и текст каждого ритуала, что бывает редкой удачей в полевых исследованиях. Собранные кандидатом филологических наук, научным сотрудником Института восточных

рукописей РАН Д. А. Носовым неопубликованные данные, переданные при личной беседе одному из авторов статьи (Л. С. Дампиловой), указывают на то, что Т. К. Алексеева была из шаманского рода и знатоком традиции. Поэтому, будучи в полном доверии у практикующего знаменитого шамана, смогла зафиксировать уникальный материал с процессом обряда.

6. Заключение

В шаманской практике лечения основным методом является ритуально-магическая деятельность по умиловлению и задабриванию мифологического духа болезни. Шаман не проводит никаких лечебных мероприятий, только актуализируется его магическая функция по устранению

причин. Семиотические ритуалы являются основными элементами обрядового действия.

В ритуале лечения используются рудименты и фрагменты более ранних методов лечения, сохранившихся в народной традиции. Явным наследием дошаманского периода является вера в силу слова; заклинание, заговор как завершающий этап ритуала усиливает воздействие разных манипуляций для усмирения духов болезни. Необходимо констатировать однотипность специфической ритуальной реальности в обряде лечения и схожие методы исправления ситуации. Виды обрядов, проводимые при лечении, соответствуют основным обрядам календарного и жизненного цикла бурят.

Источники

- Алексеева 1945 — Фонд Т. К. Алексеевой (№ 753): шаманство // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН. 193 л.
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН.

Литература

- Бадашкеева 2000 — *Бадашкеева Т. Т.* Аргайху у монгольских народов // Монголоведные исследования. Вып. 3. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. С. 125–145.
Бадашкеева 2003 — *Бадашкеева Т. Т.* О традиции бариачи у монголов // Монголоведные исследования. Вып. 4. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. С. 195–207.
Байбурун 1993 — *Байбурун А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 238 с.
Баторова 2011 — *Баторова С. М.* К истории традиционной монгольской медицины // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 3. С. 161–168.
Башкуев 2014 — *Башкуев В. Ю.* Буддизм и тибетская медицина в контексте научно-медицинского изучения монгольских народов (1920–1930-е годы) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 4(16). С. 276–281.

Sources

- Alekseeva T. K. Shamanism. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS); Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. T. A. Alekseeva Collection. File no. 753. 193 p. (In Russ.)
Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch. Coll. 152. Cat. 3. File no. 27. P. 25 [Alekseeva, Tatiana Kapitonovna]. (In Russ.)
Башкуев 2015 — *Башкуев В. Ю.* Геомедицинская ситуация в Байкальском регионе (конец XIX – первая половина XX в.) в документах архивов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 1(17). С. 74–89.
Башкуев 2016 — *Башкуев В. Ю.* Формирование российской государственной медицины и статус традиционных практик врачевания кочевых народов Центральной и Внутренней Азии (XVIII – начало XX в.) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2016. № 4(24). С. 38–48.
БРС 1973 — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.
Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 125 с.
Нанзатов 2014 — *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Природа заболеваний в традиционных представлениях монгольских народов и практики народно-бытовой медицины // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3(15). С. 116–126.

- Нанзатов, Содномпилова 2016 — Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Народно-бытовая медицина монгольских народов: средства животного происхождения в представлениях и практиках // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 17. С. 126–145.
- Неклюдов 2010 — Неклюдов С. Ю. На земле, в небесах и на море: заметки о «семантических пространствах» мифа // Классика... И не только: Нине Владимировне Брагинской / под ред. И. С. Смирнова; сост. Н. П. Гринцер, Е. П. Шумилова (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. 33). М.: РГГУ, 2010. С. 338–359.
- Содномпилова 2017 — Содномпилова М. М. Инфекционные заболевания в жизни монгольских народов: представления и практики борьбы с ними // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 141–154. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-141-154
- Содномпилова, Башкуев, Нанзатов 2021 — Содномпилова М. М., Башкуев В. Ю., Нанзатов Б. З. Человек в традиционной культуре и медицине тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2021. 310 с.
- Толковый словарь 2022 — Толковый словарь бурятского языка: в 4 т. Т. I: А–Д / Сундueva Е. В., Бальжинимаева Ц. Ц., Бабueв С. Д., Цыренов Б. Д. Улан-Батор: Нандир, 2022. 719 с.
- Хангалов 2004 — Хангалов М. Н. Собр. соч.: В 3 тт. Т. I. Улан-Удэ: ОАО «Респ. тип.», 2004. 508 с.

References

- Badashkeeva T. T. *Arga khiykh* among Mongolic peoples. In: Mongolian Studies. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2000. Vol. 3. Pp. 125–145. (In Russ.)
- Badashkeeva T. T. *Bariachi*: Revisiting the tradition among Mongolic peoples. In: Mongolian Studies. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. Vol. 4. Pp. 195–207. (In Russ.)
- Baiburin A. K. Ritual in Traditional Culture: Analyzing Structural Semantics of East Slavic Customs and Rites. St. Petersburg: Nauka, 1993. 238 p. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. Buddhism and Tibetan medicine in the context of scientific and medical study of the Mongolian peoples, 1920s–1930s. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2014. No. 4(16). Pp. 276–281. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. The geomedical situation in the Baikal Region (Late 19th – first half of the 20th centuries) in archival sources. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2015. No. 1(17). Pp. 74–89. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. The making of Russian state medicine and a status of traditional healing practices of Central and Inner Asian nomadic peoples (18th – early 20th centuries). *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2016. No. 4(24). Pp. 38–48. (In Russ.)
- Batorova S. M. Toward the history of the traditional Mongolian medicine. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2011. No. 3. Pp. 161–168. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. (comp.) Buryat-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1973. 804 p. (In Bur. and Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Writings. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2004. 508 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Folk medicine of Mongolian peoples: Drugs of animal origin in beliefs and practices. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2016. Vol. 17. Pp. 126–145. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Nature of diseases in the traditional views of the Mongolian peoples and practices of folk medicine. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2014. No. 3(15). Pp. 116–126. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. On the earth, in the sky, and at sea: Notes on ‘semantic realms’ of myth. In: Grintser N. P., Shumilova E. P. (comps.) Classics... and Beyond: [Dedicated] to Nina V. Braginskaya (Orientalia et Classica 33). I. Smirnov (ed.). Moscow: RSUH, 2010. Pp. 338–359. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. Infectious diseases in the life of Mongolian peoples: Beliefs and healing practices. *Oriental Studies*. 2017. No. 5. Pp. 141–154. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-141-154
- Sodnompilova M. M., Bashkuev V. Yu., Nanzatov B. Z. Man in Traditional Culture and Medicine of Inner Asian Turko-Mongols. Joint monograph. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2021. 310 p. (In Russ.)
- Sundueva E. V., Balzhinimaeva Ts. Ts., Babuev S. D., Tsyrenov B. D. Explanatory Dictionary of the Buryat Language. In 4 vols. Vol. 1: А–Д. Ulaanbaatar: Nandir, 2022. 719 p. (In Bur. and Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 3, Pp. 682–693, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.584.6+294.321

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-682-693

Два сюжета о тигрице (на материале рассказов из «Гирлянды джатак» и «Сутры о мудрости и глупости»)

Ольга Александровна Максимова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-6329-151X. E-mail: [maksimovaos\[at\]kigiran.com](mailto:maksimovaos[at]kigiran.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Максимова О. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются два образца тибетских текстов джатак из состава сборников «Гирлянда джатак» (тиб. skyes pa'i rabs kyi rgyud, IV в.) и «Сутра о мудрости и глупости» (тиб. 'dzangs blun zhes bya ba theg pa chen po'i mdo, V–VII вв.), включающих сюжет о тигрице. В рассматриваемых историях (рассказах) бодхисаттва принес себя в жертву тигрице, страдавшей от голода и не способной вскормить двух своих тигрят. Несмотря на идентичность сюжетообразующих завязки и развязки, связанных с образом голодной тигрицы и действием бодхисаттвы, сопряженным с «даянием собственного тела» (тиб. lus sbyin ra), планы построения, главные и второстепенные персонажи в рассматриваемых рассказах значительно различаются. В статье приводится анализ характерных элементов композиции канонических сочинений тибетских оригиналов, описания сюжетов, выявляются общие черты и различия. *Цель статьи* — рассмотреть и сравнить два тибетских текста, в основе которых лежит повествование о тигрице, — «Джатаку о тигрице» из сборника «Гирлянда джатак» и «Главу вторую. О том, как царевич по имени Махасаттва пожертвовал свое тело тигрице» из сборника «Сутра о мудрости и глупости». Работа основывается на методах текстологического и литературоведческого анализа. *Результаты.* Анализ текстов показал, что их содержательное наполнение значительно различается. Эти различия касаются таких моментов, как принадлежность к каноническому своду (что соответственно сказывается на плане построения сочинений); количество фабул и образов главного героя; состав персонажей и др. Также рассмотрена семантика понятия «даяние» (тиб. sbyin ra), зафиксированного в названии главы Сутры. *Выводы.* Сюжетное наполнение двух рассмотренных текстов значительно различается, однако сюжетный архетип жертвования своего тела тигрице остается неизменным.

Ключевые слова: тибетология, литературоведение, рассказы о прошлых жизнях Будды, «Гирлянда джатак» Арья Шуры, «Сутра о мудрости и глупости», джатака о тигрице, сюжетный архетип

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Максимова О. А. Два сюжета о тигрице (на материале рассказов из «Гирлянды джатак» и «Сутры о мудрости и глупости») // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 682–693. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-682-693

Two Plots about Tigress: Analyzing the Jātakamālā and the Sutra of the Wise and the Fool

Olga A. Maksimova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-6329-151X. E-mail: maksimovaos[at]kigiran.com

© KalmSC RAS, 2023

© Maksimova O. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with two samples of Tibetan-language jātaka texts traced back to the story of the tigress — from the Jātakamālā or ‘Garland of Birth Stories’ (Tib. *skyes pa'i rabs kyi rgyud*, 4th c. AD) and Sutra of the Wise and the Fool (Tib. *'Dzangs blun zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*, 5th–7th cc. AD). In the narratives under consideration, the Bodhisattva sacrificed himself to a tigress that suffered from starvation and was unable to feed two cubs of hers. Despite the setup and resolution parts associated with the image of a starving tigress and the Bodhisattva's deed of ‘giving one's own body’ (Tib. *lus sbyin pa*) are identical enough, the narrative constructs at large, main and secondary characters do differ significantly in the two stories. The article analyzes some distinctive aspects of compositional components inherent to the canonical Tibetan original texts, describes the plots proper, and identifies common and differing features. *Goals.* The paper aims to consider contents of the two stories — Jātaka of the Tigress and [Story] of How Prince Mahasattva Sacrificed His Body to a Tigress (Chapter 2), respectively — arising from the plot archetype of giving one's own body to a tigress, yield genre affiliations, provide comparative data about characters of the stories. The work employs methods of textual and literary analysis. *Results.* Our analysis of the texts shows the latter differ significantly, and the differences touch upon some aspects, such as belonging to the canonical corpus (which accordingly influences structural patterns), numbers of storylines and images of the main character, composition of characters, etc. The work also examines semantics of the concept ‘generosity’ (Tib. *sbyin pa*) articulated in the title of the Sutra's chapter. *Conclusions.* The plot contents of the analyzed jātaka texts vary essentially but the plot archetype of sacrificing one's body to a tigress remains unchanged.

Keywords: Tibetan studies, literary studies, stories about Buddha's past lives, Jātakamālā, Ārya Śūra, Sutra of the Wise and the Fool, The Story of the Tigress, narrative archetype

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Maksimova O. A. Two Plots about Tigress: Analyzing the Jātakamālā and the Sutra of the Wise and the Fool. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 682–693. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-682-693

1. Введение

В составе тибетской буддийской канонической и постканонической литературы особое место занимают «джатаки» (санскр. *jātaka*, тиб. *skyes pa'i rabs* 'история о рождении') — тексты, повествующие о предшествующих рождениях Будды, и «аваданы» (санскр. *avadāna*, тиб. *rtogs brjod pa* 'выражение постижения') — рассказы о духовно значимых поступках, совершаемых духовными лицами в прежних воплощениях. Данные сочинения берут свое начало в древнеиндийской фольклорной традиции, о чем свидетельствует их включение в состав палийского канона (I в. до н. э.), в раздел «Сутта-питака» («Корзина сутр»), подраздел «Куддака-никая» («Собрание малых текстов»), тома 27–28 — джатаки, тома 32–33 — аваданы [Payutto 2004: 42–44].

Сборники джатак и авадан, а также произведения в виде пересказов индийских джатак и авадан обрели популярность в тибетской литературной традиции. Они в виде отдельных сочинений и в виде сборников вошли в состав канонических сводов Кагьюра и Тенгьюра.

Джатаки и аваданы в виде сборников переводились на монгольский, ойратский, русский, английский и др. языки [Āryasūra 1983; Будда 1991; Цендина 1984: 15; Парфионович 2002; Музраева 2013: 59; Музраева 2017; Арья Шура 2000].

В Тибете джатаки и аваданы стали прообразом литературы о преемственности «перерождений», они призваны наставлять слушателей в нравственности, щедрости, милосердии и прочих благородных деяниях.

Одним из вопросов, затрагиваемых в данной статье, является установление сходств и различий версий рассказов о тигрице, представленных в сборниках «Гирлянда джатак» (тиб. *skyes pa'i rabs kyī rgyud*, IV в.) и «Сутра о мудрости и глупости» («Дзанлундо») (тиб. *'dzangs blun zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*, V–VII вв.). С этой целью мы рассмотрим «Джатаку о тигрице» (тиб. *byang chub sems dra'i rtogs pa brjod pa*¹) из сборника «Гирлян-

да джатак» Арья Шуры и «Главу вторую. О том, как царевич по имени Махасаттва пожертвовал свое тело тигрице» (тиб. *sems can chen pos stag mo la lus sbyin pa'i le'u'o*) из «Сутры о мудрости и глупости». Жанровую принадлежность обеих версий рассматриваемого рассказа о тигрице можно определить как «джатака», поскольку в них описывается жизнь самого Будды в одном из его прошлых рождений.

Целью данной статьи является рассмотрение и сравнение двух версий рассказов, включающих в себя сюжетный архетип жертвования себя ради тигрицы, представленных в вышеуказанных сборниках.

2. О сборнике «Гирлянда джатак» Арья Шуры

Наиболее ранние джатаки возникли в Центральной и Восточной Индии в виде сказок, басен и других произведений индийского фольклора. По данным Б. Захарьина, джатаки были оформлены и записаны в виде художественных притч на древнесингальском языке на рубеже старого и нового тысячелетий и были включены в южноиндийский (тхеравадинский) буддийский канон [Будда 1991: 5]. Ученый монах Буддхагоша осуществил перевод или, возможно, переложение древнесингальского текста джатак на язык пали в 430 г. [Будда 1991: 5]. До нас дошел свод джатак из 547 рассказов [*Jātakatthavaṇṇanā* 2019], входящий в палийский канон, раздел «Сутта-питака», подраздел «Куддака-никая», тома 27–28 [Payutto 2004: 42–44].

Однако обширный палийский свод джатак — лишь начальный этап развития этого жанра. Широко известны авторские санскритские сборники джатак, такие как «Гирлянда джатак» Арья Шуры, «Гирлянда джатак Харибхатты» и др.

Индийский поэт Арья Шура (IV в.) написал 34 джатаки и составил сборник «Гирлянда джатак» (санскр. *jātakamālā*), который исследователи датируют IV в. н. э. [Khoroshe 1989: xii]. Почти все сюжеты сборника были идентифицированы и соотнесены с сюжетами палийских джатак [The *Jātakamālā* 1895: XXV].

¹ Дословный перевод тибетского названия *byang chub sems dra'i rtogs pa brjod pa* — «Авадана о бодхисаттве».

На тибетский язык данный сборник был переведен в VIII в. и вошел во все основные версии Тэнгьюра (Пекинский, Нартанский, Дэргэский) под названием «Гирлянда джатак» (тиб. *skyes pa'i rabs kyi phreng ba* и *skyes pa'i rabs kyi rgyud*) [*Āryaśūra* 1983: xiii; *Каталог* 2017: 349, 473]. С тибетского языка на монгольский язык это сочинение перевел гуши Билгийн Далай (XVIII в.). Оно включено в состав Данджура [*Цендина* 1984: 15].

Существует легенда о том, что Арья Шура намеревался записать 100 рассказов, но успел лишь 34 [*Дараната* 1869: 100]. Сборник под названием «Сто джатак» (тиб. *skyes rabs brgya pa*), состоящий из 34 джатак Арья Шуры и 66 джатак, которые дополнил Рангджунг Дордже (XIV в.), был распространен в Монголии на тибетском языке [*Цендина* 1984: 15]. Известен его перевод на ойратский язык, выполненный

Зая-пандитой Намкай-Джамцо [*Музраева* 2013: 59].

На русский язык с санскрита данный сборник переведен А. П. Баранниковым и О. Ф. Волковой и опубликован в 1962 г. под названием «Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы» (или «Гирлянда джатак») [*Арья Шура* 2000].

Л. Халоупкова в статье, посвященной анализу комментариев тибетских ученых к «Гирлянде джатак», на основе содержания сборника показала, что каждая из джатак отражает определенную парамиту («совершенное деяние»)¹ бодхисаттвы, и этот сборник рассматривается как комментарий к учению о шести парамитах [*Chaloupkova* 1989: 221]. Основываясь на этом материале, ниже в таблице 1 мы представляем перечень названий джатак и соответствующих им совершенных деяний бодхисаттвы:

Таблица 1. «Гирлянда джатак» как отражение учения о шести парамитах

[Table 1. The Garland of Jātakas as a teaching of the six pāramitās]²

№	Название джатаки (Арья Шура, «Гирлянда Джатак»)¹	Соответствующая парамита	Совершенное деяние бодхисаттвы
1.	Джатака о тигрице	1. Даяние / щедрость	Дарение собственного тела или части
2.	Джатака о царе Шиби		Дарение собственного тела или части
3.	Джатака о комочке каши		Дарение материальных ценностей
4.	Джатака о главе гильдии		Дарение материальных ценностей
5.	Джатака о главе цеха Авишахье		Дарение материальных ценностей
6.	Джатака о зайце		Дарение учения (Дхармы)
7.	Джатака об Агастье		Дарение учения (Дхармы)
8.	Джатака о Майтрибале		Дарение смелости и защиты
9.	Джатака Вишвантаре		Дарение смелости и защиты
10.	Джатака о жертве		Дарение смелости и защиты

¹ Парамита (санскр. *pāramitā*, тиб. *pha rol tu rhyin pa*, букв. 'переправа, переход к совершенству, совершенствование') — термин учения об освобождении, характеризующее способы духовного роста бодхисаттвы. В раннем буддизме и особенно в джатаках они лишь упоминались как качества Будды Шакьямуни, проявленные им в предыдущих рожденьях Бодхисаттвой и рекомендованные последователям в качестве духовных практик [*Андронов* 2011: 305]. Парамитами называются такие действия / качества ума, как: 1) щедрость / даяние, 2) дисциплина / нравственность, 3) терпение,

4) усердие, 5) медитация / созерцание, 6) мудрость / высшее знание, 7) метод / искусные методы, 8) молитвы-пожелания, 9) сила / духовные силы и 10) изначальная мудрость. Наиболее распространена классификация из шести парамит, включающая первые шесть из вышеперечисленных [*Андронов* 2011: 306; *Gampopa* 1998: 179].

² Перечень названий джатак, представленный в таблице, основывается на русскоязычном сборнике «Гирлянда джатак» в переводе А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой [*Арья Шура* 2000].

11.	Джатака о Шакре	2. Этическое поведение	Отказ от негативных действий тела (убийство)
12.	Джатака о брахмане		Отказ от негативных действий тела (воровство)
13.	Джатака о Унмадаянти		Отказ от негативных действий тела (измена)
14.	Джатака о Супараге		Отказ от негативной речи
15.	Джатака о рыбе		Отказ от негативной речи
16.	Джатака о птенце перепела		Отказ от негативной речи
17.	Джатака о чаше		Отказ от негативной речи
18.	Джатака о бездетном		Отказ от негативного мышления
19.	Джатака о лотосовых стеблях		Отказ от негативного мышления
20.	Джатака о хранителе казны		Отказ от негативного мышления
21.	Джатака о Чуддабодхи	3. Терпение	Способность прощать
22.	Джатака о лебеде		Способность прощать
23.	Джатака о Махабодхи		Способность прощать
24.	Джатака о Великой обезьяне		Милосердие к другим
25.	Джатака о шарабхе		Милосердие к другим
26.	Джатака об олене руру		Милосердие к другим
27.	Джатака о Великой обезьяне		Проявление терпения при изучении Дхармы
28.	Джатака о Кшантивадине		Проявление терпения при изучении Дхармы
29.	Джатака об обитателе мира Брахмы		Проявление терпения при изучении Дхармы
30.	Джатака о слоне		Посвящение себя на благо живых существ
31.	Джатака о Сутасоме	4. Усердие	Усердие
32.	Джатака об Айогрихе	5. Медитация	Медитация
33.	Джатака о буйволе	6. Мудрость	Мудрость знания абсолютной истины (взаимозависимости явлений)
34.	Джатака о дятле		Мудрость принесения пользы всем живым существам

Из приведенных сведений наглядно видно, что «Джатака о тигрице», в которой заложен акт «дарения собственного тела или его части», призвана описать один из аспектов парамиты, именуемой как «даяние». Соответственно, сюжетный архетип о жертвовании бодхисаттвой себя тигрице представляется не случайным: он является одним из элементов строго выстроенной дидактической системы буддийского вероучения.

Дарение части тела описывается в «Джатаке о царе Шиби» (№ 2 в сборнике «Гирлянда джатак»). В ней повествуется о царе, пожертвовавшем оба глаза слепому брахману, который попросил царя отдать ему один глаз, чтобы тот смог видеть. В этой джатаке «совершенное деяние бодхисаттвы» представлено как дарение части тела [Арья Шура 2000: 34–45].

Еще одной иллюстрацией парамиты «даяния» может послужить «Джатака о комочке каши» (№ 3 в сборнике «Гирлянда джатак»). Царь племени кошала¹ вспоминает о прошлом своем рождении, предшествующем настоящему, от чего начинает с еще большим рвением совершать даяния своему народу. В том рождении он был простым слугой, но, увидев просивших милостыню четырех монахов, пригласил их к себе домой и угостил имевшимся у него комочком каши. Так, причиной его благосостояния, величия и могущества в этой жизни стало искреннее дарение материальной ценности, т. е. подношение пищи в виде комочка каши монахам [Арья Шура 2000: 45–50].

¹ Название древнего народа и области в среднем течении Ганга [Арья Шура 2000: 328].

Далее приведем краткое содержание двух версий рассказов, включающих в себя сюжетный архетип жертвования себя ради тигрицы.

3. Джатака о тигрице из сборника Арья Шуры

Большинству сюжетов «Гирлянды джатак» были найдены соответствия среди джатак палийского канона, однако сюжет джатаки о тигрице не был выявлен в их составе [The Jātakamālā 1895: 8]. Джатака начинается с прозаической фразы этической и религиозной направленности: «Еще в прошлых своих рождениях Победоносный проявлял безусловную любовь ко всем живым существам»¹ [DX1: 2a], смысл которой будет раскрыт в дальнейшем повествовании. По данным исследователей, санскритский оригинал является поэтической формой, определяемой как «кавья» (санскр. *kāvya* 'большая поэтическая форма'), в которой поэтическая форма чередуется с прозой. Тибетский текст составлен по такому же принципу. В составе стихотворного текста можно выделить четыре разновидности строф: хвалебные строфы о благодеяниях героя; строфы, описывающие красоту пейзажей или явлений; религиозные рассуждения бодхисаттвы; трактовка фактов рассказа [The Jātakamālā 1895: xxvi].

Содержание текста джатаки о тигрице можно кратко представить следующим образом: совершая прогулку среди горных пещер в сопровождении своего ученика, Будда, будучи бодхисаттвой, видит тигрицу, пришедшую в полное изнеможение и смотрящую на своих детенышей как на пищу. Отослав ученика, бодхисаттва бросается вниз с утеса и так приносит себя в жертву тигрице. Джатака завершается словами о бодхисаттве-спасителе, преисполненном любви и сострадания ко всем живым существам [Арья Шура 2000: 28–34].

Важно отметить, что в «Джатаке о тигрице» отсутствует построение, характерное для свода сутр, а именно вводная фраза, указание местоположения, ответы Будды на

поставленные вопросы в виде проповеди и заключительные слова, выражение радости со стороны слушателей, а также полностью исчезает рассказ-обрамление. Однако появляются поэтические приемы, восходящие к «кавья», значительное количество эпитетов Будды.

4. Сюжет о жертвовании себя тигрице в «Сутре о мудрости и глупости»

«Сутра о мудрости и глупости», или «Дзанлундо» (от крат. тиб. 'dzangs blun mdo, далее — Сутра) получила широкое распространение у монгольских народов. Данная сутра является каноническим сочинением, которое включено в тибетские своды Кагьюра Пекинского, Нартанского, Дзэргэского, Чонэского, Ургинского изданий, в разделы собраний сутр (тиб. mdo, mdo sde, mdo mang) [Каталог 2017: 64, 114, 160, 202, 230; Болсохоева и др. 1989: 41, 153].

Существуют три монгольских перевода Сутры, выполненные переводчиками XVII в. Ширээт-гуши-цорджи, Тойн-гуши и Цултэмлодом. Перевод на монгольский язык носит название «Море притч» (монг. *Üliger-ün dalaï*; совр. монг. «Үлгэрийн далай»). На ойратский язык Сутру переводили Зая-пандита Намкай-Джамцо (XVII в.) и калмыцкий гелюнг Тугмюд-гавджи (XX в.)². Перевод тибетской Сутры на русский язык был выполнен Ю. М. Парфионовичем и опубликован в 1978 г. Он отмечает, что в Хотане³ бытовал тип повествований, основанный на индийских джатаках и авадахах, которые и составили сборник «Дзанлундо». Дату создания памятника он определяет как 632 г. н. э. [Парфионович 2002: 8–9]. Известный тибетолог Б. И. Кузнецов определяет дату создания Сутры 445 г. н. э. [Кузнецов 2002: 26].

Тибетская Сутра состоит из двенадцати разделов, содержащих пятьдесят одну главу. Определяя жанровую принадлежность, можно отметить, что данный сборник является собранием «джатак» и «авадан». По мнению Ю. М. Парфионовича, распре-

¹ «Наш Владыка еще в прежних рождениях всей своей сущностью был исполнен безграничной и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душою в каждом существе» [Арья Шура 2000: 28].

² Перевод работы Тугмюд-гавджи под названием «Море притч» с ойратского «тодо бичиг» («ясного письма») на русский язык осуществлен Д. Н. Музраевой [Музраева 2017].

³ Государство, находившееся на южной окраине пустыни Такла-Макан.

деление глав по разделам является механическим и не отражает содержательных особенностей текстов [Парфионович 2002: 10].

Как отмечает В. П. Андросов, «Сутра о мудрости и глупости» относится к тем сборникам, в составлении и литературной обработке которых участвовали монахи, записывающие предания, «окрашенные местными реалиями» [Андросов 2011: 211]. Сборник состоит из отдельных рассказов — легенд, преданий, притч, призванных в наглядной форме преподавать читающим или слушающим буддийское учение такие его положения, как, в частности, причинно-следственную связь, учение о перерождениях, путь бодхисаттвы, важность даяния и др.

Вторая глава Сутры под названием «О том, как царевич по имени Махасаттва пожертвовал свое тело тигрице» представляет собой обрамленный рассказ с двумя фабулами. Обрамлением служит сюжет о том, как Будда спас двух сыновей-воров по просьбе их матери-старухи. Во второй сюжетной единице о тигрице повествуется о принце Махасаттве, отдавшем свое тело на съедение голодной тигрице. В заключение Будда дает пояснение о причинно-следственной связи между двумя сюжетами: «Что касается младшего царевича того периода Махасаттвы, то не думай ни о ком другом — это ныне я сам» [Парфионович 2002: 40].

Поскольку произведения Кагьюра отличаются единым планом построения, то и структура данной главы соответствует ему. Повествование начинается со слов: «Так было однажды услышано мною» [DS1: 17a; Парфионович 2002: 36] — индикатор того, что текст относится к разделу сутр, который составлен на основе слов ближайшего ученика Будды Ананды, провозглашенных им во время первого буддийского собора в Раджагрихе [Prebish 1994: 22–23].

Далее следует указание места пребывания Будды: «Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана» [DS1: 17a; Парфионович 2002: 36]. Далее приведем краткий пересказ текста главы.

В то время, когда Будда отправился за подаянием в сопровождении Ананды, одна старая женщина обратилась к Будде с просьбой спасти ее сыновей, промыш-

лявших воровством, от казни, что Будда и сделал. Тогда сыновья пришли к Будде и попросили разрешения вступить в монашество. В тот момент, когда Будда дал одобрение, волосы на голове и лице братьев отпали сами собой, а одежда стала оранжевого цвета (цвета монашеской одежды). Более того, после того, как они выслушали наставления Будды в учении, они обрели состояние архатства¹, а старуха-мать обрела состояние анагамина². Тогда Ананда поинтересовался, по какой причине эти трое при встрече с Буддой избавились от беды и обрели нирвану, на что Будда поведал историю, которая произошла в давние времена, бесчисленное количество калп назад [Парфионович 2002: 36–38]. Далее начинается вторая фабульная единица — рассказ о тигрице.

Однажды на прогулке в лесу царевич Махасаттва и его два старших брата увидели тигрицу, недавно родившую тигрят. Она настолько была измождена голодом и жаждой, что готова была съесть своих детенышей. Царевич, проникшись мыслью о том, что он очень давно пребывает в сансаре и ни разу не жертвовал собой ради Учения (Дхармы), в силу добродетели, задумал отдать себя на съедение тигрице. Он так и поступил, а затем возродился в небесах Тушита и стал оттуда утешать своих родителей — царя Махаратху и царицу-мать [Парфионович 2002: 38–40] — на этом заканчивается рассказ о тигрице, и происходит возвращение к обрамляющему рассказу. Как следует из слов Будды, поведавшего эту историю Ананде, этим царевичем Махасаттвой был он сам (все соответствия героев см. в табл. 2). Окончание рассказа также стереотипно: «И все многочисленные окружающие произнесли хвалу словам Победоносного» [DS1: 21b; Парфионович 2002: 41]. Ниже приведем соответствия героев, о которых Будда поведал Ананде в заключении рассказа (см. табл. 2).

¹ Архат — высшая стадия духовного совершенствования в школах тхеравады. См.: [Андросов 2011: 112].

² Анагамин (или «Не Возвращающийся [на землю]») — третья степень святости в тхераваде [Андросов 2011: 108].

Таблица 2. Соответствие героев из двух фабул («Глава вторая. О том, как царевич по имени Махасаттва пожертвовал свое тело тигрице»)

[Table 2. Correspondences between main characters from the two story lines]

Сюжет о тигрице	Обрамляющий рассказ
Царевич Махасаттва (младший брат)	Будда
Царь Махаратха	Отец Будды царь Шуддходана
Царица-мать	Мать Будды Махамая
Царевич Махапрада (старший брат)	Майтрея
Царевич Махадева (средний брат)	Васумитра
Тигрица	Старая женщина (мать)
Тигрята	Двое братьев-преступников

Похожий сюжет о том, как Будда подносит свое тело в качестве пищи, встречается в «Сутре о мудрости и глупости» в «Главе четырнадцатой. О том, как зверь Кюнда пожертвовал свое тело». В ней повествуется о звере Кюнда, который пожертвовал свою шкуру царю Брахмадатте, при этом обеспечил благополучие семьям охотников, а тело отдал восьмидесяти тысячам насекомых [Парфионович 2002: 94–98].

Содержание второй главы полностью соответствует тому единому плану построения, характерному для сочинений свода сутр: вводная фраза, указание местоположения, ответы Будды на поставленные вопросы в виде проповеди и заключительные слова,

выражение радости со стороны слушателей и вознесение хвалы словам Будды. Так, данная глава по содержанию является и сутрой, и джатакой, поскольку, как было упомянуто ранее, план ее построения полностью соответствует сочинениям, относящимся к своду сутр, а повествование содержит рассказ о жизни Будды в предыдущем рождении.

5. Сопоставление содержательного наполнения двух рассказов (на примере действующих персонажей)

Возвращаясь к сюжетному наполнению двух анализируемых рассказов, ниже, в таблице 3, приведем список действующих лиц, фигурирующих в обоих рассказах.

Таблица 3. Персонажи и названия местопребывания из двух рассказов («Джатака о тигрице» и «Глава вторая. О том, как царевич по имени Махасаттва пожертвовал свое тело тигрице»)

[Table 3. Characters and place names from the two narratives]

Персонажи и названия местопребывания	«Джатака о тигрице» из сборника Арья Шуры	«Глава вторая. О том, как царевич по имени Махасаттва пожертвовал свое тело тигрице» из «Джанлундо»
Образы главного героя	1) Бодхисаттва (тиб. byang chub sems dpa')	1) Будда (в обрамляющем рассказе) (тиб. bcom ldan 'das); 2) Царевич Махасаттва (тиб. sems can chen po), младший сын царя; 3) Божество (тиб. lha), переродившееся на небе Тушита (тиб. dga' ldan lha).
Второстепенные герои (обрамляющий рассказ)	—	4) Анатхапиндада (тиб. mgon med zas sbyin); 5) Ананда (тиб. kun dga' bo); 6) Старуха (тиб. rgan mo); 7) Два сына-вора (тиб. bu rtag tu rku ba gnyis); 8) Владелец (тиб. nor bdag); 9) Судья (тиб. zhal che ba); 10) Многочисленные окружающие (тиб. 'khor mang po).

Второстепенные герои	2) Аджита (тиб. ma pham ra)	11) Махапрапада (тиб. sgra chen po), старший сын царя; 12) Махадева (тиб. lha chen po), средний сын царя.
	3) Тигрица (тиб. stag mo)	13) Тигрица (тиб. stag mo).
	4) Тигрята (тиб. phru gu букв. 'дети, потомство')	14) Тигрята (тиб. bu 'букв. сын, ребенок').
	–	15) Царь Махаратха (тиб. rgyal po shing rta chen po); 16) Царица-мать (тиб. btsun mo yum). Из сна царицы: 17) Три голубя (тиб. phug ron gsum); 18) Ястреб (тиб. khra).
	5) Ученики (тиб. slob ma); 6) Гандхарвы (тиб. dri za); 7) Якши (тиб. gnod sbyin); 8) Наги (тиб. klu); 9) Правители мира 33 богов (тиб. sum cu rtsa gsum bdag po).	19) Многочисленная свита [царя] (тиб. 'khor mang).
Названия мест, в которых происходят события	–	1) Шравасти (тиб. mnyan yod); 2) Сад Джетавана (тиб. rgyal bu rgyal byed kyi tshal); 3) Небеса Тушита (тиб. dga' ldan).

Из представленной таблицы видно, что содержательное наполнение, связанное с действующими лицами, упоминаемыми персонажами, с местами (мирами), в которых происходят события, значительно различаются. В главе «Дзанлундо» задействованы 19 персонажей, в «Джатаке о тигрице» их насчитывается 9, при этом 5 из них, в виде существ разных миров, составляют многочисленную свиту учеников бодхисаттвы.

Однако сюжетный архетип о жертвовании себя тигрице, символизирующий самоотверженность бодхисаттвы на пути к просветлению, остался неизменным.

Как было указано выше, категория щедрости, а именно дарение собственного тела, входит в систему буддийского верования. Проявление щедрости или даяния (тиб. 'sbyin pa) в буддизме — это наиболее восхваляемое действие (в противовес жадности и алчности). Это в первую очередь благотворительность мирян в пользу монашеской сангхи [Парфионович 2002: 12]. С точки зрения религиозной заслуги, проявление щедрости в этой жизни ведет к пере-

рождению в будущем в высших мирах богов. Но даяние также важно на пути к просветлению — конечной цели буддийского верования. Бодхисаттвы должны осуществить ряд совершенств (парамит) в течение многих жизней. Даяние (или щедрость) в этом списке представляется первым.

Интересной в связи с рассмотрением семантики и трактовки термина «даяние» представляется позиция современных ученых в области религиоведения. В буддийской модели общества тип социального взаимодействия раскрывается через понятия «дар / даяние» и «религиозная заслуга» [Островская-мл. 2005: 291].

С точки зрения религиоведения и теологии, как отмечает П. Д. Ленков, такие понятия, как «благотворительность» и «милосердие», стоят в одном ряду с категорией «социального служения». Истоки социального служения в христианской традиции восходят к деятельности Иисуса Христа [Ленков 2019: 138].

В джатаках, рассказах о прошлых жизнях Будды, когда он был бодхисаттвой, он практиковал щедрость и даяние различными

способами, поэтому историй, связанных с его щедростью, существует значительное количество. Бодхисаттва может отдавать свое тело или его часть тем, кто в этом нуждается. Сюжет о том, как Будда дарит часть своего тела, встречается в «Джатаке о царе Шиби» из «Гирлянды джатак», когда царь отдает оба глаза старому и слепому брахману. Таким образом, самоотверженность, жертвование себя на благо других, как разновидность «даяния», представляется особо восхваляемым действием в религиозной традиции.

Сопоставление содержательного наполнения двух рассказов, в основе которых лежит один сюжетный архетип, выявило значительные различия в количестве задействованных персонажей, причем герои, встретившиеся в обоих рассказах, — это лишь тигрица и ее тигрята. В «Джатаке о тигрице» ни разу не упоминаются названия мест, где происходят события, в то время как в главе из Сутры встретилось три места.

6. Выводы

На основе проведенного сюжетного анализа двух текстов можно отметить, что по форме «Джатака о тигрице» написана в стиле, восходящем к поэтической форме «кавья», сочетающей стихи и прозу. Учитывая идею построения сборника «Гирлянда джатак» (см. табл. 1), ее следует рассматривать как комментарий к учению о шести параметрах. Что касается главы из сутры «Дзандундо», то ее можно охарактеризовать и

как джатаку, и как сутру одновременно, поскольку она соответствует плану построения сочинений, входящих в разряд сутр. В ней присутствуют такие компоненты, как вводная фраза, указание местоположения, проповедь Будды в виде ответа на вопрос ученика, вознесение хвалы словам Будды в заключительной части. Сюжет-архетип содержит историю о Будде в одном из прошлых его рождений, в то время как в обрамляющем рассказе повествуется о помощи Будды старой женщине и двум ее сыновьям.

С точки зрения содержательного наполнения двух рассказов можно указать на разницу в количестве задействованных персонажей и указании названий мест, где происходят события. Так, в «Джатаке о тигрице» встретилось всего 5 персонажей (9, если учитывать перечисление существ разных миров из состава учеников бодхисаттвы), при этом места не указываются. Что касается главы из Сутры, то в ней задействованы 19 различных персонажей и упомянуты 3 места происходящего.

В отношении термина «даяния», описываемого в обоих рассказах, можно отметить, что в религиозной традиции не только буддизма, но и христианства оно восходит к действиям святых и соотносится с категорией «социального служения».

Анализ сюжетов двух сочинений открывает интересный материал для дальнейшего изучения сюжетики буддийских повествовательных сочинений из состава канонических сводов Кагьюр и Тэнгьюр.

Источники

- DX1 — *slob dpon dpa' bo. skyes pa'i rabs kyi rgyud* (Арья Шура. «Джатакамала» или «Гирлянда джатак») [электронный ресурс] // *bstan 'gyur (sde dge)* (= Тэнгьюр Дэргеского издания). Т. 168. 268 с. URL: http://purl.bdrc.io/resource/MW23703_4150 (дата обращения: 22.02.2023 г.).
- DS1 — *'dzangs blun zhes bya ba theg pa chen po'i mdo* («Сутра о мудрости и глупости»). Ксилограф на тибетском языке // Научный архив РАН. Ф. 15 (Фонд О. М. Дорджиева). Оп. 1. Ед. хр. 20. 293 л.

Литература

- Андронов 2011 — Андронов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.

Sources

- Āryaśūra. *Jātakamālā' or Garland of Birth Stories* (Tib. *slob dpon dpa' bo. skyes pa'i rabs kyi rgyud*). On: Buddhist Digital Resource Center. Tengyur, Derge edition (Tib. *bstan 'gyur*). Vol. 168. 268 p. Available at: http://purl.bdrc.io/resource/MW23703_4150 (accessed: 22 February 2023). (In Tib.)
- Sutra of the Wise and the Fool (Tib. *'dzangs blun zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*). Xylograph. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. ФД-15 (Collection of O. Dordzhiev). Cat. 1. Unit 20. 293 p. (In Tib.)

- Арья Шура 2000 — Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. М.: Вост. лит., 2000. 367 с.

- Болсохоева и др. 1989 — *Болсохоева Н. Д., Бадараев Б.-Д., Ванчикова Ц. П., Дашиев Д. Б., Дугар-Нимаев Ц.-А., Касьяненко З. К., Малапова Т. М., Пубаев Р. Е., Пупышев В. Н.* Введение в изучение Ганчжура и Данчжура: Историко-библиографический очерк / отв. ред. Р. Е. Пубаев. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 199 с.
- Будда 1991 — Будда: Истории о перерождениях / пер. с пали и предисл. Б. Захарьина; стихи в пер. А. Голембы. М.: Худ. лит., 1991. 79 с.
- Дараната 1869 — *Дараната*. Буддизм, его догматы, история и литература / пер. с тиб. В. Васильева. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. 288 с.
- Каталог 2017 — Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 1: Кагьюр и Тэнгьюр / под общ. ред. А. В. Зорина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 510 с.
- Кузнецов 2002 — *Кузнецов Б. И.* Ранний буддизм и философия индуизма по тибетским источникам. СПб.: Евразия, 2002. 224 с.
- Ленков 2019 — *Ленков П. Д.* Социальное служение в буддизме: анализ релевантных концептов // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2019. № 8. С. 136–159.
- Музраева 2017 — *Музраева Д. Н.* «Море притч» (Oülgurin dalai). Ойратский перевод Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева): в 2 кн. Кн. 1. Предисловие, перевод с ойратского, комментарий, глоссарий Д. Н. Музраевой / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 242 с.
- Музраева 2013 — *Музраева Д. Н.* Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. Элиста: НПП «Джангар», 2013. 150 с.
- Островская-мл. 2005 — *Островская-мл. Е. А.* Религиозная модель общества. Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб.: СПбГУ, 2005. 377 с.
- Парфионович 2002 — *Парфионович Ю. М.* Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. Изд. 2-е. М.: Вост. лит., 2002. 320 с.
- Цендина 1984 — *Цендина А. Д.* Монгольская новеллистика XVII–XIX вв. и индо-тибетские повествовательные традиции: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 163 с.
- Āryaśūra 1983 — *Āryaśūra*. Jātakamālā: The Marvelous Companion: Life Stories of the Buddha. Tibetan Translation Series. Berkeley: Dharma Publishing, 1983. 359 p.
- Chaloupkova 1989 — *Chaloupkova L.* Āryaśūra's Jātaka-Mālā as a commentary to the six pāramitās in Tibet. In: Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 43. No. 2/3. 1989. Pp. 217–222.
- Gampopa 1998 — *Gampopa*. The jewel ornament of liberation: the wish-fulfilling gem of the noble teachings / transl. by Khenpo Konchog Gyaltsen Rinpoche. Boulder: Snow Lion Publ., 1998. 520 p.
- Jātakatthavaṇṇanā 2019 — Jātakatthavaṇṇanā. Textual Collection [электронный ресурс] // The University of Edinburgh. 2019. URL: <https://jatakastories.div.ed.ac.uk/textual-collections/jatakatthavannana/> (дата обращения: 02.02.2023).
- Khoroshe 1989 — *Khoroshe P.* Once the Buddha Was a Monkey: Ārya Śūra's Jātakamālā. Chicago: University of Chicago Press. 273 p.
- Payutto 2004 — *Payutto P. A.* The Pali Canon: What a Buddhist Must Know. 2nd eng. version. Translated into English by Dr. Somseen Chanawangsa, 2004. 71 p. [электронный ресурс] // Wat Nyanavesakavan URL: https://book.watnyanaves.net/pdf/viewer.php?bookid=the_pali_canon_what_a_buddhist_must_know.pdf (дата обращения: 25.01.2023).
- Prebish 1994 — *Prebish Charles S.* Buddhism: a modern perspective. Penn State University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. 330 p.
- The Jātakamālā 1895 — The Jātakamālā or Garland of Birth Stories by Āryaśūra / translated from Sanskrit by J. S. Speyer. Oxford: Oxford University Press Warehouse, 1895. 350 p.

References

- Androsov V. P. Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary. Monograph. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Āryaśūra. Jātakamālā: The Marvelous Companion: Life Stories of the Buddha. Tibetan Translation Series. Berkeley: Dharma Publishing, 1983. 359 p. (In Eng.)
- Āryaśūra. The Garland of Jātakas or Tales of the Bodhisattva's Deeds. A. Barannikov, O. Volkova (transl.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 367 p. (In Russ.)
- Bolsokhoeva N. D., Badaraev B.-D., Vanchikova Ts. P., Dashiev D. B., Dugar-Nimaev Ts.-A., Kasyanenko Z. K., Malapova T. M., Pubaev R. E., Pupyshev V. N. An Introduction

- to Kangyur and Tengyur Studies: An Essay in History and Bibliography. R. Pubaev (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1989. 199 p. (In Russ.)
- Chaloupkova L. Ārya-Śūra's Jātaka-Mālā as a commentary to the six pāramitās in Tibet. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1989. Vol. 43. No. 2/3. Pp. 217–222. (In Eng.)
- Jātakatthavaṇṇanā. Textual Collection. On: The University of Edinburgh (website). 2019. Available at: <https://jatakastories.div.ed.ac.uk/textual-collections/jatakatthavannana/> (accessed: 2 February 2023). (In Eng. and Pali)
- Gampopa. The Jewel Ornament of Liberation: the Wish-fulfilling Gem of the Noble Teachings / transl. by Khenpo Konchog Gyaltsen Rinpoche. Boulder: Snow Lion Publ., 1998. 520 p. (In Eng.)
- Khoroche P. Once the Buddha Was a Monkey: Ārya Śūra's Jātakamālā. Chicago: University of Chicago Press. 273 p. (In Eng.)
- Kuznetsov B. I. Early Buddhism and Philosophy of Hinduism: Evidence from Tibetan-Language Sources. St. Petersburg: Evraziya, 2002. 224 p. (In Russ.)
- Lenkov P. D. Social ministry in Buddhism: Analysis of relevant concepts. *Religion. Church. Society*. 2019. No. 8. Pp. 136–159. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. The Sea of Parables (Oir. *Oūlgurin dalai*): Oirat Translations by Ven. Tugmyud Gavji (O. M. Dordzhiev). In 2 vols. Vol. 1: Foreword, Russian Translations, Comments, Glossary by D. Muzraeva. G. Pyurbeev (ed.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. 242 p. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. Tibeto-Mongolian Narrative Literature of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Elista: Dzhangar, 2013. 150 p. (In Russ.)
- Ostrovskaya E. A. Jr. Religion-Derived Social Patterns: Sociological Aspects of Institutionalizing Traditional Religious Ideologies. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2005. 377 p. (In Russ.)
- Parfionovich Yu. M. Sutra of the Wise and the Fool (Tib. *mdo mdzangs blun*). Yu. Parfionovich (foreword, transl., comment.). 2nd ed. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 320 p. (In Russ.)
- Payutto P. A. The Pali Canon: What a Buddhist Must Know. 2nd ed. S. Chanawangsa (transl.). 2004. 71 p. On: Wat Nyanavesakavan. Available at: https://book.watnyanaves.net/pdf/viewer.php?bookid=the_pali_canon_what_a_buddhist_must_know.pdf (accessed: 25 January 2023). (In Eng.)
- Prebish C. S. Buddhism: A Modern Perspective. Penn State University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. 330 p. (In Eng.)
- Tāranātha. Buddhism, Its Tenets, History and Literature. V. Vasilyev (transl.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. 288 p. (In Russ.)
- The Buddha: [Collected] Stories of Past Lives. B. Zakharyin (transl., foreword); A. Golemba (transl. of stanzas). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1991. 79 p. (In Russ.)
- The Jātakamālā: Or Garland of Birth Stories by Āryaśūra. J. S. Speyer (transl.). Oxford: Oxford University Press Warehouse, 1895. 350 p. (In Eng.)
- Tsendina A. D. Mongolian Novelistic Literature of the Seventeenth to Nineteenth Centuries — and Indo-Tibetan Narrative Traditions. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 1984. 163 p. (In Russ.)
- Zorin A. V. (ed.) Institute of Oriental Manuscripts (RAS): Catalogue of [Available] Texts Included in the Tibetan Buddhist Canon. Vol. 1: Kangyur and Tengyur. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017. 510 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2023. Т. 16. № 3

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 12.09.2023.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 27,7.
Тираж 100 экз. Заказ 07-2023.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8